П. А. Сорокин

Голод как фактор.

Петроград
1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОЛОС

HUNGER AS FACTOR

THE INFLUENCE OF HUNGER ON THE BEHAVIOR OF MEN, THEIR SOCIAL ORGANISATION AND SOCIAL LIFE

BY

PITIRIM SOROKIN,

Professor of Sociology in the University of Petrograd; Author of „A System of Sociology“, „Crime and Punishment, Exploit and Reward“, „The Elements of Sociology“, „The Elements of Zaw“, etc.

PETROGRAD
„K O L O S“
1922

ПИТИРИМ СОРОКИН

ГОЛОД КАК ФАКТОР

ВЛИЯНИЕ ГОЛОДА НА ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ, СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

ПЕТРОГРАД
„КОЛОС"
1922

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Система социологии, т. I. Петроград. «Колос» 1920.

Система социологии, т. II. Петроград. «Колос» 1921.

Общедоступный учебник социологии, Ярославль, 1920.

Элементарный учебник общей теории права, Ярославль, 1919.

Л. Н. Толстой, как философ. Москва, 1915.

Преступление и кара, подвиг и награда, П. 1914.

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Американской Администрации Помощи Миссии д-ра Ф. Нансена, Христианскому Союзу Молодых Людей, Ученым, Студентам, Рабочим Европы и Америки и Всем, Кто спасает Великий Русский Народ от голодной смерти :: в эти трагические годы его истории. ::

—◇◇—

TO

The American Relief Administration, The Mission of D-r F. Nansen, The Young Men's Christian Association, The Scientists, The Students, The Workmen of Europe and America and to All Those, Who are saving the Great Russian Nation from death by hunger in these tragical years of its history.

Р. Ц. № 1526. Тираж 2000.

14 Государств. типография. Петр. Социалистическая, 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Данная монография выросла из отдельной главы III-го тома „Системы социологии". К такому развертыванию главы в целый том побудила меня теоретическая и практическая важность проблемы: „питания, как фактора". Как это ни странно, но мы до сих пор не имеем систематически-обобщающего исследования *социальной* роли питания вообще, и голода, в частности. Эта роль признавалась и признается, но она не изучалась систематически социологами. В то время, как исследованию влияния других,—гораздо менее важных—факторов посвящены десятки монографий, не имеется ни одного солидного социологического труда, который сделал бы то же самое в применении к питанию и голоду. Данный том и предназначен—в известной мере—к восполнению этого пробела.

Цель и характер исследования, с одной стороны, и конструкция книги—с другой, об'яснены в „Введении".

Основные методологические принципы, которыми я руководствовался, очерчены в предисловии к 1 тому моей „Системы социологии". Здесь же я кратко укажу лишь некоторые дополнительные положения и приемы работы. Подробное обоснование многих из них будет дано в III т. моей „Системы".

1) Каждое выставляемое положение я стремился доказывать не „рассуждениями", а данными эксперимента, непосредственного и посредственного наблюдения, статистики и истории. Вопреки распространенному приему прошлым об'яснять настоящее я из анализа настоящего старался понять прошлое, менее доступное точному изучению и наблюдению.

2) Положения, формулирующие функциональные взаимоотношения различных явлений, претендуют на „номографическое", а не „идеографическое" значение. Они, помимо соответственных фактов, опираются на две общие предпосылки, из

которых первая гласит: „сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия“, вторая: „в целом неповторяющаяся (во времени и в пространстве) жизнь человека или неповторяющийся исторический процесс состоит в огромной части из повторяющихся (во времени и в пространстве) элементов“. Последнее положение на почве первого дает возможность открытия функциональных отношений в области поведения людей и социальной жизни и формулировки их в виде номографических теорем в социологии („законов“), если, конечно, сам фактический анализ явлений проведен точно и правильно.

Первая предпосылка не оспаривается, вторая — спорна. „История не повторяется, а потому бесплодно искание номографических законов в социологии“, говорят нам. Я не могу согласиться с этим утверждением. Да, история человечества или народа в целом не повторяется. Но, ведь, в целом не повторяется ни история земли, ни солнечной системы, ни доступной нам части космоса. Мешает ли это, однако, повторению в этом неповторяющемся процессе явлений: тяготения, обратного отношения об'ема газа к давлению, образования воды из водорода и кислорода и т. д., словом, повторению всех тех явлений, которые описаны в законах физики, химии и биологии? Нисколько. То же имеет место и в области поведения людей и социальной жизни. Пестрая ткань жизни человека и исторического процесса в огромной своей части соткана из повторяющихся явлений: составляющие этот процесс трагедии и комедии одни и те же, различны только актеры, костюмы, декорации, время и место действия. Социолог может и должен отбросить эти различия и иметь дело только с тем, что повторяется [1]). Больше того. Только существование таких повторений и дает основание для формулировки подлинных функциональных теорем (законов) в социологии. Без первых невозможны последние. Главная причина бесплодности массы широковещательных „социальных законов“ была та, что социологи игнорировали область повторяющихся явлений в поведении людей и общественной жизни. Они пытались главным образом найти проблематические „законы развития“, „исторические тен-

[1]) Подробное доказательство этих положений будет дано в III т. „Системы социологии“.

денции“, „этапы эволюции“, помимо и независимо от области повторений. Мудрено ли, что такие „законы“ оказались не стоющими ломаного гроша. Я глубоко убежден в том, что наиболее обильную жатву социология пожнет именно в „поле повторений“, а не в попытках отыскания каких то „законов развития“ (вне этого поля), рисующих исторический процесс подобием кадрили, где разные народы, подобно хорошо обученным институткам, по положенному порядку, выплясывают одну фигуру за другой, переходя из „стадии в стадию“ с тем, чтобы кончить тем „выпускным классом“, который им великодушно предназначает „открыватель“ таких „законов“. Пора с таким воззрением покончить.

3) Не исключая психических переживаний из поля исследования, я вместе с тем главное внимание концентрировал на об‘ективных фактах, доступных наблюдению путем об‘ективных методов. Сообразно с этим и закономерность варьирования первых я старался всегда связывать с варьированием того или иного об‘ективно-данного процесса, как их „независимой переменной“.

4) Характер темы заставляет меня затрагивать самые разнородные вопросы. Приведение всех доказательств, имеющихся у меня, в пользу даваемого решения каждого из них страшно увеличило бы об‘ем книги. Во избежание этого в подобных случаях я ограничиваюсь в книге изложением лишь необходимого минимума подтверждений, а за дальнейшими „оправдательными документами“ отсылаю к работам, указываемым в примечаниях.

5) Ряд вопросов, кратко задетых здесь, будут доказаны в последующих томах моей „Системы“.

6) Наконец, еще одно замечание.—„Слишком много биологии“, вероятно бросят мне в упрек некоторые ревнители „автономии“ социологии.—„Зато мало необоснованной фантазии“, спокойно отвечаю я на этот упрек.—„Слишком большое внимание вы уделяете поведению человека и мало—социальным фактам“, заметят другие.—„Без изучения первого невозможно и познание вторых, ибо социальная жизнь в конечном счете создается из деятельности людей“, отвечаю на это возражение.—„Допустимо ли применение результатов наблюдения над поведением индивида к целым группам и возможно ли исхождение из первых для об‘яснения социальной жизни?“ спросят третьи.—

„Допустимо и возможно, ибо сходные причины влекут сходные последствия: то, что делается с поведением отдельных лиц, находящихся в определенных условиях, будет делаться и с поведением *n* лиц, если все они окажутся в тех же условиях. Конечно, здесь будут известные вариации (в зависимости от несходства индивидов) и дополнительные явления, но они будут представлять прямое следствие или своего рода интеграл дифференциалов поведения *n* индивидов".

Книга посвящается мной всем тем, кто действительно спасает русский народ от голодной смерти. Это посвящение— слабое выражение глубокой благодарности одного из членов великого русского народа всем лицам и организациям, делающим это святое дело.

В заключение выражаю глубокую признательность за ряд ценных указаний и разнообразную помощь при работе над книгой: Ф. И. Витязеву-Седенко. С. А. Жебелеву, Н. И. Карееву, Н. Д. Кондратьеву, А. В. Немилову, И. П. Павлову, Е. В. Тарле и многим другим.

Автор.

Царское Село.
1922. Июнь.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНИЕ.

§ I. Предмет и задачи исследования.

Человек, подобно всякому организму, представляет из себя своеобразную машину, но машину столь сложную, что мы до сих пор не знаем удовлетворительно ни ее строения, ни ее действий-работы. Подобно всякой машине человеческий организм для своей работы-жизнедеятельности, представляющей трату и расходование энергии, нуждается в ее притоке извне (как паровоз нуждается в топливе). Добывать эту энергию из себя, быть perpetuum mobile, человек не может. Он, как и всякий организм, является машиной, лишь трансформирующей энергию. Откуда же он берет ее? Извне. В какой форме? В форме пищи, питья и воздуха. Жизнь человека с этой точки зрения представляет непрерывный процесс обмена веществ, получения энергии, ее переработки и расходования в виде выдыхания, мочи, кала, потоотделения и т. п. процессов, сопровождающих нашу жизнедеятельность в бесконечно-разнообразных конкретных ее проявлениях. Мы представляем чудесный трансформирующий аппарат, перерабатывающий энергию куска мяса или хлеба в „Героическую симфонию“ Бетховена, в трагедию Шекспира, в „Principia“ Ньютона, в „Моисея“ Микель-Анджело, в засеянное поле крестьянина, в кусок сукна рабочего, словом во все то, что зовется предметами и явлениями „культуры“ во всех их бесчисленных проявлениях, начиная с первобытного каменного топора и кончая современными городами с их библиотеками, музеями, зданиями, с их фабриками и заводами и с бесконечно сложной жизнедеятельностью. Все эти явления культуры-особые формы мировой энергии или мирового бытия, появившиеся благодаря пере-

работке низших форм энергии чудесной машиной, называемой человеком [1]).

Раз жизнедеятельность человека сводится к очерчиваемому процессу обмена веществ: 1) получение энергии, 2) переработка, 3) расходование, то, очевидно, поведение людей стоит в величайшей зависимости от первого члена этого ряда, т. е. от того, какая энергия и в каком количестве поступает в человеческий организм. Подобно тому, как работа любой машины зависит от качества и количества поступающего в нее топлива, так и работа (поведение) человека-машины прямо или косвенно обусловлена количеством и качеством энергии, получаемой им извне. Дедуктивно можно предвидеть, что *поведение человека представляет в известной мере «функцию» количества и качества получаемой им энергии, как «независимой переменной». Поскольку же всякий социальный процесс в конечном счете создается из совокупности человеческих поведений-актов и поступков людей, то очевидно, что и социальные процессы обусловлены этой независимой переменной.*

Здесь получается ряд: 1) количество и качество получаемой людьми энергии (явление А) обусловливает их жизнедеятельность (поведение, явление В), 2) характер поведения людей (В) обусловливает характер социальных процессов, происходящих в их среде (явление С). Значит *С* (социальные процессы) стоят в функциональной связи с явлением *А*. Значит колебание и варьирование *А* должно вызывать ряд изменений и варьирований и в сфере *В* (поведения людей), а чрез *В* и в сфере *С* (в области социальных процессов).

Сказанное об'ясняет, почему явление обмена веществ в мире людей может и должно останавливать на себе внимание не только биолога, но и социолога, т. е. исследователя человеческого поведения и социальных процессов [2]).

Не учитывая этот „фактор“ или „детерминатор“ поведения, он был бы не в состоянии понять ни поведения людей, ни механизма и закономерности социальных явлений. Мно-

---

[1]) Немилов: О голодании. Ежемес. журнал. 1918. № 2—3. 80—81. См. также М. Ферворн: Общая физиология, вып. II. М. 1911, гл. III C. Sherrington: Phisiology, its scope and method в Lectures on the method of science. Oxford. 1906. The body is a fuel-fed machine, образно говорит он. W. Ostwald: Die allgemeinen Kennzeichen d. organ. Substanz u W. Roux: Das Wesen des Leben—обе статьи в Allgemeine Biologie. Leipzig. 1915.

[2]) См. о понятии и задачах социологии Сорокин. Система социологии т. I. П. 1920.

жество актов человека и вариаций его поведения, а равно и множество социальных явлений и процессов, обязаны своим существованием очерчиваемому биологическому детерминатору в виде количества и качества энергии, поглощаемой человеческими организмами. В этом теперь едва-ли кто сомневается, и доказывать это едва-ли нужно. Но рядом с бесспорностью влияния этого детерминатора следует отметить отсутствие систематического исследования его социальной роли. Давно уже сказано было, что „вокруг голода (и любви) вертится вся история человечества". Но как этот „голод" (пищевой, питьевой, газовый) влияет на поведение людей, какие эффекты он вызывает в области общественной жизни, какие явления функционально с ним связаны, наконец, какими „независимыми переменными" он сам обусловлен,—все это систематически до сих пор мало исследовалось. Данная работа и является попыткой восполнения этого пробела, но попыткой ограниченной. Я беру явление поступления энергии в организм человека не во всем об'еме, а только в частной, хотя и в основной форме, именно в форме пищи. Газовый и „питьевой" обмен веществ мной исключаются из области исследования. Однако, несмотря на это исключение, все сказанное о пищевом обмене веществ с соответственными изменениями применимо и к исключенным формам, в особенности к „питьевой" (которая к тому же дана и в „пищевом" обмене). Таково первое ограничение.

Рядом с ним укажу и на второе: и пищевой обмен веществ у человека мной исследуется не в полном виде; формы его, где приход пищевой энергии в организм больше расхода ее, стоят также вне поля моего непосредственного внимания. *Последнее концентрируется главным образом на тех видах пищевого обмена веществ, где расходование энергии организмом не покрывается ее приходом в организм.* Первая же форма,—черезчур изобильного питания—мной задевается лишь постольку, поскольку это нужно для исследования второй.

Такова область явлений, подлежащих исследованию в данной работе.

Спрашивается теперь: *с какой же точки зрения она будет здесь изучаться.*

Ответ виден уже из предыдущих строк. *Основная задача состоит в установлении функциональной связи между данным детерминатором (голоданием) и теми эффектами, которые он вызывает в поведении людей, с одной стороны, с другой—в строении населения, в организации общества и*

в социальных процессах. В более развернутом виде эта задача распадается на следующие: 1) *я беру этот детерминатор поведения и социальных процессов, как данное «независимое переменное» функционального ряда, и исследую: а) каковы его постоянные „функции“ в поведении людей и в общественных явлениях, в) как варииpуют последние с варьированием «аргумента», т. е. количества и качества пищи, с) какие явления возникают в поведении людей и в общественной жизни при экстраординарных колебаниях этой „независимой переменной“.* Исследовав соответственную область явлений с этих точек зрения, где исследуемый детерминатор взят в качестве „независимой переменной“, я беру его далее, в свою очередь, как функцию других „независимых переменных“ и изучаю; 2) *каковы те основные „независимые переменные“, функцией которых является индивидуальное или массовое голодание и как с варьированием первых варьирует второе* [1]).

3) Когда с этих точек зрения явление изучено, я в заключительной части беру поведение человека и социальные процессы в их реальной обстановке. А она такова, что они зависят или находятся „в поле влияния“ сил не только

---

[1]) Здесь не место подробно говорить, почему я всюду говорю о функциональном ряде, функциональной связи и пользуюсь терминологией функциональных уравнений. Делается это не случайно, а вполне сознательно, в частности потому, что „причинно-следственная“ связь не везде применима (она годна только для необратимых процессов и негодна для описания явления взаимозависимости), не так точна и менее «экономна». Далее, известно, что функциональный ряд обратим в большинстве случаев и от нас зависит: какое из двух или большего числа явлений мы примем за «независимое переменное», какое за «функцию». Для явлений взаимозависимости, каковыми является большинство социальных явлений, причинно-следственная формула совершенно негодна, тогда как функциональная формула вполне применима. Основная ошибка большинства социологов состояла в том, что явления взаимозависимости они принимали за причинно-следственные отношения, описывали их по типу последних и в итоге породили n+1 «хромых» и «прыгающих» теорий, где какое нибудь явление фигурировало в качестве первого фактора, а другие—в качестве «надстроек». При функциональном подходе к делу все эти теории можно сдать в музей искалеченных теорий и оставить в стороне весь спор о первом факторе. Исследователю можно взять любое явление в качестве «независимой переменной» и искать его функции, далее—само это явление взять как функцию и изучать его «аргументы», наконец, в итоге-формулировать общие теоремы взаимозависимости и взаимоотношений изученных явлений. Подробно об этом в III т. моей «Системы социологии». А пока см. Мах. Познание и заблуждение, пер. Котляра, 283—84. Pareto: Trattato di sociologia generale, т. I. 146—52, т. II. 274—6, 467 и др., Пирсон: «Грамм. науки» и курсы по высшей математике, напр., Лоренц: Элементы высшей математики. т. I. 11—12 и др. Изд. Сытина.

данного детерминатора, но и множества других детерминаторов, отличных от голодания [1]). Поэтому встает вопрос: *каково взаимоотношение исследуемого детерминатора и других? Каковы основные формы его? Каковы исходы их „дуэли“? От чего они зависят? Каковы общие теоремы, описывающие эти взаимоотношения?*

Этими задачами в существенном исчерпываются задачи социолога при изучении данного явления. Набросанная программа дает представление о том, что содержится в данной книге. При изучении очерченных вопросов я ничего не порицаю, и не одобряю, а только описываю то, что есть. Je ne propose rien, je n'impose rien: j'expose. Практические выводы пусть делает сам читатель.

§ 2. Голодание и его формы (Об‘ективное понятие голода).

Условимся более точно о тех явлениях, которые мы будем разуметь под голоданием, как детерминатором поведения людей и общественных процессов.

1) *Сюда относится прежде всего дефицитное голодание. Под ним я разумею все те формы пищевого обмена веществ, где поступающая из пищеварительного канала в кровеносную систему пища не содержит в нужном количестве всех тех элементов, которые требуются для покрытия расходов организма и правильного функционирования последнего* [2]). Сообразно с этим дефицитное голодание распадается на *абсолютное и относительное. Под абсолютно-дефицитным голоданием разумеется полное прекращение поступления пищи в организм.* Здесь расходование энергии организмом совершенно не покрывается притоком ее в виде пищи. *Относительно-дефицитное голодание может быть разделено на два вида, на: количественое и качественное.* Первое охватывает все те случаи, когда поступающая в организм пища содержит все нужные последнему элементы, но в недостаточном количестве: приход энергии не покрывает здесь расхода; в итоге получается дефицит и нарушение равновесия в обмене веществ организма. Ко второму относятся

---

[1]) И этот тезис о плюрализме детерминаторов человеческого поведения и социальных процессов я оставляю здесь без доказательств. Они будут даны в III томе «Системы», с одной стороны, и в данной работе (попутно) с другой.

[2]) Сказанное, как видно из определения, относится и к голоданию в силу неусвоения организмом поступающей пищи, ср. Пашутин: Курс общей и экспер. патологии. т. II. Спб. 1902. 7.

все те случаи, когда при достаточном общем количестве пищи в ней не хватает тех или иных веществ, необходимых для жизнедеятельности организма. Если же пища недостаточна и по количеству, дефицитна и по качеству, то мы имеем *количественно-качественное относительно-дефицитное голодание.*

Количественная сторона пищи физиологией измеряется ее *калорийностью, качественная—наличием в ней белков, жиров, углеводов и допо нительных пищевых веществ:* солей, витаминов, липоидов, амино-кислот и т. п.,—поскольку они не подразумеваются имеющимися в первых.

Калорийные нормы колеблются в зависимости от ряда условий: пола, возраста, работы, температуры и т. д. Для взрослого мужского организма, нормального роста и веса, число калорий, поступающих в течение суток в виде пищи в организм и усвояемых им, должно быть, по данным ряда авторов, примерно таким:

АВТОР.	Число калорий при очень легкой работе.	При средней.	При сильной.	При очень тяжелой.
Рубнер	2445	2868	3362	—
Atwater.	2450—3050	3400—3800	4150—5300	7355
Словцов.	2400—3000	3000—3700	5400	7—8000
König	2515	3100	3749	—
Gautier	2450—2860	3300—3800	4000—5000	— [1]

Эти нормы дают приблизительный конкретный масштаб для определения наличности или отсутствия относительно-количественного дефицитного голодания. Если число калорий, поступающих в виде пищи в взрослый мужской организм и усвояемых им в течение суток, будет ниже этих норм, или ниже тех норм, которые устанавливаются соответственно для женщин, детей и т. д., то мы имеем основание полагать наличность количественно-дефицитного голодания, если не ниже или выше—отсутствие последнего.

Но само собой разумеется, что чисто количественно-калорийной стороной дело не исчерпывается: поступление в организм 7—8000 калорий углеводов ничуть не уничтожает дефицитное голодание, ибо „организм должен получать не только определенное количество энергии, но и определенные по

---

[1]) См. Rubner: Uber d. moderne Ernährungsreformen. Arch. f. Hyg., B. 81, 189 и сл. Его же: Учебник гигиены. Спб. 1897. 505 и сл., Словцов: Пищевые раскладки. П. 1919. 7 и сл.: Gautier: Alimentations. 1904. 111—12. См. далее курсы: Hüppe, Gärtner и др.

качеству вещества“ [1]). Не менее, а пожалуй, более важное значение имеет *качественная сторона дела*. Во первых, поступающая пища должна содержать *определенные количества белков, жиров и углеводов*, во-вторых, *ряд дополнительных пищевых веществ* [2]).

При отсутствии одного из этих элементов в пище или в недостаточном до этих норм количестве их мы будем иметь качественное или качественно-количественное дефицитное голодание. Рядом с этими основными пищевыми диэтами в пище должен быть еще ряд дополнительных пищевых веществ, без которых правильный обмен веществ в организме происходить не может. Без них, „сколько бы не давали человеку другой пищи, какие бы количества калорий ни вводили в его организм, человек не сумеет их усвоить“ [3]).

Напр., „если животным давать пищу, искусственно лишенную солей, но содержащую в достаточном количестве остальные пищевые вещества, то животные заболевают и скоро умирают. Смерть наступает даже раньше, чем если бы животные вообще не получали никакой пищи“. [4]). То же относится и к целому ряду других веществ, огромное значение которых в деле питания выяснено сравнительно недавно. Таковы те пищевые ингредиенты, которые рядом авторов окрещены термином витаминов. Они не содержатся или содержатся в недостаточном количестве в неполноценных белках. Между тем без их наличия, как показали опыты Функа, Мак-Коллума, Осборна и Менделя, Halliberton'a, Daniels'a и Nicols'a, у нас Палладина и Кольцова,—правильный обмен веществ в организме совершаться не может и рано или поздно организм погибает. [5]). Все подобные случаи отсутствия в пище или недостаточного в ней содержания необходимых для жизнедеятельности организма дополнитель-

[1]) Кольцов: Физиология исхудания. Природа 1919. № 10—12. 421. Словцов: Биохимия одностороннего питания. П. 1922. 17 и сл.

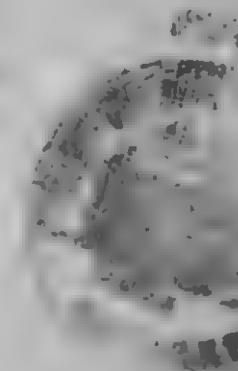
[2]) См. о количестве их у Рубнера Указ. ст., 193. Он же: Учебник гигиены. 505—507. Словцов: Цит. раб. 13. См. подробности в указ. выше работах.

[3]) Кольцов. 414.

[4]) Landois—Roseman. Учебник физиологии человека. М. 1913. 375. Словцов: Биохимия... Passim.

[5]) См. об этом работы: Mc Collum and Davis в Journ. Biol. Chem., 19, 1914; 21. 1915 и 23, 1915. Osborn and Mendel, там же, 20, 1915. Daniels and Nichols; там же, 32, 1917, D-r Apert: La croissance. Paris. 1921. 85 и сл.

Кольцов: Физиология исхудания. А. Палладин: Возможен ли рост при питании льняным маслом. Врач. дело. 1921. 1 апр. № 1—6, 7 и сл. Его же: Роль витаминов в питании. Врач. дело. 1919. № 18—19.

ных питательных веществ, будут явлениями качественного или качественно-количественного дефицитного голодания.

Таковы основные формы того голодания, которое я называю дефицитным голоданием и которое образует первую и основную категорию явлений, подлежащих нашему изучению, в качестве детерминатора поведения и социальных процессов.

2) Однако, *этой областью дефицитного голодания сфера явлений, подлежащих нашему изучению, не исчерпывается.* Дело в том, что на поведение (и переживания) людей, (а чрез него и на общественные процессы), имеют влияние не только факты замены недефицитного питания дефицитным, но и *всякое резкое и сильное изменение количества и качества пищи, поступающей в организм человека.* Последний не относится безразлично ко всякой резкой перемене пищевого режима, хотя бы в том и другом случае питание не было дефицитным ни количественно, ни качественно. Резкая и быстрая перемена пищевого режима нарушает обычные функции организма, привыкшего к определенной диэте, требует от него новых форм приспособления для усвоения новой пищи, словом, вносит ту или иную пертурбацию в его жизнедеятельность. Простейшим, массовым подтверждением этого служат те массовые расстройства питания, которые обычно наблюдались в населении России при переходе его с режима постной пищи на режим скоромной по окончании постов или обратно, хотя часто оба режима не были дефицитными. Если всякое резкое изменение пищевого режима факт не безразличный для организма, то особенно важными будут среди таких явлений те изменения, которые состоят в *ухудшении пищи, т. е. в уменьшении количества пищевых веществ*, поступающих в организм, по сравнению с количеством их, поступавшим до данного момента, и в *качественном ухудшении их с точки зрения питательности, легкости переработки и усвоения, вкусности, разнообразия и т. д.*, по сравнению с качественным составом пищи, поступавшим до данного момента, или, наконец, в том и в другом случае, *хотя бы количественно-уменьшенная и качественно-ухудшенная пища и не была дефицитной.* Человек, имевший изысканный стол, куда входили икра, дичь, устрицы, фрукты, трюфеля и прочие „деликатессы", едва ли безразлично отнесется к замене этой диэты щами, да кашей, хотя бы в последнюю диэту входили все необходимые пищевые ингредиенты и с количественной, и с качественной точки зрения. Хотя по своей питательности вяленая вобла

стоит не ниже других мясных продуктов (76,28% белка, а в мясе разных сортов от 15 до 20.91% белка), однако большинство людей—при наличии возможности—предпочтет питаться дичью, говядиной, бараниной, телятиной, яйцами и молоком, чем воблой. Переход от питания этими продуктами к вобле будет для них ухудшением питания. То же относится и ко всем подобным случаям количественного или качественного ухудшения пищи. Не ко всем пищевым режимам, равно недефицитным, человек относится одинаково, и не все они для него равноценны, одинаково полезны и одинаково желательны. Он предпочитает диэту более разнообразную—менее разнообразной, более „вкусную"—менее „вкусной", легче усвояемую—труднее усвояемой и т. д. Все эти диэты одиноково недефицитные образуют в этом отношении целую градацию, где переход от более высшей диэты к более низшей воспринимается как лишение, как ухудшение, как нечто нежелательное, совершающееся обычно поневоле, в силу необходимости. Как только человек получает снова возможность по своему вкусу питаться, он переходит от этой „нисшей", хотя и недефицитной диэты, к более „высшей" [1]). Такое предпочтение имеет, конечно, свои биологические основания. Конкретно это предпочтение может резко вариировать от индивида к индивиду, от страны к стране.

Но для стран европейских, не очень жарких по климату, и теперь уже можно указать некоторые общие конкретные формы пищи, массовым образом предпочитаемой другим ее видам. Эти данные мы получаем при сравнении питания более богатых слоев населения с питанием более бедных классов. Богатство в современном обществе равносильно бòльшему простору в выборе питательных средств, бòльшей возможности удовлетворить свои пищевые запросы согласно желанию. Поэтому пищевой режим богатых это режим „сво-

---

[1]) Такое предпочтение дано не только у человека, но и у животных. В руководствах по кормлению сельско-хоз. животных постоянно обращается внимание, помимо калорийности и питательности корма, на его разнообразие, вкусовые средства и приятность. «Обращать внимание при вычислениях кормовой дачи только на продуктивную ценность корма или на крахмальные эквиваленты так же недостаточно, как и на переваривaемые вещества, если не будет уделено внимание на степень приемлемости данным животным кормов. Приятность кормовой дачи на вкус является пунктом, который не следует упускать из виду. Надолго высокую продуктивность (т. е. принятие, больших количеств корма) нельзя поддержать без разнообразия составленной кормовой дачи». О. Кельнер. Кормление сельско-хоз. животных. Киев. 1912. 465—66. На поведении кошки, собаки и др. животных весьма легко констатировать наличие этого предпочтения разно составленных, хотя и недефицитных, пищевых диэт.

бодно избранный“ [1]). Сравнивая его с пищевым режимом более бедных классов, мы видим, что питание более богатых слоев количественно больше, что % продуктов животного происхождения в нем гораздо больше, чем в пищевой диэте бедняков. Д-р Grotjahn, давший сводку материала по пищевым диэтам разных классов, по этому поводу формулировал даже общий закон, гласящий: „чем беднее семья, тем бо̀льшая часть ее расходов на питание тратится на приобретение растительных продуктов питания“ [2]), т. е. тем бо̀льший % последние занимают в ее пищевом режиме за счет мяса и животных жиров; чем богаче семья — тем меньший. Далее, из самих растительных продуктов с ростом богатства растет относительный процент потребления белого хлеба за счет черного; в бюджетах бедных—с ростом бедности растет потребление картофеля за счет хлеба и т. д. Сходные результаты получил для России и, в частности, для разных слоев русского крестьянства г. Клепиков. Приведу несколько цифровых данных.

Питание крестьян разной имущественной состоятельности (Новгор. губ.):

Количество калорий, потребленных в виде:

Группы крестьян по доходу на 1 едока (рубли).	Продукты растительного происхожд.		В том числе хлеба.		Продукты животного происхожд.		Всего.	
	Абсол. цифры	%%	Абсол. цифры	%%	Абсол. цифры	%%	Абсол. цифры	%%
До 100	2.561.9	81.3	2.304.2	71.9	668.1	18.7	3.230.0	100
100—150 . . .	3.090.4	75.6	2.742.7	65.9	1.048.6	24.4	4.139.0	100
150—200 . . .	3.760.8	72.5	3.202.2	62.8	1.341.9	27.5	5.072.7	100
200 и выше . .	4.039.3	69.0	3.521.1	60.3	1.721.2	31.0	5.760.5	100

„Другими словами, повышение доходности крестьянского хозяйства (т. е. получение возможности большего выбора. П. С.) влечет за собой абсолютное и относительное увеличение потребления продуктов животного происхождения“ [3]).

---

[1]) См. A. Grotjahn: Uber Wandlungen in d. Volksernährung в Staats-u.-socialwiss. Forschungen Schmoller'a, B. XX. H.. 2, Leipzig, 1902. 58.

[2]) Ib. 58—64. См. здесь цифры и подробности.

[3]) С. А. Клепиков: Питание русского крестьянства. М. 1920. 13—14. То же, см. 20, 21—23, 30.

При повышении дохода равным образом и абсолютно и относительно растет потребление жиров и белков за счет относительного падения углеводов.

Дневное потребление питательных начал (в граммах на едока):

Группы крестьян по доходу на 1 едока (рубли).	Белки.		Жиры.		Углеводы.	
	В граммах на 1 день.	Принимая низшую гр. за 100	В граммах на 1 едока.	Принимая низшую гр. за 100	В граммах на 1 день.	Принимая низшую гр. за 100
1. До 100.01	77.1	100	43.6	100	375.9	100
2. 100.01—150.00	104.0	135	65.6	151	454.9	121
3. 150.01—200.00	126.6	166	84.5	194	547.7	146
4. 200.01—300.00	148.0	192	100.8	210	568.1	151
5. 300.01 и выше . . .	175.0	227	118.4	251	663.2	176 [1])

Приведу еще одну таблицу, показывающую изменение относительных величин отдельных категорий хлебной группы от высоты бюджета „едока".

Группы по доходу на „едока".	Ржаная мука.	Пшеничная мука.	Мука прочая и бобовые.	Крупа.	Всего.
1. До 100.01	72.1	4.8	20.2	2.9	100.0
2. 100.01—150.00 . .	66.7	6.0	23.2	4.1	100.0
3. 150.01—200.00 . .	67.1	4.9	24.3	3.7	100.0
4. 200.01 и выше . .	61.2	9.2	24.4	5.2	100.0

Вывод. „Хлебная группа, увеличиваясь (абсолютно) с повышением благосостояния хозяйства, претерпевает внутри себя процесс замены более тяжелых и менее питательных продуктов—легкими и более легко усвояемыми" [2]).

---

[1]) Ib. 22—23.

[2]) Ib. 34. См. далее 36 и passim. Соответственные данные для Англии, Франции, Германии, Соед. Штатов Сев. Америки см. Aug. Webb: The new dictionary of statistics. Lond., 1911. 156—65 и 273—89. Первушин: Потребление. Энциклоп. словарь бр. Гранат., т. 33. Для Бельгии: Slosse et Waxweiler: Recherches sur le travail humain dans l'industrie. 1910. 161. Для всех Европ. стран в ук. раб. Grotjahn'a. С переходом от бедных слоев к более богатым и здесь рядом с абсолютным ростом количества всех частей пищи относительный рост хлеба идет гораздо медленнее, чем

Эти данные говорят, что при наличии возможности человек, по крайней мере, европейский, предпочитает питаться более обильной и разнообразной пищей, чем однообразной, пищей животного происхождения более, чем растительными продуктами, белым хлебом более, чем черным, и т. д. Словом, они отчетливо поясняют мою мысль о неравножелательности и предпочтении одних—недефицитных—пищевых режимов другим—также недефицитным. Из личного опыта и наблюдения каждый знает, что такое предпочтение составляет несомненный факт. Об этом же говорит далее существование развитого поваренного искусства и т. д.

Раз это так, то мы не можем оставить вне поля нашего изучения и все подобные случаи. По своему влиянию на поведение и переживания людей они нередко вызывают результаты, близкие к результатам дефицитного голодания. Поэтому изучение их как детерминаторов поведения и целесообразно, и диктуется самим существом дела. *Назовем все такие случаи ухудшения количества и качества питания голоданием недефицитным или сравнительным.*

Если *границы дефицитного голодания сравнительно узки*, низшим пределом его служит абсолютное голодание, высшим—норма пищи, близкая по количеству калорий и качественному их составу к приведенным выше калорийным и качественным нормам, то *границы сравнительного голодания гораздо более широки и эластичны. Низшим его пределом служит высшая граница дефицитного голодания* (опустившись ниже ее, сравнительное голодание превращается уже в дефицитное); высшая же граница сравнительного голодания может лежать очень далеко, ибо „изысканность“, „вкусность“, „приятность“ пищи, ее богатство, изобилие и разнообразие допускают очень широкие пределы колебаний и вариаций [1]. В целях более точного определения этого высшего предела сравнительного голодания полезно разделить его на: 1) *индивидуально-сравнительное голодание* и 2) *со-*

мяса, яиц или особенно сахара. Во Франции, напр., с 1840—95 потребление хлеба, вина и картофеля увеличилось на единицу населения на 50%; потребление мяса, сыра и сидра удвоилось, сахара и кофе—учетверилось. См. D'Avenel: Le mécanisme de la vie moderne. 1908. 157. См. остальную литературу в работах Grotjahn'a, Клепикова и Первушина.

[1]) В этом отношении, говоря словами Marshall'а, сравнительный голод может быть назван эластичным; а потребность его удовлетворения может быть сравнена с потребностью в предметах роскоши. К нему, в отличие от дефицитного голодания, применимы все рассуждения Marshall'a о предметах роскоши и кривые насыщаемости последними. См. A. Marshall. Princ. of economics. V. I. Lond. 1891. 160—74 и Book III.

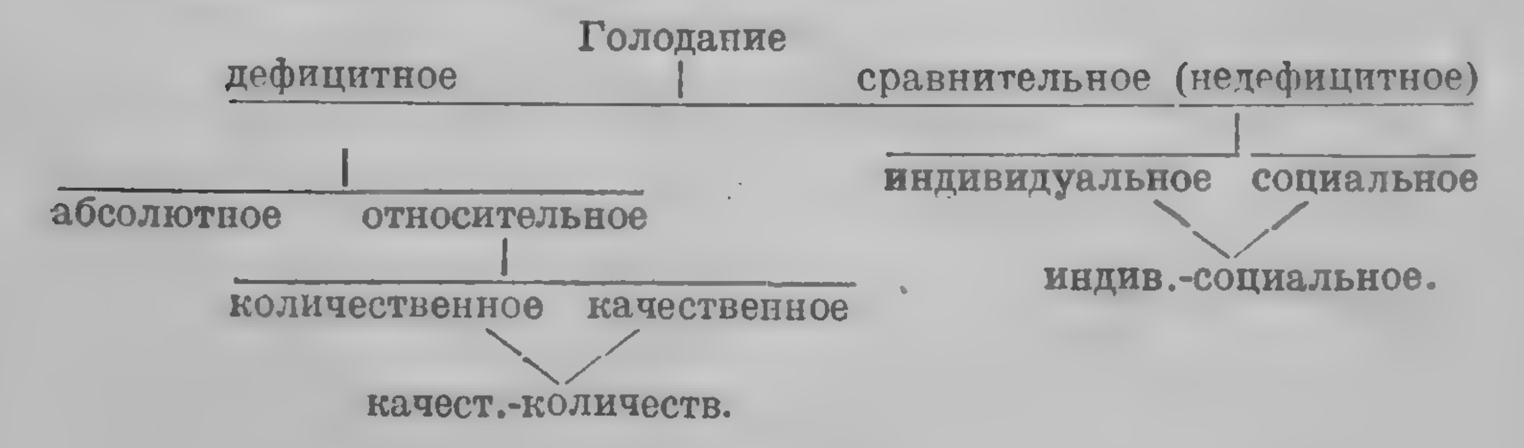
циально-сравнительное голодание. Под первым будет разуметься всякое сравнительное ухудшение количества и качества пищи данного индивида по сравнению с той более лучшей пищевой диэтой, которая имелась у него раньше. *Высшим пределом индивидуального сравнительного голода будет эта последняя.* Разница в количестве и качестве пищи между этой высшей и имеющейся ухудшенной, — но не дефицитной, — диэтой будет показателем величины индивидуально сравнительного голода. Отсюда понятно, что индивидуально-сравнительное голодание варьирует от индивида к индивиду. *Под социально-сравнительным* голоданием разумеется разница между пищевым режимом близким к верхнему пределу дефицитного голодания, и самой роскошной и изысканно-тонкой диэтой, имеющейся в данном обществе. *Верхним пределом социально-сравнительного голодания в данном аггрегате будет этот последний пищевой режим.* Отсюда понятно, что в обществе даже физиологически сытом, но обладающем резкой имущественной, а в связи с ней и пищевой дифференциацией, где богатейшие и аристократические слои имеют роскошно-изысканный стол, а низшие слои—пищевой режим, кое-как покрывающий дефицитный голод, социально-сравнительное голодание последних может быть очень большим и резким. Отсюда же понятно, что величина сравнительного социального голодания может расти в обществе даже тогда, когда общий пищевой режим низших слоев населения повышается: для этого нужно только, чтобы гурманство верхушек общества и их режим питания улучшались быстрее и сильнее, чем улучшается питание масс. И обратно, социально-сравнительное голодание может уменьшаться даже тогда, когда общий режим питания общества ухудшается: для этого достаточно относительно более быстрое и значительное ухудшение питания наибольших гурманов общества *Довольно правильным показателем величины сравнительного социального голодания в обществе служит величина имущественной дифференциации последнего.* Рост последней почти всегда служит и показателем роста сравнительного голодания. Социально-сравнительный голод пролетария, питающегося недефицитно, но живущего в обществе, где есть миллиардеры и миллионеры, имеющие роскошнейшую пищевую диэту, будет очень великим, и тяга его к такому режиму будет громадной. Где этой роскоши об'едания нет,— а в менее дифференцированном имущественно обществе она менее значительна, — там меньшим будет и сравнительный голод, раз низшие слои питаются недефицитно (если же

дефицитно, — тогда мы имеем дело уже с голодом сравнительным, плюс дефицитный голод). Таким образом, *чем резче и сильнее количественное и качественное ухудшение пищи какого либо человека, не падающее, однако, ниже необходимой нормы питания, тем индивидуально-сравнительный голод данного индивида больше. Если же это ухудшение переходит верхнюю границу дефицитного голода, тогда мы имеем: рост индивидуально-сравнительного голодания, плюс— голодание дефицитное. Чем большей является разница—по количеству и качеству пищи — между необходимой нормой питания и наилучшей питательной диэтой данного общества, обычно имеющейся в слоях имущественной и правительственной аристократии последнего, тем социально-сравнительный голод в данном обществе больше. Если же питание наиболее бедных масс данного общества стоит ниже необходимой физиологически нормы, это будет значить, что в нем рядом с громадным социально-сравнительным голоданием имеется еще и дефицитное голодание.*

Такова вторая область явлений сравнительного голодания, которая подлежит нашему изучению на ряду с явлениями дефицитного голодания. Обе эти формы голодания влияют на поведение. Обе они во многом вызывают, как увидим, сходные эффекты: и в переживаниях, и в поведении людей, и в социальной жизни. В этом причина и основание их совместного изучения.

Концентрируя главное внимание на дефицитном голодании, я не могу обойти целиком и явления сравнительного голодания.

Резюмирую в схеме сказанное.

§ 3. Суб'ективное переживание голода («голод—аппетит»), как функция об'ективного факта голодания. Обратная теория проф. Л. И. Петражицкого.

Мы установили понятие голодания совершенно об'ективно, не прибегая к помощи суб'ективного переживания голода. Образно говоря, голодание у нас свелось к вполне об'ективному, внешне данному явлению прекращения или уменьшения или изменения состава и частоты подвоза к ротовой полости человека пищевого транспорта, (или недостаточного усвоения пищи организмом). Это вполне физическое, ощутимое, доступное измерению явление мы берем в качестве «независимой переменной», в качестве отправного пункта. Установив это гпонятие голодания, спросим себя: *раз оно дано, каковы ео функции, — ближайшие эффекты в строении, в физиологических процессах, в переживаниях и в поведении человека.* Еще яснее: нам дан человек, в организм которого в течение ряда часов или суток прекратилось поступление пищевых веществ или они поступают в недостаточном количестве, не покрывающем расходов организма. или в меньшем и худшем по качеству, чем раньше. *Какие видоизменения наступают в его организме—в физиологических отправлениях, в психических переживаниях и в поведении—в результате данности такого вполне об'ективного условия,—«независимой переменной».*

Заранее можно сказать, что эффекты данной «независимой переменной» будут многочисленны и весьма разнородны. Они не исчерпываются каким нибудь одним рядом явлений, а дают весьма сложный и взаимно переплетающийся комплекс результатов. [1]) Попробуем кратко описать

---

[1]) Не только такой сложный детерминатор поведения, как исследуемое голодание, но и гораздо более простые стимулы поведения, воздействующие на организм, вызывают не одну, а ряд реакций со стороны последнего. Современные американские исследователи поведения и об'ективные психологи (Behavior Psychology) правильно формулировали на этот счет теорему, гласящую: «всякий стимул или комплекс их, на которые организм реагирует., может сопровождаться более, чем одной реакцией» (напр., восприятие знакомого вызывает: 1) ряд двигательных реакций в виде снятия шляпы, пожимания руки. 2) ряд речевых реакций (Speech-reaction) в виде: «Здравствуйте». «Как поживаете». и т. д. 3) целый ряд более мелких реакций, в виде изменения дыхания, вазомоторных процессов, аккомодации органов чувств и т. п. Так называемые «психические реакции», изменения переживаний человека (процессов сознания). при такой постановке будут

некоторые из них. Одним из следствий прекращения поступления пищи в организм человека или поступления ее в недостаточном количестве, или уменьшения и ухудшения ее состава служит *изменение переживаний человека, состоящее в появлении того своеобразного, пассивно-активного состояния, которое мы называем в наших речевых рефлексах: „аппетитом“, „голодом“* („я голоден“, „я хочу есть“, „у меня разыгрался волчий аппетит“, „я хотел бы такой пищи, которая была раньше“ и т. д.) [1])

Ниже я вкратце укажу основные черты и вариации этого переживания. А пока подчеркну лишь то, что *суб'ективное переживание голода („психический голод-аппетит“ по терминологии Л. И. Петражицкого) я рассматриваю как одно из следствий об'ективного факта дефицитного, а частью и сравнительного голодания, т. е. прекращения или недостаточного поступления, (и недостаточного усвоения) пищи в организм человека.* Варнирование последнего, как „независимой переменной“, вызывает варнирование и суб'ективных переживаний человека. Напр., сравнительное недлительное воздержание от пищи или уменьшение ее количества и ухудшение качества по сравнению с бывшей раньше диэтой, имеет своей функцией в мире суб'ективном появление переживания, называемого „аппетитом“ (довольно приятного, если оно не осложняется добавочными условиями); дальнейшее воздержание от приема пищи вызывает уже „голод“, (переживание отличное от аппетита, страдательное по природе); продолжение воздержания модифицирует это специфическое переживание в новое: в переживание общего недомогания, слабости, головной боли и боли во всем теле, головокружения, тошноты и т. д., в котором тонет специфическое переживание голода. Недостаток в пище тех

лишь одной из частных форм ряда реакций на один и тот же стимул, а не чем то главным, протекающим „параллельно“ физиологическим реакциям или тем более вызывающим их. По этому же пути иду и я в исследовании функций голодания в организме, процессах, переживаниях и поведении человека. См. обоснование этого метода и подхода к делу в ст., A. Weiss: Relation between functional and behavior Psychology. Psych. Review. 1917. № 5. Его же: Relation between structural and behavior Psych., там же, 1917. № 4. J. Watson: An attempted formulation of the scope of beh. Psych., Jb., № 5, M. Meyer: The fundamental Lows of human behavior. 1911.

[1]) См. его характеристику у Л. Петражицкого: Введение в изучение права и нравственности. П. 1907. 215 и сл. Boring: Processes referred to the aliment. and urinary tracts, Psych. Rev. 1915, 306—7. Marsh: Indiv. and Sex-Differ. Там же. 1916. 434—45. Luciani: Das Hungern. 1890. Passim.

или иных нужных для организма элементов (при относительно-качественном голодании) обычно сопровождается переживанием специфического голода и соответственными речевыми рефлексами: то нам „хочется сладкого“, то „селедки“, то „мяса“, то „огурцов“ и т. д. Словом, между исследуемой „независимой переменной“ и соответственными суб'ективными переживаниями дана несомненная функциональная зависимость.

Это положение, считающееся большинством исследователей само собой разумеющимся, подверглось жестокой критике со стороны Л. И. Петражицкого. Он резко различает „физиологический“ голод и голод „психический“ и настаивает на их независимости друг от друга. „Что касается отношения голода-аппетита (в смысле суб'ективного переживания. П. С.) к физиологическому голоду, то это не только две совершенно различные между собой категории явлений, но даже не состоящие друг с другом в отношении неразрывной связи или постоянного и абсолютного параллелизма, каковое предположение лежит в основе ходячих учений о голоде. Появление, усиление, ослабление и исчезновение голода-аппетита зависит от различных факторов, в том числе таких, которые не имеют ничего общего с физиологическим голодом“. Напр., при отсутствии физиологического голода можно вызвать голод-аппетит путем запаха любимых блюд, путем возбуждения ряда соответственных представлений и т. п. И обратно, при наличности физиологического можно подавить голод-аппетит искусственно, напр., показыванием червей или насекомых в поданном блюде, вызовом переживаний страха, испуга, гнева, стыда и т. д., „которые, конечно, не вводят в желудок отсутствующих и не удаляют из него существующих кислот и тому подобных раздражителей“. Далее, с ростом воздержания от пищи физиологический голод должен расти; между тем голод-аппетит дает иную кривую: он появляется ко времени обычного принятия пищи, напр., ко времени обеда, и затем пропадает, хотя бы мы и не пообедали. Все эти факты приводят Л. И. Петражицкого к выводу о „недопустимости и безнадежности каких бы то ни было попыток построения теории голода путем нахождения или придумывания физиологических раздражителей на почве недостаточного питания и соответственных ощущений“ [1]).

---

[1]) Петражицкий: Введение в теорию права. 220—223.

Верно, что физиологический или дефицитный голод, т. е. недостаток пищевых веществ для покрытия трат организма, и психический голод, т. е. специфическое суб'ективное переживание, две вещи разные, как различно любое об'ективное явление, напр., укол булавкой, и соответственное суб'ективное переживание, напр., переживание боли от укола. В этом смысле никто их и не отождествляет. Потому же я называю суб'ективное переживание голода функцией (следствием) об'ективного факта голодания. Но верно ли, что эти два явления „не стоят друг с другом в отношении неразрывной связи". Верно ли, что „безнадежны попытки построения теории голода на почве недостаточного (или резко измененного и ухудшенного) питания"? При всем своем уважении к глубокой и большой силе научных построений Л. И. Петражицкого я решительно не могу согласиться с его положениями. Факты, указываемые им, верны. Но вывод и интерпретации этих фактов—ложны.

Что об'ективный в нашем смысле голод и суб'ективное переживание голода-аппетита стоят в связи, т. е. что последний является функцией первого, это не требует доказательств: достаточно любому нормальному человеку (вне исключительных условий) не есть в течение ряда часов, или систематически недоедать, или перейти резко к более худшему и менее обильному питанию, и голод-аппетит у него появится [1]). Не от того же он появляется, что человек набил себя обильной и легко усвояемой пищей. Ежедневный опыт почти всех людей и специальные опыты — достаточное свидетельство этому. С другой стороны, хотелось бы знать, на какой иной почве, кроме почвы недостаточного или ухудшенного питания, можно построить теорию дефицитного или сравнительного голода. Это раз. Во вторых, факты, верно указанные Л. И. Петражицким, на основании которых он делает приведенные выводы, говорят не об отсутствии связи об'ективного и психического голода, а о более сложной картине этой связи, с одной стороны, с другой, о врывании в область этой связи ряда дополнительных условий, искажающих и деформирующих постоянные отношения между независимой переменной об'ективного голодания и „голодом-аппетитом", как функцией первого в области суб'ективных

[1]) Граждане Р. С. Ф. С. Р. это могут засвидетельствовать. При недоедании в Москве и в Петрограде в 1918—1919 г.г. массе голодающих постоянно хотелось есть, аппетит был перманентным. Это констатировано и клиническими наблюдениями. См. Щервинский: Современное питание. Природа. 1919. № 4—6. 185—6.

переживаний. Согласно закону инерции двигающееся тело должно вечно двигаться равномерно и прямолинейно. Но раз оно встречает ряд дополнительных условий, в виде препятствий, трения, толчков и т. д., оно останавливается и двигается и не равномерно, и не прямолинейно. Но это не значит, что закон инерции ложен. То же и тут. Если на длительно-голодающего физиологически человека начинает действовать новый детерминатор, напр., нападение врага, или возбуждение боли путем уколов, рванья волос и т. п., вызывающие ряд новых физиологических процессов, модифицирующие все состояние организма, то, конечно, „голод-аппетит" не возникает. Но не потому, что он не функция дефицитного или сравнительного голодания, а потому, что эта функция была анулирована врыванием новых условий, вызвавших, опять таки, ряд новых об'ективных реакций со стороны организма, в итоге которых обычная суб'ективная реакция „голода-аппетита" на детерминатор недостатка пищи может угаснуть. Ниже мы увидим, что то же применимо и к целому ряду других функций данной „независимой переменной". В третьих, то, что Л. И. Петражицкий разумеет под „физиологической" теорией голода, представляет нечто столь примитивное, что имеет мало общего с современной „физиологической" теорией голодания. Это-то упрощенное представление Л. И. Петражицкого о последней — один из источников его ошибочного отношения к ней. Факты, приводимые Л. И. Петражицким, вполне об'ясняются с точки зрения современной „физиологической" теории голода, разработанной в значительной мере И. П. Павловым и его школой. С точки зрения данных этой школы нет никаких оснований для допущения эмоций „голода-аппетита", как какого то „духа", который каким то чудесным образом „себя собою составляя", сам управляет делом питания организма, откуда-то и почему-то появляется, затем столь же таинственно пропадает, каким-то образом перекидывает мост от мира психики в мир об'ективных актов человека и вместе с тем не стоит в связи с внешним миром, с об'ективным голодом и физиологическим механизмом регулирования питания. Не вдаваясь в критику психологизма вообще, замечу лишь, что вся эта теория представляет рафинированный „анимизм", каковым являются и все психологические теории в области социологии. В основных чертах об'ективная теория голодания и его механизма такова.

§ 4. Об'ективная теория голодания и механизма питания человека.

1) Явление дефицитного голодания. как мы видели, означает недостаточный приток (и усвоение) пищевых продуктов в организм, не покрывающий его расходов и грозящий в итоге гибелью организму (сравнительное голодание пока оставим в стороне).

2) Важность функции питания уже в процессе филогенетического развития привела к появлению в организме сложной системы органов, предназначенных к выполнению этой функции (приобретению, усвоению и переработке пищевых веществ), с одной стороны, с другой—к целому ряду механизмов, контролирующих и автоматически регулирующих дело питания организма, механизмов, на ряду с системой органов, наследственно передаваемых вместе с организмом и не зависящих от „сознания“. Такими органами и механизмами являются: вся пищеварительная система, чрез которую вводятся пищевые продукты и выводятся их отбросы, вся кровеносная и лимфатическая система, питающая организм, отчасти органы дыхания, и нервная система, как орган сношений с внешним миром, как главный контролер („анализатор и замыкательный“ аппарат) всей жизнедеятельности организма.

3) С физиологической точки зрения процесс питания вкратце таков. „Первая полость, куда попадает захваченное пищевое вещество, есть полость рта. Здесь оно измельчается зубами и языком, смачивается слюной,.. и приводится в удобную для питания форму. По узкой трубке пищевода оно проводится в желудок. Здесь оно приводится к кашицеобразной или жидкой консистенции и подвергается уже важным химическим изменениям. Центральным пищеварительным органом является двенадцатиперстная кишка. Здесь и в тонких кишках (а отчасти, в толстых) сложные химические соединения (пищи) распадаются на свои составные части. Из этих индифферентных обломков кишечная стенка теперь может синтезировать пригодный питательный материал для всех клеток организма. То, что не может быть утилизировано кишечником, выводится в качестве отбросов наружу чрез анальное отверстие... Первенствующая роль во всем пищеварительном процессе принад-

лежит сокоотделительной деятельности железистых элементов, расположенных по ходу пищеварительной трубки“ [1]).

4) Отсюда видно, что процесс питания — явление чрезвычайно сложное. Система органов, его обслуживающих, представляет сложнейшую лабораторию или фабрику, где все члены ее выполняют определенные функции, а все вместе—тонкую и виртуозную работу. Зубы и язык имеют одни функции, пищевод—другие, желудок и кишки—свои, железы—свои и т. д. И, что удивительно: все это делается вне нашего „сознания“. Большинство людей совершенно не имеет даже представления об этой работе, и тем не менее „пищевая лаборатория“ их отлично выполняет свое дело. Самое поверхностное знакомство с этой фабрикой и ее работой поражает, с одной стороны, сложностью дела, с другой—артистической приспособленностью ее к задаче питания. Проиллюстрирую сказанное одним-двумя примерами. „Работа слюнных желез может считаться образцом точнорассчитанной приспособительной деятельности животного организма. Когда нет никаких раздражителе в полости рта, железы остаются спокойными. Они не приходят в действие и в том случае, если в полости рта находятся вещества, обработка или удаление которых изо рта не требует слюны (вода, лед, круглые камешки). Наоборот, в тех случаях, когда имеется надобность в отделении слюны, т. е. при возбудителях слюноотделения, слюна выделяется—количественно и качественно—в полном соответствии с задачами организма. Так, в случае пищевых веществ слизистые железы продуцируют то более вязкую, то менее вязкую слюну, то в большем, то в меньшем количестве, в зависимости от сухости того вещества, которое в данный момент находится в полости рта. Благодаря присутствию в такой слюне значительных количеств муцина, пищевые вещества становятся скользкими, чем облегчается их проглатывание и прохождение по пищеводу («смазочная слюна»). На отвергаемые вещества... выделяется (уже иная) жидкая, водянистая слюна с целью обмывания полости рта, разбавления вредного агента («разжижающая или отмывающая слюна»). Наконец, количество слюны соответствует силе вызывающего ее отделение раздражителя“ [2]). То же относится и к желудочной и поджелудочной железам. „Они“,—говорит И. П.

---

[1]) Б. Бабкин: Внешняя секреция пищеварительных желез. П. 1915. 3—4. См. подробности там же и у Е. Лондона: Физиология и патология пищеварения. П. 1916.

[2]) Бабкин. Там же,—31—32.

Павлов,—„оказались как бы обладающими умом. Они изливали свой сок, что касается количества и качества его,—в соотношении с массой и сортом пищи, давая именно то, что всего выгоднее для обработки данного сорта". „Факт целесообразности (их работы) стоит вне всяких споров и сомнений" [1]). То же относится к работе Бруннеровского отдела, двенадцатиперстной кишки и т. д. И здесь: 1) без возбудителя железы не действуют; 2) каждый род пищи (мясо, молоко, хлеб) вызывает свое валовое количество сока, его определенную переваривающую силу и кислотность; 3) количество, пропорциональное количеству с'еденной пищи и т. д. [2]).

Эти примеры показывают, насколько сложна и если не абсолютно, то относительно целесообразна деятельность каждого органа „пищевой фабрики" человеческого организма, с одной стороны, с другой — насколько сложны деятельность и устройство последней в целом, с третьей, — насколько должна быть согласована работа отдельных частей этой фабрики.

5) Раз так, то сам собой встает вопрос: посредством какого же механизма достигаются эти задачи? *Какой „директор" и как регулирует работу каждого „рабочего органа" пищевой фабрики?* Им является наша нервная система. Предыдущие исследователи этого вопроса полагали, что эту функцию „управления" пищевой лабораторией несет вся нервная система [3]). И. П. Павлов выдвинул иную гипотезу. Согласно *ей питанием организма заведует специальный „пищевой центр" головного мозга* (подобный дыхательному центру, заведующему газообменом). Ряд данных заставляют думать, что это очень сложный центр, не локализованный в какой-либо определенной области головного мозга, об'единяющий целый ряд нервных центров второстепенного характера, имеющих отношение к делу переработки пищи. Он управляет всем делом питания организма.

---

[1]) И. П. Павлов.—Лекции о работе главных пищевых желез. СПБ. 1897. 61, 52, 30, 43, 49—50, 52—3, 95—96 и др. См., однако, ограничения этой целесообразности у Лондона:—цит. раб., 10—12.

[2]) Бабкин.—Там же, 105—150 и passim. Петражицкий правильно называет всю систему регулировки питания «бессознательно гениальной». Цит. раб., 236.

[3]) Напр., Лучиани, он говорит: Die Regulierung der Ernährung und der Wärme.., ist begründet in der Funktion des Nerwensystems in seiner Gesamtheit und Einheit und beruht nicht auf einem oder andern Teil oder Abschnitt desselben. Luciani: Das Hungern. 1890. 239.

Он координирует и регулирует работу каждого соответственного органа, по его „приказам“ они возбуждаются к работе или бездействуют, работают так или иначе; в одном случае, напр., слюнные железы дают одну слюну, в другом—другую и т. д. [1]).

Суб'ективное переживание голода — функция определенного возбуждения этого „пищевого центра“. Когда такое возбуждение дано — у нас появляется переживание „аппетита — голода“. Когда это возбуждение пищевого центра исчезает или заменяется иного рода „тормозящим возбуждением“—это переживание исчезает. Об'ективно деятельность его проявляется, „в виде двигательной реакции, направленной к пищевому об'екту с целью захватить его, удержать и перенести внутрь пищеварительного канала и в виде секреторных реакций желез верхнего отдела пищеварительной трубки“ [2]). Таков нервный центр, регулирующий питание организма, и такова связь „физиологического голода“ с „голодом—аппетитом“. Все дело оказывается в определенном возбуждении этого „пищевого центра“.

6) Спрашивается теперь: *как же происходит это возбуждение? При наличности каких условий оно имеет место и какими путями оно совершается? Соответственно: при каких об'ективных условиях возникает у нас суб'ективное переживание голода-аппетита?* Это возбуждение происходит двояким путем: *1) автоматически, через кровь (гуморальный механизм), 2) рефлекторно, через посредство нервной системы.* Длительное невведение питательных продуктов в организм или введение их в уменьшенном количестве или иного качества, которые организм не приспособился еще легко и быстро перерабатывать и усваивать, влечет за собой «обеднение крови», изменение ее химического состава. Пока «пищевой центр» омывается кровью нормального состава, он «спокоен, возбуждения нет, а посему мы чувствуем себя сытыми и не испытываем голода». Когда же химический состав крови изменяется, пищевой центр с своими рецепторами, переставший получать нормальный состав крови, возбуждается. Это возбуждение передается по нервам желудку, к началу тонких кишек, к ряду других органов

[1]) Дальнейшее имеет одинаковое значение при принятии и непринятии гипотезы пищевого центра. Я ее принимаю, ибо она гораздо проще об'ясняет весь механизм питания.

[2]) Бабкин. Там же 227. См. у него подробнее об этом. См. также цит. ст. Немилова и ук. кн. Лондона.

питания, регулируемых им, начинается «урчание в животе» и т. д. Суб'ективным эффектом этого об'ективного процесса служит появление переживания голода-аппетита,—переживания, сигнализирующего организму о возможной опасности, о необходимости поесть, ввести в себя надлежащую дозу надлежащего качества пищи. Так как во время самого голодания кровь не остается одинаковой по составу (при абсолютном голодании—она одна, при относительном другая, в том и другом случае опять таки меняется в зависимости от продолжительности голодания, от недостающих элементов в пище и т. д.), так как далее состав крови может вариировать в зависимости от других физиологических процессов организма (напр., при беременности, при тифе и др. подобных случаях), то и характер возбуждения пищевого центра варирует, а след., должна варировать и его функция—наши суб'ективные переживания голода—аппетита, („легкий аппетит", „мучительный голод", потребность то „кислого", то «сладкого», то „соленого" и т. д.). Таков путь возбуждения пищевого центра через кровь, стоящий, как видим, в непосредственной связи с количеством и качеством пищи, вводимой в организм. Попадая в организм и представляя комплекс химических соединений она всасывается, проходит через стенки пищеварительного канала, попадает в кровь, с нею приносится к железам и к аппаратам пищевого центра возбуждает их тем или иным образом и через посредство пищевого центра направляет работу (возбуждает или тормозит) и всех рабочих органов „пищевой фабрики" (желез и т. д.).

Когда химический состав крови, благодаря введенной пище, становится нормальным, она перестает возбуждать пищевой центр и железы. Пропадает и ощущение голода-аппетита. Функцией этих сложных физиологических процессов служат, как видно, наши суб'ективные переживания голода-аппетита и их вариации. Из сказанного связь об'ективного голодания и психического голода-аппетита ясна [1]).

Вторым *путем возбуждения пищевого центра служит путь рефлекторный—прямое раздражение теми или иными пищевыми реагентами воспринимающих органов (рецепто-*

---

[1]) См. подробно об этом в ук. раб. Бабкина, Немилова, Тарасевича: О голодании. 1907, Киев, См. подробнее об интегрирующей и координирующей роли кровеносной системы вообще: Л. Фредерик—Химическая координация в жизненных явлениях. Сб. Успехи биологии «Одесса, 1912, 68 и сл. А. Немилов - Гормоны П. 1917. Биддль:—Внутренняя секреция. E. Gley: Quatre lecons sur les sécretions internes. Paris. 1920.

ров) нервной системы. Полученное ими раздражение передается по проводящим путям в пищевой центр и приводит его в возбуждение. Итогом его служат множество „приказов“, рассылаемых им в подчиненные ему пищевые органы, соответственное возбуждение их и приведение в движение всей „пищевой фабрики“. Суб‘ективным эффектом этих процессов является опять таки известное нам переживание «голода-аппетита». Проиллюстрирую сказанное на конкретном примере. Берем кусок бифштекса и кладем его в ротовую полость. Последний, соприкасаясь прямо с рецепторами нервной системы, заложенными в полости рта, возбуждает их; возбуждение передается в соответственный отдел пищевого центра, а последний, придя в деятельное состояние, передает это раздражение по центробежным путям к соответственным рабочим органам, напр., к слюнным железам, приводит их в деятельное состояние, напр., заставляет выделять соответствующее раздражению количество и качество слюны и т. д. В итоге такого возбуждения пищевого центра появляется переживание голода-аппетита. Отсюда явление, отмечаемое пословицей: L'appétit vient en mangeant. (Аппетит приходит во время еды) [1]. По мере заполнения желудка пищей возникают в соответственных периферических нервах раздражения, тормозящие возбуждение пищевого центра. Итогом их служит так сказать «успокоение» его, имеющее суб‘ективный функцией угасание аппетита. Вот *почему по мере еды последний* слабеет и исчезает. [2]).

Таков вкратце второй путь-рефлекторный—возбуждения пищевого центра и соответственных органов пищевой системы.

Сказанное дает только самое общее представление о механизме возбуждения пищевого центра и „голода-аппетита“. Для более точного ознакомления с сутью дела необходимы дополнения, рисующие более детально очерчен-

---

[1]) И. П. Павлов рассказывает, как после лихорадки он лишился аппетита и для его возбуждения решил выпить вина. „При первом же глотке я живо почувствовал его движение по пищеводу и в желудке (это значит раздражение от вина было воспринято рецепторами и передано в надлежащие центры)—и буквально моментально испытал приступ сильного аппетита (итог возбуждения пищевого центра П. С.). Смысл приведенных наблюдений в том, что осязание так сказать желудком входящей пищи может служить или толчком к возбуждению аппетита или условием, его усиливающим“. Павлов, Цит. раб. 133.

[2]) Бабкин, Н. 226—227—Суб‘ективную картину см. у Петражицкого. Цит. раб. Шервинский. Op. cit. 186—187.

ный процесс и механизм его выполнения, ибо и механизм и весь очерченный процесс in concreto гораздо более сложны и представляют аппарат весьма деликатный и тонкий. Дадим эти дополнения.

При рефлекторном пути возбуждения пищевого центра, как указано, необходимо возбуждение пищевым об'ектом рецепторов, связанных с этим центром.

Чтобы это могло иметь место, об'ект должен обладать надлежащими качествами. Не всякий предмет, положенный, напр. в рот, влечет такое возбуждение пищевого центра и соответственно-органов пищевой системы, напр. секреторных. Слюнные железы, напр., не приходят в действие в том случае, если в полости рта находятся вещества, обработка или удаление которых изо рта не требует слюны (вода, лед, круглые камешки) [1].

Иными словами, для приведения в деятельное состояние пищевого центра нужны раздражители, обладающие надлежащими свойствами. Какие именно вещества ими будут— это предрешено прежде всего всем филогенетическим развитием, в течение которого произошел отбор годных и негодных для питания веществ, с одной стороны, с другой— предыдущим опытом организма.

В процессе филогенетического и в меньшей мере индивидуального развития уже установилась *связь между определенными веществами, действующими на рецепторы пищевого центра, и характером реагирования последнего, а через него и всего организма на раздражение этих об'ектов.*

Можно различать три категории об'ектов и соответственно три способа реагирования на них пищевого центра и всех органов питания, а стало быть и всего организма. 1) *Категория об'ектов, обычно вызывающих положительное возбуждение пищевого центра*, а через это—такую работу всех регулируемых им органов питания, которая направлена на овладение и усвоение таких об'ектов организмом. Когда такой об'ект, напр. кусок хорошего и вкусного мяса, попадая в ротовую полость, раздражая находящиеся здесь нервные окончания, через них передается пищевому центру и возбуждает его положительно, итогом этого возбуждения служат „приказы“ последнего, вызывающие жевание, глотание, выделение железами своих секретов, помогающих прохождению об'екта в желудок, его химическому расщеплению и усвоению.

---

[1]) Бабкин, Ib. 31—32—Лондон, там же 9 и сл.

Суб'ективная функция такого положительного возбуждения—появление переживания аппетита-голода, переживания «вкусности», желательности, удовольствия от еды и т. д. 2) *Категория об'ектов, нормально вызывающих торможение или отрицательное возбуждение пищевого центра*, а через это такую работу всех органов питания и всего организма, которая направлена на освобождение организма от такого об'екта.

Например, кусок кала или гнилой мыши, попавший в рот, и возбуждающий ротовые рецепторы пищевого центра, обычно вызывают отрицательную реакцию со стороны последнего. Следствием такого отрицательного возбуждения служат приказы—слюнным железам—выделять „обмывающую", жидкую слюну, помогающую обмыть и очистить рот от этих об'ектов, а в случаях, когда об'ект проскочит дальше, приказы ряду мускулов делать сокращения, ведущие к рвоте, стало быть к очищению организма от реагента и т. д. Суб'ективными эффектами такого отрицательного возбуждения служат: переживание отвращения к таким об'ектам, моментальное угасание аппетита, если он был, тошнота, ряд страдательных переживаний и т. д. [1]).

3) *Категория об'ектов, повидимому, не вызывающих обычно ни положительное, ни отрицательное возбуждение пищевого центра и органов питания*, напр. круглые чистые камешки и т. п. Те и другие остаются, так сказать, нейтральными при их раздражении.

Таковы три категории об'ектов и три способа реакции на них со стороны пищевого центра и организма, установившиеся еще в процессе филогенезиса. *Эти связи между ними и способами реакции наследственны, иначе безусловны.* Они не зависят нормально от „сознания». Как общее правило—уже оказывается предрешенным: какие об'екты для человека входят в каждую их этих категорий и какого рода реакцию положительную, отрицательную или никакую вызывают они при определенных условиях со стороны пищевого центра и других органов питания, раздражаемых ими [2]). Если грудные дети сосут молоко, взрослые люди

---

[1]) То же и у животных «На раздражение полости рта (собаки) веществами, отвергаемыми собакой (кислота, горчичное масло, перец и проч.) выделяется из слюнных желез жидкая слюна (обмывающая рот), а на вещества поживаемые—слюна густая». Зеленый—Материалы к вопросу о реакции собаки на звуковые раздражения. СПБ., 1907, 28.

[2]) Ниже мы увидим, что благодаря целому ряду специфических условий эти связи об'ектов и реакций могут быть извращены и нарушены—раз,

едят мясо, рыбу, хлеб, яйца, масло и т. д., с одной стороны и не едят, а если попадает в рот, выплевывают и выбрасывают червей, гусениц, кал, землю, тухлое мясо и т. д., то не потому что они „сознательно“ путем химического анализа и знания их питательных свойств, состава и числа калорий пришли к выводу о пригодности первых и непригодности вторых, (такие сведения свойственны единицам, а масса о них и теперь не имеет никакого понятия, тем более это применимо к дикарям и нашим предкам), а потому, что здесь имеются эти безусловные связи, установленные в процессе филогенезиса, потому, что дан регулирующий механизм пищевого центра, „бессознательно-гениально“ решающий путем одного из очерченных способов возбуждения: что пригодно и что не пригодно для питания организма. Сами вкусовые ощущения в громадной части суть следствия этого родового опыта [1]).

Все такие об'екты, вызывающие положительное или отрицательное возбуждение пищевого центра без всякого сознания, в силу наследственности, можно назвать *положительными или отрицательными безусловными раздражителями.* Реакции, вызываемые ими со стороны пищевого центра, органов питания и организма—*безусловными рефлексами.* Связи безусловного раздражителя и соответственной реакции—*безусловной или наследственной связью.*

Таков *механизм рефлекторного возбуждения пищевого центра через безусловные раздражители.*

Уже из сказанного об'ясняются почти все те факты, которые приводит Л. И. Петражицкий для доказательства отсутствия связи между „физиологическим и психическим“ голодом. Положительное возбуждение пищевого центра интенсивными положительными раздражителями, напр., вкусными и лакомыми блюдами, введенными в рот, может быть и при сравнительно сытом состоянии (ибо амплитуда возбуждения пищевого центра имеет известные и довольно значительные пределы, как и каждого центра, напр, поло-

---

могут быть вызваны их вариации и модификации—два (чем и об'ясняется то, что часто люди не едят вполне питательные об'екты—«нечистые» твари— и едят менее питательные—«чистые животные,—или то, что китайцы едят мышей и крыс, а русские, напр. отвергают их), но эти исключения не колеблют общего правила и об'ясняются вторжением ряда новых детерминаторов или условий.

[1]) См. ряд правильных замечаний об инстинктивной природе нашего питания у Rubner'a. Uber moderne Ernährungsreformen, 186—7, 251. Его же: Питание и пищевые продукты. 1909. и Wandlungen in der Volksernährung. Leipzig. 1913.

вого, при искуственном раздражении); стало быть, появление аппетита, как функции этого возбуждения, может быть и в этих условиях. Такими же возбуждающими условиями может быть, как увидим сейчас, и множество других условий. Когда ряд таких положительных возбудителей, солидарно действующих. совпадает, они могут подавить раздражения, исходящие из „сытого" желудка, и стремящиеся затормозить возбуждение пищевого центра, и вызвать положительную реакцию последнего, итогом чего служит появление аппетита (подобно ряду сил, толкающих предмет в одном направлении и преодолевающих сопротивление меньшей силы, действующей в обратном направлении).

Становится понятным и то, почему при наличности волчьего аппетита он вдруг пропадает, когда, напр., вместе с супом к нам в рот попадает червяк или таракан или что-либо из отрицательных возбудителей. Если суп, являясь положительным раздражителем, возбуждает пищевой центр положительно, следствием чего служит появление голода-аппетита, то червяк, наоборот, гасит это возбуждение или вызывает отрицательную реакцию пищевого центра, а последнее обстоятельство неизбежно должно сопровождаться уменьшением или исчезновением аппетита и реакциями очищения организма от вредного реагента [1]).

Наконец, тот факт, что острота переживания голода растет не вполне параллельно физиологическому голоду, что при росте последнего первый не растет, вспыхивая ко времени обычной еды и угасая в дальнейшем, хотя бы мы и не пообедали, опять таки не является возражением. Почему? По многим основаниям. Во первых при регулярном питании „по часам" вполне естественным является правильное периодическое возбуждение пищевого центра к определенному времени. Как хорошие часы он сигнализирует во время о необходимости поесть. Исчезновение голода-аппетита в дальнейшем вполне может быть об'яснено рядом различных, пока быть может и не вполне нам известных (мы так еще мало знаем механизм и устройство нашего тела и особенно нервной системы) раздражений, тормозящих положительное возбуждение пищевого центра. В частности;

---

[1]) Такая победа отрицательного раздражителя над положительным опять таки понятна и часто целесообразна с общебиологической точки зрения самосохранения организма. Отказ от пищи на время или отсрочка ее введения, в большинстве случаев, грозит организму меньшей опасностью, чем введение в него ядовитого или вредного вещества, способного повлечь гибель организма или ряд крупных вредных результатов.

очень может быть, что организм, не получивший пищи извне, заимствует ее из себя, из своих „неприкосновенных запасов“ и таким образом „успокаивает пищевой центр“. В третьих исчезновение голода-аппетита в таких случаях бывает не на долго: он снова быстро появляется, если пища не вводится в дальнейшем. Это опять говорит не в пользу теории Л. И. Петражицкого. Правда, специфическое переживание голода после двух-трех дней абсолютного голодания ослабевает или даже как будто исчезает. Но, как ниже увидим, это исчезновение означает собственно расплытие его в ряду других, еще более тяжелых переживаний, наступающих при дальнейшем голодании (общая слабость, тошнота, головокружение, боль в голове, в сочленениях и т. д.). Специфическое чувство голода тонет в общей симфонии острых страдательных переживаний и теряет в них свои специфические черты. Наконец, редко между физиологическим процессом и суб‘ективным переживанием, ему соответствующим, параллелизм бывает абсолютным. Это следует уже из того положения („закон“ Вебер-Фехнера, в точности неверный, но в принципе правильный), что ощущение не растет абсолютно параллельно раздражению (по зак. Веб.-Фехнера первое равно логарифму раздражения). При разрушении зуба процесс разрушения идет непрестанно, раз мы не принимаем мер, но зубная боль идет не абсолютно параллельно этому процессу: то она обостряется, то слабеет, хотя процесс разрушения, ее вызвавший, и продолжается. Странно было бы на этом основании доказывать, что психическое переживание зубной боли не стоит в связи с физиологическим процессом разрушения зуба и раздражения соответственного нерва.

Из сказанного мы уже видим, что все факты, указываемые Л. И. Петражицким, отлично об‘ясняются с точки зрения очерченной „физиологической“ теории голода.

Сказанным, однако, не исчерпывается механизм рефлекторного возбуждения—(положительного и отрицательно-тормозящего)—пищевого центра. Из наблюдений и личного опыта мы знаем—и опять таки факты верно указываются Л. И. Петражицким,—что переживание „голода—аппетита“ может возбуждаться или подавляться целым рядом условий и раздражителей, не являющихся раздражителями безусловными. Напр., аппетит может возникнуть благодаря звуку тарелок в столовой, запаху любимого блюда, зрительному восприятию хорошо сервированного стола, чтению страниц, „смачно“ описывающих лукулловские пиры, „игре

воображения“ и т. д. И обратно, он может быть подавлен благодаря аналогичным же раздражителям, не являющимся безусловными раздражителями и не воздействующим прямо на рецепторы пищевого центра. Как об‘яснить подобные факты? В чем здесь дело?

Дело в том, что *помимо безусловных раздражителей, вызывающих безусловные рефлексы, имеются еще раздражители условные, на которые организм, в данном случае пищевой центр, отвечают условными рефлексами.* Под первыми, как указано, следует разуметь наследственные рефлексы, когда нервные окончания, раздражаемые надлежащим раздражителем, без участия коры больших полушарий головного мозга, вызывают прямо соответственный рефлекс надлежащего рабочего органа (напр., руки, тех или иных желез и т. д.). Так, раздражение периферических нервов полости рта куском мяса, передаваемое в соответственный нервный центр („слюнной“) [1]), прямо вызывает соответственный рефлекс слюнных желез.

В таких случаях раздражение не восходит на решение „высшей инстанции“ в виде коры больших полушарий. Местные нервные центры или „специальные ведомства“, своею властью, без обращения к „верховной власти“ решают такие дела.

Иначе обстоит дело с условными раздражителями и с условными рефлексами. Если мы возьмем такой раздражитель, как свет электрической лампочки, звонок колокольчика или вид тарелок, то сколько раз бы ни зажигали лампочку или ни звонили или ни смотрели на сервированный стол, эти стимулы не в состоянии возбудить „пищевой центр“, не в состоянии вызвать, в отличие, напр., от куска мяса, деятельность слюнных и других желез пищевого тракта. Это значит, что наследственной, безусловной связи между ними и реакциями органов пищевой трубки и пищевого центра нет. Последние на них не реагируют. Раздражители безразличны, индифферентны для них. Однако, при известных условиях любой индифферентный раздражитель можно сделать действенным, можно установить связь между ним и реакциями органов питания, можно заставить их, напр., пищевой центр положительно или отрицательно возбуждаться, слюнные железы давать слюну на свет электрической лампочки, на звонок колокольчика, на вид тарелок, короче—на любой индифферентный раз-

---

[1]) См. Лондон. Ц. р., 13.

дражитель. Что для этого нужно? *Нужно совпадение во времени действия безусловного и индифферентного раздражителя. После ряда повторений такого совпадения* (число повторений вариирует в зависимости от многих условий) *индифферентный раздражитель, не вызывавший ранее никакой реакции, становится не индифферентным, условным раздражителем.* Между ним и (в данном случае) пищевым центром и органами питания устанавливается *условная* связь, последние начинают реагировать на действия первых. Так, если в момент, когда мы кладем в рот кусок котлеты (безусловный раздражитель, возбуждающий пищевой центр положительно) будем зажигать электрическую лампочку, или звонить в колокольчик, или видеть накрытый стол (индифферентные раздражители), то после ряда повторений такого совпадения достаточно будет зажигать одну лампочку, или слышать звонок, или видеть накрытый стол, чтобы пищевой центр стал положительно возбуждаться, чтобы „слюнки текли из рта", и как результат этого,—чтобы у нас появилось ощущение голода-аппетита.

Если же индифферентный раздражитель совпадает во времени с отрицательным безусловным возбудителем пищевого центра, напр., звонок колокольчика с моментом попадания в рот кала или гнилого червя, (т. е. безусловных раздражителей, вызывающих безусловный отрицательный рефлекс), то после ряда таких совпадений достаточно будет одного звонка колокольчика, или другого индифферентного раздражителя, чтобы вызвать отрицательное возбуждение пищевого центра и соответственные реакции других органов питания, а в суб'ективном мире—переживания тошноты, отвращения, исчезновения голода-аппетита и т. д. Благодаря повторению одновременного действия безусловного и индифферентного раздражителей, последний делается из индифферентного - условным возбудителем, вызывающим условный рефлекс.

То же имеет место не только в области условных рефлексов, связанных с питанием, но и во всех других. Напр., после ряда совпадений действия укола руки булавкой (безусловный раздражитель, вызывающий реакцию отдергивания руки и переживание боли), и зажигания электр. лампочки, достаточно будет зажигать одну лампочку, чтобы получался рефлекс отдергивания и переживание болевого укола.

Легко понять, что условными раздражителями могут стать любые индифферентные раздражители. „Все, что угодно, из внешнего мира можно сделать раздражителем

слюнной железы. Основное условие для этого-совпадение во времени“ [1]).

Нервный путь возбуждения условного рефлекса иной, чем безусловного. Там дело обходилось без участия коры больших полушарий головного мозга. Здесь участие последней необходимо. Здесь путь более длинный, путь „окольный“. Звук тарелок (условный раздражитель), воспринятый слуховым аппаратом, здесь идет сначала в соответствующий центр больших полушарий, оттуда через передаточные пути передается в соответственный нервный центр, заведующий данными функциями, и только оттуда уже в соответственные рабочие органы: к мускулам и железам, дающим надлежащие условные рефлексы. Образно говоря, здесь дело как бы восходит на решение высшей нервной инстанции,—верховной власти—и оттуда уже идет к низшим инстанциям и исполнительным органам. Отсюда понятно, что „нервная система не есть только проводниковый прибор, но и замыкательный“ [2]).

При таком окольном пути пищевой центр и железы могут возбуждаться положительно или отрицательно,—соответственно возбуждать или подавлять аппетит,—самыми разнообразными агентами, если они стали условными раздражителями. Ими могут быть *все об'екты, воспринимаемые органом зрения* (вид мяса, накрытого стола, вид бутылки, цветов и т. д., вид таракана в супе, вид пальца прислуги, погруженного в подаваемое блюдо, вид какого нибудь предмета, возбуждающего аппетитные или тошнотворные представления, чтение тех или иных книг, рисующих смачные или неаппетитные картины и т. д.), *об'екты, воспринимаемые органом слуха* („звон тарелок“, звук трубы, по опыту Bogen'а через 40 повторений с мясом, становящийся условным раздражителем, звуки разносимой в тюрьме пищи, разговоры—аппетитные или неаппетитные,—напр., о трупах, о гнилой конине и т. д.), *об'екты, воспринимаемые органом обоняния* (запах жареного мяса или лука, запах цветов, запах тухлятины и т. д.). То или иное возбуждение пищевого центра и „отделение желудочного сока при виде, запахе и проч. есть рефлекс условный“. „Безусловный рефлекс возникает при раздражении полости рта химическими и может быть физическими свойствами того вещества, ко-

---

[1]) Павлов—Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных. Оттиск из „Психиатрической газеты“ за 1917 год, № 6, П. 1917 г. 10.

[2]) Павлов.—Там же. 11.

торое в данный момент животноеест. Условные рефлексы при еде этого же вещества передаются на желудочные железы с воспринимающих поверхностей глаза, уха, носа, а также вероятно, и из полости рта“ [1]).

Какие условные раздражители будут вызывать положительную реакцию пищевого центра и органов питания, какие отрицательную,—все зависит от того, с каким безусловным раздражителем—с положительным или отрицательным—они сочетались. Так как в сложных условиях общественной жизни разные люди находятся в этом отношении в разных условиях: у Ивана действие положительного безусловного раздражителя могло многократно совпадать с одним индифферентным условием, напр., с музыкой граммофона, постоянно воспринимавшейся одновременно с обедом, у Петра—с другим, напр., с видом цветов, бывших на столе,—то легко понять, что один и тот же об‘ект может вызывать у одних положительное возбуждение пищевого центра и соответственно аппетита,—у других—не вызывать никакого возбуждения, у третьих—возбуждение отрицательное. Иными словами, здесь неизбежно будут крупные вариации при переходе от индивида к индивиду, от народа—к народу, от одного социального слоя к другому.

В заключение характеристики условных рефлексов отмечу, что они не столь стойки, как безусловные, и *обладают способностью угасать*: если мы будем несколько раз вызывать условный рефлекс путем одного условного возбудителя, без безусловного раздражителя, на котором он воспитан, (напр., несколько раз вызывать слюноотделение путем зажигания электрической лампочки, не подкрепляя это дачей пищи), то через ряд повторений условный раздражитель будет бездейственным, перестанет вызывать рефлекс. и последний потухнет. Организм, как бы убедившись в «обмане“, перестает реагировать. Чтобы вновь оживить потухший условный рефлекс—нужно опять повторение совпадения его действия с безусловным рефлексом.

Отмечу еще, что условный рефлекс может быть воспитан не только на безусловном, но и на живом—не потухшем—условном же рефлексе [2]).

---

[1]) Бабкин. Op. cit. 224.

[2]) См. подробнее об условных рефлексах: Павлов: Настоящая физиология головного мозга. Его-же.—Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных. «Псих. газета». Зеленый—Психические реакции животных, как об‘ект естествознания. Природа 1913. Октябрь. Его-же. Современная биология и психология. Новые идеи в фи-

Таково вкратце понятие условных рефлексов и способ возбуждения пищевого центра и органов питания через условные раздражители. Из сказанного ясно их громадное значение в деле питания организма. Вполне понятными становятся и все факты возбуждения и уничтожения голода-аппетита, приводимые Л. И. Петражицким в пользу, якобы, независимости последнего от физиологического голода. Мы видим, что эти факты отлично об'ясняются с точки зрения „физиологической“ теории голода. Не только об'ясняются, но, по ознакомлении с нужными условиями, могут быть предсказаны в каждом данном случае. Связь—ясна. Самые капризные извивы кривой „голода-аппетита“, при учете механизма условных рефлексов, становятся понятными и вполне согласуются с теоремой, что *ход кривой суб'ективного переживания голода есть функция соответственного возбуждения пищевого центра, зависящего от характера воздействующих на него безусловных и условных—положительных и отрицательных—раздражителей.* Это значит: *суб'ективный аппетит-голод есть функция об'ективного дефицитного и сравнительного* (ибо, как видим, качество и количество пищевых агентов, даже при отсутствии дефицитного голодания, вещь не безразличная)—*голодания.* Для понимания любого „сомнительного“ в этом отношении факта, нужно только учесть: 1) характер раздражений, идущих от крови и воздействующих на пищевой центр в данный момент (химическое состояние крови), 2) характер безусловных и условных возбудителей, влияющих на этот центр в тот же момент, 3) характер других раздражений—посторонних для пищевого центра—прямо или косвенно влияющих на него через передаточные пути. Наше суб'ективное переживание голода-аппетита будет равнодействующей этих об'ективно-данных условий, всегда in concreto сложных и многочисленных. „В каждый данный момент животное (как и человек) подвергается целому ряду влияний, исходящих из окружающей среды; моментами то одна, то другая группа раздражающих влияний получает перевес над другими влияниями.

лософии. Сб. № 9. Целый ряд диссертаций: Красногорского, Цитовича, Фольберта, Дерябина, Орбелли и др. из лаборатории И. П. Павлова. Бехтерев: Общие основания рефлексологии. K. S. Lashley: The human salivary Reflex. Psych. Rev., 1916. № 6. J. B. Watson: The Place of the conditioned Reflex in Psychology. Там-же 1916. № 2. Сорокин. Система социологии т. I, 1920. 166—176. Из сказанного легко уже догадаться о громадном значении условных рефлексов не только в данной области, но в поведении человека вообще.

Таким образом, организмом овладевает то одна, то другая группа раздражений. Но обычно различные раздражения действуют на животное одновременно". [1]) Раз так, раз наш организм, а в частности и пищевой центр, в каждый данный момент находится под действием ряда различных раздражителей, то здесь, как и при других рефлексах, *возможны два основных случая*. „При корреляции одновременных рефлексов, те из них, которые взаимно усиливают друг друга (напр., здоровый организм, голодное состояние крови, чистый воздух, кусок вкусного бифштекса, положенного в рот, аппетитный запах поджаренного лука, стакан вина, и хорошо сервированный стол, цветы, положительно возбуждающая музыка, словом—комплекс положительных—безусловных и условных раздражителей, сопровождаемый положительным возбуждением пищевого центра через кровь, с одной стороны, с другой—полное отсутствие отрицательно-возбуждающих или тормозящих раздражителей. П. С.) сливаются в гармоническую группу" (и вызывают совокупно один и тот же эффект, в данном случае „волчий аппетит") [2]).

Это—„аллиированные рефлексы", их рефлекторные дуги—„аллиированные дуги". [3]) Такой же случай солидарного дей-

---

[1]) Шеррингтон: Ассоциация спинно-мозговых рефлексов и принцип общего поля. Успехи биологии. 19?1, 26—27.

[2]) Такой аппетит может быть вызван хроническим раздражением пищевого центра при некоторых заболеваниях мозга. «В таком случае наблюдается неукротимое желание принимать пищу, и такие больные жалуются на постоянный голод, хотя едят гораздо больше, чем нужно для покрытия расходов тела». Такие случаи говорят о том, чте здесь все тормозящие возбуждения подавляются противоположными, идущими из других частей нервной системы связанных с пищевым центром. Немилов. Ib. 87.

[3]) Шеррингтон, Ib. 26—27, 40. Прекрасную художественную иллюстрацаю этого случая рефлекса—вполне верную—дату Чехов в своем рассказе «Сирена». Приведу отрывки, отсылая читателя к самому рассказу. «Мы все сейчас желам кушать, говорит здесь Жилин, потому что утомились и уже четверый час (давно не принималась пища, след. кровь влияет положительно, из желудка не полного не идут «тормозящие влияния» П. С.), но это, душа моя, не настоящий аппетит. Настоящий волчий аппетит, когда, кажется, отца родного с'ел бы, бывает только после физических движений, напр. после охоты с гончими. Тоже много значит и воображение (условные рефлексы П. С.). Ежели, положим, вы едете с охоты домой и желаете с аппетитом пообедать, то не надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике, да закусочке. Я раз дорогою закрыл глаза и вообразил себе поросеночка с хреном, так со мною от аппетита истерика сделалась. Ну-с, когда вы в'езжаете к себе во двор, то нужно, чтобы в это время из кухни пахло чем нибудь этаким, знаете ли. Ну-с, когда вы входите в дом, то стол уже должен быть накрыт, а когда сядете, сейчас салфетку за галстук и не спеша тянетесь к графинчику с водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не в рюмку,

ствия может дать и совокупность отрицательно-возбуждающих пищевой центр гумморальных и рефлекторных—безусловных и условных—раздражителей, при отсутствии влияния обратных раздражителей (напр., болезненный организм, не голодное состояние крови, полный желудок, кусок тухлого мяса, попавший в рот, вид таракана или мыши в супе, грязная скатерть, запах тухлятины, духота, разговоры о трупах с червями, горе и т. д.). Все эти условия солидарно дают один и тот же эффект—отрицательное возбуждение пищевого центра. Появление голода-аппетита или—если он был—не исчезновение его в этих условиях было бы чудом. Таков первый случай совместного действия множества условий-раздражителей, когда эти условия действуют солидарно, и нет раздражителей, действующих в обратном направлении. В действительной жизни такая ситуация дана, однако, весьма редко. Чаще всего бывает, что человек и его пищевой центр находится под влиянием ряда условий-раздражителей, в той или иной мере противоречащих друг другу. Говоря словами Шеррингтона, существуют рефлексы-антагонисты, несовместимые друг с другом. Они не только не содействуют друг другу, а даже задерживают друг друга [1]). В применении к интересующей нас области это значит, что *часть раздражителей, среди которых находится человек, вызывает положит. возбуждение пище-*

в какой нибудь допотопный дедовский стаканчик из серебра, или в этакий пузатенький с надписью «Его же и монаси приемлют» (все положительные условные возбудители) и выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолок поглядите, потом, этак, не спеша поднесете ее, водочку то, к губам (дразнение и срок, чтобы секреторные органы начали работать) и тотчас же у вас из желудка по всему телу искры (действие безусловного положительного раздражителя). Как только выпили, сейчас же закусить нужно (пол. безусловн. раздражитель), Ну-с, а закусить, душа моя, тоже нужно умеючи. Самая лучшая закуска-селедка" и т. д. Чехов, Собр. соч. П. 1918, т. I. 13—18. Здесь все верно, как верно и то, что своими описаниями (условн. полож. раздр.) Жилин так раздразнил „аппетиты" слушателей (еще не обедавших), что они, особенно председатель суда, писавший „особое мнение", не были в состоянии больше бороться с искушением и, не кончив дела, уехали обедать. См. научное оправдание всего этого у Павлова: Лекции о работе главных пищев. желез. 204 и сл.

[1]) Шеррингтон: Ib. 40. См. также Зеленый: Материалы по вопросу о реакции собаки на звук раздражения. 28—32. См. подробнее об антагонизме и солидарности различных стимулов, одновременно воздействующих на человека и их взаимно укрепляющем и взаимно тормозящем влиянии на акты человека у Washburn: The function of Incipient Motor Processes в Psych. Review. XXI v. № 5, 376 и сл. Russel: Compound substitution in behavior. Там-же. XXIV v. № 1, 62 и сл. Г. Фольберт, Тормоз. усл. рефлексы. Спб. 1912.

вого центра, а след. и голод-аппетит, другая часть—отрицательное, след., уничтожает голод—аппетит. Обе группы возбудителей антагонизируют друг с другом и стремятся вызвать от пищевого центра противоположные реакции, а след., в нашем суб'ективном мире—противоположные переживания. Дана, иначе, „дуэль" раздражителей. Исход дуэли решается сравнительной силой каждой из двух антагонизирующих групп раздражителей. Если их силы неравны, победитель овладевает пищевым центром и вызывает в нем и в органах питания соответственные ему реакции. Если силы равны—антагонисты уничтожают друг друга и пищевой центр впредь до изменения равновесия сохраняет status quo ante. Сказанное об'ясняет, почему иногда после длительного голодания, когда мы больны, или горюем, у нас нет аппетита; [1]) почему готовый аппетит, при раздражителях, вызывающих страх, ужас etc, пропадает, [2]) почему при сильной умственной работе, тормозящей деятельность пищевого центра, нет хорошего аппетита и т. д. [3]). И обратно, почему, несмотря на наличие тормозящих факторов, тем не менее, мы часто испытываем желание есть (напр., в состоянии горя, при еде

---

[1]) „Аппетит, как страстное желание еды, есть, конечно, сложное ощущение и для наличности его во многих случаях требуется не только существование в организме потребности в новом питательном материале, но и состояние полного здоровья, ощущение этого здоровья во всех аппаратах пищеварит. канала». Павлов: Лекции 132—133.

[2]) Н. К. Кольцов, напр., правильно указывает подавляющую и расстраивающую роль в деле питания населения России за эти годы тех нервных потрясений и волнений, которые массовым образом были вызваны революционными событиями. См. его цит. ст., 419—20.

[3]) В том же разсказе Чехов отметил и этот факт. „Ежели вы желаете с аппетитом пообедать, то никогда не нужно думать об умном: умное, да ученое всегда аппетит отшибает. Сами изволите знать, философы и ученые насчет еды самые последние люди и хуже их, извините, не едят даже свиньи». Сирена. т. I. 14.

Тот же тормозящий фактор отмечает и И. П. Павлов. «Если представим себе человека, умственно-занятого, среди как-ниб. горячей служебной деятельности, то как часто случается, что такой человек ни на минуту не может оторваться мыслью от своего дела. Он ест как бы незаметно для самого себя, ест среди непрерывающегося дела. Такое систематическое невнимание к еде готовит, конечно, расстройство пищеварит. деятельности. Запального сока нет или очень мало; отделительная деятельность разгорается медленно; пища остается в пищеварительном канале гораздо дольше, чем следует, и т. д. Именно в русских т. н интеллигентных классах часто встречается вполне не физиологич. отношение к делу еды. Более установившиеся нации, напр. англичане, сделали из еды как бы род какого-то культа. Высокомерное невнимание к еде есть неблагоразумие; не увлекайся, но отдай должное внимание—отдай Божие Богу и Кесарево-кесарю». Павлов: Лекции 202—3.

пищи тухловатой, малопитательной, обычно не вызывающей никакого аппетита, в наше время многие не без аппетита едят конину, собачину и т. п., в нормальное время вызывавших скорее отвращение, чем аппетит, и т. д.). Первые случаи говорят о том, что «дуэль» закончилась победой тормозящих раздражителей, вторые—говорят о победе положительных раздражителей над тормозящими.

Из предыдущего ясен в основных чертах механизм функции питания челов. организма, его «директора», „рабочие органы“, способы приведения в действие этого механизма и способы регулирования работы „пищевой фабрики“. Мы видим, что этот механизм очень сложен, очень деликатен и целесообразен. [1]). Мы видим, что основная часть его работы совершается помимо высших центров сознания (гуморальный способ возбуждения и чрез безусловные рефлексы). [2]) Мы познаем сложность всех тех условий, от которых зависит работа пищевого центра и всей пищевой фабрики. Для нас становится бесспорной как связь об‘ективных физиологич. процессов и суб‘ективных переживаний голода-аппетита, так и связь колебаний того и другого ряда явлений. Для об‘яснения кривой голода-аппетита нет никакой надобности в допущении каких либо иных „независимых переменных“, кроме физиологических процессов, вызываемых всей совокупностью об‘ективных, осязаемых раздражителей, влияющих прямо или косвенно на пищевой центр и подчиненные ему органы. Характер этих раздражителей обусловливает характер физиологических процессов в области питания; и вместе с ними характер соответственных психических переживаний сытости или приятного аппетита, слабого голода или голода мучительного. Таким образом перебрасывается мост от внешнего мира к суб‘ективным переживаниям. Среди этих внешних раздражителей основ-

[1]) А. В. Немилов резонно говорит, что „весьма целесообразно, что природа не доверила разуму человека следить самому за поступлением пищи в тело. Как только фабричное производство тела начинает ощущать недостаток в топливе (пище), сознание уже получает сигнал об этом в виде просыпающегося переживания голода; чем ближе и ближе дело подходит к тому моменту, когда организм начнет сжигать свое живое вещество, тем настойчивее становятся сигналы. Их можно сравнить с грозным набатом, оповещающим организм о возможности катастрофы. Послушный этому набату человек стремится наполнить свои органы пищеварения новыми зарядами энергии. Никакие доводы разума не могли бы так надежно обеспечить своевременное поступление пищи в организм». Немилов: О голодании. 82—83.

[2]) Ниже мы увидим, что этот механизм у человека уже попорчен значительно под влиянием ряда социальных условий.

ными и главными являются: пищевые реагенты, их качество и количество, поступающее в организм. Колебание этих независимых переменных (случаи дефицитнаго и сравнительнаго голодания) вызывает и колебание физиологических процессов и соответственное вариирование суб'ективных переживаний.

* * *

Познакомившись с понятием голодания, с механизмом „пищевой фабрики" и способами его работы, перейдем теперь к изучению тех функций, которые вариирование количества и качества пищи, поступающей в организм, и частоты ее поступления вызывает: 1) в строении самого организма, 2) в его физиологических функциях, 3) в его психических процессах, 4) в поведении человека, 5) в социальной организации и жизни населения.

Хотя моей непосредственной задачей служит выяснение четвертого и пятого пунктов, но так как социальные процессы, в конечном счете,—функция поведения членов общества, поведение же каждого из них—функция строения их организмов и их физио-психических свойств, то без выяснения, хотя бы самого краткого, пунктов: первого, второго и третьего, невозможно выяснить и пункты четвертый и пятый. Поэтому приходится остановиться на первых пунктах. Отсылая за подробностями к курсам анатомии и физиологии человека, а равно и к специальным трактатам, пункты: 1, 2 и 3 я задену весьма кратко и лишь с тех сторон, которые непосредственно нужны мне для выяснения моих непосредственных заданий, т. е. функций голода в области поведения людей и социальных процессов [1]).

---

[1]) Ряд черезчур рьяных защитников «автономии» социологии от других наук, пожалуй, возразят, что все эти вопросы, как и „введение", не нужны и излишни. Отвечаю на это, что они, как отправной пункт, необходимы. Автономия биологии ничуть не мешает всем ея дисциплинам исходить и ссылаться на данные физики и химии и в этом стремлении биологи не только не видят ничего зазорнаго, но всемерно стараются довести его до максимума. Так же обстоит дело и с взаимоотношением социологии к биологии. Игнорирование ее данных обычно ведет таких „автономистов" к обоснованию своих теорий на одной фантазии. Я не поклонник таких приемов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изменение строения, физиологических и психических процессов организма с варьированием количества и качества поглощаемой (и усвояемой) им пищи, в частности при голодании.

---

§ 1. Изменение соматического строения животных под влиянием изменения питания.

Характер движений любой машины зависит прежде всего от ее строения. Меняется строение машины—меняются и ее движения, и тем сильнее, чем ceteris paribus резче изменение. То же применимо и к организму, в частности—к человеку. Если последний потерял руку или ногу, характер его движений—поведения—неизбежно будет иным. То же применимо и к любому изменению организма—его скелета, мускулатуры, секреторных органов, нервной системы и т. д.

Отсюда вывод: *одной из независимых переменных, функцией которых является характер поведения людей, а чрез это—и характер социальных процессов — служит строение организма. Изменение последнего влечет изменение поведения, это последнее, будучи массовым,—прямо или косвенно,—вызывает и изменение социальных процессов.*

Спрашивается: *не зависит ли деформация строения организма от количества и качества поглощаемой им пищи? С колебанием последних не изменяется ли первое?*—Несомненно. Это значит, что варьирование количества и качества пищи суть одно из независимых переменных (одно, ибо это изменение строения организма—функция многих переменных: наследственности, температуры, света и т. п.), варьирования строения организма; чрез него—варьирования поведения, чрез последнее—в случае массового варьирования,—независимая

переменная и социальных процессов. Эти положения несомненны, если только доказано, что с вариированием количества и качества пищи изменяется строение организма.

Доказано-ли?—Да. Из множества соответственных наблюдений и опытов приведу некоторые. За подробностями отсылаю к цитируемым работам.

Еще Дарвин отмечал зависимость целого ряда морфологических признаков от питания, напр., цвет канарейки. Пиктэ „показал, что путем питания гусениц непривычною для них пищею, можно вызвать сильнейшую изменчивость их (морфологических) форм“ (величины, цвета окраски, половых признаков etc.). По Де-Фризу „флюктуирующая вариация представляет собою явление, всецело относящееся к области физиологии питания“. То же на простейших констатировал и Дженнингс и др. [1]). „Hoffman убедился опытами над Nigella, Papaner, Rhaeos, Arücman и др., что под влиянием нарушенного питания у них изменяется строение и окраска крыльев и др. особенности, которые передаются даже по наследству. Пиктэ применял особый вид кормления для бабочек из семейства Ocneria dispar и получил у них изменения окраски и передачу его потомству“ [2]). „В зависимости от рода пищи разных зоологических видов наблюдается большое разнообразие особенностей строения отдельных частей пищеварительнаго канала“. (Формы клюва, зубов, желудка и т. п.). „Зависимость этих морфологических признаков от рода пищи Хольмгрэн и А. Данилевский доказали экспериментально. Кормя голубей исключительно мясом, они достигли почти полного превращения их в хищников. Мускулатура желудка, хорошо развитая у зерноядных птиц, атрофировалась, слизистая оболочка из роговой стала железистой и, что особенно интересно, изменился даже характер птиц: птицы становились злыми, раздражительными, с жадностью хватали пищу и т. д. [3]). Целый ряд опытов далее говорит о таких изменениях строения организма, в частности секреторных органов, в зависимости от пищи, которые находят свое выявление в определении *пола* организма. Напр., „Дафнии, размножающиеся партогенетически, при хорошем питании выводят самок, при плохом—самцов. Landois убедился, что хорошее питание способствует луч-

[1]) Р. Гольдшмидт: Основы учения о наследственности. СПБ. 1913. 49—62. Там же см. таблицы и фотографии.

[2]) Лапинский: О развитии личности у женщины. Киев. 1915. 51—52.

[3]) Б. Колдаев: Физиологич. приспособленность пищеварит. канала к роду пищи. Природа 1916. № 9. См. также Пашутин. 699.

шему определению пола, голодание влечет за собой недоразвитие половых органов, т. е. органов размножения". „Многие энтомологи (Gentry, Treat) пришли к заключению, что плохо кормленые гусеницы бабочек дают только самцов. Шульц убедился, что у гидры голодание способствует раннему половому созреванию и развитию мужских половых признаков. Marschal нашел, что у двукрылых плохое питание способствует появлению самцов в последующей генерации. По мнению Юнга, живот. пища благоприятствует появлению самок [1])". Опыты Gedda и Thomson'а показали, что даст ли яйцо пчелу-царицу или неоплодотвор. самку-работницу зависит от количества пищи. Из 100 головастиков при нормальном питании получается 43 самца и 57 самок, при усиленном 22 и 78, при роскошном получается 81 и даже 92 самки [2]). Множество таких опытов произведено и над млекопитающими. Henseler ставил их над свиньями. Они находились в одинаковых условиях, но питались разно: нормально, обильно и недостаточно. Чрез 199 дней между голодающими и откармливаемыми свиньями оказался ряд различий в строении и поведении; откармливаемые за это время прибыли в весе с 17 до 140 килогр., голодавшие— с 12,5 до 23,5 кил.; они резко различались по величине и по строению черепа (откармливаемые имели круглую, широкую голову, голодавшие—длинную, узкую) и т. д. [3]).

Опыты Осборна и Менделя, Галлибертона и Друммонда, Даниэльса и Никольса, у нас Палладина, показали, что в случае отсутствия в пище витаминов или „факторов роста" (по терминологии Палладина)—рост животных приостанавливался и прекращался. Они недоразвивались [4]).

Kohmann Emma, экспериментировала над крысами и получила такие итоги: При недостаточном введении белка— рост крыс приостанавливается, вес падает на 30—33% в 9—10 недель, на 46% в 16 недель, изменяется состав тканей организма; через 3 недели такого питания появляются отеки и т. д. С увеличением белка в пище [1]) эти явления исчезают. Сходные результаты были получены Б. И. Словцовым. „Прибавление фосфатного белка (из молока) к пище

---

[1]) Лапинский: Ib., 51—52.

[2]) Бехтерев: Значение гормонизма и соц. отбора в эволюции организмов. Природа. 1916. № 10.

[3]) Henseler: Untersuchungen über den Einfluss der Ernährung auf die morphologische und physiologische Gestaltung des Tierkörpers. Kühn—Archiv, 3 Bd., 1913, 243—361.

[4]) См. указанные выше ст. Палладина, Кольцова, Осборна и др.

влияет особенно резко на рост зубов". „На более молодых животных оно может способствовать и росту длинных трубчатых костей". „Заметно влияние на кровотворные органы". „Количество золы в длинных трубчатых костях становится больше". „Об'извествление костей идет более энергично" [2]).

Подобные факты отлично известны животноводам и ряд опытов был проделан ими. „К факторам, производящим глубокие изменения в организме животных, следует причислить корм. Обильное и скудное питание в молодости— весьма важный фактор изменчивости животных, значение которого недостаточно оценено и изучено до сих пор" [3]). Приведу два—три опыта. „Вольни одного козленка долго поил молоком, другого рано перевел на растительный корм. Оказались следующие различия в об'еме различных отделений желудка и длине кишечника.

	У козленка, получавш. растит. корм.	У козленка, поенного молоком.
Об'ем рубца и сетки равнялся	6910 куб. сант.	3150 куб. сант.
Длина всего кишечника . .	22.1 метров.	19,37 метров.

Собственные опыты Чирвинскаго над ягнятами (хорошо и плохо питаемыми грубым кормом) чрез 15 месяцев дали такие результаты. У плохо питаемых „общая длина кишечника в 44—51 раз превосходила длину туловища, а у хорошо питаемых—только в 33—38 раз". „Различия в об'еме желудка были еще значительнее". У первых на 1 кил. веса тела приходилось 270 к. с. об'ема желудка, у вторых— 800—900 к. с., т. е. в три раза больше [4]). Изменяются не только органы питания, но и другие. „При обильном кормлении животных в молодости значительно ускоряется и рост костяка", варьируют кости и даже череп овец по опытам Червинскаго, свиней, по опытам Натузиуса и др. [5]), Изменяется и сам состав тканей, и не только у самых испы-

---

[1]) Kohmann-Emma. Отек, вызываемый экспериментально недостаточным введением белков. Amer. journ. of Physiol, Bd. 51, № 2. 1920. Цит. по „Реферат. Медиц. журналу". 1920 Декабрь 17.

[2]) Словцов: Влияние фосфатного белка на рост и развитие костей. Рус. Врач. 1916. 121—128.

[3]) Чирвинский. Общее животноводство. СПБ. 1913. 239.

[4]) Чирвинский. Ib. 240—242.

[5]) Чирвинский. Ib. 244—258. Там же см. фотографии. См. ряд аналогичных данных у О. Кельнера: Кормление сельско-хозяйственных животных. 1912. Киев. 488—89. 614, 621, 629, 657—658 и 520 по 691.

тываемых организмов, но и у их потомства. Опыты Пашутина над собаками показали, что при небольшом уменьшении пищи (от 1/10 до 1/3) и при неслишком продолжительном голодании перед зачатием и во время беременности, состав тканей потомства изменялся: ткани делались водянистыми, количество плотных частей организма падало с 23,4 до 18,5, уменьшалось количество жира и т. д. [1]).

Приведенных фактов достаточно, чтобы признать, что *вариация количества и качества пищи, поступающей в организм животного, влечет изменение строения последняго.* Это явление, как видим, имеет место на всей животной лестнице, начиная с низших и кончая млекопитающими.

§ 2. Изменение соматического строения человека под влиянием питания.

Приведенные факты изменения строения организма животных под влиянием питания дают основание предполагать, что то же явление имеет место и у человека. Многочисленный ряд исследований и наблюдений вполне подтверждает это предположение. Начнем с органов питания.

Изменение органов питания.

Если обычная пища человека или целой группы груба, тверда, жестка и пищевые об'екты весьма часто употребляются ими в сыром виде, то, согласно нашему предположению, у такого человека или у целых групп, имеющих такое питание, раз они не гибнут, должны быть *сильно развитые челюсти и зубы,* позволяющие им размельчать, дробить и приводить в более или менее усвояемую форму эту грубую пищу. У групп, имеющих на протяжении ряда поколений, более легкую и менее жесткую и грубую пищу, эти органы не нуждаются в таком развитии.

Если сравнить с этой точки зрения развитость этих органов у т. н. „первобытных“ и „диких“ народов, с одной стороны, у „культурных“ народов, с другой, то придется приоритет дать первым. Если сравнить пищу тех и других,

---

[1]) Пашутин. Цит. р., 1591 и сл.

См. также ряд опытов, указанных у Кельнера и Чирвинскаго и ряд др. фактов у Apert'a, ц. р., гл. VIII—IX. S. Morgulis, Studies of Inanition in its Bearing upon the Problem of Growth. Arch. f. Entwickungmech. 200—205.

то по степени жесткости, грубости и неудобоусвояемости пищи несомненный приоритет принадлежит опять таки им же. Ряд исследователей, в числе их Г. Спенсер, правильно указали, что развитость зубов и челюстей диких народов „находится в связи с употреблением грубой пищи, твердой, жесткой, нередко сырой“ [1]).

То же явление мы находим и в мире животных: их зубы и разжевывательный аппарат находятся в соответствии с родом их пищи; у травоядных они имеют одно строение, у плотоядных другие.

То же влияние количества, качества и характера пищи может быть, если не прямо, то косвенно констатировано *и на строении пищеварительных органов человека, в частности желудка и кишечника.* Нерегулярность питания дикарей, частая смена голодания обжорством и поглощением огромного количества пищи,—способность, в этих условиях благоприятствующая выживанию [2]),—ее низкое качество, требующее поглощения огромных доз, раздувание органов пищеварения газами от такой пищи и т. п., все это должно вызывать сильное развитие, большую длину и об‘емность этих органов у таких народов. Косвенные доказательства, повидимому, подтверждают это положение. Исследователи диких народов, находящихся в таких условиях питания, неоднократно отмечают „отвислый“, „вздутый“, „сильно—выдающийся“ живот их. „Камчадалов описывают, как людей с отвислым животом... О бушменах Барро говорит, что у

---

[1]) Г. Спенсер: Основания социологии. СПБ. 1898 г. т. I. 28. Waitz: Anthropologie. Leipzig. 1877 B. I, 109. и сл.; см. так же «Человек»—Ранке и в The northern tribes of Centr. Australia Б. Спенсера и Гиллена. 1904, гл. II.

[2]) См. об этом Спенсер: Там же, 29. «Путешественники, говорит Вестермарк, часто с удивлением отмечали то необ‘ятное количество пищи, которое нецивилизованные народы способны поглощать». Австралийцы нередко едят беспрерывно целый день. Пржевальский пишет, что монгол за один присест может с‘есть до 10 ф. мяса, а за 24 часа—целого, хорошо упитанного барана. Врангель описывает, что якуты за сутки с‘едали в шесть раз больше рыбы, чем Врангель и члены экспедиции. 5-летний якут в присутствии Кохрена с‘ел сразу: 3 сальные свечки, несколько фунтов прогорклого мерзлого мяса, большой кусок желтого мыла. Ряд тунгузов с‘едали за сутки до 40 фунтов мяса, Еуге пишет, что его спутник, австралиец, за одну ночь с‘ел до $6^1/_2$ ф. вареного мяса, не считая костей. По подсчетам Ross'а эскимос, кроме яиц, раковин, и растительной пищи, поглощает в год не менее 645 ф. рыбы и 748 ф. мяса и жира и т. д.

Westermarck: The origin and development of the moral ideas. Lond, 1908. v. II. 290—93.

Waitz: Anthropologie. B. I. 131—32. Там же ряд других подобных фактов.

них животы выдаются чрезвычайно. Швейнфут говорит об огромном вздутом животе племени акка; описывая ведда, Теннант упоминает о вздутых животах их детей. Гальтон упоминает, что дети у дамара обладают страшно вздутыми животами“ и т. д.[1]). „Весьма характерная черта всех молодых детей австралийцев—это сильно выдающийся живот“ [2]). Если частично эта „вздутость“, „висячесть“, „выпуклость“ живота может быть об'яснена распиранием его газами, (хотя привычки задерживать их здесь нет), то едва ли мы будем далеки от истины, если отнесем их за счет бóльшей развитости, роста об'ема и удлинения желудка и кишек дикарей, вызванных их пищевым режимом. Изменение последнего в сторону бóльшей доброкачественности и меньшей об'емности у культурных народов должно было влиять и фактически повлияло в обратном направлении (кроме случаев ожирения среди них, опять таки вызванного избыточным питанием [3]).

Питание и рост.

Не только строение органов питания зависит от количества и качества пищи, но и ряд других соматических признаков человеческого организма и их изменений связаны с этим фактором. Одним из них является *рост или высота* организма. А так как величина роста зависит от величины *костяка, то зависимость роста от питания означает и зависимость целого ряда морфологических признаков организма от исследуемой „независимой переменной“*. Конечно, величина роста—функция не одного характера питания (данного организма в молодые годы и его предков), а ряда других условий. Но в ряду их питание играет свою роль и, повидимому, роль весьма значительную.

К такому выводу приводят прежде всего недавние, уже упоминавшиеся, опыты Осборна, Менделя, Галлибертона, Друммонда, Палладина, Джэксона, Mc-Callum'a, Davis'a, Eijkman-Vonderman'a и др.

---

[1]) Г. Спенсер: Там же. 27—9,

[2]) B. Spenser and Gillen: The northern tribes. 1904, 36.

[3]) Подтверждением этому положению является и тот общеизвестный факт, что кишечник плотоядных животных менее длинен, чем травоядных, принужденных поглощать огромные количества растительной пищи. Не будет удивительным, если окажется, что некоторое изменение претерпело за эти годы и строение пищеварительных органов граждан ок Р. С. Ф. С. Р., набивавших свой желудок большими дозами малопитательных продуктов.

Из их опытов следует, что отсутствие в пище, вполне достаточной и доброкачественной во всех других отношениях, „жирового фактора А" (по терминологии Палладина), не имеющегося ни в растительных маслах, ни в свином сале, и наличного в молоке, рыбьем жире, в сливочном масле и т. п., отсутствие его в пище приостанавливает рост мышей, крыс и др. животных, на которых производились эксперименты. Когда последних кормили пищей, лишенной этого элемента,—рост их останавливался. Когда доставка последнего возобновлялась—рост продолжался и доходил до нормы [1]).

С полным правом авторы применяют это положение и к человеку, связывая его с деятельностью органов внутренней секреции. Рост и формирование костяка зависит от деятельности последних, а эта деятельность—от количества и качества химических тел, поступающих в организм в виде пищи и питья. Если в них отсутствуют нужные соли, витамины, липоиды и аминокислоты,—органы внутренней секреции перестают нормально работать, а благодаря этому деформируется и строение костяка и организма, в частности задерживается или замедляется рост. Так, „под влиянием питьевой воды (ненормального химического состава) изменяется еще внутриутробно щитовидная железа, вследствие чего получается уродство скелета (черепа, длины костей) и нервных центров вплоть до идиотизма (кретинизм). Жители Восточной Сибири, подпав влиянию недоброкачественной воды, приобрели уродливости скелета, выражающиеся в укорочении трубчатых костей" [2]). На той же почве возникают явления Базедовой болезни, микседемы и др. резких изменений строения организма [3]).

Легко понять, что пища целых групп может быть нередко неудовлетворительной с этой точки зрения. Не говоря уже об эпохах исключительных голодовок, в роде нашей, где помимо количественной и качественной недостаточности пищи, она наверняка не имеет достаточной дозы витаминов, липоидов или „факторов роста" (как много лиц, месяцами не имевших у нас молока, сливочнаго масла и для себя и

---

[1]) См. данные, кривые роста и цифры в указ. раб. Палладина, Осборна и др.

[2]) Лапинский: Цит. раб., 51.

[3]) См. о роли внутренней секреции в деле формирования сомат. строения организма, в создании уродливостей, в влиянии на рост в работах: Немилова о: Гормоны, в ук. ст. Кольцова, в трудах Gley, Биддл'я и др. Там же подробности, фотографии и рисунки.

для детей или имевших их в ничтожном количестве), и в нормальное время пища бедняков часто неудовлетворительна в этом отношении. В ней обычен „маргарин“ и растительные масла или сало, и редко сливочное масло. В ней мало белков и жиров животного происхождения [1]), растительные продукты далеко не всегда доброкачественны и т. п. Словом, с этой точки зрения питание бедняков часто весьма дефектно; по сравнению же с питанием богатых слоев оно вообще хуже.

Если верны эти предпосылки: 1) что рост зависит от питания, в частности, наличности в пище „жирового фактора роста“, 2) что питание бедных слоев часто дефектно в этом отношении, то отсюда следует, *что средний рост бедняков определенной расы, пола и возраста должен быть более низким, чем рост богачей той же расы, того же пола и возраста.*

Еще чаще указанные дефекты могут встречаться в пище многих дикарей, живущих среди скудной природы, часто голодающих, имеющих однообразную и бедную „жировым фактором роста“ пищу. Поэтому, согласно исследуемому положению, *рост их должен быть низким.*

Наконец, отсюда же следует, что *при росте благосостояния населения, а след., и улучшения его питания, средний рост поколений этого периода может несколько повышаться по сравнению с средним ростом поколений того же народа, живших в периоды менее благоприятные. И обратно.*

Таковы дедукции, вытекающие из очередных открытий биологии.

Подтверждаются ли они при проверке? Полагаю, что да. Из множества соответственных фактов и измерений приведу только некоторые, отсылая за подробностями и другими данными к указываемым работам.

Начнем с роста дикарей. Связь между поразительной малорослостью ряда диких народов или низших, наиболее бедных слоев одного и того же дикого народа, и их скудным питанием, давно уже была подмечена. „Когда сравнивают различие в росте, существующее между начальниками полинезийцев и низшими классами этих островов или между жителями вулканических, плодородных островов и бесплодных коралловых островов того же океана или фиджийцами востока и запада, где средства жизни очень различны, то

[1]) См. указ. выше работы Grotjahn'a и др. о питании бедных классов.

приходится думать, что лучшая пища и благосостояние влияют на рост“, писал еще Дарвин [1]).

Г. Спенсер также останавливал внимание на низком росте ряда диких народов. Таковы: чинчуки, шошоны, гвианские индейцы, арауканцы, эскимосы, лапландцы, камчадалы, тамумианцы, путтуасы, лепчасы, джуанги, огнеземельцы, андаманцы, ведда, бушмены, акка и т. д., средний рост которых колеблется от 4 до 5 футов, редко достигая 5 ф. 5. д. Эту малорослость их Спенсер ставит в связь с скудным питанием и неблагоприятной природой их обитания. „Поразительная малорослость эскимосов и лапландцев может зависеть отчасти от значительной физиологической стоимости жизни, обусловленной суровым климатом... То же можно сказать и о бушмэнах, скитающихся по стране, столь обнаженной, сухой и безводной, что она не может служить обиталищем ни для какого класса человеческих существ; и здесь можно предположить, что хронические голодания вызвали меньшую меру среднего роста“ [2]). Ряд данных того же рода приводит Waitz, и среди причин указывает на то же скудное питание. Так, индейцы одного и того же племени, но живущие в разных по обилию пищи областях Америки, и по силе, и по росту значительно отличаются друг от друга. Целый ряд народов (Takhalis на севере Нов. Каледонии, дикари-рыболовы в Колумбии, Paiuches Север. Колорадо, шошоны и др.), живущие в скудных областях и плохо питающиеся, имеют низкий рост. „Рост эскимосов колеблется в зависимости от богатства места их обитания“. „Якуты, живущие в долинах южной стороны гор в довольствии, имеют рост в 5′10″—6′1″, хорошо сложены и сильны, напротив северные якуты ниже среднего роста, слабы и нездорового цвета. То же различие имеет место и между чукчами оленеводами и чукчами побережными, уступающими в этих отношениях первым“. Такая же связь питания и роста оказывается между различными ветвями арабов: плохо питающиеся группы последних (напр., живущие в Haurau, южнее Дамаска) меньше ростом, чем, напр., некоторые группы феллахов и т. д. [3]). На ту же связь указывает и Peschel. У каффров средний рост членов правительственных семейств на 110 мм. оказался выше среднего

[1]) Дарвин: Происхождение человека, т. I. 126. Цитирую. за неимением сейчас под рукой Дарвина, по Де-Грефу: La structure générale des sociéte. 1908. v. I. 105.
[2]) Г. Спенсер: Ц. р., I. 25—6.
[3]) Waitz: Ц. р., 67—69.

роста подчиненных каффров, рост бушменов, живущих в плодородной области, оказался значительно выше роста бушменов вообще, очень низкого, и т. д. [1]). Рост низших каст Индии, равный в среднем 1.634, по сравнению с ростом средних каст той же расы, равным 1.646 (измерено было около 3 тысяч лиц), оказался также ниже [2]).

Не приводя дальнейших данных из сказанного, мы видим, что 2-ая наша дедукция находит подтверждение.

Конечно не все „дикари“ малорослы, ибо не все плохо питаются и питание не единственный фактор роста [3]). Но эксперименты биологии, плюс указанные факты, число коих можно весьма и весьма увеличить, вместе с нижеследующими данными, делают весьма вероятной связь между характером питания и ростом.

Что касается сравнительного роста лиц одной и той же расы, одного возраста и пола, но различающихся по степени благосостояния и питания, то весьма многочисленные измерения показали, что богатые и лучше питающиеся слои населения имеют в среднем рост более значительный, чем слои бедные и хуже или плохо питающиеся. Исследований на эту тему существует множество. Предпринимались они под разными формами. Во первых, многочисленные измерения роста новобранцев показали, что рост новобранцев одной расы, но более бедных (из бедных округов, бедных и плохо оплачиваемых профессий и т. д.) ниже роста богатых новобранцев [4]). Общий вывод многочисленных из-

---

[1]) O. Peschel: Völkerkunde. Leipzig. 1881. 85—6 и сл.

[2]) См. Crooke: The tribes and Castes of the North—Western provinces and Oudh. Calcutta. 1896. Среди различных слоев Индо-Арийцев, напр., Rajput of Udaipur и Chuhra of the Punjab, в силу различных соц. условий, в частности различия питания, рост так же неодинаков: у первых он несколько выше. См. The imperial gazetteer of India, vol. I. Oxford. 1907. 292—3 и сл.

[3]) Напр., люди и группы Warramunga среди австралийских туземцев выше людей Arunta, хотя условия питания первых не лучше, а скорее хуже вторых. См. Spencer and Gillen. Ц. р., 57—9.

[4]) См. цифры и данные у Villermé: Memoire sur la taille de l'homme en France. Annal. d'Hygiene publique. т. I. Paris, 1829 г. M. Livi: Sullo sviluppo del corpo in rapporto con la professione. Roma, 1897. Его же: Essai d'anthropométrie militaire. в Bull de l'Instit. intern. de statistique, t. VII. 2 livr. Анучин, О географ. распределении роста мужск. нас. России. СПБ. 1889. 15 и сл.; Carlier: Les rapports de la taille avec le bien-être в Annal. d'Hygiene. 1892, таблицы. Longuet: в Annal. de Demographie. 1900, Chalumeau: Influence de la taille sur la formation des classes sociales. Genève. 1896. Niceforo: Les classes pauvres. Paris. 1905. 78 и сл. I. Bertillon:

мерений роста солдат и новобранцев Франции, Германии, Италии, Швейцарии, С. А. С. Штатов и частично России тот, что рост падает по мере перехода от богатых к бедным одной и той же расы.

Так, по Livi средний рост итальянских новобранцев (измерено 256.166 солдат) оказался: учащихся (etudiants)—166.9, мелких торговцев—165.0, крестьян, ремесленников и рабочих—от 165, до 164.3. Рост французских новобранцев (по Longuet): учащихся—168.7, чиновников и служащих—167.4, коммерсантов и негоциантов—165.1, рабочих—164.4. Рост испанских новобранцев (по Oloriz) [1]): либеральных профессий—163.9, рабочих—159.8.

Рядом с измерениями новобранцев и солдат имеются многочисленные антропометрические измерения, произведенные с специальными целями. Не говоря уже об измерениях Villermé и Кеттлэ [2]), достаточно упомянуть имена Roberts'a, Pagliani, Landsberger'a, Manouvrier, Collignon, Niceforo, Zampa, Gould'a, Marty и др., и оффициальных английских, американских и итальянских изданиях, все эти исследовавания в общем дают вывод, что рост богачей выше роста бедняков того же возраста, пола и расы [3]). Эти авторы исследовали проблему с разных точек зрения.

Одни измеряли и сравнивали рост жителей гор, более бедных и хуже питающихся, с жителями долин, более богатых и обильнее питающихся; другие рост жителей более богатых департаментов с жителями более бедных областей, третьи—рост населения богатых кварталов с ростом населения

Taille в Diction. encyclopédique des Sciences médicales. и его же: La taille en France в Revue scientifique. 1885, 2-me semestre, № 16. Ammon: Die natürliche Auslese beim Menschen. 1893 и др.

[1]) См. Oloriz. La talla humana en Espana, Madrid. 1896.

[2]) См. Кеттлэ: Physique Sociale, ch. I, livre III.

[3]) См. Pagliani: Lo sviluppo umanò per età, sesso e condizione. Milano. 1879, ст. Roberts'a в Bullet. de l'Inst. int. de statistique, т. VII. liv. I, 13 и сл.; Roberts and Rawson: Final report of the Anthropometric Committee, Lond. 1884, Landsberger: Das Wachstum im Alter d. Schulpflicht. Arch. f. Antropol. XVII. 1877. Manouvrier. Sur la taille de Parisiens в Bull. de la soc. d'Anthrop. de Paris, 1888, 156 и сл., статьи Collignon'a в Bull. de la soc. d'Anthrop. de Paris за 1890, 1894 и 1895 г., Niceforo: Italiani del Nord e Jtaliani del Sud. 1901. Marty: Etude statistique sur l'influence de la profession... в Arch de medecine et pharmacie militaire, Gould: Investigations in the military and anthropological statistics of american soldiers. New-York, 1869, ук. работы Анучина, Niceforo: Les classes pauvres, Lexis'a: Anthropologie und Anthropometrie в Handwörterbuch d. Staatswissenschaften Conrad'a. 1908. B. I. 535—36. В последних 3-х работах см. указания на дальнейшие исследования.

кварталов бедных того же города, четвертые рост разных, более бедных и богатых профессий и групп и т. д. Более богатые слои означают и слои, лучше питающиеся. Больший рост их—функция многих условий, но в ряду их, как указывает большинство авторов, характеру питания принадлежит одно из самых главных мест. Из многочисленных данных и цифр я приведу лишь немногие, отсылая за дальнейшими к указанным работам. Бертильон, констатировав два разных по росту населения сев.-вост. Франции, видит причину различия их в различной степени благосостояния [1]). Мануврие критерием бедности населения разных округов Парижа взял процент даровых могил на 100 погребений в разных округах. Самый низкий рост оказался в XX округе, где % бесплатных могил оказался также выше. Рост падает, хотя и с отклонениями, по мере перехода от кварталов с наименьшим процентом даровых могил к кварталам с наибольшим процентом последних [2]). Niceforo, изучивший рост 3.147 детей г. Лозанны, получил следующие цифры.

Возраст.	Мальчики:		Девочки:	
	обеспеч.	бедные.	обеспеч.	бедные.
7 лет.	120.0	116.1	—	—
8 „	126.2	122.5	123.3	119.5
9 „	129.9	123.9	129.6	124.4
10 „	134.2	128.9	135.2	129.7
11 „	135.2	134.2	137.4	134.1
12 „	140.5	138.8	142.9	140.1
13 „	144.4	140.5	148.2	146.5
14 „	150.1	146.2	152.6	146.4 [3]).

По исследованию Pagliani рост детей в Турине оказался таким.

Возраст.	Рост мальчиков:	
	богат.	бедн.
11 лет.	133.6	128.5
12 „	137.0	132.5
13 „	142.5	138.6
14 „	150.6	140.0
15 „	157.2	148.6
16 „	163.8	151.2
17 „	164.0	151.4 [4]).

По данным Roberts'a 10 летние дети богачей имели средний рост в 135.7, бедняков—в 128.3.

[1]) См. ук. ст. его: Taille u La taille en France.
[2]) См. ук. ст. Мануврие в Bull. soc. Anthrop., 174—75.
[3]) Niceforo: Les classes. 21.
[4]) См. ст. Pagliani b Ann. di stat. 1878. 228.

В 1905—6 г. в Глазго было измерено до 72.000 школьников по весу и росту. Критерием благосостояния было взято число комнат в квартире родителей детей (признак, в Англии имеющий большое значение). Итог измерений был таков:

Число комнат в квартире.	Средний рост мальчиков в дюймах в возрасте: 5 л.	9 л.	13 л.
Одна	39.0	46.5	53.4
Две	39.9	47.6	54.1
Три	40.7	48.2	55.1
Более трех . . .	41.4	48.9	55.8
	Девочки:		
Одна	38.9	46.2	53.9
Две	39.8	46.9	54.8
Три	40.2	47.7	55.5
Более трех . . .	41.0	48.6	56.4 [1]).

Средний рост англичан разных профессий от 25 до 50 лет по Roberts'у оказался таким: у обеспеч. свободных профессий—172.4, у торговцев и лавочников—170.8, у рабочих, работающих на свежем воздухе—170.3, у шахтеров—169.8, у рабочих в закрытых помещениях—169.6. Сводная таблица роста англичан, построенная им, такова:

Возраст.	Классы аристократ. и свобод. профессий.	Городские ремесленники.
20	175.46	168.91
21—24	174.80	169.03
25—29	175.61	169.72
30—34	176.81	169.29
35—39	176.81	170.38
40—49	176.22	169.67
50—59	176.53	168.78
60—69	175.51	168.91 [2]).

Во всех этих измерениях больший рост богачей вызван, конечно, не одним питанием. Но различие питания этих слоев—один из главнейших факторов среди ряда их, порождающих эту избыточность роста сытых групп.

Не приводя других данных на основании имеющихся измерений мы можем считать вторую дедукцию оправданной.

---

[1]) Aug. Webb: The new Dictionary of statistics. Lond. 1911. 47.

[2]) См. Roberts: The Physic. developm. of the human body в Manual of Anthropology. 1878. См. ряд других таблиц у Mulhall: The diction. of statistics. Lond. 1903. 63—64.

Наконец, имеется кой-какой материал, подтверждающий и 3-ю дедукцию: рост поколений, родившихся и живущих в благоприятную экономически эпоху, несколько повышается, в неблагоприятную—особенно у детей—понижается. Так, изучение роста новобранцев Швеции и Голландии показывает, что средний рост их увеличивается с повышением благосостояния [1]). Аммон констатировал повышение роста

В Голландии рост рекрут.

Годы.	Менее 1.55 м.	1.70 м. и более.
1866—1871	,, 9.3%	24.8%
1872— 77	,, 7.6	26.0
1878— 83	,, 5.7	28.8

новобранцев Германии 80—90-х годов по сравнению с ростом новобранцев 40 и 50-х годов и об'ясняет его ростом благосостояния и в частности улучшением питания [2]). И обратно. В Германии за эти голодные годы войны „средний рост школьников уменьшился на 2 см. [3]). „Уменьшение питания во время последней войны не прошло без серьезного влияния на рост детей (во Франции и Бельгии). Д-р Camescasse отметил, что в эти годы, когда хлеб выдавался по карточкам детям, увеличение в весе и росте сильно уменьшилось и приостановилось“. То же констатировали M. Demoor и Dubois [4]). И в Петрограде средний рост детей 7—13 лет в 1920—22 г. оказался ниже роста детей этого возраста в нормальные годы. Это видно из нижеследующих цифр, указывающих рост детей г. Петрограда в 1921—22 г., с одной стороны из интернатов и детских домов, с другой—школьников, живущих вне интернатов. Измерено было 2.000 детей. Измерения производились кабинетом физич. обследования при институте П. Ф. Лесгафта и любезно предоставлены мне Л. И. Чулицкой, которой и приношу глубокую благодарность. Рядом с этими данными я помещаю ряд других данных, взятых в дореволюционные годы. Заграничных данных не привожу (часть их указана выше), но для большинства европ. стран они выше русских цифр.

---

[1]) См. Анучин: Ц. р., 56. См. De-Greef: La structure. I. 109—10.
[2]) Ammon: Die natürl. Auslese. 118—127.
[3]) Врач. дело. 1 ф. 1921. Рефер. докладчика Тарасевича. 628.
[4]) Apert: Ц. р., 91.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РОСТ МАЛЬЧИКОВ.

Возраст.	Данные 1921—22 г.		Воспит. приюта [1]) принца Ольденб. иссл. Вяземского.	Данные д-ра Боров. [2]) для Петрогр.	Петр. уезд.	Данные Матвеева (Петр.)	Москов. школы.	Дети фабр. раб. Моск.
	Интерны.	Экстерны.						
7 лет.	105.9	112	—	118	113.1	115.8	113.1	—
8 „	112.8	115.8	—	118.5	116.32	120.5	116.32	—
9 „	117.4	122.5	—	122.9	121.04	123.3	121.04	—
10 „	121.8	126.5	132.0	126.8	125.9	127.0	125.91	125.09
11 „	126	129.5	133.4	130.4	129.5	128.9	129.56	128.97
12 „	131.8	134.5	138.2	132.01	134.05	134.2	134.05	133.74

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РОСТ ДЕВОЧЕК.

7 лет.	111	110.5	—	112.06	112.6	118.6	—	—
8 „	116	115.5	—	118.59	116.7	122.6	119.2	—
9 „	116.9	117.5	—	121.58	121.31	126.8	123.3	—
10 „	119	125.0	—	124.93	125.53	131.2	127.2	—
11 „	122.6	130.8	—	129.26	128.98	135.0	131.7	—
12 „	128.6	135	—	133.73	134.65	136.5	135.6	—

Эта таблица говорит: 1) что дети наших голодных годов отстают в своем росте от детей даже бедных слоев предыдущих лет тех же мест и того же возраста. Особенно велика отсталость в периоде 7—9 лет. По сравнению же с ростом детей того же возраста других мест России в доревол. годы (Тамбов, Воронеж, Одесса, данные их я не привожу здесь), а тем более детей Запада и Америки,—отсталость еще больше.

2) Дети интернатов и детских домов сильно отстают в росте от детей,—школьников, живущих вне интернатов. Исследование показало, что % цынготных, лиц с плохим лимфат. аппаратом и т. д. значительно выше среди первых, чем среди вторых. Это свидетельство дефицитного питания первых. А след., одной из причин их меньшего роста при-

---

[1]) См. Н. Вяземский: Изменения организма в периоде сформирования, т. I, 66.

[2]) Д-р Боров. исследовал детей городских училищ, т. е. детей в общем беднейших классов. Исследования же детей лучше питающихся слоев (Вяземского, Груздева) дают цифры более высокие.

ходится считать и питание. (Рядом с ним, конечно, имеются другие причины, в частности, явления, лежащие в области половой жизни. С этой точки зрения эти цифры—плохая рекомендация наших детских домов и интернатов).

3) С 10 лет у „экстернов" мы видим компенсационный усиленный рост, который, однако, в период 15—17 лет опять отстает, не только от роста воспитанников приюта пр. Ольденбургского, но и роста детей московских рабочих, исследованных Дементьевым.

Известно далее, что „многие из французов, зачатых и родившихся в Париже во время осады его (и сильного голода) (1870—71 г.) отличались (по стат. военного набора 90-х годов) малым ростом". Им было дано даже специальное название: les enfants de siège [1]) „Посты наши, даже не особенно строго выполняемые, вызывают все таки заметное проявление голодания: молодые замедляются в своем росте" [2]).

Совокупность всех этих данных заставляет признать вполне правильными слова Топинара. „Высота роста может быть рассматриваема как критерий питания и его эффектов, удержанных и аккумулированных организмом" [3]).

Раз под влиянием питания рост испытывает изменения, это значит, что меняется под действием первого и целый ряд других признаков организма, связанных с костяком [4]).

Я не буду подробно останавливаться на них. Ограничусь лишь самыми короткими замечаниями (ибо подробная трактовка этих вопросов увела бы меня далеко в сторону).

Характер питания и об'ем грудной клетки.

Опыты биологов и животноводов (Натузиуса, Henseler'a, Чирвинского и др., см. выше) над животными показали, что под влиянием питания меняется не только величина и быстрота роста костяка, но и ряд других черт последнего, вплоть до строения черепа. Естественно предположить, что аналогичное явление имеет место и среди людей. И, дей-

---

[1]) Тарасевич: Голодание. Энцикл. слов. бр. Гранат. т. 15. 345—51.

[2]) Пашутин: Курс общей и экспер. патологии, т. II. СПБ. 1902. 800.

[3]) Topinard: Anthropologie générale, p. 416, 428; Цит. по Niceforo: Les classes pauvres. 295. См. у последнего прав. соображения по этому вопросу. 291 и сл.

[4]) Данные Л. И. Чулицкой, относящиеся к 2.000 петроградских детей 1921—22 г., говорят, что скелет 50% с лишним из них ненормален. Процент сколиозов превышает все имеющиеся данные прежних времен (кроме Ванновского). Процент нормальных конечностей ничтожен в дошкольном возрасте (рахит. etc).

ствительно, ряд антропометрических измерений об'ема грудной клетки (при полном выдыхании и при полном вдыхании) богатых и бедных слоев одной расы, пола и возраста показывают, что в среднем у первых этот об'ем больше. Опять таки я не утверждаю, что это различие вызвано исключительно различием питания тех и других. Но в ряду факторов занимает и оно одно из мест.

Приведу для иллюстрации и подтверждения немногие данные, отсылая за последними к указанным выше работам.

По данным Niceforo периметр груди (при выдыхании) исследованных им 3.147 детей Лозанны оказался таким у мальчиков:

	богатых.	бедных.
7 лет.	56.4	55.4
8 „	57.1	57.0
9 „	58.7	58.1
10 „	60.4	59.6
11 „	60.9	62.9
12 „	64.6	63.6
13 „	65.7	64.5
14 „	69.6	66.6 [1]).

По данным Pagliani:

	богатых.	бедных.
11 лет.	1717	1580
12 „	1868	1860
13 „	2022	1980
14 „	2305	2025
15 „	2870	2380
16 „	3060	2485 [2]).

Кроме 11-летних мальчиков, показатели богатых и лучше питающихся детей всюду больше. Большей в общем оказалась и глубина выдоха первых.

Характер питания и строение черепа.

Опыты над животными показали, что характер питания влияет и на строение головы и черепа [3]). Ряд антропометрических измерений головы богатых и бедных говорит, что то же наблюдается, повидимому, и у человека. Эти измерения показывают, что окружность черепа, высота лба, и вероятный вес головного мозга у богатых больше, чем у бедных той же расы, пола и возраста.

---

[1]) Niceforo: Les classes... 25.

[2]) Lexis: Ук. ст., 538. См. Livi: Antropometria militarè. Rome. 1896

[3]) См. ук. раб. Чирвинского, 244—58, Кельнера: 488—691, Henseler'a. См. фотографии у Чирвинского.

По данным Niceforo соответственные цифры таковы.

Возраст.	Окружность головы.		Высота лба.		Вероятный вес головного мозга.	
	богат.	бедн.	богат.	бедн.	богат.	бедн.
10 лет.	528.0	523.3	52.3	50.4	1334.58	1326.75
11 ,,	533.0	524.8	53.7	50.8	1352.88	1335.45
12 ,,	535.5	524.9	56.2	52.9	1358.07	1335.45
13 ,,	536.4	528.6	55.3	53.1	1358.07	1335.45
14 ,,	541.8	528.4	56.9	54.8	1371.12	1337.19 [1]).

По данным Matiegka средний вес мозга у поденных рабочих (journaliers)=1410 гр., (14 измер.), у рабочих и каменщиков (34 изм.) = 1433 гр., у портье и стражи (14 изм.) = 1436, механиков (123 изм.) = 1450 гр., у предпринимателей, торговцев и музыкантов (28 изм.) = 1468, у докторов и профессоров (22 изм.)=1500 гр. [2]).

Сходные результаты дают измерения, произведенные Peacock, Boyd'ом, Parchapé'ом, Lacassagne и Cliquet, Le Bon'ом, Crooke'ом (над разными кастами Индии) и др. [3]). Если эти результаты являются общими и безошибочными, то они прямо подтверждают итоги указанных опытов над животными. Присоединяя сюда доказанную связь резких отклонений строения черепа, напр., кретинизма, в силу расстройства деятельности органов внутренней секреции, (а деятельность их, как указано выше, зависит от характера химических элементов, поступающих в пище и питьи), мы *на основе этих трех разрядов фактов: экспериментального изменения строения головы животных под влиянием питания, антропометрических измерений головы богачей и бедняков, т. е. лиц хорошо и плохо питающихся, плюс исследований о внутренней секреции,—можем считать вероятной деформацию строения головы и черепа под влиянием питания.*

Питание и вес организма.

Общеизвестна связь между питанием и весом: хорошее питание влечет повышение последнего, плохое—уменьшение. При дефицитном голодании организм, не получая достаточно пищи или не будучи в состоянии усвоить неудовлетворительную пищу, начинает есть себя самого, жить за счет своих запасов и органов.

---

[1]) Niceforo: Там же. 33—37.

[2]) См. ст. Matiegka в Revue Scientifique, 1903. Цит. по Niceforo, 37—8.

[3]) См. об них у Niceforo. в цит. раб. 37 и сл., 81 и сл., у Lexis'a, в ук. ст.

По данным Фойта кот, умерший от голода, потерял: 97% первоначального веса жира, 66, 7% селезенки, 53, 7% печени, 40% половых желез, 30, 5% мышц, 27% крови, 25, 9% почек, 20, 6% кожи, 18% пищев. труб, 17, 7% легких, 17% поджел. желез, 13, 9% костей, 3, 2% нервн. системы, 2, 6% сердца [1]). Сходное явление наблюдается и у человека. Д-р Таннер, голодавший 40 дней, потерял 36 фунт. веса. Проф. Marsh и его жена, голодавшие 3 недели, Сукки, голодавший под наблюдением проф. Лучиани—30 дней и др., все они значительно потеряли в своем весе. [2]). В наши годы это явление констатировали на себе многие недоедавшие жители Р. С. Ф. С. Р. И здесь сперва тратится жир и др. «запасы» организма, затем идут органы, не столь важные для сохранения жизни; меньше и позже всего идут на «топливо» сердце и нервная система, без которых организм жить не может. Впрочем, иногда уменьшение веса при голодании не замечается или оно не столь значительно, как можно было бы ожидать. Такие случаи чаще всего об'ясняются увеличением воды в организме, частично покрывающей потери веса.

Отсюда легко понять, что вес хорошо питавшихся и питающихся социальных слоев должен быть в среднем больше веса слоев, плохо питающихся (той же расы, пола и возраста). Существующие антропометрические измерения веса богатых и бедных это предположение подтверждают. Представление от них дает следующая таблица Niceforo.

Возраст.	Мальчики богат.	Мальчики бедн.	Девочки богат.	Девочки бедн.
7 лет.	23.0	21.1	—	—
8 »	24.2	23.0	24.0	22.5
9 »	26.5	24.7	26.1	24.2
10 »	28.5	26.9	28.7	26.3
11 »	29.6	29.4	30.8	29.1
12 »	32.3	32.3	35.8	33.6
13 »	35.3	33.5	38.1	37.5
14 »	40.5	37.8	44.9	41.7 [3])

[1]) Landois—Rosemann: Ц. р., 381. Немилов: О голодании, 95. См. ряд цифр в ук. раб. Кельнера, 490 и сл., см. также ук. ст. Jackson'а в Amer. journ. of Physiol. 1921 г.

[2]) См. Mulhall: Цит. раб. 257. H. D. Marsh. Jndividual and sex Differences brought out by Fasting. Psych. Review. 1916. Ноябрь. 442. Luciani: Das Hungern. 1 гл., 33 и сл.

[3]) Niceforo: Ц. р., 22. Точно также и относительный вес богачей по формуле $\frac{\text{граммы веса абс.}}{\text{сантиметры роста}}$ больше веса бедняков.

Ряд других данных читатель найдет в нижеуказанных работах [1].

Отсюда следует, что: 1) ceteris paribus *средний вес богатых слоев населения будет выше, чем средний вес бедных слоев той же расы,* 2) *с ростом благосостояния народа и улучшения его питания средний вес его должен увеличиваться, при росте голода падать.*

Питание и состав организма.

Колебание веса означает не только то или иное морфологические изменение, но и изменение *состава организма* под влиянием питания. Представление о нем дают следующие цифры, основанные на данных Гильберта.

Животные.	Азот. вещества.	Жир.	Минер. вещества.	Сухого вещ.	Воды.
Овца тощая.	14.8	18.7	3.2	36.7	57.3
» очень жирная. .	10.8	45.8	2.9	59.6	35.2
Свинья тощая.	13.7	23.3	2.7	39.7	55.1
» очень жирная.	10.9	42.2	1.7	54.7	41.3 [2])

Эти животные, одной породы, но содержавшиеся на разном корму, как видно из таблицы, дают резко различную картину состава их организма. То же наблюдается и в применении к человеку. Усиленное питание ведет обычно к ожирению, к росту «сухого вещества» за счет воды, голодание—к росту воды за счет сухих составных частей организма, (распухание от голода было массовым явлением у жителей столиц в 1919 г.), к потере жира, и т. д.; эти легко констатируемые явления служат внешними проявлениями чисто химических,—более важных—изменений состава организма. Представление о них дает изменение химического состава мозга при голодании. Chossat думал раньше, что в то время, как состав тканей и др. частей организма при голодании изменяется, нервная система сохраняет свой status quo. Оказывается однако, что и она изменяется. По данным д-ра А. К. Ленца, исследовавшего 11 мозгов умерших от голодания в 1918 г., лиц, «вес такого мозга близок к норме, замечается скорее склонность к повышению, чем к понижению, но количество воды во всех случаях оказалось выше нормы в среднем на 2%. Плотный остаток соответ-

---

[1]) См. ук. раб. Lexis'a, Pagliani, De-Greef'a: 103—4, Mulhall: 62 и сл. и др.

[2]) Кельнер: Кормл. с.-х. жив., 490 и сл.

ственно уменьшается». «Общее количество белковых тел (нуклеопротеидов) уменьшено; из белковых тел сильнее убывает нейроглобулин, общее количество липоидов уменьшено». «Общий азот при голодании убывает, как и общий фосфор». По сравнению с нормальным мозгом, мозг голодных в $^0/_0$ к первому «теряет 8.231% белков, 11, 48 липоидов, 5.233 азота, 2.257 фосфора». «Отсюда видно, что мозг при голодании теряет важнейшие из своих составных частей и так же идет к разрушению, как и другие части голодного челов. организма». [1]).

Если мозг испытывает такие изменения состава, то тем значительнее эти изменения в других органах тела. Изменение же состава организма при изменении питания означает, что в конечном счете *ни одна часть организма не остается незатронутой при резком колебании питания,* [2]) значит, все органы или все части нашего тела испытывают те или иные вариации—внешние или внутренние, легко или трудно замечаемые—с варьированием питания [3]) Совокупность же всех

---

[1]) Цитирую по автореферату А. К. Ленца: „Об изменении химич. состава мозга при голодании", любезно предоставленному автором в мое пользование. То же явление неоднократно констатировалось целым рядом как русских, так и иностранных исследователей. При голодании резко изменяются ткани головного и спинного мозга, форма и строение нервных клеток и т. д. См. П. Я. Розенбах: О влиянии голодания на нервные центры. Диссерт. П. 1883. 36 и сл., 63 и сл. У него же историю вопроса: выводы Манассеина, Пашутина, Falk'a Parrot, Chossat и др. См. В. Маньковский: К вопросу о голодании П. 1882 г. 48 и др. О влиянии голодания на костный мозг см. ст. Тимофеевского в Рус. Враче, 1912 г., 1031 и сл. стр.

[2]) См. об целом ряде таких изменений у Пашутина. Ц. р. Passim и Словцова: Биохимия. Passim.

[3]) Опыты с животными, частью указанные выше, говорят, что количество и качество питания влияет даже на определение пола, (у пчел, лягушек, дафний, гидры, гусениц и т. д.), при чем, скудное питание благоприятствует появлению самцов. Не наблюдается ли нечто подобное и у людей? Повидимому, да. По крайней мере ряд исследователей W. J. Thomas, Fahlbeck, Rochard, Rauber, Niceforo и др., статистически констатировали факт masculinité, т. е., большого процента мужских рождений у бедняков по сравнению с лучше питающимися слоями богатых. Причину его они видят именно в различии питания. Работа Fahlbeck над шведским дворянством и аристократией, с другой стороны, показывает, что в более поздних поколениях аристократических родов начинают рождаться чуть ли не исключительно девочки. Вместе с опытами биологов такие факты делают эту гипотезу если не доказанной, то вероятной. В связи с этим получает некоторое об'яснение и то—но не всеобщее—явление, что после годов голода и войн, ухудшающих питание, $^0/_0$ мужских рождений повышается. Эта теория была развита и статистически подкреплена Raseri.

См. данные и подробности у Thomas: On a difference in the metabolism of the sexes в Amer. Journ. of sociology, 1897, июль, у Fahlbeck:

указанных изменений: строения пищеварительных органов, высоты роста, головы, мозга, веса и состава организма под влиянием количества и качества пищи, поступавшей в организм предков и родителей данного поколения, особенно в период зачатия и беременности, и поступающей в организм его особенно в период детства, делают едва ли спорной зависимость строения организма от исследуемой «независимой переменной».

В виде сводной таблицы, показывающей эту связь суммарно, приведу следующую:

Физический характер.	Итальянцев севера.	Итальянцев юга и островов.
Средний рост (в сантим.)	165.5	162.8
Окружность черепа (в миллим.)	546	542
Вычисленная способность черепа (по мет. Parchappe)	1.540	1.527
Черепной показатель (на живых)	84.5	79.2
Периметр груд. клетки (du thoraux) (сант.)	87.5	86.2
Абсол. вес (в килогр.)	65.2	63.9
Питание.		
Потребление мяса на голову в течение года (в килогр.)	17.9	7.8
» яиц (в килогр.)	4.3	2.1
» индивидуальное всякого рода хлебных продуктов (в кинталях)	2.1	1.6
» овощей сушеных (в килогр.)	9.3	7.0
» дневное белка (в грам.)	104	92
Доход на 1 жителя (в франках)	2.211	1.333 [1]

Эта таблица суммарно рисует связь питания и физич. строения жителей северной и южной Италии.

Отсюда вывод: *человек в значительной мере то, что он ел и ест особенно в период первых лет жизни, и что ели его предки и родители, особенно в период его зачатия и внутри утробного развития.* После сказанного не будет звучать парадоксом, если я скажу, что различное питание, особенно в указанные периоды зачатия и развития, из лиц одной и той же расы может создать антропологические типы, существенно раз-

La noblesse de suéde в Bull. Jnst. int. de stat., t. XII, l. I. 169—181 Rochard: Sexe. Encyclop. d'hygiéne, Rauber: Der Ueberschuss an Knabengeburten und seine biologische Bedeutung. Leipzig. 1900. Niceforo, Ц. р. 124—25, ст. Raseri в Giornale degli Economisti, 1898 г., апрель.

[1]) Niceforo: Ц. р., 298. См. там же и др. данные.

личные, как антропологически различны классы бедные и обеспеченные. Это может быть даже независимо от наследственности. Если же допустить, что некоторые признаки, приобретенные под исключительным влиянием пищи, способны передаваться наследственно, тогда одно различие питания разных родов на протяжении ряда поколений способно было бы вызвать значительные вариации в населении одной и той же расы. Для этого нужно было бы только, чтобы питание разных групп этой расы в течение ряда поколений было различно. Но и независимо от этого, мы видим что этот фактор прямо влияет весьма сильно на строение, состав и функции организма, изменяя его «по своему образу и подобию».

Изменение же их при перемене питания, в частности, при голодании, неизбежным своим следствием имеет: изменение процессов организма, а через это—и изменение его двигательных реакций—актов—и всего поведения, ведущего. в свою очередь,—при массовой деформации поведения—к изменению социальных процессов.

Колебание количества и качества пищи, поступающей и усвояемой организмом, похоже, таким образом, на завод часового механизма, где движения заводящей руки, передаваемые чрез ряд зубчатых колес, в конечном счете, отражаются на движении стрелки часов—социальной жизни.

§ 3. Питание и физиологические процессы.

Изменение количества, качества, времени и др. свойств пищи, поступающей в организм, на ряду с морфологическими изменениями, вызывает *варьирование целого ряда физиологических процессов.* Общий механизм возбуждения и варьирования их был очерчен выше. Мы видели, что пищевые раздражители и явления, связанные с ними, (условные раздражители) путем гуморальным и рефлекторным вызывают в организме возбуждение пищевого центра, через него — работу органов пищевой фабрики, а чрез это изменяют и всю жизнедеятельность организма.

Когда пищевой центр возбужден положительно, то возбуждение, распространяясь по проводниковым путям, передается, прежде всего, в ряд рабочих органов питания, а затем так или иначе отражается на всем состоянии организма. Последний в целом, как увидим подробнее в III т. „Системы социологии“, представляет из себя аппарат, приспособленный для выполнения весьма разнообразных функ-

ций и действительно выполняющий их. Это достигается частью тем, что он одновременно может выполнять две или большее число различных функций, частью тем, что он выполняет их, так сказать, „поочередно": в данный момент это аппарат „размножения", в другой—„питания", в третий—„защитительный", в четвертый—„транформатор низших форм энергии в высшие" (акты „творчества") и т. д. То одна, то другая группа детерминаторов поведения воздействует на него, „овладевает им", заставляет его реагировать и передает далее другим группам раздражителей. При положительном возбуждении пищевой центр *старается целиком овладеть организмом, как „чеком на пред'явителя", и превратить его в аппарат, предназначенный исключительно для функции питания.* Сообразно с этой задачей *перестраивается в такой момент вся жизнедеятельность организма.* Те органы его, которые выполняют функции питания (мускулы губ, языка, щек, глотки и т. д., железы, нервный аппарат и пр.) и прямо или косвенно относятся к ним, по верному указанию Л. И. Петражицкого, проявляют в такие моменты усиленную деятельность (приток к ним крови, увеличение об'ема, усиление их работы и т. д.). Органы *посторонние для питания,* не содействующие этой функции, а весьма часто тормозящие ее, (напр., половые) в такие моменты ослабляют или понижают свою активность (уменьшение их об'ема, отток крови, вялость и т. д.). Органы *общие,* нужные организму постоянно, при выполнении всех функций, а не только функции питания (напр., сердце, органы дыхания и т. д.) могут то усиливать, то ослаблять свою работу, в зависимости от целого ряда дополнительных условий [1]), но, как общее правило, эти изменения не резки и амплитуда их колебания сравнительно ограничена. Такова вкратце общая схема видоизменения физиологических процессов организма в моменты положительного возбуждения пищевого центра.

Сообразно с этим, пищевой центр „абонирует" и „монополизирует" в такие моменты в качестве своих агентов все „органы чувств", (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания,— короче, почти все рецепторные аппараты нервной системы) и заставляет их усиленно работать. Они превращаются в „лазутчиков, разведчиков, контролеров и др. агентов" пищевого центра, усиленно высматривающих, вынюхивающих, „пробующих", ощупывающих, выведывающих то, что пригодно для еды, что непригодно; что вкусно, что не вкусно, что по-

[1]) См. подробнее об этом у Петражицкого: Введение, 237—243 и др.

лезно, что вредно и т. д. В такие моменты „нос“ (т. е. обонятельный аппарат) сам вынюхивает и выделяет аппетитные и неаппетитные запахи, глаза высматривают пищу, слуховой аппарат ловит условные пищевые раздражители и т. д. Их „анализаторская способность“ в такие моменты становится в известном отношении более острой, более интенсивной. Эти об'ективные процессы, как сейчас увидим, в мире суб'ективных переживаний в качестве „функций“ вызывают ряд соответственных суб'ективных переживаний.

„Агентами“ пищевого центра в такие моменты становятся и другие рабочие органы нашего тела, не имеющие прямого отношения к питанию. Так, руки, сообразно приказу, в такие моменты протягиваются к пищевому об'екту, захватывают его, если нужно—раздробляют или видоизменяют его и вводят в рот, ноги—несут к тому месту, где находится пищевой об'ект, и т. д. Словом, целый ряд посторонних питанию рабочих органов превращается в рабочих, обслуживающих функцию питания.

Что же касается органов, имеющих прямое отношение к питанию, то все они начинают проявлять усиленную деятельность: (сокращение мускулов губ для схватывания пищевого об'екта, работа зубов, языка, мускулов глотки, пищевода, желудка, кишек, секреторных органов и т. д.).

Все эти физиологические процессы действительно видоизменяют всю жизнедеятельность организма в такие моменты. И поведение его—т. е. внешние, легко доступные наблюдению двигательные акты—в силу этого изменения физиологического состояния организма делается иным по сравнению с поведением при отсутствии положительного возбуждения пищевого центра (т. е. при сытом состоянии). В первом случае перед нами „тот же организм, да не тот“, что во втором. Иным является его строение, иными—его физиологические процессы, иными будут и его акты поведения.

Такие „трансформации“ или „деформации“ физиологического состояния совершаются с каждым человеком ежедневно, ибо ежедневно чередуется ритм возбуждения и успокоения пищевого центра (голода и сытости), *в зависимости от воздействующих на него безусловных и условных раздражений. А поэтому—постоянно чередуется и смена форм поведения человека при сытом и голодном состоянии, как функция физиолого-соматических деформаций.*

Этим ритмом более или менее регулярного приема пищи (возобновления „топлива“), как увидим ниже, вызван ряд ежедневно повторяющихся актов в поведении людей и ряд ежедневно-повторяющихся процессов в общественной жизни.

Из сказанного само собой следует, *что особенно резкой будет деформация физиологического состояния и всего поведения человека, когда резкое изменение испытывает кривая поступающей и усвояемой организмом пищи, в частности, когда это поступление абсолютно прекращается на срок, далеко превышающий обычный период времени от одного приема пищи до другого.*

Организм, не получая пищи, начинает жить за свой счет. Пищевой центр, раздражаемый обедневшей кровью и рядом условных и безусловных возбуждений, приходит в сильнейшее возбуждение. Но это возбуждение остается бесплодным: пищевая энергия не поступает. Через некоторое время это возбуждение появляется снова и снова гаснет. Далее же оно тонет в общем ненормальном состоянии нервной системы, наступающем в итоге длительного абсолютного голодания.

Что делается в таких условиях с основными процессами нашего организма? Исследования Пашутина, Лучиани, Marsh'а и др. говорят, что температура тела и кровообращение при довольно длительном голодании испытывают ряд изменений. Это видно из следующей таблицы Marsh'а, рисующей итоги 3-х недельного голодания автора и его жены: в течение первой недели пища их постепенно убывала, сойдя к нулю в конце недели; вторую неделю они абсолютно ничего не ели, (пили только от 500 до 750 к. сан. воды); третью — стали есть, начав с ничтожных порций и постепенно увеличивая их.

Таблица показывает и *падение* температуры, и ослабление *работы сердца*, и изменение морфологич. состава крови, в частности—уменьшение числа белых шариков, охранителей организма от бактерий (отсюда—ослабление иммунитета при голодании, рост заболеваемости и смертности и т. д. [1])

Рядом с этим даны изменения и в области *дыхания:* оно становится более поверхностным и слабым. Представление об этих изменениях дают следующие относительные цифры (чем выше они, тем соответственная способность падает, ослабляется), указываемые Marsh'ем для жизненной емкости груди [2]). Средний показатель для 1 нед.— 5,3, для второй—6,8, для третьей 2,8. Изменение, относительно весьма резкое. (См. подробнее об этом Лучиани, Па-

---

[1]) По данным Саатчиан, „число красных кровяных шариков при настоящих условиях (у жит. Р. С. Ф. С. Р. в голодные годы) сократилось в среднем до 3.700.000 в 1 кб. мм". Вальдман. К вопросу о клинике голодания. Юб. сб. И. Грекова. 1921. 438.

[2]) Marsh. Ib. 442.

Недели и пол.	Атмосфера.		Кровь.			Гемоглобин.	Общие клетки.		Дифференциальная таблица.				
	Температура.	Давление.	Пульс.	Темпер.	Давление.		Белые.	Красные.	Полинуклеарные в %.	Лимфоциты в %.	Мононукл. в %.	Эозинофильные в %.	Базофилы в %.
1-я М.	85.3[1])	29.81	69.3	98.1	30	90—100	7.700	5.980.000	45.0	44.0	3.5	7.0	0.5
» Ж.	85.3	29.81	66.9	97.8	36	»	7.100	5.190.000	56.0	36.0	3.0	4.0	1.0
2-я М.	82.7	29.85	71.4	97.8	14	»	6.200	6.650.000	67.0	26.0	5.0	2.0	0.0
» Ж.	82.7	29.85	61.9	97.5	18	»	6.460	6.440.000	48.0	41.0	9.0	1.0	1.0
3-я М.	82.3	9.95	75.6	98.4	33	»	6.200	5.960.000	46.5	41.0	3.5	7.5	1.5
» Ж.	82.3	29.95	69.3	97.7	40	»	7.920	5.890.000	47.8	43.9	5.5	2.5	0.3[2])

---

[1]) По Фаренгейту.

[2]) Marsh. Differences brought out by fasting. 440. Ср. Пащутин, Ц. р., 629 и сл. Luciani. Цит. раб., гл. II по VI.

шутина. 653 и сл.). Точно также резко меняются и другие процессы: слюноотделение и сокоотделение вообще ослабевает,—рот сух, слюна горькая, слизистые оболочки ссыхаются, меняются выделительные процессы: количество и состав мочи и кала, моча становится густой, кала почти нет и т. д. Исчезает жир, атрофируется ряд мышц, падает их тонус, ослабляются сфинкторы мочевого пузыря и ani, отсюда развивается недержание мочи, отек, анемия, астения, кахексия ex'inanitione и т. д. [1]). В связи с изменением состава тканей и изменением основных процессов организма, его сила и сила отдельных мускулов падает, усталость растет [2]). Словом, все основные процессы организма резко меняются. И тем сильнее, чем дольше длится голодание. Организм все более и более расстраивается, его жизнестойкость падает [3]); и итогом черезчур длительного голодания служит смерть. Через сколько дней абсолютного голодания она наступает—это зависит от здоровья, возраста, пола, и множества других условий. Были люди голодавшие до 30 дней (Сукки), до 40 (Таннер) без особого ущерба для здоровья, даже до 80-ти. Но, конечно, такой срок голодания в лабораторных условиях, при воздержании от обычного темпа жизни и деятельности, под уходом специалистов врачей и т. д., или в ненормальном состоянии — не типичен [4]). Вне лабораторных условий он гораздо короче: смерть приходит значительно раньше. Тот же итог наступает даже и

---

[1]) Вальдман: Ib. 438 и сл.

[2]) По данным Marsh'a сила правой руки, (измеряемая динамометром) относительно изменялась так: в 1-ую неделю 2.3, вторую 6.1, в третью 6.8., сила левой (соотв.): 4.0, 7.7, 7.5. Усталость шла так (измеряемая висением на руках до полного изнеможения) 1-я нед. 7.3, 2-я 8.2, 3-я 1.3. Чем выше цифры, тем больше падение силы и рост усталости. Marsh: Ib. 442.

[3]) Marsh переводя на цифровой язык движение основных жизненных явлений в течение 3 недель голодания (кривую веса, дыхания, силы, усталости), резюмирует их в относительных цифрах: 5.2 для перв. нед., 7.3—второй, 4.5—третьей. 442. (чем выше показатель, тем способность меньше).

[4]) Не только в данном отношении, но и во многих других голодание в в лабораторных условиях не типично. Один тот факт, что здесь человек голодает для исследования, что он гарантирован от нанесения вреда организму, что умереть с голода ему не придется, что все это делается для науки, плюс— воздержание от усиленной работы, от обычного темпа жизни и т. д.,—все это резко меняет картину и психофизиологических процессов и рефлексов поведения голодающего в лаборатории. Если-бы, после голодания в 2—3 дня и Сукки, и др., не знали, где добыть кусок хлеба, стояли под угрозой «голодной смерти», или принуждены были вести обычный образ жизни—все изменения процессов: дыхания, пульса, температуры, состава крови, и т. д., были бы гораздо более резкими. То же относится к переживаниям и к актам поведения.

при качественно негодной пище, в частности, при авитаминозном питании [1]).

Эти изменения физиологических процессов в организме, вызываемые голоданием, делают вероятным предположение, что *ряд физиологических функций у людей и групп, хорошо питающихся и питающихся неудовлетворительно, могут существенно различаться.* Соответственные массовые исследования подтверждают это предположение.

Раз голодание ослабляет физическую силу организма, то естественно ожидать, что при приблизительном *равенстве прочих условий физическая сила хорошо питающихся слоев населения в среднем должна быть большей, чем сила слоев бедных, питающихся неудовлетворительно (той же расы, возраста и пола).*

Ряд исследований это предположение подтверждают. Эксперименты, произведенные путем динамометра и т. п., дают бо̀льшие показатели для лиц богатых классов одной и той же расы. Пример:

Сила (в килограммах).

Возраст.	Мальчики:		Девочки:	
	бог.	бедн.	бог.	бедн.
7 лет	10.0	8.6	—	—
8 „	11.8	10.8	9.8	9.5
9 „	14.5	12.3	12.0	11.3
10 „	15.7	14.6	14.2	12.2
11 „	16.7	16.6	14.8	13.9
12 „	19.0	18.8	18.2	17.2
13 „	21.5	20.0	20.3	19.7
14 „	24.8	23.3	22.0	21.8 [2]).

Я не думаю отрицать громадное значение ряда условий в этом свойстве (особенно физич. упражнений и т. п.); но при равенстве их большая сила хорошо питающихся слоев следует из самого существа дела.

То же приходится сказать и о *быстроте физической утомляемости.* Данные, полученные посредством многократного нажимания динамометра и аналогичными методами, говорят, что лица плохо питающихся классов, при равенстве других условий, быстрее утомляются, их сопротивление усталости быстрее падает, чем у слоев хорошо питающихся [3]). То же относится, как увидим, и к психической утомляемости и силе.

---

[1]) См. ук. ст. Кольцова, 401—2.

[2]) Niceforo: 28. Сходные же данные получил Pagliani. См. ук. его раб., см. Lexis. Ук. ст. 539.

[3]) См. цифры у Niceforo: 28 и сл.

Ряд авторов далее констатировали, в связи с различием питания и др. условий (не отрицая значения климата, расы etc.) различие *времени появления первой менструации* у девушек богатых и бедных одной и той же расы. У первых она появляется раньше. Так, по Raseri, у обеспеченных девушек Сев. Италии она появляется в периоде 13 л. 9 м., у крестьянских девушек в 14 л. 11 мес., у работниц—в 17 л. 4 мес. К сходным результатам пришел и Марро [1]).

Ряд лиц (Raseri, Guy и др.) констатировали *различие пульса* (число пульсаций в минуту) у богатых и бедных слоев.

Различие жизнестойкости и иммунитета сытых и дефицитно-питающихся слоев (ниже) общеизвестно. Статистика смертности и болезней об этом говорит определенно. (См. ниже).

Словом, при сопоставлении хорошо и плохо питающихся слоев населения, мы находим в их физиологических процессах в общем те же различия, которые наблюдаются у одного и того же человека в периоде его сытого и голодно-дефицитного питания.

При такой резкой деформации всех физиологических процессов естественно, *что весьма резко меняются и все акты поведения человека;* соответственно — не может быть сходным поведение сытых и голодных слоев населения.

§ 4. Питание и суб'ективные переживания (психические процессы).

Рассмотрим теперь *те суб'ективные явления, которые служат функцией варьирования количества и качества пищи вообще и дефицитного голодания в частности...*

Мы уже видели, что ряд наших суб'ективных переживаний является функцией соответственных об'ективных процессов питания. Варьирование первых в зависимости от варьирования количества и качества пищи имеет весьма разнородный характер. Стоит положить в рот сахар или конфету, — мы получаем переживание „сладкого", стоит взять соль или соленую селедку—„психической" функцией служит переживание „соленого", другие об'екты возбуждают переживания „кислого" (уксус), „горького" и т. д. Рядом с

[1]) См. Raseri: Inchiesta della Società Antrop., в Annali di Statistica. serie II, v. 6. 1881. Marro: La Pubertà. Torino. 1900.

этим, одни пищевые агенты возбуждают переживание „вкусного“, другие — „невкусного“ („приятного, неприятного“, „аппетитного—неаппетитного“).

Наряду с группой переживаний очерченного типа функцией об‘ективного факта вариирования количества, качества, порядка и времени принятия и др. свойств пищевых агентов, служит и тот сложный комплекс суб‘ективных переживаний, который носит название: *„сытости“* и *„голода—аппетита“* со всеми их количественными и качественными градациями. Появление, исчезновение, вариирование и оттенки их, как показано выше, стоят в полной зависимости от надлежащих физиологических процессов, вызванных тем или иным возбуждением пищевого центра, — возбуждением, в свою очередь зависящим от количества и качества пищи, принимавшейся раньше, поступающей и усвояемой организмом, и от условных раздражителей, связанных с пищевыми об‘ектами.

Основные черты деформации психических переживаний, вызываемой различными формами голодания, сводятся к следующему.

I. Деформации в области общего самоощущения и в сфере чувственно-эмоциональных переживаний.

Здесь основным следствием положительного возбуждения пищевого центра служит появление своеобразного переживания *„аппетита“*. Это — двустороннее, пассивно-активное переживание, представляющее с одной стороны пассивное претерпевание, с другой — активный позыв, внутреннее понукание [1]). Если переживание аппетита не осложнено другими явлениями, то оно представляется скорее переживанием приятным, чем неприятным. (Отсюда пожелания: „хорошего аппетита“). Комплекс переживаний, обозначаемых этим именем, не есть нечто однородное, всегда равное самому себе, а распадается на ряд форм, качественно и количественно отличных друг от друга. *Количественно* мы различаем *разные степени аппетита:* „волчий“, „небольшой аппетит“, когда мы „не прочь поесть“, и т. д. *Качественно*, напр., „аппетиты по адресу мясных блюд имеют несколько иной характер, чем аппетиты по адресу пирожных, конфект и пр.“ [2])

---

[1]) См. подробнее Петражицкий: Введение. 223 и сл.
[2]) Петражицкий. Ib. 227.

Эти различные качественно-количественные оттенки аппетита могут быть рассматриваемы как функция различного — по интенсивности и характеру — возбуждения пищевого центра. В частности, качественные оттенки аппетита представляют, повидимому, следствие относительного качественного голодания, т. е. дефицитного или сравнительного недостатка тех или иных пищевых ингредиэнтов в „хозяйстве“ организма.

Все эти разнообразные оттенки аппетита вместе с тем характерны *для первых стадий голодания.*

С продолжением и ростом последнего дело меняется: переживание аппетита постепенно переходит в отличное от него переживание голода. Различие между ними состоит прежде всего *в чувственном тоне:* аппетит представляет, как сказано, скорее переживание приятное, голод, напротив—страдательное, Это различие между ними подчеркивается сейчас почти всеми исследователями.

„Аппетит, говорят Cannon и Washburn, может существовать отдельно от голода, напр., когда мы едим только вкусные деликатессы с исключительной целью удовлетворения нашего вкуса. Голод же, напротив, есть переживание тупой боли или ноющего ощущения (grawing sensation), вырастающего в весьма тяжелое страдание, становящееся по мере роста все менее и менее локализованным. Он может существовать отдельно от аппетита, когда, напр., он вынуждает принимать пищу не только невкусную, но даже тошнотворную. Кроме тупой боли, голод может сопровождаться усталостью, сонливой вялостью или слабостью, или головной болью, или раздражительностью, или беспокойством в такой степени, что выполнение постоянных усилий при совершении обычных дел становится чрезвычайно трудным. Эти последние состояния в известной степени индивидуальны— у одного переживание голода сопровождается головной болью, у другого—слабостью и т. д. Это говорит о том, что они не составляют центрального признака переживания голода, а являются только более или менее непостоянными его спутниками: тупое, гнетущее ощущение, напротив,— постоянная и центральная черта переживания голода“. То же различие между голодом и аппетитом проводят, напр., и Carlson и Boring, говоря, что Hunger is pain, хотя дальнейшие черты различия каждый из них описывает разно [1]).

---

[1]) См. Cannon, W. B. and Washburn, A. Z.: „An Explanation of Hunger, Amer. Journ. Physiol., 29, 1912, 441. Carlson: Con-

С точки зрения об'ективной, переживание аппетита появляется обычно только при *первых моментах абсолютного* и относительно-дефицитного голодания; обычно при „сравнительном" голодании. В отличие от него переживание голода весьма редко бывает при сравнительном голодании, и обычно при продолжительном дефицитном, особенно абсолютном, голодании. Иными словами, *переживание аппетита есть функция, главным образом, сравнительного голодания и первых моментов голодания дефицитного: абсолютного и относительного; переживание голода—функция, главным образом, длящегося абсолютного и относительно-дефицитного голодания* [1]). Такова связь этих суб'ективных явлений с соответственными об'ективными процессами вариирования количества и качества пищи.

Указывая на различие голода и аппетита, я все же должен подчеркнуть, что границы между ними условны. Обычно аппетит—приятное переживание, но если он появляется при обстоятельствах, напр., не дающих надежды на его удовлетворение, где добыть пищу нельзя, то при таких условиях переживание аппетита, будящее опасение за жизнь, страх голодной смерти и т. д., с самого начала будет переживанием тяжелым, а не приятным. И обратно, если голодный человек знает, что через несколько часов он получит отличный обед, что голодная смерть ему не грозит, — он будет переживать голод без особенных страданий и мучений.

Переживания аппетита и голода носят не непрерывный, а *перемежающийся характер:* появившись, они на время исчезают, затем появляются снова, принимают то более, то менее интенсивный характер. Обычными моментами их появления и усиления служат моменты, несколько предшествующие времени обычного приема пищи: завтраку, обеду и т. д. [2])

Если абсолютное голодание продолжается более двух-трех дней или длительное относительно-дефицитное голода-

tributions to the Physiology of the Stomach. Amer. Journ. Physiol. 31, 1913, 175, 186—189. E. G. Boring: Processes referred to alimentary and urinary tracts. Psychol. Review. 1915. № 4. 312.

[1]) Эту же мысль менее точно выражает и Boring словами: Hunger usually ceases as soon as food is taken. Appetite is more „ideational" and persists after food is taken. It is the desire for food, the opposite of aversion. Appetite probably constitutes the motive for eating dessert at any meal. Цит. раб. 312.

[2]) В этом, как и в некоторых других отношениях, кривая повышения „голода" и „аппетита" сходна с некоторыми другими переживаниями, напр., с „курительным голодом". При отвыкании от курения курительный аппетит носит тот же перемежающийся характер. Сильно хочется курить утром после чая или кофе, после обеда, при напряженной умственной работе и т. п., т. е в моменты усиленного курения раньше, до отвыкания.

ние весьма дефицитно, то *чрез два—три дня абсолютного голодания суб'ективные переживания принимают новый оттенок: специфическое переживание голода исчезает или, вернее, расплывается в общей массе страдательных переживаний, в совокупности дающих новый аккорд жизне-и-самоощущения;* этот *аккорд* состоит из смеси переживаний: слабости, тупой боли в голове, в сочленениях, и во всем теле, „ощущения пустоты“, отсутствия эмоций, временами сонливости, тошноты, головокружения, дающих в итоге общее *состояние апатии, безразличия, серой безжизненности,* временами прерываемой разрядом *раздражительности, вспышкой гнева* [1]), быстро тонущей снова в этом море апатии [2]). С продолжением голодания в ряде случаев начинают появляться бредовые состояния, ясность сознания мутнеет, наступает „голодный психоз“, короче—душевная жизнь резко расстраивается.

Такова схематизированная картина общего самочувствия и его изменений при различных формах и стадиях голодания. Эта схема допускает ряд индивидуальных отклонений, но в общем и целом она, повидимому, довольно верна. Отчасти в целях иллюстрирования схемы, отчасти —для ее подтверждения, приведу несколько описаний душевных переживаний при голодании, сделанных самими голодавшими, экспериментировавшими над собой.

Вот как описывает Marsh свои переживания после 11—12 дней голодания (в течение первой недели пища постепенно

---

[1]) Явления раздражительности, вспышек гнева не раз отмечались многими голодавшими на себе и исследователями—на голодавших. „Нервоз истощения у детей (в России за эти годы) складывается из явлений подавленности с обидчивым настроением, с склонностью к плачу и к чрезмерной раздражительности. Многие дети впадали в состояние патологического аффекта, гнева, злобы. раздражительности“. Аронович: О голодной детской дефективности. Медиц. журнал Вятск. Учен. Сов. при Губздравотделе. ч. II, № 2, 3—4.

„В народе стало усиливаться мрачное озлобление. Мужья ни за что, ни про что били своих жен, старики обижали ребят и невесток, и все друг друга укоряли хлебом и один на другого все призывали пропасть“: „О нет на вас пропасти“, так описывает Лесков голод 1840 г. Лесков: Цит. раб., 12. Тот же рост озлобления и раздражения мы наблюдали и за эти годы.

У спасшихся матросов с „Медузы“ после длительного голодания „явилась раздражительность, сумрачность“. Пашутин: Ц. р. 562 и др.

[2]) „Страдательное переживание голода—преходящее явление. При продолжении голодания оно не только не растет, но напротив, через пару дней исчезает и не устанавливается снова в течение дальнейшего голодания“, пишет Лучиани, на основе наблюдения 30-дневного голодания Сукки. Более точно, однако, говорить не столько об исчезновении, сколько о маскировании, заглушении переживания голода другими кинэстетическими и страдательными ощущениями. См. Luciani: Das Hungern. 219 и 113. См. ниже. Пашутин: Ц. р., 562, 608—11.

уменьшалась, сойдя «на нет» к концу недели, вторую неделю было абсолютное голодание).

«Сердце билось сильно и более или менее постоянно, особенно при пустом желудке; удары учащались и становились тревожными при под'еме по лестнице. Неспособен работать после полудня и вечером. Огромная усталость, боль в голове и общее скверное самочувствие (discomfort of general nature). Горло сухое, но нет совершенно желания воды. Боли (pains) в голове, в глазах, в спине, в ногах — лежа, сидя или стоя. Нет тошноты, но есть ощущение неустойчивости в желудке. Чувства симпатии, радости, уважения и т. п.—обесцветились в качестве и свелись к чувству безжизненности (lifeless in fact)». Голодавшая вместе с ним его жена пишет: «купание не дает удовольствия. Во время умственных экспериментов и после полудня чувствую нечто в роде желания расплакаться (felt like bursting out crying). Сильно вздрагиваю (startled) при внезапном шуме. Переживание голода испытывала в первое время. По ночам снятся поджаренные огурцы и рубленые маслины [1]). Предпринять что-либо стоит громадных усилий и спеша я не могу превзойти бег старой женщины. Эмоции после ряда дней оцепенения возвратились на 12 день снова».

Оба голодавшие пишут далее: «Характерные переживания голода появлялись в течение ряда дней к обычному времени еды, сопровождаясь у женщины переживаниями изжоги, тошноты и рвотой; но неприятность не так уже велика, как кажется в воображении. Эти переживания маскировались общим болезненно-тяжелым самочувствием организма... Ощущения (feelings), необычайно острые в первые дни голодания, затем тупели на время и становились необычайно апатичными» [2]). Сходным же образом характеризуют в общем свои переживания и другие экспериментаторы, голодавшие сами с научными заданиями, в частности 9 американцев (6 мужчин и 3 женщины), из которых четверо имели докторат по психологии, трое были инструкторами психологии, двое—студентами (graduate students). Все они отмечают переживания: «dull pressure«, «dull

---

[1]) Это довольно общее явление. «Сплю крепко и мне (при голоде) все снится еда, целые горы яств; как на яву вижу я дымящиеся жаркие, горы буттербродов и всевозможные салаты и зелень. Но мне никак не удается схватить ни крошки. Я бегу изо всех сил, но еда убегает от меня», рассказывает Миккельсен о своих снах при голодании в льдах Гренландии.
Миккельсен: По следам жертв ледян. пустыни. П. 1914. 287.

[2]) Marsh: Цит. раб. 43—45.

ache», «pain», «gnawing pain», «strong, gnawing pressure», «a kind of pain» и т. п., *флюктуирующие, перемежающиеся, не локализованные точно в какой-нибудь части тела, но всего резче проявляющиеся как будто в области желудка.* Рядом с этим они отмечают переживание *слабости и усталости.* Напр., экспериментатор X. уже после 20 часов абсолютного голодания, пишет: «То, что я чувствую сейчас—это общая телесная слабость, такая, что я не склонен делать что бы то ни было, ни даже встать». В том же роде отмечают это переживание и другие.

Далее все они отмечают дальнейшую черту голодного самочувствия; это—*переживание пустоты.* Самонаблюдатель *A* пишет: «Я пуст (J am empty), но не голоден». *X* подчеркивает: «ощущения пустоты» (feeling of emptiness). То же Z и др. [1]). Те же черты, в частности и пустоту, указывает и Гамсун в своем «Голоде», написанном, как известно, на основе двухмесячного голодания автора. «Голова была пуста», пишет он. «Теперь я больше ничего не мог писать, моя голова тотчас же бывала пуста, как только я делал попытку заняться». «У меня больше ничего не выходило, хотя я был очень прилежен» [2]). «Час проходит за часом, описывает Миккельсен свои переживания при голоде во время полярного путешествия, и растет неприятное ощущение увеличивающейся пустоты в желудке. Испытываешь такое чувство, точно все внутренние органы куда-то исчезли и остался один желудок, вопиющий: есть! есть! Как ужасен голод, настоящий голод, от которого хочется кричать» [3]). Мои личные переживания при $2^1/_2$ суточном абсолютном голодании были приблизительно такими же: аппетит к концу суток перешел в голод, с его указанными чертами; голод на 3 сутки исчез и утонул в общей массе страдательных переживаний.

В связи с этими явлениями стоит и общее самочувствие. Как общее правило *сытое состояние благоприятствует „светлому“, „радостному“ состоянию духа и настроения, голодание—особенно при житейском, а не лабораторном голодании — мрачному, угнетенному, тяжелому.* При равенстве других условий первое настроение—функция сытости, второе—голода. Колебание количества и качества пищи вызывает соответственное колебание и всего «настроения». Это особенно резко проявляется (и у животных, и у человека) там, где избытка

---

[1]) E. G. Boring: Цит. раб. 311—317. См. Пашутин: Ц. р., 573 и сл. 585, 608.

[2]) К. Гамсун: Голод. Собр. соч., т. II, Изд. Маркса, 80, 97, 117. 119.

[3]) Миккельсен: Там же. 1914. 282.

питания нет, где голод, особенно дефицитный, — часто и постоянно угрожает. Таковы, напр., условия, в которых находились многие полярные путешественники. Читая дневники их, напр., Нансена, Миккельсена, Пири, Скотта и др., мы видим постоянно колебание их настроения в зависимости от питания. Дни голода или скудного питания были для них (и даже для собак их, хвосты которых—термометр их настроения—тогда опускались) днями тяжелого состояния, мрачного и безрадостного настроения, пессимизма. Стоило, однако, убить им птиц, медведя, мускусного быка или добраться до депо провианта—угнетенность, тоску, мрачность как рукой снимало; появлялась бурная радость, весь мир становился светлым, ясным, появлялись шутки, смех, песни, словом—настроение резко менялось. Приходили снова дни голода—и радость снова сменялась тяжелым настроением [1]).

Такова в основных чертах деформацня общего самочувствия, вызываемая вариацией питания, в частности, голоданием. Из сказанного ясна связь между колебанием поступающей в организм пищи и психическими переживаниями.

2) Деформация в области познавательных процессов.

Теперь рассмотрим вкратце деформацию отдельных психических процессов, наступающую в итоге голодания. Marsh дает следующую таблицу, резюмирующую вкратце характер этой деформации в ряде познавательных психических процессов, наблюдавшихся у него и его жены в итоге 3-недельного голодания. Чем больше цифра в таблице, тем сильнее ослабление соответственной способности. Первая колонна, означенная термином «понижение», дает среднюю результатов многочисленных экспериментов первой недели, без первого дня; вторая колонна: «голодание», дает результаты опытов второй недели, плюс первый день третьей недели; третья колонна; «повышение»—результаты последних шести дней 3-й недели [2]).

---

[1]) Пири: По больш. льду к северу. Спб. 1906, гл. X—XIII. Миккельсен: Ц. р. Passim, и особ. , гл, «В борьбе с голодом» и гл. XII—XIV. «Замечательная вещь!» пишет Нансен. «Как бы ни шли дела скверно, но раз залез в мешок и готовишься есть, — все неприятности забываются. Человеческое существо обращается в счастливое животное, которое ест... и засыпает с куском во рту. О, блаженное легкомыслие!» F. Nansen: Во мраке ночи и во льдах. Спб., т. II, 64. То же наблюдали мы за эти годы на себе и других жителях Р. С. Ф. С. Р.

[2]) Описание опытов и методов получения этих цифр я не привожу и отсылаю читателя к самой статье. См Marsh, 438—444.

Суммаризированные результаты голодания,

(Чем больше цифра, тем меньше способность или тем сильнее ее падение).

Исследованные деятельности.	Понижение.		Голодание.		Повышение.		Названия групп и результаты.
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Принятая пища	4,5	4,5	8,5	8,5	3,5	3,5	—
Трудоспособность	7,3	4,3	8,2	8,4	1 3	3,7	А. Жизнеспособность: Vitality, от голода проигрывает.
Быстрота ассоциации .	4,3	5,2	7.3	5,0	4,2	3,3	B. Быстрота (Rapidity).
» называния .	4.1	6,0	3,6	6,7	1,8	3,6	
» сложения . .	6,3	6,0	6,0	6,9	4,5	2,8	
» вычитания . . .	7,5	8,7	5.4	5,1	3,4	3,3	
» умножения . .	8,7	8,8	6,3	6.0	2,5	1,8	
Среднее . . .	6,2	6,9	5,7	5,9	3,3	3,0	Практика теряет.
Острота осязания (прикладывание верблюжьего волоса к носу) . .	6,4	5,7	5.1	6,2	4,8	3,9	C. Восприятие (Passivity).
Острота болевых восприятий.	4,0	6,5	6,0	5,0	5,5	6,8	
Острота зрительных восприятий	6,3	6,6	3,8	4,7	5,5	3,5	
Быстрота и твердость движений правой руки (при проведении линии)	6,5	4,8	2,7	4,0	5,3	5,7	
Быстрота и твердость движений левой руки (при проведении линии)	4,0	4,0	5,5	4,6	5,2	6,2	
Пространство проведенной линии правой рукой	6,3	5,0	3,6	5,4	3,2	3,5	
Пространство проведенной линии левой рукой.	7,3	7,3	4,6	4,4	2,7	2.5	
Среднее . . .	5,8	5,7	4,5	4,9	4,6	4,6	Практика выигрывает.
Ошибки ассоциации . . .	6,5	5 5	7,0	7,0	4,7	6,0	D. Точность (Accuracy).
» называния . . .	5,5	6,1	4,1	1,8	2,9	3,3	
» сложения	4,0	6,0	2,5	4,0	3,5	1,0	
» вычитания . . .	8.3	7,8	3,5	3,3	4,5	3,8	
» умножения . .	5,3	7,2	5,1	6,0	5,7	5‘5	
Среднее . . .	5,9	6,5	4,4	4,4	4,2	3,9	Голод выигрывает.
Запоминание	4,0	4,7	8,1	2,7	4,8	6,5	Е, Память,
Воспроизведение	5.0	4,7	8,5	4,2	5,0	8,1	
Среднее . .	4.5	4,7	8,3	3.5	4,9	7,3	Муж. теряет, женщ. выигрыв.

Для правильного понимания этой таблицы следует учесть влияние практики. Частое упражнение в течение трех недель, повторяющееся многократно ежедневно, ведет к усовершенствованию способности. Если бы не было голодания, то все исследованные способности за три недели должны были бы повыситься. Этому мешало голодание, действовавшее в обратном направлении. Последняя колонна и дает представление о результатах дуэли голодания и упражнения. Трудоспособность (А) резко падает от голода. В группе «В», итог гласит: «практика теряет»; это значит, что благодаря голоданию успехи, порождаемые ею, уменьшаются и оказываются значительно ниже тех, которые были бы без голодания.

Способности группы С от голодания мало теряют; здесь «практика выигрывает». Группа способностей D в общем и целом от голода выигрывает: улучшение соответственных способностей обязано отсутствию пищи. Наконец, в группе *E* у мужчины голод тормозит способность запоминания и репродукции, у женщины—развивает.

Таковы результаты этой таблицы. Она говорит, что одни способности—мало изменяются от голодания, другие—резко ослабляются, третьи — улучшаются; при чем в некоторых случаях замечается различие между мужчиной и женщиной. Довольно сходные результаты получил и Лучиани при изучении Сукки, голодавшего 30 дней. Общий итог влияния голодания на его психическое состояние Лучиани характеризует так: «Мы не нашли, чтобы голодание в каком-нибудь отношении разрушило, или болезненно понизило, или повысило его душевную деятельность». Только в начале голодания он проявил некоторое раздражёние против ассистентов Лучиани, но затем извинился и «в течение длинного времени голодания оказывался в хорошем настроении, был разговорчивым, не ссорясь ни с наблюдательным персоналом, ни с самим исследователем... и был почти исключительно занят заботой о своих денежных интересах» [1]).

Можно ли из этих данных сделать вывод, что голодание не разрушает нашей умственной жизни, что оно мало отражается на интеллектуальных процессах? Исходя из подобных данных, учитывая некоторые исторические примеры, в роде голодавших аскетов, Магомета, Лойолы и др., у которых голодание не разрушало психических функций, казалось можно было бы придти к выводу, что голодание мало отражается на познавательных процессах душевной жизни.

---

[1]) Luciani: Цит. раб. 67—68.

Лучиани и некоторые другие исследователи, повидимому, так и думают [1]). Этот вывод раньше обосновывался еще тем, что нервная система при голодании почти не меняется.

Думается, что такое мнение совершенно неверно. Почему? Во-первых потому, что таблица Marsh'а, и таблицы Лучиани говорят о деформации ряда простейших психических процессов при голодании, а не о сохранении status quo. Во-вторых, эта деформация в одних случаях положительна, в других — отрицательна. В третьих, следует учитывать, что цифры относятся к простейшим психическим процессам, а не к более сложным, простейшие же психические процессы, как сейчас увидим, всего менее разстраиваются от голодания. В четвертых, лабораторные условия голодания и сами по себе весьма отличны от голодания вынужденного: первое может быть в любой момент оборвано, происходит под присмотром врачей, нет здесь опасности для жизни и страха голодной смерти, голодающий изолирован от множества житейских раздражений, он не тратит энергии на совершение житейских дел и т. д. Совершенно отличны от этих условий обстоятельства голодания по необходимости: здесь и страх голодной смерти, и переживания тревоги, и трата энергии, и боль за близких, и т. д.

Далее—голодание Сукки, Marsh'а и др. лабораторные голодания совершаются с определенной целью: с чисто научной или с практической, с целью, которая сама по себе служит условием, резко изменяющим психические переживания голодающего по необходимости. Сукки не зачем и не из-за чего было раздражаться при своем голодании. Его цель (суб'ективно говоря) тормозила целый ряд психических процессов, которые без нее имели бы место. В спокойной лаборатории, в спокойном настроении можно слагать, вычитать и умножать. В реальной жизни при голодании, как показывает пример Гамсуна, делать это труднее; в лаборатории можно быть не раздражительным; при вынужденном, внелабораторном голодании трудно сохранять спокойствие духа, благодушие и нераздражительность. В этом отношении прав Л. Тарасевич, говоря: «если к голоду присоединяются и другие вредные моменты: холод, страх смерти, страдание, etc., то нервная система быстро выводится из

---

[1]) В русской литературе, напр., у Л. Тарасевича мы читаем: «Если отсутствие пищи есть единственный вредный фактор, организм может справиться с ним так, чтобы поставить нервную систему в сравнительно благоприятные условия». Тарасевич. О голодании. Киев. 1907. 14.

состояния неустойчивого *равновесия и развивается ряд тяжелых нервно-психических явлений»* [1]).

С этой точки зрения лабораторное голодание во многом дает совершенно иные результаты, чем голодание внелабораторное, т. е. то, которое обычно бывает в жизни. Для нас важно это второе, а не первое, являющееся исключением.

В пятых—самое главное—существует совершенно достаточное число фактов, говорящих определенно за резкую деформацию познавательных психических процессов под влиянием голода.

Голодание деформирует и течение душевных процессов, и содержание сознания (идеи, представления, убеждения,теории etc.) и всю интеллектуально—познавательную сферу психики.

а) *Деформация в области ощущений и восприятий.*

Здесь голодание «имеет тенденцию вызывать соответственное направление внимания, т. е. психо-физическую аккомодацию к уловлению, восприятию имеющих отношение к функции питания впечатлений» [2]). Мы видели выше, что под влиянием положительного возбуждения пищевого центра органы чувств «поступают к нему на службу» и начинают проявлять усиленную деятельность в определенном направлении. Все «органы чувств» в таком случае фиксируются на пищевых явлениях и становятся особенно «чувствительными» к ним. И обратно, явления, побочные питанию, как бы перестают возбуждать их; органы чувств перестают реагировать на их раздражения, становятся «нечувствительными» к ним. Пищевые явления сами «бросаются в глаза» и гипнотизируют их. Ухо само ловит надлежащие звуки, орган обоняния—запахи и т. д. Делается это без всякого намерения и сознательного желания.

Это значит, что при голодании наш анализаторский аппарат становится особенно чувствительным к раздражениям, имеющим отношение к питанию, и тупым—к раздражениям побочным. Раздражения последних могут не войти в поле сознания, не давать ощущений, пропадать, так сказать, зря для мира психических переживаний. Первые же раздражения при голодном состоянии вызывают более сильное реагирование (ощущения), чем при сытом.

Рядом с такой деформацией здесь замечается и другая. Голод не только обостряет чувствительность органов чувств

[1]) Тарасевич: Цит. раб., 14.
[2]) Петражицкий: Цит. раб. 233.

в одном направлении и уменьшает ее в другом, но он тем самым вполне определенно *направляет наше внимание в сторону пищевых об'ектов и явлений. При голодании внимание человека—намеренно или нет—все равно—фиксируется и направляется ко всему, имеющему отношение к питанию, и обходит или проходит мимо всего побочного, постороннего делу питания.* Особенно резко это проявляется у собаки. Возьмите кусок хлеба или мяса и покажите его голодной собаке. Этим вы сразу «прикуете» ее к руке с хлебом. Взгляд и вся поза собаки будут изображать кусок железа, притягиваемый магнитом. Поверните руку направо—и голова собаки повернется туда же, поверните налево — и голова идет налево, подбросьте хлеб кверху — и собака часто прыгает кверху. Все ее «внимание» оказывается прикованным к пищевому об'екту. Ко всему остальному в такой момент она делается глухой. Я часто в таких условиях ударял ее, или давал ей пинок—и это проходило мимо ее «внимания»: следовал рефлекторный визг, собака передвигалась на шаг или два, не отрывая своего взгляда от куска хлеба, не отворачивая от него головы. То же много раз я наблюдал и на поведении котенка. Достаточно было загреметь жбаном, из которого давалось ему молоко или показать его (не говоря уже о самом молоке), чтобы он «бросал все дела», делался невосприимчивым ко всему и целиком приковывался к этому раздражителю.

«Варка пищи при полярном путешествии» Микельсена, рассказывает он, «захватывала (его собаку) до того, что она становилась слепой и глухой ко всему остальному, не чувствовала наших ласк, не слушала слов, сидела тихо, как мышь, таращась на примус с котелком. В движении был только язык, который, то высунется, то спрячется, а из уголков рта так и текут слюнки» [1]). Этот факт отмечает и И. П. Павлов. «Если собака долго не ела, то каждое ваше движение, каждый ваш выход из комнаты, каждое появление служителя, который ее кормит и т. п., все это может быть толчком к работе желез» и может испортить опыт [2]). То же в более сложной форме происходит и с человеком [3]).

---

[1]) Миккельсен: По следам жертв ледяной пустыни. П. 1914. 135.

[2]) Павлов: Лекции. 105—106.

[3]) Хорошую иллюстрацию сказанному дает Мопассан в «Бродяге». Собр. соч., изд. Шиповника, т. XXI. 136—150, особенно 145—147. Голодный Рандель, «шедший в оцепенении, ни о чем не думая», «вдруг, проходя мимо домика с открытым окном, ощутил запах

Голод определенно *ориентирует* внимание человека к явлениям, имеющим отношение к питанию. Подобно собаке его внимание приковывается к ним, и проходит мимо всего остального. Совершается ли эта ориентировка намеренно, или непроизвольно—дело от этого не меняется. Чаще всего она совершается помимо нашей «воли» и сознательного намерения. Но и там, где post factum появляется сознательное намерение,—картина остается той же; с той лишь разницей, что в таких случаях весь интеллект превращается в орудие удовлетворения голода и намеренно «ориентирует» внимание на явлениях, относящихся к удовлетворению голода. Массовое подтверждение сказанному дает поведение детей и взрослых граждан Р. С. Ф. С. Р. за эти годы. Дети и школьники, по наблюдениям педагогов, были апатичны ко всему, кроме еды. В воспитательных домах, приютах и колониях «постоянные голодные темы заполняли все сознание детей дошкольного и школьного возраста. Беседа с ними об еде являлась единственным подходом к ним. В остальном они реагировали на все окружающее повышенной раздражительностью, либо негативизмом» [1]). Взрослые были невнимательными ко многому, не были осведомлены о многом, *но к пайкам, но к выдачам, но ко всяким пищевым получкам и др. подобным явлениям, они были очень внимательными:* всегда были осведомлены, не пропускали никаких выдач, не забывали сдать и получить надлежащие карточки, не манкировали здесь, словом—*были максимально внимательными в этом отношении.* И это несмотря на всю сложность этих явлений. Исключения из этого правила ничтожны. Здесь мы видим поведение, аналогичное описанному поведению собаки; только более усложненное и «извилистое». Наконец, при очень сильном и длительном голодании мир ощущений и восприятий претерпевает третью деформацию, *состоящую*

мясного супа. Подойдя к окну, он отпер его и душистый воздух кухни, теплый и полный ароматов бульона... вырвался на улицу... Рандель набросился на хлеб и ломал его с такой яростью, словно душил человека... Но запах мяса почти тотчас же привлек его к камину... С'ев почти все мясо... он почувствовал жажду и пошел к одной из бутылок, стоявших на камине. Едва взглянув на жидкость в стакане, он узнал в ней водку. Он выпил»... В это время он стал глухим ко всему остальному. Только насытившись он различил звон колокола, понял опасность и взяв хлеб и водку, бросился из дома. Здесь изображено отчетливо: и ориентировка внимания в сторону питания при голоде, и рост «чувствительности» органов восприятия (и появление соотв. ощущений) к питат. об'ектам, и рост глухоты их—к побочным явлениям. См. ряд таких же картин в «Голоде» Гамсуна.

[1]) Аронович: О гол. детской дефективности. 33.

в отупении наших органов ощущения и восприятия (органов чувств) *вообще. Все вообще восприятия становятся менее живыми, менее острыми.* В первые моменты голодания наши аппараты восприятия как будто работают лучше, глубже, острее и точнее анализируют среду и ее раздражения. Поэтому—ощущения интенсивнее, острее и живее. С слишком длительным и дефицитным голоданием это обострение заменяется отупением, суб'ективно выражающимся в состоянии безразличия и апатии ко всему, в исчезновении ярких переживаний и «сильных ощущений».

«Ощущения (feelings), необычайно острые в течение первых дней голодания, затем стали необычайно апатичными на время», отмечает Marsh о своем голодании [1]).

При голодании, близком к смерти, повидимому весь анализаторский нервный аппарат дезорганизуется; сообразно с этим, он плохо начинает замечать и воспринимать все, что делается в среде; его сигналы — ощущения и восприятия—становятся неверными и бледными; многое он перестает совершенно отмечать, многое отмечает слабо и бледно. Люди перестают реагировать даже на такие раздражения, как электрические. «Возбудимость мозга к электрическому раздражению вследствие голодания понижается или утрачивается совершенно. Влияние голодания на возбудимость мозга выразилось также в изменении двигательных реакций на сильные токи». Одни животные совсем не давали реакции подергивания конечностей в ответ на сильные токи, другие—реагировали очень слабо [2]).

Функцией этого анатомо-физиологического изменения нервной системы является указанное искажение, обеднение и обледнение мира ощущений и восприятий. Это явление падения возбудимости при голодании констатировали экспериментально на голодающих собаках и д-р И. Розенталь, и Н. Фролов. «Голодание вызывает пониженную возбудимость нервной системы и развивает сонное состояние, понижающее всю деятельность больших полушарий» [3]).

Такова деформация в этой области.

---

[1]) Marsh: Jb., 445.

[2]) Розенбах: О влиянии голодания на нервные центры. 80—81.

[3]) См. И. Розенталь: Влияние голода на усл. реф., и Н. Фролов. О влиянии резкого изменения в составе пищи. Арх. биол. наук. 1922. в. 3—5. См. др. факты у Пашутина. 608 и др.

Деформация в области представлений и течения идей.

Здесь результатом голода «бывает прекращение прежнего ассоциативного течения идей (или цепи мыслей) и появление таких представлений или мыслей и их рядов и цепей, которые не связаны с предыдущими идеями, а касаются питания, еды и того, что с этим ассоциативно или *логически связано (напр., времени, остающегося до обеда, и т. д.)*» [1]).

Все поле сознания под влиянием голода начинает заполняться представлениями, идеями и их комплексом, прямо или косвенно относящимися к еде. Они «врываются» в поле сознания, незванные и непрошенные, вытесняют иные представления и идеи, стремятся выкинуть и вытеснить их «из головы», независимо от нашей воли и вопреки ей. При сильном переживании голода натиск первых бывает столь активным, что сильнейшее напряжение воли часто бывает бессильно сопротивляться им. Больше того, «с возрастанием интенсивности приступов голода-аппетита соответственные представления достигают такой интенсивности, живости и отчетливости, что они делаются в этом отношении похожими на восприятия и, наконец, приобретают вполне галлюцинаторный характер: начинается ненормальное действие интеллекта, известное под именем голодного delirium... Сновидения голодного тоже имеют своим предметом разные яства и т. п.» [2]).

Мне лично пришлось в течение двух месяцев жизни в лесу голодать довольно сильно (испытывать сильный дефицитный относительный голод—и качественный, и количественный). Через неделю такой жизни трудно было сосредоточиться длительно на чем либо другом, кроме пищи. Усилием удавалось на некоторое время изгнать «голодные мысли» из поля сознания, но они снова незаметно возвращались и овладевали сознанием.

То же констатируют и упомянутые американские психологи, экспериментировавшие над собой. И при жажде, и при голоде (опыты делались в том и другом направлении) «питьевые» и «пищевые» представления делались навязчивыми. Самонаблюдатель А. (после 20 часов жажды) пишет: «Во время работы я вдруг, автоматически, прерываю работу и иду к графину с водой, не думая о том, что я делаю. Один раз я глотнул воды, прежде чем успел подумать,

---

[1]) Петражицкий: Цит. раб. 251—32.
[2]) Петражицкий: Jb., 231—32.

что я делаю». Через 23 часа жажды: «стало обычным смутное зрительное представление (a vague visual image) стакана воды, или зрительный образ графина, или сосуда с водой, к которому я бессознательно начинаю направляться, но, отправляясь, я вспоминаю об эксперименте и это заставляет меня снова вернуться к работе. Представления о сосуде с водой преследуют»..- Аналогичное же отмечают в своих переживаниях самонаблюдатели В., Х. и др. Сходное отмечают они и при голодании. «Представление о пище (the ideation of food) вне сомнения есть обычный спутник голодания и вероятно оно вызывает желание пищи..., часто, как и при жажде, автоматически обнаруживаемое в движениях, направленных к пище», так резюмирует Boring результаты этих самонаблюдений [1]). «Нам уже давно было трудно говорить между собою о чем либо другом, кроме еды и еды, описывает полярный путешественник Миккельсен свои переживания во время голодного путешествия по Гренландии. Конечно, поболтать на эту тему в высшей степени приятно и это никогда не может надоесть раньше, чем хорошенько поешь; только тогда освобождаешься от этой бесконечной темы и можешь побеседовать о чем либо другом, не опасаясь, что разговор нечаянно снова собьется на с'естное. Мысли зависят от желудка». В этот день поели они досыта и могли говорить не о с'естном [2]).

«С минуты на минуту жажда делалась мучительнее. У меня начинались различные галлюцинации: мне виделось то озеро, то слышался совсем близко плеск воды» [3]). «Несчастные испытывали (матросы с «Медузы») галлюцинации (видение земли с фруктами) и под влиянием их бросались в море» [4]).

В ряде художественных произведений мы имеем весьма удачное изображение этого врывания «голодных идей» в поле сознания. В «Искушении свят. Антония» Флобера имеется ряд таких картин. В поле сознания Антония, размышляющего о падении благочестия, о Никейском соборе и т. п., неожиданно врываются мысли: «слишком много постов! Если бы мне отведать... хоть кусочек мяса»... «Полузакрывает глаза, в томлении». «А, мяса...

[1]) Boring: Цит. раб, 307—310, 315.

[2]) Миккельсен: По следам жертв ледяной пустыни. П. 1914. 255 и 269.

[3]) Чуди: Через цепь Кордильеров. Америка. Иллюстр. сб., сост. Крубером и др. М. 1917. 43.

[4]) Пашутин. 562.

Гроздь винограда!.. Простокваши, что дрожит на блюде... Но что со мной? Что со мной»?.. Далее мы видим картину голодного delirium. Антонию начинают появляться видения стола с яствами, с мясом, с дымящимся кабаном, с рагу, с кремом и т. д. Поняв, что это—«искушение», он говорит: «О дьявол! Прочь, прочь! О, искушение было сильно»! [1]) Множество таких картин описывается в житиях аскетов, святых подвижников и в ряде других художественных произведений [2]).

Массовым подтверждением описываемой деформации может служить население Р. С. Ф. С. Р. за голодные годы. Оно больше всего говорило о пайках, о хлебе, об еде за эти годы. Куда бы вы ни пришли, о чем бы ни говорили, в итоге, почти всегда незаметно для вас самих и ваших собеседников, разговор сбивался на продовольственные темы: карточки, пайки, рынки, питание, к ценам на продукты, к способам их добывания и т. п. «Пищевые идеи и представления», обнаруживаемые речевыми рефлексами, неожиданно врывались в ход беседы, вытесняли остальные темы и занимали центральное место. «Постоянные голодные темы заполняли все сознание детей дошкольного и школьного возраста, пишет Аронович. «Персеверирующие голодные темы носили навязчивый характер» [3]). Едва ли нужно другого доказательства правильности сказанного.

Описанный характер деформации вместе с тем означает, что под *влиянием голодания мир представлений и идей человека беднеет — и количественно и качественно — в отношении представлений и идей побочных питанию, и богатеет в отношени пищевых идей и представлений.* Последние начинают массами «роиться» в сознании, приобретают разнообразие и необычайную живость, доходящую временами до галлюцинации, до силы восприятий и ощущений. Первые же уходят из поля сознания, бледнеют в своей живости, о них «не хо-

---

[1]) Флобер: Искушение св. Антония. Собр. соч., изд. Шиповник 16, 20—21 и др.

[2]) Напр., в «Голоде» Гамсуна. В «Сирене» Чехова председатель суда, благодаря наплыву «голодных идей», не в состоянии сосредоточиться на своем особом мнении: «Послушайте, говорите потише!», обращается он к Жилину, живописующему картины аппетита и его удовлетворения. «Я из за вас уже второй лист порчу»... Далее: «Иван Гурьич! Из за вас я третий лист испортил»! Далее: «Я шестой лист порчу! Это бессовестно»! Так он и не мог написать «особого мнения» и принужден был уехать на обед. «Сирена». Собр. соч., т. I. 14—18.

[3]) Аронович: Цит. раб. 33.

чется думать», они становятся «неинтересными», свободная игра и смена их ослабляется», и т. д.

Такова деформация этих душевных процессов, вызываемая голоданием.

Деформация в области памяти.

В связи с изменениями ощущений, восприятий и представлений стоит и деформация *памяти и репродуктивной способности вообще под влиянием голодания.* Из сказанного легко предвидеть, в каком отношении совершается эта деформация. Опыты Marsh'a на этот счет дают неопределенный ответ: обе эти способности при голодании у мужчины ослаблялись, у женщины усиливались. Я полагаю, что типичным явлением здесь следует считать ослабление, а не усиление. Раз при голодании органы чувств становятся очень «чувствительными» к первым и глухими ко вторым, раз посторонние идеи и представления вытесняются из поля сознания и бледнеют в пользу пищевых представлений и ассоциаций, то и *память всего легче схватывает и запоминает явления, процессы и предметы пищевые и становится слабой по отношению к запоминанию явлений и предметов, не связанных с питанием.* В первом отношении она будет усиливаться, делаться более твердой и точной, во втором — будет слабеть. То же относится и к воспроизведению. *Всего легче, точнее, яснее и живее будут репродуцироваться «пищевые» процессы, факты и предметы, ибо они сильнее зафиксировались в сознании, более интенсивно были восприняты; и обратно, репродукция явлений, событий и фактов посторонних питанию, едва «задевших» сознание, слабо воспринятых и запечатлевшихся, будет производиться* (ceteris paribus) *с большим трудом, с меньшей живостью и точностью.*

Вот почему неудивительно, если в голодном состоянии мы чрезвычайно легко и остро схватываем и запоминаем, с одной стороны, а с другой—с чрезвычайной живостью и точностью вспоминаем и воспроизводим события, факты и предметы, прямо или косвенно связанные с питанием. В этих отношениях в первые периоды голодания обе способности могут относительно усиливаться. За то во всех других они неизбежно относительно ослабляются. Делать на основании фактов первого рода общее заключение об усилении способности запоминания и репродукции вообще было бы большой ошибкой. Мало того: если брать не это условное усиление и ослабление памяти и репродуктивной способности относительно «пищевых» и «непищевых» об'ектов и явле-

ний, а усиление или ослабление их в целом, то есть основание полагать, что *в общем и целом память при голодании, особенно при длительном, по сравнению с памятью при сытом состоянии, ослабляется.* Такова другая черта описываемой деформации. Таблица Marsh'а в применении к мужчине это подтверждает. В 1918—21 г.г. я делал на этот счет ряд опросов петроградских ученых. Почти все они жаловались на ослабление памяти. Проф. А. сказал: «память стала совсем дырявая». Проф. В.: «память заметно ослабела». Два профессора отметили факт «выпадения» ряда имен и дат на лекциях, ставивший их несколько раз в неловкое положение перед аудиторией. Аналогичные жалобы приходилось слышать и от «простых смертных». То же отчасти я констатировал и на себе самом к концу двухмесячного относительного голодания в лесу и в течение 1918 — 21 г.г. О том же говорят и клинические наблюдения. «В более сильных формах истощения (наступает) состояние спутанности психики, утеря памяти. Больной забывает свою фамилию, не знает, где он находится, не помнит своего местожительства» [1]). Забываются иногда самые простые слова. Так, X. сказал мне, что один раз он забыл слово «топор», Z. — слово; «береза» и т. п. «Память матросов пострадала», (от голода при крушении «Медузы»)[2]). Очерченным, конечно, не исчерпывается суть дела. Ниже мы увидим, что эти изменения гораздо более значительны и глубоки, чем это кажется с первого взгляда. А пока очертим кратко деформацию в области т. н. *«волевых процессов»*.

3) Деформация в области желаний, стремлений, волевых процессов. [3])

В этой области переживаний пертурбация, вносимая голодом, в начальные моменты состоит *в ослаблении и подавлении всех желаний и стремлений, мешающих его удовлетворению или антагонистичных ему; и обратно, в возбуждении, усилении, и укреплении желаний и стремлений, содействующих его утолению, солидарных с ним.* Мир желаний человека ири голоде

---

[1]) Вальдман: К вопросу о клинике голодания. Юбил. сборник И. И. Грекова. П. 1921. 441—44.

[2]) Пашутин. 563. Тот же результат дают опыты над животными. См. ук. ст. Н. Фролова.

[3](Для удобства я пользуюсь обычными терминами суб. психологии для характеристики суб'ективных переживаний; первые для меня только ярлыки, отмечающие разные оттенки последних.

резко меняется. Те вожделения и устремления, которые при сытом состоянии занимали центральное место, при голоде—раз они антагонистичны или побочны его удовлетворению—уходят на второй план, иногда,—исчезают и уступают место иным, при сытом состоянии не игравшим роли. Желание «чечевичной похлебки» совершенно отсутствует у сытого, и становится основным у голодного. Ниже мы увидим достаточное подтверждение этих положений.

Что касается *волевых процессов*, многими психологами противопоставляемых желаниям и стремлениям, (с моей точки зрения представляющим, однако, усложненную форму комплекса последних), то и они претерпевают аналогичное изменение. Волевой акт, направленный против удовлетворения голода, встречает в последнем противника, пытающегося обессилить его, подавить или ослабить. Первому приходится в этом случае преодолевать сопротивление второго — что удается редко. Волевое усилие, содействующее удовлетворению голода, напротив, встречает в голоде могучего союзника, резко усиливающего его силу и, так сказать, «выносящего «волю» на своих стихийных плечах». Сообразно с этим с резким варьированием состояний сытости и голодания происходит резкое варьирование относительной силы разных волевых устремлений, перемена волевых процессов и всей волевой сферы душевной жизни. Рядом с такими изменениями здесь происходит, как сейчас увидим, и другое явление; с общим изменением душевных переживаний под влиянием голодания изменяется и наше волевое «я». Вся духовная личность человека резко деформируется, и перед нами встает новое «я» в старой, хотя и измененной телесной оболочке. Сообразно с этим, поскольку воля считается единой, поскольку она связана интимнейшим образом с «я», с изменением последнего меняется и она.

При длительном и сильном голодании «я», — единство и целостность душевной жизни—постепенно разрушается, так сказать, распадается на куски, мало согласованные друг с другом, похожие в своей совокупности на куски разбитой мозаичной картины, держащиеся вместе только благодаря раме. Соответственно с этим «распадается» на куски и воля. Она перестает быть единой и целостной, дробится на отдельные потоки, несогласованно текущие в раме расстроенного человеческого организма. Сила воли ослабевает, мякнет, рыхлеет. Место воли при длительном голодании занимает безвольная апатия и тупое равнодушие. Ограни-

чимся пока сказанным. Подробнее об этих явлениях в об‘ективном аспекте я буду говорить ниже.

4) Деформация характера и темперамента.

Есть далее ряд данных — хотя и не доказанных еще вполне, позволяющих думать о существовании связи между питанием и тем, что зовут «характером», иногда «темпераментом» человека. Выше мы видели, что голуби при мясной пище делаются хищными. Далее, «на медведях, свиньях и собаках резко сказывается изменение характера, судя по тому, кормят ли их мясной или растительной пищей: мясная пища делает их непослушными и злыми» [1]). То же можно ожидать и в применении к человеку на основании этих данных. Далее, теперь выясняется, что свойства «темперамента» и «характера» стоят в связи с явлениями внутренней секреции. А последняя, как указано выше, зависит в сильной мере от количества и качества пищи, из которой железы вырабатывают секреты. Это дает второе основание для допущения указываемой связи. Есть, наконец, кой какие факты и прямо говорящие об этом. Было замечено, что народы, особенно первобытные, питающиеся главным образом мясом, в большинстве случаев имеют хищный, энергичный и аггрессивный характер. Pivion ставит в связь с мясным питанием бóльшее число убийств в Англии. И обратно, ряд народов и групп вегетарианских чаще всего являлись и являются мирными, не хищными группами. Пашутин, указывая на то, что многие лица порицали мясную диэту за то, что она ведет к хищности, не без основания заключает: «нужно сознаться, что во всех этих излияниях звучит не одна праздная сантиментальность» [2]). Хотя вопрос этот и очень мало исследован, но указанные основания заставляют думать, что допущение такой связи не абсурдно. Частичным подтверждением его служит и факт покорности русского народа вообще и за эти годы, в частности. По сравнению с большинством европ. народов, особенно англосаксов, принимая во внимание наш климат, русский крестьянин ел и ест мяса меньше. И он же более покорен, чем массы других народов. Не в связи ли с почти исключительно растительным питанием за эти годы населения России стоит его исключительная безвольность, пассивность,

---

[1]) Пашутин: 699.
[2]) Jb. 699.

покорность? Если, да, то те, кому желательно иметь такой народ, должны держать его на вегетарианском режиме, а сами питаться мясом.

5) Деформация в области всей целокупности душевной жизни личности.

Итак, под влиянием голодания подвергаются резкому изменению все отдельные «элементы» душевной жизни или те элементарные процессы, из которых слагается наша психическая жизнь. Изменяются наши чувства и эмоции, меняется общее наше самочувствие, жизне-и мироощущение, деформируются наши ощущения, восприятия и вннмание, представления, идеи, их количество, качество и порядок течения, запоминание и воспроизведение, желания, стремления и волевые переживания. Словом,—все отдельные «элементы душевной жизни. Раз меняются первые, то неизбежно меняется и та «сумма»—вся наша душевная жизнь, все содержание нашего сознания—которая слагается из этих элементов. *Голодание (соответственно—сытость) резко деформируют всю нашу духовную личность, весь «духовный багаж» нашего «я»* и со стороны *содержания этого багажа*:— идей, убеждений, верований, вкусов, желаний, стремлений, оценок, чувств и эмоций и всего мировоззрения,— *и со стороны механизма смены и течения элементов этого багажа,—душевных процессов.* Голодание вытесняет из «поля сознания» одни из этих «элементов» и заполняет его другими; подавляет и ослабляет одни идеи, убеждения, верования, вкусы, желания, эмоции и т. д., усиливает и укрепляет другие. Роль варьирования количества и качества пищи, усвояемой организмом, похожа на роль смены министров в ведомствах: каждая смена влечет за собой перемену состава чиновников ведомства, повышение и увольнение одних должностных лиц, понижение и назначение новых; в результате чего меняется состав чиновников и служащих ведомства. Смена сытости и голодания (итог варьирования количества и качества пищи) производит такую же трансформацию в «составе» элементов (идей, убеждений, желаний etc.) нашего «министерства сознания». Рядом с этим смена министров обычно влечет не только перемену состава и перегруппировку служащих ведомства, но и *изменение политики и механизма работы всего министерства:* лучшую или худшую организацию, ускорение или замедление процесса производства дел, выдвигание на первый план одних дел и за-

кладывание под сукно других и т. д. *То же происходит и со всем механизмом душевной жизни при варьировании сытости и голодания. Машина душевной жизни в том и другом случае начинает работать различно.* Изменения содержания нашего духовного багажа мы проследим ниже. А здесь я укажу только на некоторые черты деформирования механизма всей нашей душевной жизни при голодании.

Длительное дефицитное, а отчасти и сравнительное голодание, влекущее, как мы видим, резкое изменение состава нервной системы и, в частности головного мозга, в свою очередь расстраивает весь механизм нашей душевной жизни, разбивает его единство, целостность и согласованность его частей. Это сказывается прежде всего на *ослаблении единства нашего «я»*. При сильном голодании целостность его как бы распадается, сконцентрированность «я» начинает как бы расползаться, растекаться, раздваиваться. В «я» появляются трещины, из него вырастают ряд различных «я», начинающих нередко бороться друг с другом. В нашем сознании как бы исчезает главный монарх, управляющий всей психической машиной, появляется ряд мелких царьков и вся машина душевных переживаний начинает работать несогласованно, с трениями и с перебоями. В ряде соответственных самонаблюдений мы имеем подтверждение сказанного. При математических опытах (сложения, вычитания и т. д.). в голодную неделю, пишет голодавшая жена Marsh'а, «я имела переживания нетерпения: как будто бы одна часть моего «я» ждала другую, эта нетерпеливая часть как бы говорила другой: «стоп!, не трудись над вычислениями и предоставь мне делать эту работу; я сделаю ее быстрее и лучше, чем ты: и когда я стоповала, эта невидимая часть «я» давала ответы с такой легкостью и быстротой, что я поражалась ее достижениями». «Это переживание дуализма появлялось часто и «делающая часть» «я» нередко давала результаты, противоположные другой» [1]). Ряд весьма характерных переживаний в этом роде рисуются в «Голоде» Гамсуна. Приведу одну сцену. Голодный герой, не имея пристанища, решил итти в полицейский участок. Когда он был отведен в камеру и огонь в ней погас, «сумрак завладел моей мыслью, пишет он, и не давал мне ни минуты покоя. Что если я сам растворился в темноте? Мое нервное состояние окончательно овладело мною, и, как я ни старался подавить его, ничто не помогало.

---

[1]) Marsh: Jb., 444—445.

„И вот я сидел, *весь добыча страннейших фантазий,* убаюкивая себя, напевая колыбельную песню, обливаясь потом от напряжения успокоить себя“. В таком состоянии герой производит целый ряд манипуляций. „Вдруг я несколько раз щелкаю пальцем и смеюсь. Чорт возьми: Ха!.. Мне показалось, что я выдумал новое слово. Я поднимаюсь в постели и говорю:—Этого нет в языке, а сам изобрел это Кубоа... Слово четко выступало предо мною из темноты. Я сижу с раскрытыми глазами, изумляясь своей находке; и смеюсь от радости. Потом я начинаю шептать: меня могли подслушать, а я хотел сохранить мое изобретение. Я впал в радостное безумие голода“. Дальше он старается уяснить значение этого слова и тут то особенно резко выступает дуализм и распадение целостности „я“. Он перебирает ряд значений, которые Кубоа может иметь: Бога, Тиволи, зверинец, высокий замок, восход солнца, эмиграцию, спорит сам с собой, мучится и, наконец, решает, что Кубоа должно означать нечто душевное. „Я ищу в памяти чего-нибудь душевного. *И вот мне чудится, будто кто то говорит, вмешивается в мою беседу, и я сердито отмечаю:*—Что такое? Нет другого подобного идиота и не сыщешь! Полотно? Убирайся к чорту! Почему я обязан считать это полотном, когда я был определенно против того, чтобы это означало полотно. Я сам выдумал это слово и был в праве придавать любое значение. Насколько мне было известно, я еще не высказывал своего мнения. Но мой мозг охватывало все большее и бóльшее исступление.“ Безпорядочная цепь ассоциаций продолжается. Сменяются представления: полицейского, моря, кораблей, чудовищ, облаков, падения и, наконец, „я сказал себе: теперь ты должен умереть. И я лежал некоторое время и думал о том, что теперь должен умереть. Потом я приподнялся в постели и строго спросил: „Кто сказал, что ты должен умереть. Раз я сам выдумал слово, то я имею полное право решить, что оно должно обозначать. *Я слышал сам,* как *я* фантазировал, слышал это еще во время моего разговора. Мое безумие было ничто иное, как бред слабости и истощения, но я не терял сознания. И мой мозг вдруг произвел мысль, что я сошел с ума“. Это раздвоение „я“ и дуэль одного „я“ с другим красной нитью проходит чрез весь „Голод“ [1]).

При голодании, близком к смерти, появляется, как известно, бред, полное расстройство сознания и распа-

---

[1]) *Гамсун*: Голод. Собр. соч., т. II. 49—51. См. также «Искуш. св. Антония» Флобера.

дение единства личности. Как и в данной картине из сознания выпадает основной винт, направляющий центр, и оно превращается в „добычу страннейших и случайных фантазий“, поле сознания становится простым местом самого безпорядочного, никем и ничем не регулированного кружения и толчения не связанных друг с другом представлений, и идей, чувств и эмоций. Человек становится похожим на корабль, потерявший руль и кормчего, и ставший игрушкой волн—случайных раздражений.

„В крайних степенях истощения временами наблюдаются психозы, то буйного, то галлюцин. характера и бессознательное бредовое состояние“ [1]).

„Лишение пищи приводит нередко к особой форме душевного разстройства, носящего название „бред от истощения“, delire d'inanition, Inanitionsdelirium. Истощение долгое время переносится без всяких психических симптомов, но затем, когда оно достигает крайней степени, начинается извращение сознания. Ассоциация идей лишается контроля, задерживающее влияние сознания ослабевает, мысли текут быстро и бессвязно. Появляются многочисленные галлюцинации слуха и зрения, которые врываются в сознание и обусловливают множество нелепых идей, большей частью с оттенком преследования, иногда величия. Но эти идеи не укрепляются в сознании, а меняются также быстро, как галлюцинации. Больной, ослабленный до крайности, возбуждается, бормочет бессвязные слова, жестикулирует“ [2]).

Общим следствием такого расстройства целостности нашего „я“ служит *ослабление и упадок работы мысли вообще.* Мышление требует *концентрации внимания,* логической последовательности, подчинения процессов ассоциативных определенному направлению, иными словами, требует автономии *связывания понятий и представлений от случайных влияний, действующих в данный момент раздражителей среды.* Только тогда, когда поле сознания свободно от случайных ассоциаций, когда оно, так сказать, ограждено стеной против врывающихся извне и навязываемых средой ощущений и представлений и их комплексов, когда в этом огражденном поле руководящий центр „я“ свободно, согласно своим заданиям направляет цепь идей, только тогда возможно продуктивное мышление. Вне этого условия может получиться только кавардак бессвязных идей,

---

[1]) *Вальдман:* К вопросу о клинике голодания. Юб. сб. Грекова 1921. 43—44.

[2]) *Розенбах:* Цит. раб., 84—85. См. др. факты у Пашутина. 565—566, 608.

прихотью случая сменяющих друг друга. К такому именно состоянию приводит длительное голодание. Раз при голодании единство и целостность „я“ ослабляется, раз в сознании исчезает „хозяин“ и воцаряется капризная пляска переживаний, то было бы чудом, если бы работа мысли не ослабевала при голоде. *Это ослабление проявляется:* 1) в переживании *своеобразной „пустоты“ в мыслях,* 2) *в возрастающей трудности концентрации мысли* (внимания) *на избранном об'екте,* 3) *в связи с этим, в растущей зависимости процессов мышления от внешних влияний, в уменьшении их автономной, саморегулируемой последовательности,* 4) *в душевных расстройствах, стало быть, в росте беспорядочности и бессистемности мысли*“. А все это, вместе взятое, плюс—деформации, очерченные выше, *ведет прямо или косвенно, медленно или резко, к ослаблению мыслительной способности при абсолютном и длительном относительном голодании.*

Приведу иллюстрации к сказаному. В „Голоде“ Гамсуна герой, в периоды долгого голодания многократно пытающийся написать статью, чтобы заработать несколько крон, пишет: „Голова была пуста“... „Теперь я больше ничего не мог писать, моя голова тотчас же бывала пуста, как только я делал попытку заняться“. „У меня больше ничего не выходило, хотя я был очень прилежен. Мой мозг обанкротился“. и т. д. [1]). Я цитирую это произведение потому, что оно не только беллетристика, но человеческий—и весьма правдивый—документ. Такое явление следует прямо уже из того, что сказано было выше о деформации восприятий, внимания, представлений и т. д. Такое же явление отмечают и голодавшие американские психологи. „Я пуст“, отмечает один. „Я чувствую слабость или пустоту“ (a feeling of emptiness), пишет другой. То же отмечают и остальные [2]). В связи с этой пустотой стоят и другие формы ослабления мысли: трудность сосредоточения на явлениях, посторонних питанию, бессистемность мысли и. т. д. У того же Гамсуна герой после долгого голодания не мог вычислить: сколько стоит 3⁵/₁₆ фунта сыру по 16. „Провозившись с этими цифрами минуты две, на мою беду я почувствовал, что все начало плясать в моей голове; у меня все путалось... Я обливался потом; изо всех сил думал об этих загадочных цифрах и задумчиво моргал глазами. Казалось, что то треснуло в моем мозгу“ [3]). Сходное отмечают Cannon и Washburn, подчер-

---

[1]) *Гамсун:* «Голод». 80, 97, 117, 119. и passim.
[2]) Boring: Цит. раб. 312—316.
[3]) *Гамсун:* Голод. 118.

кивая, что в результате голодания получается „состояние беспокойства, делающее бесконечно трудным систематическое выполнение обычных дел“ [1]). То же констатировали на себе и голодавшие американские психологи. Наблюдатель X пишет (после 20 час. абсол. голодания): „Я чувствую такую общую слабость в теле, что я не склонен делать что бы то ни было“ [2]) и т. д. Лично я в марте—апреле 1919 г., при недостаточном общем питании, плюс—после сильного голодания в последних месяцах 1918 г., плюс—при отсутствии потребления почти всяких жиров животного и растительного происхождения в течение марта и начала апреля, констатировал на себе относительное падение умственной работоспособности. За эти годы с 1918 по 1921 г. на эту тему мне приходилось беседовать с рядом профессоров и умственных работников Петрограда и почти все они жаловались на упадок умственной энергии и работоспособности. И об'ективно, за эти годы большинство их сделало гораздо меньше, чем в годы сытые. Число не только напечатанных, но и написанных работ за эти годы меньше. Если возьмем статистику вышедших в центрах книг (названий) и периодических изданий, то даже по сравнению с 1917 г. оно меньше, не говоря уже о том, что серьезных трудов за эти годы почти не выходило, а выпускалась всякая макулатура. В Москве в 1917 году выходило 367 периодических изданий и выпущено 4.690 названий, в 1920 г.—165 и 919. Число окончивших высшие учебные заведения в 1917 году в Москве равнялось 2379, в 1919—315, хотя число учащихся было больше и требования испытаний были сильно пониженные [3]). То же мы видим и в области менее сложной умственной работы. За эти годы продуктивность труда в Р. С. Ф. С. Р. пала во всех областях, особенно в голодных центрах. И не только в профессиях мускульного труда, но и в умственных отраслях последнего (наборщики, конторщики, бухгалтера и т. д.). Нет прежней внимательности, точности, быстроты, нет прежней энергии, живости и т. д. Что все это, как не массовое подтверждение сказанного. Еще резче это проявилось на умственной жизни детей. Падение ее отмечается всеми педагогами. „Со стороны интеллектуальной сферы отмечается понижение внимания и умственной работоспособности, при быстрой утомляемости. Отсюда—малоуспешность детей к за-

---

[1]) Cannon and Washburn. Op. cit, 441.
[2]) Boring, 313.
[3]) См. *Красная Москва*, 494—96 и 522.

нятиям“ [1]). Я отлично знаю, что помимо голода такое ослабление умственной продуктивности вызвано целым рядом условий, но в ряду их голодание занимало свое и едва ли не центральное место.

При чем, согласно экспериментам над собаками Н. Фролова, следует думать, что *всего раньше и сильнее от голода страдают именно высшие и сложные формы умственной деятельности.* Его исследование показало, что при голодании становится почти невозможным образование новых условных рефлексов, они очень непостоянны; исчезают прежде всего искусственные условные рефлексы, потом — натуральные и меньше всего страдают безусловные рефлексы. «Последовательность исчезновения рефлексов перед смертью находится в обратном отношении к порядку их появления в ранний период жизни» [2]).

Нечто сходное, повидимому, имеет место и у людей...

Наконец, о расстройстве всей душевной жизни на почве голода говорит рост душевной заболеваемости населения России за эти годы и распространенность ее в голодных губерниях.

«В 1918—20 г.г. душевная заболеваемость Петроградского населения увеличилась и продолжает возрастать». Одним из основных факторов роста был голод, как правильно указывают исследователи [3]). О массовых душевных расстройствах в голодающих губерниях нам чуть не ежедневно сообщают газеты.

«В с. Ольховке на почве голода участились случаи сумасшествия» [4]).

«В с. Молчановке на почве голода зарегистрировано 3 случая сумасшествия» [5]).

«Многие сходят с ума. Был случай, когда глухой ночью раздался звук набата. Звонил в экстазе дикого восторга лохматый крестьянин. Звонит и приплясывает. Ему представилось, что надо звонить громче и сильнее... Есть целые деревни, где не оказалось ни одного нормального человека. Все помешались на еде» [6]).

---

[1]) *Аронович:* Цит. раб. 31.

[2]) Фролов. Ц. ст., 169—70. См. ук. ст. Розенталя.

[3]) См. Горовой-Шалтан: К вопросу о душ. заболеваемости населения при соврем. условиях. Псих., невр. и экспер. псих., П. 1922. 34 и др. Его же: Ст. в „Врач. деле“. 1 февр. 1921 г. Осипов. О душ. заб. в Петрограде. Изв. Ком. Здрав., 1919 г., № 7—12.

[4]) И. Ц. И. К., 12 ф. 1922.

[5]) П. Правда, 10 м. 1922.

[6]) Кр. газ., 31 янв. 1922. См. кой-какие факты в брош. Л. Василевского: Жуткая летопись голода. Уфа. 1922.

Такие известия сообщались чуть не ежедневно. Согласно сказанному, иначе и быть не может.

Расстроенный мозговой аппарат не может нормально и целесообразно работать. Связи в нем распадаются; отсюда—разложение единства «я» и все вышеочерченное.

Этим я не отрицаю возможности временных лихорадочных вспышек умств. энергии в первые периоды голодания. Но они временны и с ростом голодания исчезают.

Не отрицаю я и возможности вспышек лихорадочно-однобокой работы мозга при голодании, вспышек, дающих в результате наряду с чисто бредовыми, бессвязными и абсурдными произведениями, такие, как «Духовные упражнения» Лойолы, основы магометанства, создание ряда мировоззрений аскетизма, факиризма и аналогичные продукты «пароксизмов» мозга. Но сама односторонность и полубредовой характер такого творчества (чем нисколько не отрицается их важная социальная роль, положительная или отрицательная—все равно), уже свидетельствует о ненормальной работе мозга, раз. А во вторых, спорно: чем вызвана оригинальность и глубина некоторых произведений такого рода, голоданием ли, или другими факторами, действовавшими наперекор голоданию и своим влиянием аннулировавшими вредные результаты первого? Человек и его жизнедеятельность — функция многих детерминаторов поведения, а не одного голодания. Одни из них своим совокупным влиянием могут иногда компенсировать эффекты других факторов, в частности, голодания [1]).

При «подвижничестве и искусе» аскетов, Христа, Магомета, Будды, факиров, столпников, Лойолы и др. представителей élites, производивших «в посте и молитве» своеобразные продукты психики, на ряду с голоданием, как раз даны другие необычные условия и факторы, которые могли обусловить оригинальность и глубину их умственной работы. Вот почему такие факты не противоречат сказанному [2]).

---

[1]) Подробно об этом в „Социальной Механике".

[2]) Было бы крайне интересно проследить кривую умственной работоспособности при различных формах и сроках голодания более точно и детально. Эта задача выходит за пределы данной работы. Всего вероятнее, что эта кривая имеет не прямолинейный, а волнистый характер. Понижаясь при резком уменьшении и ухудшении питания, она при продолжении голодания может далее временно повышаться в силу относительного приспособления организма и нервной системы к новому положению. За временным повышением при продолжающемся голодании она снова понижается. Повышения

Таковы вкратце основные формы деформации психики, вызываемой голоданием. Мы видим, что варьирование психических переживаний стоит в самой тесной связи с варьированием количества и качества пищи.

Если учесть все это, то не будет абсурдом гипотеза, что различное питание разных социальных слоев и профессиональных групп может сказываться на умственном развитии и психических процессах членов последних. И, действительно, ряд исследований, произведенных в этом направлении, говорят о данности этого различия.

Исследовалась, напр., острота восприятия (sensibilité) раздражений тактильных (путем циркуля Вебера и др.), болевых, вкусовых, световых, хроматических, слуховых, мускульных (тяжести) у богатых, хорошо питающихся групп, и групп и профессий бедных, питающихся хуже. Итог их был тот, что «почти все формы чувствительности менее развиты у вторых по сравнению с первыми». [1])

Такие же исследования психических способностей вообще и умственного развития этих групп производились (обычно по методу Бинэ-Симона, измененному в Америке, Джерксом) рядом исследователей (Declory, Degand, Morlé, Binet, Simon, Hoffman, Weintrob, Yerkes, Anderson, Bridges и Coler и др.) [2]). И здесь общий итог гласит: «имеется поразительная корреляция между уровнем умственного развития (детей одного возраста в школе) и профессией». Дети обеспеченных классов зрелее года на два детей бедных: при чем среди послед-

---

возможны и в дальнейшем, но чем долее длится голодание, тем они реже и реже, слабее и слабее и в итоге кривая с колебаниями непрерывно будет спускаться вниз. Это падение ее может продолжаться и после прекращения длительного голодания: ряд наблюдений и опросов над гражданами России показывает, что многие профессора замечали у себя понижение работоспособности не в самые периоды острого голодания, а после его прекращения; иногда через несколько недель позже. (Такое явление, впрочем, можно об'яснить и тем, что в острые периоды голодания они просто не в состоянии были наблюдать за собой и констатировать падение работы своей мысли, и замечали его только тогда, когда при улучшившемся питании нервная система начинала работать лучше). Еще резче колебания кривой будут тогда, когда периоды длительного голодания время от времени будут прерываться моментами обильной еды. Такие резкие переходы, сильнейшим образом „дергающие" организм и мешающие ему приспособиться к каким либо условиям, едва ли не самые гибельные для жизни и мысли организма.

[1]) Niceforo. Ц. р. 104. Там же см. цифры как Niceforo, так и др. авторов (Roncoroni и Albertotti, Lombroso, Saint-Hilaire, Weil'я, Dehn'а, Ferrai).

[2]) См. сводку их, материал, цифры и диаграммы в ст. I. W. Bridges and L. E. Coler. The Relation of intelligence to social Status. Psych. Review. Янв. 1917. 1—31.

них более бедные оказываются более отсталыми менее бедных [1])". Равным образом, Воронов у нас констатировал связь % душевной заболеваемости с величиной наделов крестьян.

Величина надела.	Душевно-больных на 1000.
Безземельн. . . .	3.18
до 5 дес.	1.56
от 5—10 дес. . . .	1.30
от 15—25 дес. . .	1.05
свыше 25 дес. . .	0.91 [2])

Было бы наивно причину этого различия искать в одном различии питания. Но исключить целиком последнее из числа факторов, вызывающих отсталость и меньшую психическую даровитость плохо-питающихся групп, также едва ли было бы правильно. Предыдущее описание психических эффектов голодания и дефективного питания дает основание предполагать, (а с другой стороны, и само косвенно подтверждается этим различием), что в ряду условий, порождающих это явление, пищевой режим играл и играет свою роль.

На основании всего сказанного мы видим, что колебание взятой нами независимой переменной в виде количества и качества питания вызывает изменение: и соматического строения человека, и его физиологических, и его психических процессов. *Меняется весь человек. Во всех этих отношениях он в значительной мере является тем, что он сам (особенно в период внутриутробной жизни и первых лет жизни) ел и ест, как он ест и усваивает пищу, что и как ели его предки и родители.*

Раз меняется весь человек, то, естественно, не может не меняться и его поведение, т. е. те двигательные реакции, в выполнении коих прямо или косвенно участвует весь организм и из совокупности которых составляется первое.

К изучению изменения поведения под влиянием питания и перейдем сейчас.

---

[1]) Ib. 29—31. См. цифры и кривые там же.

[2]) Горовой-Шалтан. К вопросу о душевной заболеваемости. Психиатрия, неврология и э. психология. П. 1922. 35.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изменение поведения людей при голодании.

---

§ 1. Понятие и формы пищетаксиса и пищетаксических актов.

Рассмотреть все конкретные изменения в области поведения, вызываемые дефицитным и сравнительным голоданием, нет возможности: одно перечисление их заняло бы сотни страниц. Вместо этого в целях научной экономии сил сразу же выделим центральное явление в сфере поведения людей, наступающее в результате всесторонней деформации человека при голодании.

Из него вытекают, им освещаются и им об'ясняются все бесчисленные изменения форм поведения, порождаемые нашей «независимой переменной» и варьирующие в зависимости от множества дополнительных условий.

Под таким центральным явлением я разумею явление *трофо-или пищетропизма или пищетаксиса* (частная форма хемотропизма или хемотаксиса). *Под ним я понимаю явления тяготения или притяжения голодного (дефицитно и сравнительно) человека к пищевым об'ектам (или к об'ектам, дающим возможность приобрести их, напр., к деньгам) с сознаваемой или несознаваемой целью овладения и поглощения таких об'ектов, т. е. удовлетворения голода. „Пищетаксическим“ поведением будет всякое поведение человека, стимулируемое прямо или косвенно голодом и направленное на добывание, овладение и поглощение пищевых об'ектов или их „эквивалентов“, напр., денег, дающих возможность получить пищу.*

Я знаю, что введение этого термина вызовет ряд возражений даже и со стороны некоторых биологов, которые могут усмотреть здесь неправомерное применение к поведению человека термина: тропизмов или таксисов, обычно

применяемых только к прямым моторным ответам простейших животных на внешний раздражитель. В виду этого укажу кратко мотивы, побуждающие меня ввести этот термин.

Первый из них тот, что не только у простейших, но и высших животных, включая и человека, состояние голода, с одной стороны, раздражения, исходящие от пищевых об'ектов, с другой, действительно «толкают» человека к совершению пищетаксических актов, а пищевые об'екты— «притягивают» его к себе не только в переносном, а и в прямом смысле слова, как притягивает магнит железо, свет лампы—бабочек, пищевые раздражители—инфузорий. В этом отношении основное ядро таких актов и у простейших, и у высших животных одинаково: только у последних оно усложнено и выступает в более запутанной форме. Покажите голодной собаке кусок мяса—и вы увидите, как она будет «притягиваться» к нему; как помчится со всех ног к месту, где оно находится, и нужно будет употребить большую силу, чтобы не допустить ее к этому «пищевому магниту»; я наливаю в тарелку молока и показываю его котенку; тот сразу же «притягивается» им; я отбрасываю его,—он снова стремится к тарелке, я снова ставлю препятствие—он пытается подобраться к «магниту» с другого бока, я отбрасываю его снова—он снова стремится к молоку: я поднимаю тарелку—он начинает прыгать за ней; и это повторяется пять—десять—пятнадцать раз, пока котенок не преодолевает препятствий или не лишается сил. Перелеты птиц, перекочевывание саранчи, рогатого скота и т. д. — массовое проявление того же пищетаксиса. То же «притяжение» наблюдается и у человека, только в еще более усложненной форме. Из упомянутых американцев, ставивших на себе опыты голодания и жажды, А... через 20 часов жажды пишет: «в процессе работы я внезапно прерываю ее и иду к графину с водой, не думая о том, что я делаю. Один раз я глотнул воды, прежде чем я подумал" (что этого нельзя делать, т. к. ставится эксперимент). Через 23 часа жажды он пишет: «число моих отправлений к воде возросло. Я полагаю, что в последний час я отправлялся раз двадцать. Это делается так; я работаю; вдруг перерываю работу, автоматически встаю и иду в направлении к графину с водой. Меня преследует зрительный образ стакана воды или сосуда с водой, к которым я бессознательно направляюсь». То же отмечают В., Х., и др. экспериментаторы [1]). То же

[1]) Boring. Цит. раб., 307 и сл.

наблюдается и при голодании. Многие голодавшие в той или иной форме и на себе, и на других могли наблюдать подобное явление. «Депо с провиантом действует на голодного человека, как магнит на железо, и чем мы ближе к нему, тем сильнее оно тянет к себе», описывает Миккельсен свое поведение при путешествии по льду Гренландии, когда у него истощились все запасы [1]).

Что это, как не «притяжение», как не «толкание» к овладению и поглощению пищевых об'ектов, т. е. к совершению пищетаксических реакций, которые в сытом состоянии не совершаются. Эмиграция людей из голодных мест в сытые, (подробно ниже)—массовое проявление того же процесса. Эта связь между пищевыми стимулами и ответными актами в своей основе одна и та же, как у простейших, так и у человека. У последнего, как и у высших животных, она только крайне усложнена и проявляется, как сейчас увидим, в более извилисто-окольных формах. Эту усложненность я не думаю отрицать. Но из за нее нельзя упускать основное сходство актов низших и высших животных, стимулируемое дефицитным и сравнительным голоданием.

Как сравнительная анатомия или физиология в нервной клетке моллюсков видит упрощенную форму того, что у человека выступает в форме развитой нервной системы, в функциях первой—сходство с функциями второй, так и сравнительная теория поведения (дисциплина, еще почти не существующая) с тем же правом может в хемотаксических реакциях простейших видеть простейшую форму более сложных «пищетаксических» актов высших животных и человека. В указанном отношении—они сходны; с сравнительной точки зрения последние представляют развитие первых; этих оснований достаточно для правомерности применения этого термина в области человеческого поведения.

Добавочным мотивом служит то, что термин «пищетаксиса» подчеркивает: 1) общую природу соответственных актов у животных и человека, 2) «инстинктивный» характер такого рода актов; «пружина» их лежит не в «сознании» и «разуме», а дана до них и может действовать без них, 3) основную об'ективную сторону их, состоящую в «тяготении», в стремлении к овладению и поглощению пищевых об'ектов.

Все акты, подпадающие под это определение, я и называю актами трефо—или *пищетаксическими*. При чем, как я

[1]) Миккельсен: По следам жертв ледяной пустыни. Спб. 1914. 253.

уже заметил, *для меня сейчас неинтересно: совершаются ли они человеком „сознательно“ или „бессознательно“*. В том и другом случае конечный об'ективный итог их один, раз преодолены препятствия: поглощение пищевых об'ектов. Разница лишь в том, что в первом случае суб'ективно пищетаксис «осознан», во втором — «бессознателен», в первом случае пищетаксис обращает к себе на службу весь «разум» человека и заставляет его «помогать» достижению своей задачи, во втором—он обходится без него.

Установив общее понятие пищетаксиса и пищетаксических актов укажем теперь основные их формы. Это указание еще точнее определит данное выше понятие.

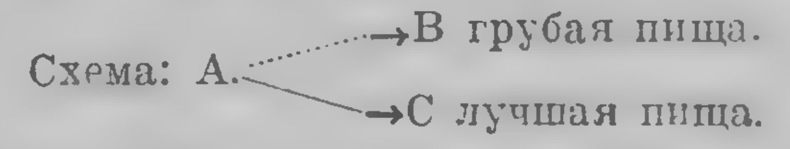
Согласно формам голодания следует различать, прежде всего, пищетаксические акты, вызываемые *дефицитным и сравнительным голоданием*, иначе говоря, стимулируемые об'ектами, утоляющими первую и вторую форму голодания.

Выше было указано, что не только голодный человек стремится *быть сытым*, *но* и сытый испытывает притяжение от худшей — качественно и количественно — пищи к лучшей.

Пищетаксические реакции вызываются у него не только пищевыми об'ектами вообще при дефицитном голодании, но и при отсутствии последнего — пищевыми об'ектами «лучшими», «более вкусными», «разнообразными», питательными и легче усвояемыми. В первом случае поведение его ориентируется к пищевым об'ектам вообще.

Схема: голод А.——→ В. пища.

Во втором, от худшей пищи—к лучшей.

Вместо направления А В в этом случае человек притягивается в направлении А С. Первые акты назовем для краткости *дефицитно-пищетаксическими*, вторые,—*сравнительно пищетаксическими*.

Каждая форма этих актов далее распадается на пищетаксические акты: *чистые и смешанные*. Под первыми я разумею пищетаксические акты, вызванные *исключительно* дефицитным или сравнительным голоданием; под вторыми—акты, стимулируемые одновременно голоданием и другими детерминаторами поведения.

Если индивид А. едет из Петрограда в Псков, стимулируемый исключительно „продовольственными“ детерминаторами, вся его цепь соответственных актов будет проявлением чистого пищетаксиса. Если жуналист В. пишет статью и потому, что нужно заработать на хлеб, и вместе с тем потому, что нужно отчитать оппонента, приобрести известность, славу etc., мы имеем перед собой смешанно - пищетаксические акты.

Каждая из перечисленных форм пищетаксического поведения распадается далее на: *1) простые и 2) на сложные пищетаксические акты.* Границы между ними относительны, но различать степени сложности все же необходимо. Дело в следующем. Возьмем ли мы голодное животное или голодного человека, раз пища у них находится „под носом“, они овладевают ею и едят ее. Пищетаксис здесь проявляется в *весьма простой и короткой цепи актов:* введения пищи в рот, разжевывания и глотания. Когда, наоборот, пищи нет „под носом“, когда на пути к „пищевому магниту“ стоит ряд препятствий, требующих преодоления, тогда пищетаксическое поведение выражается *в длинной, сложной, и весьма разнородной, по конкретной форме—цепи актов.* Животное или человек в этом случае принуждены совершать целый ряд актов, нужных для преодоления препятствий и с первого взгляда как будто не имеющих никакого отношения к пищетаксису. Эти конкретные формы актов могут быть чрезвычайно разнообразными, в зависимости от величины и характера препятствий. Иллюстрирую сказанное примерами. Я наливаю котенку молока и даю его. Он подходит и ест. Пищетаксическое поведение здесь очень просто и ясно. В другой раз я, показав ему чашку с молоком, кладу ее между рамами окон. Он следует за мной, вспрыгивает на подоконник, начинает „искать выхода“: бегает взад и вперед по подоконнику, царапает лапой стекло, начинает карабкаться по раме окна и т. д., словом, совершает целый ряд действий. Чрез две-три минуты я открываю форточку окна. Провозившись некоторое время „попусту“, он карабкается наверх, к форточке, оттуда спрыгивает в междуоконное пространство и, наконец, добирается до „магнита“. В этом случае цепь его пищетаксических актов, стимулируемых молоком, гораздо сложнее, длиннее и „извилистее“, чем в первом. Еще пример. У меня в квартире мыши прогрызли в полу дыру и стали делать „пищетаксические“ налеты. Одно время я клал пищу в виде сухарей около дыры. В этом

случае их пищетаксическое поведение было сравнительно просто: добравшись легко до пищи, они с‘едали ее, и тем дело кончалось. Позже, все с‘естное я стал тщательно запирать и убирать. Препятствия на пути к пище для мышей возросли. Сразу же пищетаксическое поведение их осложнилось: началось бегание их по всей комнате, прогрызание (по ночам) буфета и стола с припасами и т. д., т. е. цепь соответственных актов удлинилась и осложнилась, в нее, в качестве звеньев, вошли акты (прогрызания буфета etc.), с первого взгляда ничего общего с пищетаксисом не имеющие. Дальнейший пример сложного пищетаксического поведения дает поведение животного в „лабиринте“ с сложной системой корридоров, с рядом тупиков и т. п., в конце правильного пути которого кладется пищевой магнит. Животное, прежде чем овладеть им, принуждено преодолеть массу препятствий и совершить ряд разнородных актов.

То же может быть сказано и о поведении дефицитно и сравнительно голодного человека. Если пища у него „под носом“, он берет ее и ест. Если ее нет, если она не готова, тогда пищетаксическое поведение человека приобретает сложный характер, тем более сложный, чем больше препятствий; оно развертывается временами в длиннейшую серию актов, самых разнородных по форме, часто для поверхностного наблюдателя не имеющих никакого отношения к стимулу питания. В современных условиях человеку для этого сначала нужно добыть деньги. Для этого ему приходится поступать на службу, или пилить дрова, или читать лекцию, или выступать на сцене, или убить кого-нибудь и т. д. Затем итти в ресторан или в лавку, заказать обед или, купив продукты, варить их; и только после длинной серии таких актов добраться до конца: до акта еды.

Из сказанного ясно различие между простым и сложным пищетаксическим поведением.

Между актами простого и сложного пищетаксиса, с одной стороны, бессознательного и сознаваемого пищетаксиса, с другой, есть связь, состоящая в том, что простое пищетаксическое поведение чаще всего бывает бессознательным, сложное—чаще всего осознанным. Преодоление препятствий в последнем случае, требуемое пищетаксисом, заставляет человека „мобилизовать“ высшие центры сознания, пробуждает их к деятельности, вынуждает „разум“ взять в свои руки руководство поведением с целью овладения пищей или ее „эквивалентами“. При простом пищетаксисе дело может обходиться без этого. Таковы основные формы пищетаксического поведения и

пищетаксических актов. Схематически они выразятся в такой таблице:

Пищетаксические акты, стимулируемые голоданием:

- дефицитным.
  - чистые.
    - простые.
    - сложные.
  - смешанные.
    - простые.
    - сложные.
- сравнительным.
  - чистые.
    - простые.
    - сложные.
  - смешанные.
    - простые.
    - сложные.

§ 2. Конкретное разнообразие пищетаксических актов и их доля в общем бюджете актов человеческой жизни.

Из рассмотрения сложных пищетаксических актов вытекает, что *акты пищетаксиса могут быть самыми разнообразными по своей конкретной форме. Кроме специфических актов еды* (введения пищи в рот, жевания, глотания и т. п.) *прямой связи между стимулом голода и конкретной формой вызываемых им пищетаксических актов нет*: последние в зависимости от количества и качества препятствий на пути к утолению голода или обеспечению себя питанием, могут принимать разнороднейшие формы, с первого взгляда не имеющие отношения к питанию. Общественная жизнь человека в отношении питания похожа на „лабиринт" исследователей животного поведения с сложнейшей системой корридоров и тупиков, требующих преодоления. Так как живущий человек принужден регулярно питаться, так как по истечении нескольких часов после приема пищи наступает голодание, так как далее для большинства людей галушки в рот с неба не залетают,—то человек регулярно принужден преодолевать препятствия на пути к пище, а значит и регулярно выполнять разнообразнейшие сложные пищетаксические акты. Их конкретная форма зависит от тысячи условий (препятствий), среди которых живет человек. У первобытного человека главнейшими формами пищетаксических—чистых и смешанных — актов являются: акты добывания пищи—охота, рыболовство, собирание плодов и дико-растущих семян, нападание на сочеловека с целью грабежа его

пищи и т. д., — акты примитивного приготовления пищевых запасов, акты приготовления орудий и инструментов добывания пищи (бумеранги, каменные топоры, тыквенные горшки etc.), акты приготовления пищи, напр., жарение мяса и т. п.

Все эти конкретно разнородные поступки — проявление пищетаксиса, функции голодания, кроме тех, которые вызваны другими детерминаторами поведения, напр., акты охоты не для добывания пищи, а „для ради" удовольствия. У современного человека, живущего в еще более сложных условиях, в бесконечно более сложной „системе общественных коридоров", переполненных тупиками и препятствиями на пути к пищевым об'ектам, эти акты добывания питания (пищетаксиса), вызываемые голодом, еще более разнообразны.

С первого взгляда покажется странным рассматривание актов выстукивания на пишущей машинке, писания газетной статьи, исполнения религиозного обряда, пения арии Фауста, подбрасывания угля в топку и т. п., как функций голодания, как проявлений пищетаксиса. И, однако, в современной „системе коридоров с тупиками" в большинстве случаев они являются ничем иным, как сложной формой если не чистого, то смешанного пищетаксиса, побуждающего человека „извилистым путем" добывать пищевые об'екты. „Нужно есть"... и человек обрабатывает землю. „Нужно есть"... и он ряд часов работает на фабрике. „Нужно есть" и человек пишет в канцелярии „входящие и исходящие", пляшет и поет на сцене, читает лекцию, пишет статью, служит обедню, чтобы добыть себе и близким „хлеб насущный"... Этим я не говорю, что те же акты не могут быть вызваны иными, помимо голодания, детерминаторами (напр., „половым детерминатором, детерминатором самозащиты" множеством условных раздражителей, не связанных с голоданием: религиозных, правовых, эстетических и т. д.), но говорю, что все эти разнообразнейшие акты могут быть формами проявления или одного чистого пищетаксиса или результатом действия голодания вместе с другими детерминаторами поведения.

Из сказанного ясно конкретное разнообразие пищетаксических актов, особенно в случаях сложного и смешанного пищетаксического поведения. В силу этого я решительно не могу согласиться с Л. И. Петражицким, утверждающим, что „пружина, приводящая животный мир в движение добывания средств пропитания, состоит не в голоде, а в чем то другом", и что „теории, которые об'являют голод основ-

ною пружиною, толкающей к добыванию средств пропитания", являются недоразумением. Основанием, заставляющим уважаемого профессора так думать, служит: 1) различие процессов организма при голоде—с одной стороны, при охоте и других способах добывания пропитания, с другой, (напр., „для охоты возбуждение и действие слюнных желез, языка и т. п. совершенно лишни и составляли бы вредную конкуренцию мускулам ног, от которых требуется быстрота действия для ловли" и т. п.); 2) факты охоты ряда животных, напр., кошки и тогда, когда она сыта. Согласно Л. И. Петражицкому пружина, толкающая на такие акты, особая „охотничья эмоция"; пружина актов: собирания грибов или ягод—новая эмоция sui generis, актов посадки овощей—опять особая эмоция и т. д. [1]).

Эта аргументация не убедительна. Не говоря уже об неудовлетворительности общего психологического об'яснения поведения путем заблаговременного вложения в человека энного количества эмоций (рафинированный вид духов и душ первобытного человека), а потом, по мере надобности, вытаскивания их на божий свет и об'яснения чрез их действие тех или иных актов (прием, по существу опять таки напоминающий анимистические приемы примитивных людей, все об'ясняющих действиями соответственных духов: заболел человек—злой дух виноват, родился человек—значит дух вошел в самку и, войдя, появился в виде новорожденного, умер человек—значит, дух оставил тело, гром гремит,—потому что Юпитер пускает свои стрелы и т. д.) [2]), не говоря об этом основном дефекте всей теории Л. И. Петражицкого, не убедительны его аргументы и по существу. Пользуясь его методом, я мог бы доказывать, что пружиной, заставляющей меня и тысячи других лиц варить себе пищу, служит не голод, а особая „поварская эмоция", ибо трата энергии на варку, пот, краснение лица, топтание около плиты или „буржуйки", духота, дым и чад и др. явления способны убить аппетит, а не усилить его („вредная конкуренция"); что причиной, заставлявшей тысячи ученых Петрограда ходить за пайком в „Дом Ученых", стоять там часами в очереди, идти туда, не успев ни попить, ни поесть, пропускать обед, утомляться до потери аппетита и т. д., (какая вреднейшая конкуренция!) был не голод, а особая „пай-

[1]) Петражицкий: Ц. р., 258-59.

[2]) Подробная критика всего психологизма в социологии будет дана мной в III т. „Системы". Пока см. указ. работы Bentley, Weiss'a, Kenagy, а также 1 т. моей „Системы социологии".

ковая эмоция“; что причиной, побудившей массу петроградцев в 1919—21 г.г. заниматься огородничеством, столь же приятным для многих из них, как „собаке—палка“, был не голод, а особая „огородная эмоция“, что крестьянина заставляет обрабатывать землю не голод, а особая „земледельческая эмоция“, и т. д. Такая аргументация бьет черезчур далеко. Конечно, ряд подобных актов, (вплоть до актов еды в исключительных случаях, когда, напр., человек ест, чтобы выиграть пари и купить на заработанные деньги сапоги) в некоторых случаях может и не быть проявлением пищетаксиса или быть не чистыми, а смешанными пищетаксическими актами: кошка может временами ловить и играть с мышью не из за голода, человек может идти за пайком не ради голода, а напр., чтобы помочь кому либо или повидаться там с кем либо. Но заключать отсюда, что между такими актами и голоданием нет связи, что кошка никогда не ловит мышей из за голода, потому что иногда она охотится в сытом состоянии, что человек никогда не торчит в конторе, не работает на фабрике, не пишет статью из за голода (наличного или грозящего), потому что иногда он делает это ради любви к делу, значит частный случай возводить в норму. И генетически у животных акты охоты развились главным образом из пищетаксических рефлексов. И фактически они в огромном большинстве случаев вызываются голоданием наличным или его возможной опасностью, приведшей некоторых животных в процессе естественного отбора к „инстинктивным“ актам делания запасов пропитания. Выкиньте мысленно у человека отсутствие необходимости питания—и какую революцию в поведении его вы устроите этим! Огромная часть самых разнородных занятий, форм труда или актов добывания средств пропитания исчезла бы сразу. Немного нашлось бы охотников, готовых по 10 час. в день торчать на фабрике, в шахтах, в конторах, готовых с утра до ночи до изнеможения копать или пахать землю, ходить на надоевшую службу и т. д. и т. д. Раз не надо есть—масса людей или совсем бросила бы такие работы или сократила бы их до минимума. Если этого не делается, то причина лежит в чистом или смешанном пищетаксисе, вызываемом дефицитным или сравнительным голоданием, наличным или угрожающим, в процессе всего развития приучившим делать запасы „про черный день“, заставляющим повелительно „приспособляться к будущему“ и устранять постоянную опасность грядущей угрозы голодания.

Из всего сказанного следует, что конкретная форма чистых и смешанных пищетаксических актов у человека может быть самой разнообразной, каждая цепь сложного пищетаксического поведения может состоять из звеньев, составленных из разнороднейших поступков.

Установив это положение, спросим себя: *какова же доля пищетаксических актов во всей сумме актов человеческого поведения или, иначе говоря, какой отрезок они занимают во всей его линии жизни?*

Легко понять, что эта доля неодинакова у разных лиц и групп, неодинакова и у одного и того же человека в разные периоды его жизни. Не одинакова в силу целого ряда условий, прежде всего в силу различной степени пищевых запросов, а затем, в силу различной величины препятствий, требующих преодоления для достижения об‘ектов питания.

Оставляя все другие условия в стороне или предполагая их равными, формулируем основную теорему, определяющую зависимость доли пищетаксических актов в общей сумме актов человека от величины препятствий на пути к пище. Эта теорема, вытекающая из всего предыдущего, гласит: *при равенстве прочих условий, в частности при одинаковой интенсивности пищетаксиса, чем больше препятствий на пути к овладению одними и теми же пищевыми об‘ектами вообще или более лучшей пищей, тем сложнее становятся чистые и смешанные пищетаксические акты человека, тем большую долю занимают они во всей сумме актов человека (во всей его линии жизни), иными словами, тем больше времени, энергии и актов тратит он на добывание средств пропитания, а след., тем меньшей становится во всей сумме его актов доля актов, не являющихся ни чистыми, ни смешанными пищетаксическими актами, стимулируемых другими отличными от голода детерминаторами поведения и направленных на достижение иных заданий. Короче, (ceter. par.) % пищетаксических актов (чистых и смешанных) во всей сумме актов человека обратно пропорционален величине препятствий на пути добывания средств пропитания.* Когда в лабиринте с коридорами и тупиками мы кладем пищу в самом начале коридоров, крыса, входя в аппарат, берет ее, и дальнейшие поиски пищи делаются излишними. Когда же кусок сала положен в конце лабиринта или (в квартире) заключен в буфет, животному приходится пробегать сложный путь, преодолевать десятки препятствий, совершать ряд разнообразных действий, тратить больше и энергии, и времени, прежде чем оно достигнет пищевого магнита.

То же происходит и с поведением человека. Если пища лежит у него „под носом“, ему остается только взять ее и есть. Пищетаксические акты в этом случае составляют ничтожную долю во всей линии поведения, они требуют минимума времени и энергии. Остальное время и энергия в таких случаях могут уходить на достижение иных задач и выполнение иных актов.

Совершенно иной будет линия жизни (поведения) человека, столь же голодного, как и в первом случае, которому приходится преодолевать массу препятствий на пути к тем же пищевым об'ектам, что и в первом случае. Пока он живет— он должен есть, стало быть побеждать эти препятствия. Это требует от него массу энергии и времени, занимает во всей линии жизни громадные доли и оставляет для непищетаксических актов ничтожное пространство, тем меньшее, чем больше препятствий.

Жизнь такого человека будет своего рода сплошным— чистым или смешанным—пищетаксисом, будет уходить чуть не вся на то, чтобы „набить брюхо“ (при дефицитном голодании) или на то, чтобы „проедать жизнь“ (при сравнительном пищетаксисе „лакомок“, „гурманов“ и „сластен“). Остальные „потребности“ *будут в этом случае находить свое удовлетворение лишь постольку, поскольку они входят в смешанные пищетаксические акты,* позволяющие и „удовольствие соблюсти и питание приобрести“, так сказать, „одним ударом убить двух, трех или большее число зайцев“. Счастлив человек, которому это удается; несмотря на жестокую борьбу за пропитание, его жизнь будет разнородной и полной, она может быть не только „жизнию брюха“, но и одновременно жизнию духа. Те же, кому при больших препятствиях не удается совершать смешанных пищетаксических актов, у тех жизненный процесс при громадных препятствиях сведется почти к одному пищетаксису, к одному „набиванию живота“.

Подтверждением сказанному служит изучение *„бюджета времени“ там, где оно приложимо, и „бюджета доходов и расходов“*.

Бюджет времени, т. е. количество часов, тратимых человеком на совершение различных актов, может служить показателем того, на что, на удовлетворение каких „потребностей“, уходит его жизнь, какие из последних по времени занимают главное место, какую долю в общем бюджете занимают пищетаксические акты и как она варьирует с варьированием ряда условий, в частности, с увеличением или уменьшением препятствий, К сожалению, однако, метод

определения этих явлений чрез бюджет времени точно не приложим к поведению современных людей, живущих в обществе с обменом и разделением труда. *Он мог бы дать точные данные лишь при изучении бюджета времени человека, своими силами удовлетворяющего все свои потребности.* Тогда, определив число часов, тратимых им на добывание питания или на другие потребности, мы могли бы определить: и относительную долю пищетаксических актов в общем бюджете актов (линии жизни) человека, и зависимость колебания этой доли от ряда условий, в частности, от величины препятствий на пути к пище.

Такого человека трудно получить. Можно иметь лишь некоторое приближение к нему в дикарях, живущих в обществе с ничтожным разделением труда, или изредка— в культурном человеке, попавшем в условия, где он сам должен удовлетворять все свои потребности.

Варьирование же доли времени, тратимой на пищетаксические акты, в зависимости от варьирования препятствий, можно наблюдать (с приближением, конечно) и на поведении масс нашего времени.

Изучение только что перечисленных категорий фактов действительно подтверждает выставленную выше общую теорему и вытекающие из нее частные следствия, а именно: *1) Что при равенстве прочих условий, доля времени в общем его бюджете, тратимая человеком на пищетаксические акты, огромна там, где добыть пищу трудно; 2) она повышается* (ceteris paribus) *с ростом препятствий и падает—с уменьшением их. 3) Повышение ее может быть только за счет времени других непищетаксических актов; они в этом случае частью вытесняются и исчезают (соответств. потребности перестают удовлетворяться), частью же вливаются в пищетаксические акты и выполняются в виде смешанной формы последних. 4) В категорию первых—исчезающих—попадают те акты (и потребности), которые не могут быть совмещены с пищетаксическими актами и не способствуют добыванию пропитания, в категорию вторых те, которые могут совмещаться с пищетаксическими актами и прямо или косвенно благоприятствуют добыванию питания.*

Все это, вместе взятое, говорит, вопреки мнению Л. И. Петражицкого, о том, что огромная часть наших актов, самых разнородных по форме, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к питанию (напр., религиозная проповедь или речь в парламенте), может стать и чаще всего бывает функцией

имеющегося или грозящаго голодания, формой чистого или смешанного пищетаксиса. Подтвердим сказанное фактами.

Большинство дикарей в отношении питания находится в условиях значительно худших, чем люди культурных стран: препятствия, стоящие перед ними на пути к пище, несравненно больше. И что же мы видим? Видим, что *чуть не все время, чуть не вся жизнь дикарей*, живущих в условиях скудных и неблагоприятных в отношении добывания пищи и самолично удовлетворяющих свои основные потребности, уходит на добывание пищи. Факты.

Здесь „забота о пропитании при вечной кочевой жизни захватывала человека всецело, так что рядом с ней не могли возникнуть даже те чувства, которые мы считаем самыми естественными". „Если из жизни бушмена или ведды отнять употребление огня, лука и стрел (и их изготовление—в значительной мере пищетаксические акты, ибо они нужны для добывания пищи. П. С.), то она сведется к индивидуальным поискам пищи". „Потребность в пище является наиболее настоятельною, а первоначально и единственною (это преувеличено. П. С.) потребностью, которая побуждает человека к деятельности, заставляет его безостановочно рыскать, пока он не удовлетворит этой потребности" [1]).

Цезарь о свевах, живущих охотой и скотоводством, пишет, что они, кроме скотоводства, „много времени проводят на охоте". Agriculturae non student maiorique pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in venationibus [2]).

„В течение их ранней жизни, до 14 лет, дети австралийцев свободны и проводят время в скитании около кустов, в поисках пищи". То же в большей мере относится к взрослым [3]).

„Без правительства, религии, денег, без собственности, питаясь только мясом, кровью и жиром, в одеждах из шкур эскимосы Смитова Залива заботятся только о том, чтобы было что поесть и во что одеться, и занимаются единственно только добыванием этих предметов... Они имеют только одно

---

[1]) Бюхер: Возникновение народного хозяйства. Спб. 1907. т. I. 16, 18, 24, 40 и вся эта глава.

[2]) Caesar: De bello Gallico. Lib. VI, 22, Lib. IV. 1.

[3]) B. Spencer and Gillen: The northern Tribes of centr. Australia 1904. гл. X.

См. также Steinmetz. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. 1903. 15 и др.

занятие, именно охоту и приготовление оружия и принадлежностей охоты“ [1]).

„Человек по природе склонен к лености, обобщает Вестермарк ряд фактов, не потому, что ему противна мускульная деятельность, как таковая, но потому, что ему не нравится монотонность регулярной работы и требуемое ею умственное усилие. Диких, мало заботящихся о завтрашнем дне, только необходимость или принуждение заставляют трудиться. *Здесь люди ленивы или трудолюбивы в зависимости от того, легко или трудно они могут обеспечить средства жизни“ (и прежде всего питание)* [2]). Если пища легко добывается—дикари ленивы и беспечны, т. е. тратят мало времени и энергии на пищетаксические акты. Полинезийцы беспечны и не работают, когда плодов много; „суровый климат и плохая почва побуждают их к труду, к предусмотрительности и к энергии“ [3]). По сообщению Yate маори „обязаны работать, если хотят есть“, тогда как туземцы островов Тонга, живущие среди богатой природы, ленивы и тратят на поиски пищи мало труда [4]). Также ленивы и беспечны туземцы Суматры, многих мест Африки, негры of Gold Coast Bosman и др., живущие в условиях, где пища легко добывается; гренландцы, эскимосы и др., обитающие среди суровой природы, трудолюбивы, энергичны и постоянны в работе. Самоанцы, таитяне, туземцы Сандвичевых островов и Нов. Зеландии, нукагиванцы (Nukahivans) и др., работают, когда пищи нет, и лентяйничают (т. е. тратят время на иные акты), когда пищи много [5]).

Из этих фактов, число которых можно было бы увеличить весьма значительно, мы видим: 1) как голод является пружиной, толкающей на добывание средств пропитания, 2) как с ростом трудности этой добычи—растет время и доля пищетаксических актов в жизни дикарей, 3) как последние варьируют с ростом или уменьшением этих препятствий.

Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Те же явления мы должны находить и в поведении культурных людей, если растут препятствия на пути к овладению пищей. И, действительно, раскройте страницы, описывающие

---

[1]) Р. Пири: По большому льду к северу. Спб. 1906. 452—3, 468.

[2]) Westermarck: The origin and development of the moral ideas. 1908. 268—269.

[3]) Hale. U. S. Exploring Expedition. 1846 Vol. VI. 17.

[4]) Yate. Account of New. Zealand. Lond. 1835. 105 и сл.

[5]) Westermarck: Цит. раб. 269—271. См. др. факты здесь 268—283.

жизнь путешественников (напр., Стэнли, Пржевальского), или первых пионеров, попадающих в места, где пищу добыть трудно, и вы увидите, как коэффициент времени (и энергии), тратимых ими на добывание средств пропитания, резко поднимается в общем „бюджете времени", как иногда в суточном бюджете он занимает чуть не все 24 часа или чуть не все часы бодрствования. Уменьшаются препятствия— падает и коэффициент. Беру для примера дневник Миккельсена, путешествовавшего по необитаемым льдам Гренландии в 1910—12 г. Читая его, нельзя не видеть, как в периоды, когда истощались запасы пищи, почти все время его и его спутника начинало уходить на добычу пищи, пока цель не достигалась. „Часов 12—14 бродим мы по долине без устали, но и без успеха... Долго тянется время, когда бродишь час за часом, не видя никакой дичи... Чего мы только не делаем! Без устали бродим в поисках за зверьем, часами лежим у полыний, подманивая тюленей". Четыре дня сплошь рыскали они, пока не удалось убить несколько куропаток. То же повторялось не раз. „Чем чувствительнее становится голод, чем ближе день, когда из запасов не останется ни крошки—а он не за горами—тем больше мы проявляем энергии (для добывания пищи охотой) и день-деньской снуем взад и вперед вдоль трещин пролива" [1]. Еще более ярким экспериментом в этом отношении служит поведение и бюджет времени Дж. Ноульса, 4 октября, 1913 г. без одежды и без всяких орудий и инструментов ушедшего в лес с целью проверить: может ли современный человек без всех предметов и орудий культуры прожить „на лоне природы". Несмотря на благоприятную природу все же первые дни его жизни ушли чуть не целиком на добывание еды. Первый день и ночь он не был голоден. „Проснувшись, я впервые ощутил мучительный приступ голода", пишет он. Пищетаксис дан, и что же мы видим? „По плотине бобров я пробрался к истоку пруда, не сводя глаз с мелей, где мне могла попасться форель. Я шел к местам лесного пожара за ягодами и досыта поел голубики". Затем „снова вернулся к озеру в надежде добыть форель" и т. д. Словом—огромная часть времени (и энергии) в течение первых недель двухмесячного опыта в этих условиях ушла на добычу питания и ежедневно тем большая, чем труднее уда-

[1]) Миккельсен: Ц. р. 257—64 и др. Сходный характер приобрело поведение Нансена и Иогансена при их зимовке на острове в полярных странах. См. Nansen: Во мраке ночи и во льдах. Спб. 1901, т. II. гл. V и VI.

валось добыть пищу [1]). Соответственно падала доля времени, тратимая на иные акты и цели.

Наконец, на поведении граждан России за 1917—21 г.г. мы могли проверить правильность этих теорем. За эти годы разделение труда резко пало—все мы стали „энциклопедистами“—и сильно возросли препятствия к добыванию питания. И что же мы видим? 1) *Доля времени (и энергии), тратимая на добывание пищи в нашем бюджете времени, возросла непомерно* (добывание карточек, всевозможные очереди, поездка за продуктами, бегание по далеким рынкам и спекулянтам, выполнение ряда работ исключительно ради пайка, хождение по столовым, приготовление и варка пищи, занятие огородами etc); 2) *Доля времени на другие акты соответственно упала* (одни действия, напр., посещение знакомых, театров, выставок, прогулки—почти целиком выпали из нашего поведения, другие—сокращены до минимума, напр., научные занятия, не обещающие немедленно фунт масла или мяса, третьи—приспособлены к пайкам, напр., чтение хлебных лекций в политпросветах etc).

Это значит, с *ростом препятствий на пути к питанию чистые и смешанные пищетаксические акты в нашей линии жизни увеличились, иные акты—соответственно уменьшились.* Жизнь в значительной мере свелась к пищетаксису, у одних—чуть не к чистому, у других—к *смешанному.* Формула жизни множества лиц свелась к „жизни из-за брюха“. Уже сами факты жертвования множеством дел, занятий и потребностей ради „очереди на паек“, бегства от мест беспайковых и наплыва в места „жирные“, массового занятия огородничеством лиц, не имеющих к нему никакой охоты, централизация всех мер правительства вокруг да около продовольствия—все это весьма красноречивое свидетельство и существования пищетаксиса, и его давления на поведение, и роста пищетаксических актов в бюджете времени и жизни за счет других в эти годы голода, затруднившие до крайности добывание „хлеба насущного“. (Вот и доказывай тут отсутствие связи между голодом и... актами добывания пропитания и присутствие „огородной, карточной и лекционной“ (эмоций [2])!.

---

[1]) Дж. Ноульс: Два месяца в лесах. Изд. «Прометей». 20—28.

[2]) Начатое мной исследование бюджета времени дает по 5-ти бюджетам времени (студенток-ов Петрогр. Университета) за конец 1921 г. и начало 1922 г. уже при Нэп‘е такие данные.

В трехмесячном бюджете одной студентки (с 21 окт. 1921 г. по 21 янв. 1922 г.) из 1325 часов бодрствования ушло на долю некоторых чистых пище-

Все эти факты—и индивидуальные, и массовые—достаточно определенно подтверждают выставленные положения.

Еще резче подтверждаются он изучением *бюджета доходов и расходов человека.* В современном обществе величина доходов ceteris paribus показатель величины препятствий на пути к овладению пищевыми об'ектами: чем больше доход, тем легче добыть их, тем меньше препятствий, и обратно.

Бедность человека—свидетель множества препятствий на пути к пищевым магнитам. Из сказанного понятно, что термометр бюджета доходов и расходов может показывать: 1) *в бюджетах предельных, дающих возможность только кое-как поддерживать жизнь, ту сравнительную важность, которую та или иная потребность, в частности питание, играет в жизни человека, след., может, до известной степени, показывать те пружины, которые его толкают к ряду различнейших актов.* 2) *какая группа актов (потребностей) вытесняет другие и какие именно при ограничении бюджета, т. е. при росте препятствий для удовлетворения большинства потребностей* (ибо за деньги теперь можно удовлетворить множество желаний; они, как правильно указывает Зиммель,—условие свободы человека); 3) *как изменяется доля пищетаксических актов в отношении доли других актов при колебании бюджета, т. е. при варьировании препятствий к удовлетворению голода.*

Из изучения их мы получаем полное подтверждение выставленных положений, а именно: 1) % *расходов на питание в общем бюджете расходов огромен там, где доход ничтожен, т. е. где препятствия к сытости велики.* 2) Этот % при переходе от бо́льших доходов—расходов к меньшим (т. е. от меньших препятствий к бо́льшим) повышается, и обратно. 3) *Это повышение совершается за счет расходов на удовлетворение других потребностей, за счет непищетаксических актов:* одни из них исчезают, *именно те, которые конкурируют с пи-*

таксических актов (варка пищи, ее еда) 148 часов или 11,2% всего времени бодрствования; в другом бюджете времени за тот же период ушло из 1341 час. бодрствования—190 или 14,2%; в третьем (с 9 марта по 30 апр. 1922 г.) из 848 часов бодрствования ушло 152 часа или около 18%, в четвертом (с 1 дек. 1921 г. по 27 февр. 1922 г.) из 1228 час. бодрствования, ушло 208 час. или около 17%, в пятом (с 10 июня по 10 июля 1921 г.) из 480 час. бодрствования ушло 145 час. (кроме варки и еды—огородные работы) или 30%. Это только на долю *чистых* пищетаксических актов и то не всех (служба из-за заработка не считается, ходьба за продуктами—также и т. д.). Вместе же с смешанными эти % возрастают до громадной величины. При уровне питания этих студентов у западно-европ. рабочего на это дело уходило бы в шесть-семь раз меньше времени. Если бы велся бюджет времени тех же студентов-ок в 1919 г.—эти цифры, вероятно, были бы еще больше.

танием, не благоприятствуют его добыче и не могут совместиться с пищетаксическими актами; другие—трансформируются, приспособливаются и сливаются с пищетаксическими актами, давая смешанную форму последних. 4) *При повышении бюджета (ceteris paribus) доля последних постепенно падает в бюджете актов человека. Человек, так сказать, освобождается от давления пищетаксиса в виду роста и легкости добычи питания.*

Приведу краткие данные, отсылая за подробностями к указанным работам.

Соответственные исследования показывают, что: 1) в *бюджете рабочих* и *крестьян*, т. е. *в самых бедных—предельных—бюджетах Европы и Америки, расходы на пищу колеблются от 40 до 80%*[1]). Эта цифра уже достаточно ярко говорит о том, из за чего люди работают и какую громадную часть в поведении людей занимают „пищетаксические акты". 2) % *расходов на пищу во всей сумме доходов—расходов падает с ростом доходов—расходов в бюджетах одного типа.* Чем больше доход—расход, тем сравнительно меньшая часть расходов

---

[1]) В бюджете французских рабочих 1840-х годов расходы на пищу составляли 55%, 66%, 67%, в 1850—60 г.г.—около 61%, в 1860—70 г.г. по данным Cheysson'a и Toqué от 54,5 до 65,4%. В это же время американский рабочий тратит на питание около 50% своего дохода. Близки к этим цифрам цифры % расходов на пищу бельгийских рабочих, рабочих Германии и др. культурных стран.

См. Levasseur: Histoire des classes ouvrières. 1904. II т. 271—72. Engel: Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien. Bullet. de l'Inst. intern. stat., IX, I. S. Bauer: Das Konsumptionsbudget der Haushaltung, в Handwörterbuch d. Staatsw. Conrad'a и др., 1900. 5 т. D'Avenel; Le mecanisme de la vie moderne. 5 изд. 1 serie. 154—155. В более новое время данные таковы. В 1904 г. 1.944 исследования рабочего бюджета Англии дали % расходов на пищу от 57 до 67% всех расходов, в 1916—17 г. (40 раб. сем.) 62—69%, во Франции (1907—8)—52,8—62.7%, в Германии (1906—7)—56,3—65%, в Соед. Шт. Сев. Америки—34,4—42,4% и т. д.

См. A. Webb: The new dictionary of statistics. Lond. 1911. 156—165.

M. Mulhall: The dictionary of statistics. 1903. 358—360.

Ferguson: The Family Budgets and Dietaries of Forty Lab. Class Families in War Time. Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Vol. XXXУII. P. II. 120—33.

В России в крестьянских бюджетах % расходов на питание колеблется от 58 до 84%, у рабочих от 44,5 до 71% всех расходов. См. Щербина: Крестьянские бюджеты 1900. Его же: Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев хлеба, в «Влиянии урожаев и хлебных цен на некотстор. русск. нар. хоз. 1897. т. II, т. I. X—XI. А. В. Чаянов: Организация сев. крест. хоз-ва. 1918. 22 и сл. Его же: Очерки по теории трудового хоз-ва. II. 1913.

С. Первушин: Потребление. Энцикл. слов. бр. Гранат, т. 33, 168.

Подробный перечень литературы см. у Клепикова. Цит. раб. 39—52.

начинает уходить на питание. (Закон Энгеля с поправкой Laspeyrer'a) След., тем большая часть остается на удовлетворение других потребностей, на выполнение непищетаксических актов. И обратно.

D'Avenel считает, что 4/5 семейств во Франции тратит на питание 3/5 своих доходов. С ростом дохода—падает % расходов на питание. Получающие около 10.000 франков ежегодного дохода тратят уже только 35 — 40% дохода, получающие 20—50.000 фр.—еще меньше: 15—25% [1]) всех доходов.

По исследованию рабочих бюджетов во Франции в 1907—1908 г.г. эта связь рисуется в таких цифрах:

Еженедельный доход.	% расходов на питание по отношению ко всему доходу.
Ниже 20 шил.	62,7
От 20 до 25 шил.	60,8
» 25 » 30 »	58,6
» 30 » 35 »	57.9
» 35 » 40 »	56,1
» 40 и выше.	52,8

В *Англии* (1.944 раб. бюджета).

Ниже 25 шил.	67,0
От 25 до 30 шил.	66,2
» 30 » 35 »	65,0
» 35 » 40 »	61,0
» 40 и выше.	57,0

В *Германии* (1906—7 г.).

Ниже 25 шил.	65,0
От 25 до 30 шил.	62,3
» 30 » 35 »	59,2
» 35 » 40 »	57,7
» 40 и выше.	56,3

В *С.-А. С. Штатах* (11.156 бюджетов в 1901 г.).

	% по отношению ко всем расходам.
Ниже 16 шил.	50,85
От 16 до 24 шил.	47,33
» 24 » 32 »	48,09
» 32 » 40 »	46,88
» 40 » 48 »	46,16
» 48 » 56 »	43,48

[1]) D'Avenel: Op. cit. 154—55.

	% по отношению ко всем расходам.
От 56 до 64 шил.	41,44
» 64 » 72 »	41,37
» 72 » 80 »	39,90
» 80 » 88 »	38,79
» 88 » 96 »	37,68
« 96 и выше.	36,45 [1])

В *России* (бюджеты киевских рабочих):

Ежегодный доход.	% расходов на пищу по отношению ко всем расходам.
От 100 до 200 руб.	71,95
» 200 » 300 »	56,70
» 300 » 400 »	52,45
» 400 » 500 »	54,30
» 500 » 600 »	52,40
» 600 » 700 »	49,8
» 700 » 800 »	44,5 [2])
Свыше 800.	

То же и у крестьян. „Напр., по Вологодскому уезду в низшей группе (посев до 2 десятин) расходы на пищу при данном типе бюджетов составляют 70,8% всех личных расходов, затем постепенно падают: 67,6, 61,9 до 60,7% в высшей (более богатой) группе“ [3]).

Из этих данных мы действительно видим, что в бюджетах сходного типа, во-первых, а во-вторых, и в бюджетах, вообще, с ростом доходов—расходов доля расходов на пищу падает, с уменьшением их — растет. Если бы питание богача было одинаково с питанием бедняка, то пищетаксические акты в его бюджете актов, отмечаемые % расходов на питание , составляли бы ничтожную долю. Но и при улучшении питания (благодаря сравнительному пищетаксису) процент расходов на пищу в его бюджете ниже % их в бюджете бедняка.

Если же бюджет доходов падает до ничтожной величины, то расходы на питание занимают чуть не все 100% дохода, а часто и больше, образуя дефицит в бюджете и таким образом сводя все остальные непищетаксические акты (и потребности) чуть не до нуля.

---

[1]) Webb: The new dictionary of statistics. 156—165.

[2]) Первушин: Потребление. Энц. слов. Гранат., т. 33, 168.

[3]) Первушин: Ib. 167—69. Его же: Очерки массов. потреб., «Экономист». № 4—5. 1922. 67 и сл. См. подробные данные в словаря Webb'a, Mulhall'я и в указанных ими, а также в указанных выше работах.

Массовым примером таких бюджетов и такого поведения может служить население ряда городов России и прежде всего Москвы и Петрограда за 1918—1921 г.г. Здесь многие проедали не только все, что они зарабатывали, но продавали все, когда-то добытое раньше, чтобы быть кой-как сытым. Акты (и потребности), побочные пищетаксису, здесь действительно пали до ничтожной доли. Они могли совершаться и находить удовлетворение только в форме *смешанных* пищетаксических актов. Кто этого не делал и не сумел делать, жизнь того действительно превращалась в простую погоню за пищей и... только. Пали за эти годы расходы на одежду и обувь, на чистоту и комфорт жилища, на освещение и отопление, на культурные потребности (книги, лекции, театры, церковь etc) и увеличился процент расходов на питание. Это видно хотя бы из следующего изменения бюджета рабочих-одиночек в Москве в 1918 году по сравнению с довоенным временем, когда добыча пропитания была гораздо легче.

Потребности.	Расходы в %: В довоен. вр.	В 1918 г.
Пища	37,3	75,7
Жилище и хозяйств. расходы	12,0	3,8
Одежда	12,8	7,8
Гигиена	4,2	3,0
Культ.-просв. потр.	2,6	2,2
Посылки на родину	27,6	2,2
Прочие	6,3	5,3 [1]

Таблица показывает, как с ростом препятствий на пути к добыванию пищи доля расходов на нее (а соответственно и пищетаксических актов), возросла и вытеснила долю расходов (и актов) на иные потребности. Все акты (ремесло, спекуляция, работа, писание книг, статей, художеств. произведений, чтение лекций, рисование картин, служба etc), превратились в эти годы в средство для добывания пищи. Те из них, которые были бесполезны в этом отношении (лекции, статьи, работа etc, не дававшие пайков), постепенно уменьшались, вытесняемые „пайковыми“ актами. Мало того, ниже мы увидим, что пищетаксис в этом отношении произвел гораздо более крупные изменения: он „выворотил“ и „переделал“ всю „душу“ людей, заставил их „сжечь все то, чему поклонялись, и поклониться всему, что сжигали“.

---

[1]) Красная Москва. 185—6.

Таково понятие пищетаксиса, его виды, его проявления, его роль в поведении, та ориентировка, которую он придает поведению, та деформация, которую он в нем вызывает; наконец, связь его с величиной препятствий на пути к пищевым магнитам и вытекающие отсюда частные теоремы.

Все это служит центральным явлением, вызываемым голодом в поведении людей, явлением, из которого вытекают и которым освещаются многочисленные деформации поведения, им вызываемые. Формулированная на этот счет выше основная теорема обобщает все последние. К рассмотрению этих детальных изменений и перейдем сейчас, но до этого мы должны коснуться еще одного общего вопроса.

§ 3. Кривая интенсивности пищетаксиса при дефицитном (абсолютном, относительном) и сравнительном голодании.

В предыдущем при установлении зависимости между долей пищетаксических и непищетаксических актов во всем поведении человека, с одной стороны, и величиной препятствий, с другой, мы принимали равенство прочих условий, след., и *равенство интенсивности самого пищетаксиса, т.-е. тяготения человека к пищевым об'ектам, вызываемое голоданием.* Последнее я брал, как величину постоянную, и рассматривал варьирование пищетаксических и иных актов в зависимости от варьирования величины препятствий.

Теперь посмотрим на дело в иной постановке.

Нам важно знать (и само по себе, и для понимания ряда социальных явлений) не только долю пищетаксических актов в сумме всех актов человека и условия, от которых зависит увеличение и уменьшение этой доли, но и интенсивность энергии, с которой человек стремится к пищевым об'ектам, иначе говоря, интенсивность пищетаксических актов, бурность и энергию, с которой они совершаются.

Растет ли она параллельно росту голодания? Можем ли мы утверждать, что чем долее длится дефицитное голодание, тем интенсивность пищетаксических актов больше? — Нет, не можем. И эксперименты, и наблюдение, и самонаблюдение, говорят иное, а именно: энергия, с которой голодный человек стремится преодолеть препятствия к пище, не растет бесконечно с ростом голода, а дойдя до определенной точки максимума, далее — при продолжении голодания, — падает. Интенсивность пищетаксиса, т. о., может быть изображена в виде волнистой кривой, начинающейся с нуля (при

сытости), идущей кверху при начале голодания, достигающей точки максимума, и далее идущей книзу, хотя бы голод и продолжался. Такова общая схема. Подтвердим ее кратко.

Данные эксперимента.

Накормив котенка до сыта, я беру кусок мяса и показываю его ему, подняв на аршин от пола. Котенок не прыгает. Посмотрев на мясо, сидит и смотрит. То же самое происходит при ряде повторений такого „дразнения" в сытом состоянии. Совсем другая картина после голодания котенка в течение 7—10 час. Достаточно показать мясо—он прыгает. И чем голоднее—тем выше. Поднимаю мясо на край раковины — он прыгает на нее, цепляется за край передними лапами и как акробат поднимается над ней, в общем, на высоту (от пола) 1½—2 аршина. Мясо дано. Наелся. Дальнейшие дразнения на него не действуют. Сыт, а потому — интенсивность пищетакс. актов близка к нулю. Котенок абсолютно голодал 2½ дня. Показывается магнит. Он смотрит на него. Пытается прыгнуть, но не может достать: не хватает сил.

Продолжительное голодание ослабило его, энергия пищетаксических актов упала. При продолжении голодания она будет падать, а не расти. Т. о. интенсивность пищетаксиса, измеряемая высотой прыжка к пищевому магниту, вполне подтверждает указанную схему [1]).

Это значит, что возбуждаемость (по терминологии Ферворна) от голода имеет свои границы, за которыми всякое усиление раздражения (голодания) не вызывает усиления [2]) интенсивности пищетаксических актов (и переживаний). То же с соответственными изменениями применимо и к человеку.

При абсолютном голодании в первые 2—3—4 дня (пределы варьируют у разных людей), интенсивность пищета-

---

[1]) См. ряд данных иного рода говорящих о том же у Пашутина. 54 и сл., 401 и сл.

С разными колебаниями, но и у кроликов, и собак при абсолютном голодании, после определенного срока, наступает апатия, вялость, исчезает беспокойство, поиски пищи, энергия движений и дело кончается смертью.

[2]) Это общее явление. «Раздражение, правильно говорит Иост, может расти беспредельно, между тем, как величина реакции заключена в известные пределы». Как бы сильно не нажимали на кнопку электрического звонка, он не будет звонить сильнее положенного ему предела. То же относится к другим реакциям организма на раздражители, в данном случае к пищетаксическим реакциям на голод.

См. Иост: Физиология растений. П. 1914. 742 и сл. Ферворн: Общ. физ., М. 1911, вып. II, гл. V.

ксической реакции поднимается с колебаниями и достигает максимума. При дальнейшем продолжении голодания, в связи с ослаблением организма, она не растет, а падает: растет вялость, апатия, безразличие (то же с под‘емами и понижениями), энергия добывания и стремления к пище падает, чем далее, тем более. Дело кончается смертью. В суб‘ективном мире это проявляется, как мы видели, в том, что переживание голода достигает максимальной силы в первые дни. Через 2—4 дня оно пропадает и тонет в общем море тяжелых переживаний, в итоге сменяющихся апатией, равнодушием и тупым безразличием ко всему [1]). Таково движение кривой интенсивности пищетаксической реакции при абсолютном голодании.

Сходное—но в более длинный срок—происходит и при относительно—дефицитном голодании. И здесь (если голодание сильно дефицитно) с его продолжением кривая интенсивности пищетаксической реакции, достигнув максимума, далее не растет, а падает. Если же дефицитность голодания ничтожна (и не ведет к сильному истощению организма), то в этом случае интенсивность пищетаксической реакции может стоять на высоком уровне очень долго [2]).

Что касается бездефицитного—сравнительного—голодания, то движение кривой интенсивности пищетаксической реакции здесь зависит от многих условий. В числе их—и для дефицитного, и недефицитного голодания—заслуживает упоминания одно условие: степень резкости колебания количества и качества пищи, поступающей в организм, и быстрота этих колебаний. Из биологии и психологии нам известно, что резкие и быстрые колебания раздражителей среды (напр., температуры), гораздо легче выводят организм из равновесия, чем колебания медленные и совершающиеся постепенно. В последнем случае организм исподволь приспособляется к ним, привыкает и успевает весьма часто выработать ряд защитительных реакций, позволяющих ему сохранить равновесие. Известно также, что интенсивность „ощущения“ растет не параллельно силе раздражения, а примерно, как его логарифм (по Вебер-Фехнеру). Ниже определенного предела („порог раздражения“) сила раздражения не вызывает ощущения, заметного для нас самих или наблюдателя, и выше определенного предела раз-

[1]) См. выше данные: америк. психологов, Сукки, Marsh'a, Пашутина и др. То же я наблюдал на себе. О том же говорит поведение массы голодающих нашего времени.

[2]) Ср. Пашутин. 401.

дражение не вызывает прирост ощущения [1]). Применяя эти положения к пищевым раздражителям, мы получаем вывод: при равенстве прочих условий кривая интенсивности пищетаксической реакции (и переживание голода) при относительном дефицитном и сравнительном голодании зависит от степени быстроты и резкости колебания пищевого режима. Чем резче и быстрее будут последние, тем резче и круче будут колебания первых. Моментами резких под'емов кривой интенсивности пищетаксиса будут моменты наиболее резкого и быстрого падения количества и качества пищи. Если, напр., в одном случае количество и качество пищи исподволь ухудшается и уменьшается в течение 40—50 дней, представляя регулярно и постепенно понижающуюся кривую, а в другом—ухудшение происходит скачками, хотя бы в течение 50 дней общее количество и качество пищи, поступившей в организм, было больше и лучше, чем в первом случае, и хотя бы даже низший предел кривой питания был все время выше, чем в первом случае, кривая интенсивности пищетаксической реакции и переживания голода будет во втором случае гораздо выше, чем в первом, делая резкие под'емы в моменты резких падений кривой питания. В первом случае организм исподволь будет приспособляться к постепенному ухудшению и уменьшению пищи; последнее для него будет происходить как бы незаметно. Во втором случае, быстрые и резкие колебания кривой питания будут похожи на сильные толчки, выводящие организм из равновесия, не позволяющие ему приспособиться к ним. Соответственно с этим, организм будет четко регистрировать эти колебания и бурно реагировать на них интенсивнейшими под'емами пищетаксиса, в форме стремления к бывшему до падения пищевому режиму. Отсюда понятно, что интенсивность пищетаксиса человека, имевшего изысканный стол, но быстро ухудшившийся до уровня простой, но вполне достаточной пищи (скажем, до 3.500 калорий), может быть более высокой, чем интенсивность голода простого смертного, пища которого упала исподволь с 3.000 до 2.000 калорий [2]).

---

[1]) См. подробнее об этом у **Ферворна**: Цит. раб., 243—246, и соответственные главы в курсах психологии **Вундта**, **Цигена**, **Джемса**, **Гефдинга** и др.

[2]) Массовым подтверждением этого служит пищетаксическое поведение масс России в 1917—21 гг. Наиболее резко пищетаксис проявился при первом значительном ухудшении питания в начале 1917 г. (забастовки, голодные бунты и революция). В дальнейшем, исподволь понижаясь, он не вызывает

Таково в общих чертах значение этого условия и приблизительный ход кривой интенсивности пищетаксиса при медленном и постепенном, и при быстром и резком варьировании кривой питания.

На основании сказанного мы получаем выводы:

1) При равенстве других условий тенденция к совершению пищетаксических актов прямо пропорциональна интенсивности пищетаксиса.

2) Так как при абсолютном голодании точка максимума последнего достигается в первые дни (на второй—четвертый чаще всего) голодания, а при относительном и сравнительном голодании в моменты резких и быстрых падений кривой питания, то в эти моменты человек максимально сильно и бурно стремится к пищевым об'ектам, т. е. выполняет соответственные пищетаксические—чистые и смешанные—акты и наиболее энергично борется с препятствиями на пути к пищевым магнитам.

3) Соответственно с этим в эти моменты пищетаксич. акты (и потребность в питании) вытесняют всего успешнее из фонда актов поведения все непищетаксические поступки (и потребности), не совместимые с ними и стремятся превратить весь организм как „чек на пред'явителя", в аппарат, направленный на удовлетворение дефицитного или бездефицитного голода.

Запомним эти положения. Они пригодятся нам при изучении ряда социальных эффектов голодания и кой что об'яснят в них [1]).

Теперь, очертив центральный пункт деформации поведения, вызываемой голоданием, перейдем к рассмотрению отдельных сторон этого общего явления.

§ 4. Предварительные замечания о взаимоотношении голода и других детерминаторов.

Из понятия пищетаксиса, как основной функции голодания, следует, что с момента своего появления детерминатор голодания пытается целиком завладеть нашим организмом, как „чеком на пред'явителя"; и стремится превратить его исключительно в аппарат, обслуживающий задачи

острой реакции, хотя уровень питания в 1918 г. был очень низок. Последующие волнения наступали опять -таки в моменты значительного понижения выдач хлеба и др. продовольствия (напр., февраль и март 1921 г. и т. п.).

[1]) См. ниже гл. «Голод и революции».

питания. Если бы не было других детерминаторов поведения, то в такие периоды человек был бы похож на шар, толкаемый исключительно голодом или подчиненный исключительно пищетаксису. Этот „чек на пред'явителя“ тогда стал бы чеком именным, принадлежащим исключительно „господину—голоду“.

Но, конечно, такое допущение неверно. Помимо голода имеется целый ряд других детерминаторов поведения [1]). Человеческий организм, обладающий чувствительнейшей сетью воспринимающих раздражение аппаратов нервн. системы,—это сложнейшая радиостанция, ежеминутно находящаяся под воздействием многих детерминаторов, ежеминутно воспринимающая „токи раздражений“ не только со „станции голода“, но и от множества других станций, т. е. ряда безусловных и условных раздражителей, отличных от детерминатора голодания (напр., от безусловных и условных возбудителей полового, защитного и др. безусловных и множества условных рефлексов, называемых религиозными, правовыми, эстетическими и др. детерминаторами). Это значит, что на организм, как „чек на пред'явителя“, почти в любой момент пред'являют монопольные претензии захвата множество г. г. „детерминаторов“, в сфере влияния которых он находится.

Ему приходится так или иначе реагировать на все эти раздражения—захватные претензии—а потому: поведение человека—„функция“ не одной „независимой переменной“, а многих, и в каждый данный момент человек находится в „поле действия“ не одной силы—количества и качества пищи,—а многих.

Равнодействующей их совокупного влияния и служит поведение человека.

Детерминатор голода может стоять в трояком отношении ко всем остальным детерминаторам поведения: 1) в солидарном, когда и он, и другие в один и тот же момент „толкают“ человека к совершению или несовершению одних и тех же акций—реакций или актов, благоприятствующих друг другу, 2) в антагонистическом, когда голод и другие детерминаторы требуют от человека реактивных актов, исключающих друг друга, несовместимых одновременно, 3) в нейтральном, когда они толкают к актам совместимым

---

[1]) Подробная теория детерминаторов челов. поведения и обществ. процессов мной будет дана в «III т. «Системы». Здесь же я касаюсь ее лишь постольку, поскольку это требуется вопросом.

друг с другом, но не к одним и тем же, и не исключающим друг друга. В чистом виде этот тип взаимоотношения детерминаторов, однако, дан редко. Чаще всего он представляет приближение к первому или второму типу [1]).

Раз детерминатор голода стремится завладеть человеком вполне и превратить его поведение в сплошной пищетаксис, то для возможности этого нужно: 1) или полное отсутствие антагонистических детерминаторов или 2) подавление, депрессирование, полное заторможение их. Пока они есть и пока не заторможены вполне—такая задача детерминатору голода не удастся.

В реальной жизни сравнительно редки случаи, где у какого либо детерминатора, в данном случае голода, целиком отсутствовали бы детерминаторы—враги: как сказано, мы почти всегда находимся в поле действия многих сил, среди которых постоянно присутствие сил—антагонистов. Следовательно, чаще дан второй случай—конфликт детерминатора голода с другими антагонистическими детерминаторами. Раз дан конфликт—дана борьба их за „обладание“ человеком. Раз дана борьба—возможны три исхода: 1) победа голода над антагонистами, (след., пищетаксических актов над другими); 2) победа антагонистов над голодом (след., непищетаксических актов над пищетаксическими), 3) взаимное их уничтожение и захват победы tertius gaudens из детерминаторов.

Таковы выводы из основных положений о пищетаксисе. Всякое появление и рост пищетаксических актов возможны только при победе детерминатора голода над детерминаторами антагонистами, или отсутствии последних.

Ниже я рассмотрю эту проблему взаимоотношения голода с другими детерминаторами и условия, определяющие исход дуэли, подробнее, а пока приведу факты, показывающие подавление или ослабление голодом других антагонистичных ему детерминаторов поведения. Эти факты говорят о том, что в случае дуэли детерминатор голода нередко выходит из нее победителем. (Обратные случаи будут приведены ниже). Проявлением такой победы служат все поступки человека, состоящие в том, что под влиянием голода он перестает реагировать на ряд детерминаторов, на которые он реагировал бы без этого условия. И обратно, голод заставляет человека совершать такие акты, которые без него не были бы совершены. В категорию первых—

[1]) См. об этих типах подробнее—ниже.

„подавляемых"—актов и детерминаторов—входят акты и детерминаторы, несовместимые с пищетаксисом, мешающие удовлетворению голода; в категорию вторых—акты содействующие обладанию пищей.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению соответственных фактов.

§ 5. Депрессирование и ослабление голодом детерминатора индивидуальной самозащиты и соответственных защищающих жизнь рефлексов.

Среди раздражителей, воздействующих на человека, имеется множество таких, которые непосредственно опасны для его жизни, грозят ему прямой смертью или причинением тяжелого вреда здоровью и целостности организма. Конкретно они могут быть весьма разнообразными. Таковы, напр., смертельные действия других людей (выстрел, удар ножом, побои и пр.), нападения диких животных, укусы ядовитых животных и проникновение в организм болезнетворных микроорганизмов (тифа, чумы, холеры и т. д.), резкие влияния температуры, падение на человека тяжелой глыбы и т. д.

В той или иной форме подобные смертоносные раздражения воздействуют на нас почти всегда. Для отражения и обезврежения их у человека, частью в процессе филогенетическаго, частью индивидуального развития, выработался целый ряд разнообразных ответных реакций, позволяющих ему или удаляться от таких опасных раздражителей и избегать их (напр.: акты бегства от опасного зверя, человека, наводнения, пожара, отскакивание на улице при рожке автомобиля, акты воздержания от еды ядовитой пищи или питья зараженной воды и т. д.), или отражать в той или иной форме их вредные последствия, напр., оборонительная борьба с зверем, с нападающим человеком, с микробами, с смертоносными влияниями климата, температуры и др. стихий природы (принятие противоядий, надевание теплой одежды при холоде, рефлекторное закрывание глаз при поднятом кулаке, обезврежение и уничтожение микробов и т. д.) или предупреждать наступление этих вредных последствий (меры гигиены, санитарии и т. п.). Как видно отсюда, эти защитительные рефлексы,—частью сознательные, частью безсознательные,—крайне многочисленны и и разнообразны. Если бы их не было—жизнь людей была

бы значительно короче, смерть подстерегала бы их на каждом шагу и уносила бы богатую жатву. Благодаря указанным защитным реакциям, значительную часть таких раздражителей прямо или косвенно мы обезвреживаем.

Совокупность таких защитных рефлексов образует группу рефлексов самозащиты; раздражения, вызывающие такие рефлексы, образуют особую группу среди детерминаторов человеческого поведения, которую можно назвать (по характеру ответных рефлексов) детерминатором индивидуальной самозащиты [1]).

Наблюдение над поведением людей (и животных) показывает, что детерминатор голода и вызываемые им рефлексы временами вступают в конфликт с рефлексами и детерминатором индивидуальной самозащиты. Такими фактами будут все те явления, где голод, ради своего удовлетворения, толкает человека на такие акты, совершение которых грозит его жизни прямой или весьма вероятной опасностью или тяжелым вредом его жизнесохранению и здоровью. Детерминатор же инд. самозащиты тормозит совершение таких актов и толкает в обратную сторону. Рефлексы того и другого рода оказываются таким образом несовместимыми одновременно. Наступает дуэль их, из которой, как показывает наблюдение, голод нередко выходит победителем, т. е. ему удается затормозить или подавить рефлексы самозащиты [2]).

Подтверждения. Многочисленные факты такой победы голода над детерминатором индив. самозащиты распадаются на две основные категории. В первой из них голод побе-

---

[1]) См. общую характеристику этого детерминатора и его роли Сорокин: Общедоступный учебник социологии. Яросл., 1920. 158—166.

[2]) Сравнительная теория поведения или генетическая социология—дисциплина, пока не существующая, но имеющая такое же право на существование, как сравнит. анатомия, сравнит. физиология и т. д., могла бы привести сотни соответственных фактов из поведения животных. Одним из них служит поведение голодных рыб, крыс, волков, медведей и др. животных, идущих на пищевую приманку и попадающих в ловушку, западню, яму, на крючок, появление голодных волков в городах, от которых они бегут сытые и т. д. Целый ряд фактов такого рода дают описания полярных путешественников напр., Нансена, многократно разсказывающего нам, как медведи и лисицы притягивались, благодаря пищевым запасам, к «Фраму» и к их хижине, и гибли. См. Нансен: Во мраке ночи, т. I. 175—6 и др. и т. II. Во всех фактах подобного рода мы имеем ясную и четкую модель подавления голодом детерминатора самозащиты. Под влиянием пищетаксиса, возбуждаемого пищевым об'ектом, защитные рефлексы ослабляются и вытесняются, животное идет на приманку и гибнет, чего не было бы, если бы не имело место влияние голода. У людей мы видим то же явление, только в усложненной форме.

ждает своего конкурента, так сказать, «лобовой аттакой» в «открытом бою»; во второй, он побеждает его „тихой сапой“, исподволь подрывая силы организма, ослабляя энергию, нужную для успешного выполнения защитных реакций. Примеры фактов первого рода дает, прежде всего, поведение людей в осажденных врагом крепостях, истощивших продовольственные запасы. Осажденные в таких случаях оказываются «между двух огней»: в «поле влияния» силы голода и детерминатора инд. самозащиты. Голод толкает на вылазку для добычи продуктов или на прорыв осаждающих, или на акт капитуляции на «милость победителей». Детерминатор инд. самозащиты тормозит такие акты, грозящие и грозившие весьма часто неминуемой опасностью для жизни если не всех, то многих из осажденных. История войн первобытных народов из за соли, древняго Египта, Ассиро-Вавилонии, Персии, древней Греции и Рима, древних евреев, многих войн средневековья и нового времени разсказывает нам, как часто мучимые голодом люди капитулировали, делали отчаянные вылазки, пытались прорваться и... гибли. Такое поведение говорит о том, что здесь голод подавил своего конкурента и толкнул людей на акты, которые тормозились детерминатором самозащиты. Без голода они не были бы совершены и рефлексы самозащиты не были бы подавлены. Нет нужды цитировать в отдельности подобные события: в истории войн их можно найти в весьма большом количестве. Недаром же этот метод «взятия измором» врага давно уже был осознан и практически использован в войне: если неприятель не мог взять прямо врага, он прекращал доставку продовольствия в крепость, город, лагерь, ставил врага в «поле влияния» голода и с помощью этой силы подавлял в нем рефлексы самозащиты (и ряд других). И, как мы знаем, не редко успешно. «Вси гради ваши, говорит словами летописца Ольга осажденным древлянам, предашася мне и ялися по дань, а вы хощете измрети гладом». Древляне покорились, многие погибли. Голод победил. Это пример тысячи подобных фактов [1]).

---

[1]) Вот примеры. «Осада Никеи продолжалась два года. Жители, став добычей голода и чумных болезней, сдались на милость победителей». F e h m i: Hist. de la Turquie. 1909. 17. Под влиянием голода сдались и Афины лакедемонянам. X e n o p h o n: Hellenica. II. 2. «Изнуренные голодом, после 15-дневной осады, вынуждены были иудеи Кейнока сдаться безусловно». М ю л л е р: Ист. Ислама. СПБ, 1895. 132. «Голод принудил к сдаче Калэ». Г р и н. Ист. англ. народа. М., 1897. I. 270 и т. д. «Другие побуждаемые

Дальнейшими фактами, говорящими о том же, служат вообще все те явления, где человек ясно и четко сознает опасность для жизни и здоровья таких-то актов, и тем не менее совершает их ради «хлеба насущного». In concreto такие акты весьма многочисленны и разнородны. Таковы акты ограбления голодными кого-либо из за хлеба или денег, на которые хлеб можно купить, там, где нападающие знают, что будет оказано отчаянное сопротивление; акты кражи овощей с огородов Петрограда в 1919 и 20 г.г., несмотря на об‘явление расстрела за такие кражи — об‘явление, которое весьма трудно было принять за пустую угрозу; вылазки «зеленых» и «дезертиров» за пищей, сопровождаемые опасностью захвата и расстрела [1]) акты «добровольной явки» бандитов и дезертиров, вынуждаемых к явке голодом, акты путешествия петроградцев в 1919—20 г. за продуктами с сознаваемым риском схватить тиф, быть исковерканным или убитым бандами и грабителями; акты поедания ядовитых и вредных об‘ектов, при сознании, что это опасно, акты массового поедания сырых продуктов на рынках Петрограда и Москвы в эти же годы, в периоды холерной эпидемии, с сознаваемым риском заразиться, акты массовых переселений из тех же городов в места более сытые, но более неспокойные и грозившие сотней опасностей; акты нападений голодных на продовольственные поезда и транспорты, охраняемые вооруженной стражей; акты продажи последней обуви или теплой одежды из за хлеба и предоставление себя опасности простудиться и т. д., и т. д., все эти и тысячи других подобных действий в прошлом и в наши дни, все они говорят нам о явлениях конфликта детерминаторов голода и самозащиты и о депрессировании первым второго «лобовой аттакой».

Наконец, о том же говорят и самоубийства на почве голодания. Статистика дает нам специальную рубрику самоубийств в силу этой причины; по Вагнеру, из 100 само-

голодом, отдавались неприятелю». Стасюлевич: Ист. сред. веков. СПБ. 1913. I. 138. Пример дает Миккельсен при голодании. См. Ц. Р., 283 и сл.

[1]) Лично мне и моему другу пришлось в один момент жизни быть в таком же положении: живя в лесу и истощив все запасы, под влиянием голода, мы принуждены были выйти в деревню за продуктами, хотя отлично знали, что вероятность быть захваченными и расстрелянными или немедленно или с некоторым откладыванием была громадна. Отлично сознавая это, мы все же вылазку сделали. Благодаря невероятным усилиям со стороны А. В. (хождение холодной осенью ночи на болоте босым и почти без одежды, переплывание большой реки вплавь и т. п.) она кончилась благополучно.

убийств—12,9% вызвано бедностью (гл. обр., голодом), по Block'у, во Франции в 1851—2 г. их было 12,3, в 1856—60 г.—12,5, в 1866 г.—11%. По Прусской статистике % их в 1860 г.=11%, в Саксонии—7,26[1]). Та же связь самоубийств и бедности (голода) констатировалась и иначе. Приведу одну таблицу.

ГОДЫ:	Самоубийства фермеров в Англии.	Число их раззорений.
1878	71	626
1879	112	1196
1880	104	1097
1881	69	918
1882	74	533
1883	58	422[2])

Эти данные говорят о том, что голод лобовой аттакой аннулирует все защитные рефлексы, убивает «волю к жизни».

Мудрено ли поэтому, что в периоды исключительных голодовок, вроде нашей, кривая самоубийств поднимается. Она поднялась бы несравненно выше, если бы не действовали контр-силы: 1) огромное вымирание населения и слабых и без самоубийства (от голода, тифа etc), что для массы лиц делает последнее ненужным, 2) у нас в 1917—21 г.—революция, которая, как всякое общественное движение, в период под'ема усиливает социальные связи и, согласно Дюркгейму, уменьшает % самоубийств. [3]) Этим об'ясняется почему в 1918—21 г.г. кривая самоубийств у нас почти не поднялась. Но конец 1921 и 1922 г.—конец революции. Она пошла на низ. С отпадением этой контр-причины, сразу же в голодающих губерниях выявилось «самоубийственная» роль голода. Газеты ежедневно сообщают о них. Точной статистики их еще нет, но «в Сарат. губ. медиц. статистика отмечает «безудержный рост» связанных с голодом самоубийств взрослых и детей», [4]) целые семьи кончают с собой путем угара, нарочно заражаются сыпным тифом, вешаются, бросаются в воду и т. д. [5]) Факт их резкаго роста несомненен. Да иначе и едва ли может быть.

---

[1]) A. Oettingen: Die Moralstatistik. 1882. 780-84 и табл. 110.

[2]) Ogle: On suicides in England and Wales. Jour. of the R. Stat. Soc. 1886. 113-14.

[3]) См. об этом Дюркгейм: Самоубийство. Изд. Карбасникова. Passim.

[4]) Василевский: Жуткая летопись голода. Уфа. 1922. 4.

[5]) См. там-же. См. Кр. газ., № 172, Изв. Ц. И. К. от 12 ф. 1922. Арт. дело. № 1—4. 1922. 64.

К тому же ослаблению и угасанию рефлексов инд. самозащиты голод ведет и иным путем. С продолжением абсолютного голодания или голодания относительного, силы организма, необходимые для отражения, предупреждения и преодоления вредных влияний, исходящих от угрожающих жизни и здоровью раздражителей, падают. Организм делается все более и более неспособным бороться с последними, теряет постепенно иммунитет и активную силу сопротивления. В итоге, его жизнеспособность и жизнестойкость уменьшаются. Такое явление наступает даже и при одной «авитаминозной» диэте. Цынга, и целый ряд других эпидемий— результат последней, говорящий о падении жизнестойкости организма. [1]) Детерминатор самозащиты толкает к совершению ряда защитных рефлексов. Но у организма нет сил на их выполнение (напр., на акты быстрого бегства, энергического нападения на врага, на добычу топлива, одежды, на выполнение той или иной работы, на борьбу с вредными бактериями и т. д.). Нужные акты самосохранения перестают совершаться. Опасность растет и гибель приближается. К этому же итогу ведет и падение целесообразности защитных реакций, наступающее в результате длительного абсолютного и относительного голодания. Работа высших центров сознания ослабляется, человек менее точно начинает учитывать условия и влияния среды; в силу этого его реактивные акты становятся менее и менее удачными; стало быть, приспособление к среде делается менее успешным. Человек перестает сознавать опасность многих явлений, не находит надлежащих мер для их отражения и т. д. «Разум мутится», наступает полубредовое состояние, апатия, инертность, вялость, безразличное отношение ко всему. Ослабевает «воля к жизни», «охота жить» и, в конце концов, человек гибнет, часто безропотно и безпротестно. В обоих этих случаях голод депрессирует рефлексы самозащиты „тихой сапой“. Он исподволь, шаг за шагом, подрывает силы организма, его мозговую работу и чрез это—пружину самосохранения.

В этом случае мы имеем цепь явлений: 1) голодание, 2) ослабление «физических» и «психических» сил организма, 3) ослабление «инстинкта жизни» и самозащиты, т. е. осла-

[1]) Эпидемию цынги в 1916—17 г.г. в войсках специалисты ставили в связь с «авитаминонной» диэтой, с однообразием пищи, при отсутствии свежих овощей и свежего мяса. Кольцов: Цит. раб., 401—402. См. Словцов: Биохимия,

бление и подавление детерминатора и рефлексов самосохранения, 4) гибель организма.

Подтверждениями сказанного служат: 1) несомненное падение жизнестойкости организма при голодании. Опыты Canalis'a, Morpugno, Castellino, Féré, Proust'a и др. доказали падение иммунитета при голодании. Вследствие голодания наступает «ein Verlust von Organmasse, Kraftlosigkeit und Leistungsfähigkeit u die Bevölkerung in ihrer körperlichen Tauglichkeit zurückgeht, резюмирует Рубнер положение дела“ [1]). Отсюда понятно, почему всевозможные эпидемии и резкое повышение кривой смертности служат обычными спутниками массовых голодовок. Сам этот факт, на котором я остановлюсь ниже, служит несомненным доказательством сказанного. 2) О том же говорит явление апатии и безразличия, падение «воли к жизни», охватывающее индивида и массы после сильного и длительного голодания. В первые моменты голодания голод возбуждает человека к энергичной добыче пищи. Но после того, как точка максимума интенсивности пройдена, когда все запасы организма сожжены, иными словами, когда голодание длится слишком долго, энергия организма падает, вместе с ней ослабевают «борьба за жизнь» и «воля к жизни».

В 1705 г. башкиры осадили отряд Хохлова в степи и «морили десять суток, не давая ни пить, ни есть, ни спать, и когда русские обезумели от голода и бессонницы, воры разорвали обоз, побили и взяли в плен 400 человек» [2]). Путем голода и бессонницы защитные рефлексы были ослаблены — таков смысл этого и подобных явлений. Сколько таких фактов в истории любого народа, начиная с войн дикарей и кончая кронштадтским восстанием. Далее, явление апатии—весьма частый спутник множества длительных и сильных массовых голодовок. «Тупая, безнадежная апатия была основным настроением масс в голодные годы средних веков», пишет историк средневековых голодовок [3]). Таково же было настроение масс в Индии после длительных голодовок [4]). Немало фактов такого же рода

---

[1]) Rubner: Uber moderne Ernährungsreformen. 257. См. также Тарасевич. О голодании. 22. «Голод может ослабить и уничтожить естественную невосприимчивость к заразным заболеваниям». Тарасевич. Голодание, Энц. слов. Гранат. т. 15, 345—351. Любарский: О недоедании. Природа. 1921 № 7—9.

[2]) Соловьев: История России. 3 изд., т. III. 1447.

[3]) F. Curschman: Hungersnöte im Mittelalter, Leipzig. 1900. 53.

[4]) См. описание поведения голодных масс в Индии W. Digby: The famine campaign in Southern India. 1878. т. I и II.

наблюдали и мы за эти годы. Люди мерли от голода, как мухи. Падали на улицах, умирали в домах, как догоревшая свеча, и ни проклятия, ни лихорадочной попытки спасти жизнь. Голод «тихой сапой» иссушил сами источники «воли к жизни», погасил защитные рефлексы «не мытьем, так катаньем». Это же массовым образом проявляется и «сейчас» в голодных губерниях. Равнодушие и апатия—вот то, что констатируют почти все наблюдатели голодающих масс Поволжья и др. мест. Эта «тупая, безнадежная апатия», наступающая в итоге длительного и слишком дефицитного голодания [1])—свидетельство косвенного, «подкопного» ослабления голодом контрарных с ним защитных рефлексов человека.

Резюмирую: 1) детерминатор голода и вызываемые им пищетаксические акты нередко вступают в конфликт с детерминатором индивидуальной самозащиты и вызываемыми им защитными актами.

2) Дуэль обоих детерминаторов нередко кончается победой голода, влекущей за собой депрессирование детерминатора и рефлексов индив. самосохранения.

3) Эта задача достигается голодом двумя основными путями: «лобовой аттакой» и «тихой сапой».

4) От каких условий зависит исход этой дуэли—рассмотрим ниже, в главе об отношении голода к другим детерминаторам.

§ 6. Депрессирование и ослабление голодом детерминатора групповой самозащиты и соответственных рефлексов.

Наряду с детерминатором и рефлексами индивидуальной самозащиты в нашем поведении имеются рефлексы групповой самозащиты. К ним относятся все те акты, которые имеют своей задачей сохранение жизни и целостности социальной группы. Раздражителями, вызывающими их, служат „ближние", в виде членов семьи, друзей, единоплеменников, единоверных, единопартийных, одноподданных и т. д., словом группа socius'ов, солидарных с нами, связанных с нами, „близких" и „дорогих" нам. Стимулируемые ими рефлексы человеческого поведения, сознательно или бессозна-

[1]) Подчеркиваю длительность и дефицитность, ибо недлительный или не слишком дефицитный голод, не ведущий к резкому обессилению организма, может, как увидим ниже, стимулировать активность организма в направлении добывания пищи и «лобовой аттакой» ослаблять антагонистические защитные реакции, а не вести к пассивной апатии.

тельно преследующие задачи охранения жизни, целостности и выживания группы, резко отличны от рефлексов индивидуального самосохранения. Временами последние солидарны с первыми, временами антагонистичны; последнее бывает тогда, когда самосохранение индивида требует нанесения ущерба группе и обратно, когда „интересы“ группы (семьи, церкви, партии, государства, кружка друзей, „национальности“ и т. п.) требуют самопожертвования индивида; напр., его гибели в борьбе за интересы семьи, государства и др. групп.

Сравнительная история поведения—генетическая социология—могла бы указать множество рефлексов группового самосохранения в мире животных. Такими будут все акты, преследующие выживание вида, а не индивида. Конкретно они весьма разнородны. Наиболее типичными среди них являются „родительские и стадные“ рефлексы.

Родительские рефлексы, начиная от актов кормления, высиживания и охранения своего потомства и кончая актами „прямого самопожертвования“ для спасения последнего (напр., акт обезьяны, подставляющей себя выстрелам охотника, ради спасения детеныша), представляют всем известные примеры рефлексов групповой самозащиты. То же относится и к актам „стадным“, напр., к коллективной обороне или нападению группы животных.

Рефлексы групповой самозащиты человека представляют усложнение этих актов в мире животных. Среди нас они выступают частью в осознанном, частью в бессознательном виде.

Осознанные формы рефлексов групповой самозащиты представляют сложный комплекс рефлексов, где на основе чисто биологического рефлекса самозащиты наросли многие формы условных рефлексов, с ним солидарных и его усиливающих. Таковы, напр., акты патриотического, религиозного, партийного и др. самопожертвований во имя „долга“ перед семьей, партией, церковью и т. д. Бессознательные формы рефлексов групповой самозащиты—проще по своему составу и ближе к чисто биологическим прототипам его среди животных. Это различие двух форм, важное во многих отношениях, сейчас, для моей цели, несущественно. Обе формы мы можем рассматривать как одно целое, ибо депрессирование голодом многих сознательных рефлексов групповой самозащиты будет говорить лишь о том, что голод может депрессировать не только чистые рефлексы этого типа, но еще и усиленные рядом рефлексов условных.

Игнорируя сейчас это различие мы можем сказать, что рефлексами групповой самозащиты будут все вообще акты, преследующие охранение интересов, жизни, безопасности и процветания „ближних“, начиная от актов заботы родителей о своих детях и кончая актами самопожертвования за семью, род, государство, церковь, словом, актами „полагания души за други своя [1])“.

Наблюдение показывает, что детерминатор голода и вызываемые им акты нередко антагонизируют с актами, вызываемыми детерминатором групповой самозащиты. Те и другие оказываются несовместимыми. Такие случаи мы имеем всюду, где голод, ради удовлетворения, требует актов нанесения ущерба жизнесохранению, целостности и благоденствию „ближних“, и обратно, где детерминатор групповой самозащиты требует актов, мешающих удовлетворению голода. То же наблюдение говорит, что из этой коллизии голод нередко выходит победителем, т. е. депрессирует своего антагониста, а пищетаксические акты подавляют, вытесняют или ослабляют группозащитные рефлексы, не исключая и тех, которые наиболее глубоко вкоренились в человека.

Доказательства. Существуют целые разряды фактов, делающих это положение несомненным.

I. Эндоканнибализм. Среди них первое место по своей резкости и отчетливости занимают явления людоедства, в особенности эндоканнибализма (поедания членов своей группы) в тех случаях, когда они вызваны голодом и без которого в этих случаях они не имели бы места. Если голод обозначим *а*, а людоедство—*в*, то, пользуясь упрощенным методом сопутствующих изменений и методом разницы, мы можем определенно заявить, что во многих случаях *в* представляет функцию *а*; [в = f(a)] и если бы не имело место *а*, то в таких случаях не было бы и *в*. Это значит, что в таких случаях голод депрессировал одну из наиболее прочных форм рефлекса групповой самозащиты,—воздержание от поедания „близких“, носящее весьма часто не только у человека, но и у большинства животных характер безусловного рефлекса [2]).

---

[1]) См. общую характеристику детерминатора и рефлексов группового самосохранения у Сорокина: Общедоступный учебник социологии, 166—172.

[2]) Steinmetz едва ли прав, говоря, что первобытный человек был привычным каннибалом, т. е. не имел этого рефлекса воздержания, ибо его „вкус к мясу не был ограничен ни эстетическим ужасом пред человеческим телом, ни верованием в месть с'еденного, ни фантастической симпатией к

Факты. „Каннибализм часто возникает благодаря недостатку или отсутствию животной пищи“. „В South Sea Islands, согласно Эллису, муки голода часто ведут к этому преступлению. У Nukahivans во времена острой нужды, но только в случае крайней необходимости, убиваются и поедаются женщины и дети. У северных и западных австралийских племен в моменты острого недостатка пищи родители временами едят даже собственных детей“. То же и при таких же условиях имеет место у ряда индейских групп севернее Верхнего Озера. У эскимосов Гудзонова залива „бывали случаи, где во время крайней голодной нужды семьи, после с‘едения собак, шкур и других кожаных вещей, переходили к каннибализму“ [1]). По сообщениям Hooper'a, Codrington'a, Hahn'a, Seeman'a и друг., у целого ряда дикарей „старые лица часто убиваются [2]) во время голодовок, чтобы быть с‘еденными“.

Одинаковые причины при одинаковых условиях ведут к сходным результатам. То же мы встречаем и позже [3]).

В Библии и других древних сводах имеются свидетельства, говорящие о том же людоедстве в период нужды. «И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой» [4]).

мертвому телу“. Steinmetz: Endokannibalismus. Вена 1896. 25 и сл., 34 и сл. Это не убедительная аргументация. И плотоядные животные не тормозятся ни эстетикой, ни религией, ни моралью, и однако, большинство из них не ест себе подобных. Такое воздержание об‘яснимо путем допущения безусловного рефлекса, делающего совершенно ненужным тормозящие условные рефлексы (религии, эстетики, морали и т. д.). Другое дело—вопрос о распространенности каннибализма среди первобытных людей. Так как они редко обеспечены пищей и так как муки голода здесь часты, то, согласно сказанному, легко понять: и депрессирование у них голодом этого рефлекса воздержания, значит—появление каннибализма и его большую распространенность среди дикарей. Эта часть теории Штейнмеца, подчеркивающая роль пищевого детерминатора в появлении каннибализма, вполне правильна. А сам факт появления каннибализма под влиянием голода и его распространенность среди голодных дикарей — доказательство формулированной теоремы.

[1]) Westermarck: The origin and development of the moral ideas, 1908, т. II, 555. См. также Steinmetz, Op. cit., 25 и сл. Там же см. другие подобные факты.

[2]) Westermarck: Ib. т. I, 390. „Ряд племен при голодании часто прибегают к детоубийству и дети не только убиваются, но и с‘едаются“. Ib. 400—401.

[3]) Как ниже увидим голод с этой точки зрения является отличным реактивом для испытания прочности других рефлексов, в частности и рефлексов групповой самозащиты.

[4]) Второзаконие. Гл. 28 и 30.

Оно было в истории Японии, Китая, Египта, Рима, Греции и т. д. В знаменитый голод 1200—01 г.г. в Египте каннибализм приобрел массовый характер [1]).

Во время средневековых голодовок в Европе людоедство было довольно обычным явлением. «Наихудшее явление, вызванное голодом, было людоедство». Оно было констатировано в голодовки 793, 868, 869, 896, 1005, 1032, 1085, 1146, 1233, 1241—42, 1277, 1280—82, 1315, 1317 г.г. [2]). Сообщения летописцев в роде нижеследующих здесь довольно часты. «Anno Domini 1317 et 18 et 19 tanta fuit caristia et fames in Polonia et Silesia, ita quod pluribus in locis parentes filios et filii parentes necantes devoraverunt, plures etiam carnes de suspensis cadaveribus comederunt [3]). Или: Famis vero quae anno (793) priori coepit, in tantum excrevit, ut homines homines, fratres fratres ac matres filios comedere coegit [4]). В 868 г. tanta fames fuit, ut unus homo alium interficeret et bestiarum more dentibus laniaret. Inventi sunt etiam ea tempestate in eodem pago masculi et femine pro nefas! homines alios occidisse et comedisse [5]). В 1032 г. accipiebantur autem vivantes a se praevalentibus, membramimque dividebantur, igneque decocti vorabantur [6]).

«Во Франции в голод 1030—32 г.г. некто был казнен за то, что убил и с'ел 48 человек, а в Венгрии, около того же времени, один человек сознался на исповеди, что с'ел 30 детей и 8 взрослых» [7]). В 897 г. в Германии во время голода разрывали свежие могилы и насыщались мертвыми телами, родители убивали детей и дети родителей [8]). В Бургундии в 1031—33 г.г. «стали выносить на рынок челов. мясо и заманивать в лес детей, чтобы их с'есть» [9]). При восстании Дольчино в 1307 г. у осажденных патаренов «нужда дошла до того, что они питались мясом умерших от болезней и

---

[1]) В Риме во время осады, по словам бл. Иеронима, „женщины возвращали назад в утробу свой плод, который только что оттуда вышел (т. е с'едали грудных детей)“. Стасюлевич: Ц. р., I. 139, т. II, 887—9.

[2]) Curschman: Цит. раб., 59—60.

[3]) Curschman. Ib. 217.

[4]) Ib. 90—91.

[5]) Ib. 98—99.

[6]) Ib. 112—114. См. у него же в летописях ряд других аналогичных свидетельств.

[7]) Цитович: О голодах в Зап. Европе, в «Голода в России и Зап. Европе». Киев, 1892. 2.

Рошер: О хлебн. торговле и мерах против дороговизны. Казань. 1857. 55.

[8]) Hazzi: Betrachtungen über Theuerung und Noth der Gegenwart und Vergangenheit. München. 1818. 12.

[9]) Добиаш-Рождественская: Эпоха крестовых походов. П. 1918. 11.

лишений» [1]). Современники голодовок во Франции, времен Людовика XIV, (1661—62, 1693—4, 1699, 1709 г.г.) говорят также о случаях людоедства [2]). «В Китае (во время голодовок) матери с'едали своих детей, молодые люди избивали стариков» [3]).

То же имело место много раз и при голодовках в России.

В голод 1230—31 г.г. по словам летописца «инии простая чадь резаху люди живые и ядяху, а инии мертвые мяса и трупие обрезаюче ядяху». В голод 1601—1602 г.г. «люди сделались хуже зверей: не только грабили и убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга» [4]). «Отцы и матери ели детей, дети—родителей, хозяева—гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье, путешественники боялись останавливаться в гостиницах» [5]). Летописец говорит, что люди ели такое, что и «писать непристойно» [6]). То же было и позже в 18 и 19 в.в. [7]).

Сходные причины вызывают сходные следствия. Когда тормозящие детерминаторы у современных людей так же слабы, как и у древних людоедов, а голод велик, в таких случаях и в новое время у ряда лиц голод депрессирует рефлексы групповой самозащиты и приводит к людоедству. Ряд таких людоедств дает поведение потерпевших кораблекрушение людей. «Многие из них, даже среди цивилизованных народов, поедали тела их товарищей, чтобы спасти жизнь» [8]).

Примером может служить знаменитый процесс судна Mignonette (1884 г.), где спасшиеся в шлюпке 3 матроса убили и с'ели мальчика, через 4 дня были подобраны проходящим судном, отданы под суд и приговорены к смертной казни, замененной потом 6-месячной тюрьмой. Таким же был и аналогичный судебный Holmes-Prozesse в 1842 г. в

---

1) Каутский: От Платона до анабаптистов в «Предшеств. нов. социализма». СПБ. 1907, т. I. 143.

2) Bonnemère: Histoire des paysans. Paris. 1874. II. 235.

3) А. Исаев: Неурожай и голод. СПБ. 1892. 5—6.

4) Карамзин: История гос. Российского, т. XI. 1853. А. Ермолов: Наши неурожаи и продов. вопрос. 1909. Т. I. 10. Платонов: Лекции по русской истории. 1917. 249. Его же: Голод 1601 г. в «Артельном деле». № 9—16. 1921 г. Романович-Славатинский: Голода в России. Киев. 1892. 52.

5) Соловьев: История России. 3 изд., т. II. 740—42.

6) Голод. Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрона. Т. 17. 102—104.

7) См. Леонтович: Голодовки в России. Север. Вест., 1892. Апр.

8) Westermarck: Ib., II, 570.

Америке. То же имело место при крушении в 1816 г. «Медузы» [1]).

В Китае, в голод 1909 г., в провинции Nan-Sou питались человеческими трупами [2]).

Не обошлось без убийства и людоедства на почве голода и в наши годы в России. В Москве в 1920 г. муж убил жену на почве голода, варил из ее тела суп, делал жаркое, из ног—студень. Аналогичный же случай был в 1919 г. (по сообщению П. Г. Бельского) в Минской губ., где двое детей убили третьего и исподволь ели его. «В Бузулукском у., в с. Есиповке, одна крестьянка изрубила труп семилетней дочери и употребила его в пищу. В с. Андреевке голодающими с'еден труп женщины. Трупы воруются из амбаров, ночью раскапываются могилы и вырываются трупы» [3]). «В Тагауровкой волости (в Башкирии) башкир Ишбульда вместе с женой зарезали и с'ели труп 10-летней дочери. Немного погодя исчез и другой их ребенок. Такой же случай зарегистрирован в Стерлитамакском кантоне» [4]). В Поволжьи в 1921—22 г.г. пришлось ставить патрули на кладбищах, откуда таскали трупы для еды, а сами сообщения об убийстве других людей для еды стали столь частыми, что нет надобности и возможности их выписывать [5]). Поистине, сходные причины порождают сходные следствия. (А еще говорят, «история не повторяется»).

Не буду приводить дальнейших фактов. И так коллекция получилась достаточно длинная. Она красноречиво говорит, что в основе многих потрясающих поступков лежит простое количество калорий пищи, поступающей в организм человека. Вместе с тем, она же неоспоримо показывает факты подавления голодом рефлексов групповой самозащиты, усиленных вдобавок рядом других условных рефлексов.

Такова одна серия фактов. Ими дело не исчерпывается.

II. *Убийства родителей, детей, супругов и „ближних" на почве голода.* Дальнейшей серией фактов, говорящих о подавлении и ослаблении голодом рефлексов группового само-

---

[1]) См. Oetker: Notwehr und Notstand. Vergleichende Darstellung угол. права. Общая часть. Т. II, 328. Westermarck: Цит. раб., I, 285—86. Пашутин: 562. См. описание психологии возникновения и совершения людоедства в таких случаях у Э. Поэ: «Повесть о приключениях Артура Гордона-Пима из Нантукета. Собр. соч., СПБ. 1896, т. II, 68—72.

[2]) «Русск. Врач». 1909. 935.

[3]) «Красная Газета», 31 дек., 1921.

[4]) «П. Правда», 5 янв. 1922 г.

[5]) См. напр. «П. Правду». 10 ф., 26 м., 12 м. И. Ц. И. К. 29 янв. и др.

сохранения, служат убийства близких лиц на почве голода, которые не имели бы места без этой причины. Факты. «Убийства родителей обычны между номадами и вызваны суровостью жизни», в частности, голодом. «Во времена недостатка пищи для всех членов группы целесообразно, чтобы погибли старые и бесполезные члены, а не молодые и сильные» [1]). Hahn сообщает, что у готтентотов весьма часто старые родители покидаются этим бедным народом, не имеющим достаточно пищи для всех. Аналогичные факты констатированы у ряда других народов [2]). «В древнем Лациуме существовал обычай избиения престарелых людей, чтобы остальные не нуждались в продовольствии, ut reliquis cibaria sufficerent [3]). То же, как сейчас увидим, наблюдалось в эпохи голода и позже. Наряду с убийством родителей и старых, голод еще чаще вел к убийству детей и молодых. Он был одной из главных причин распространенного среди дикарей убийства детей. «Едва ли можно сомневаться в том, что детоубийство среди многих низших рас вызвано, главным образом, трудностью жизни. Ребенок мешает здесь матери следовать за мужем в поисках пищи. Жестоко и часто страдая от голода, дикари принуждены выбирать между убийством обузы—детей и голоданием. Они часто прибегают к детоубийству, как средству спасения своей жизни, при чем в ряде племен в случае голода дети не только убиваются, но и с'едаются» [4]). То же явление встречается и у ряда полуцивилизованных народов. «В беднейших областях Китая девочка часто убивается родителями сразу после рождения по причине бедности» [5]).

То же в голодные сезоны года встречается у арабов [6]), среди ряда индусских каст [7]), в старой Мексике „нуждающиеся родители могли располагать одним из своих сыновей, чтобы смягчить свою бедность“ [8]) и т. д. Сходные явления были и в России во время голодовок. Так, в 1230 г. „младенцы (брошенные) от пьс изъедаемы“, в голод 1230—31 г.г.

---

[1]) Westermarck: Цит. раб., I, 387—92.

[2]) Ibid., 390. Там же см. др. аналогичные факты. См. Летурно: Эволюция нравственности.

[3]) Лешков: Русский народ и государство. М. 1858. 454.

[4]) Westermarck: Цит. раб., 399—401. Спенсер: Основания социологии. 1898. СПБ. Т. II, 92 и сл.

[5]) Gutzlaff: Scetch of Chinese History. 1834. T. I. 59. Douglas: Society in China. 1894. 354 и сл.

[6]) Rob. Smith: Kinship and marriage in Early Arabia. 1903. 293.

[7]) Вестермарк: Ib. 407-8.

[8]) Clavigero: History of Mexico, 1807, т. I, 360.

„брат не жалел брата, отец и мать делались равнодушными к судьбе своих детей и сосед соседу не уломляше хлеба“ [1]), в голод 1726 г. „одна баба дочь свою от голоду кинув в воду утопила“ [2]), в „Пруссии, во время голода, родители убивали своих детей, дети родителей“ [3]), то же имело место в средневековые голодовки [4]) и т. д. То же наблюдалось и недавно при голодовках в Индии.

В 1876 г. в Бомбее „до суда дошло дело одного отца, размозжившего камнем черепа двух своих малых детей“. Он оправдывался тем, что сделал это из за трудности питания детей в голод [5]). В Мадрасе, во время голода 1876 г. „была выказана жестокая бесчеловечность матерей к их детям“ [6]). Не обошлось без детоубийств и в наше время.

Правительственные газеты сообщают, что в Самаре, в музее „собраны снимки с задушенных детей рукой обезумевшей матери“ [7]). Наряду с прямым убийством в еще большей мере голод вызывает косвенное убийство детей, путем их оставления на произвол судьбы, покидания, продажи и т. д., с одной стороны, с другой—разнообразное причинение им ущерба, вреда, страданий и лишений, говорящее опять-таки об ослаблении и подавлении родительских рефлексов. В „Законах Ману“, „Аджигарта, умирая от голода, готов был продать сына, чтобы купить пищи“ [8]), в „Никарагуа отец может продать своих детей в рабство в случае крайней нужды“ [9]), в Китае „во время голода“ за самое ничтожное количество с'едобного продавали жен и детей (в 80—90-х г.г. 19 века) и начинали драки, кончавшиеся убийствами из-за нескольких зернышек риса [10]), в Новгороде, в голод 1127 г. „отец и мати чадо свое всажаше в ладью даром гостьм“ [11]). „В средневековые голодовки нужда весьма часто заставляла

---

[1]) Лешков: Цит. раб., 455-56.

[2]) Соловьев: Ист. России, II, 876-77.

[3]) Цитович: Цит. раб., 55.

[4]) См. факты у Curschman'а. Цит. раб., Летописная хроника.

[5]) W. Digby. The famine compaign in Southern India. 1878, т, I. 349.

[6]) Ibid., I, 13-14.

[7]) „П. Правда“ №215. 1921 г., ст. Куделли „В деревнях (Татар. респуб.) многие убивают своих детей, за неимением выхода из положения“ „Дерев. Правда“ № 162. 1921. См. также: „Красная газета“ от 11 ноября 1921 г. Позже, в 1922 г. эти явления стали массовыми и сообщались чуть-ли не в каждом номере газеты. Приводить их нет надобности.

[8]) Исаев: Ц. р., 6.

[9]) Westermarck: Jb., I. 607, см. у него же др. факты.

[10]) Parker: China past and present. 1903. 387 и сл.

[11]) Лешков: Ц. р., 460 и сл., то же в 1230 г. Соловьев. Ист. России, т. I. 1219—20.

родителей продавать своих детей“ [1]). В голод 1032 г. в Византии „жители продавали детей“ [2]).

По словам летописца: „nec solum ignotos hoc tempore deficit misericordia, sed etiam inter affines sanguineque contiguos omnis clementia omnisque sublevatio denegatur, quum nec parentes filiis, nec filii parentibus in hac necessitate maxima volunt assistere, ipsisque licet habundantes vitae necessaria ministrare [3]), в Мадрасе в голод 1876 г. „каждый день можно было видеть на улицах Мадраса матерей, предлагавших своих детей, а the foundling section of the Monegar Choultry было полно детьми, подброшенными родителями иногда с отметкой недавнего рождения и подобранными полицией на дороге“. „В пятницу ребенок умер в моем убежище. Он был подобран на улице, будучи брошенным матерью три дня назад. В субботу другой ребенок умер от той же причины“ и т. д. [4]). В голод 1906 г. отмечены были случаи „продажи татарами Казанской губ. своих дочерей чуть не в рабство и во всяком случае на вывоз“, чтобы избавить их от голодной смерти, и самим, на вырученные за них деньги, прокормиться“ [5]). То же отмечалось в голод 1908 г. [6]). То же имело место и теперь. В 1921 г. „в городах Самарск. губ., родители приводят детей из деревень и бросают их на базарах и улицах. В базарные дни поступление безпризорных детей увеличивается в 2—3 раза. Увеличивается и подкидывание детей в учреждения охраны младенчества. В Самаре подкинутых было: в янв. 1921 г. — 10, февр. — 28, марте — 34, апреле—38, мае—70, июне—120, июле—142, авг.—450 [7]).

„Матери (на голодн. юге) уводят своих детей в соседние села и там бросают их на произвол судьбы“ [8]).

Подтверждением того же депрессирования голодом рефлексов групповой самозащиты служат далее убийства ближних, сочеловеков, вызванные голодом и без него не имевшие бы места, с одной стороны, с другой—причинение членам своей

---

[1]) Рошер: Цит. раб., 60.

[2]) Скабаланович: Визант. гос-во и церковь. 1884. 250.

[3]) Willelmi Procuratoris Egmond. Chr. Matthaei Analecta, II, 579. Curschman. Цит. раб. 213.

[4]) Digby: Цит. раб., т. I. 195, т. II. 147, 159 и др. „Маленьких детей они (матери) продают“, пишет Киплинг, в своем очерке „На голоде“ (в Индии). См. Собр. соч. изд. Сойкина.

[5]) Ермолов: Наши неурожаи и прод. вопрос. т. I. 415—16.

[6]) Рус. врач. 1908. 556.

[7]) П. Правда. № 192. 1921 г. „Дети в голодн. губерниях“.

[8]) Красн. газ. 31 дек. 1921 г. И. Ц. И. К., 12 ф. 22 г., Сам. Коммуна“, 1 дек.

группы разнообразных ущербов и страданий. Говоря это, я разумею не только акты убийства, грабежа, кражи, насилия и преступлений над согражданами, о чем речь пойдет ниже, но озверение людей вообще из за голода, проявляющиеся иногда, особенно у детей, в весьма четких формах. В такие времена поистине „сосед соседу не уломляше хлеба", исчезает misericordia, и человек человеку часто становится волком. По поводу и без повода люди набрасываются на других и убивают их.

Так, в голод 1070 г. у нас волхвы обвинили женщин. В итоге—их убийство. „Где придут в погосте, ту же нарицаху лучше жени, глаголюще, яко си жито держат, а си мед, а си рыбу, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены... И убивашета много жены". В голод 1024 г. „народ убивал старых женщин и рабов, говоря в оправдание „яко си держат гобино" [1]). Озверелые люди готовы видеть виновников голода в ком угодно, и искать спасения какими угодно мерами. Отсюда—погромы и убийства торговцев, первых попавшихся людей во время голода. Отсюда—ряд трагических обрядов, в виде убийства и жертвоприношения близких для спасения от голода, опять таки говорящие о том же депрессировании голодом рефлексов групповой самозащиты.

„Человеческие жертвоприношения часто представляют средство для приведения к концу опустошительного голода... Подобная практика имела место у древних греков, финикийцев, в Швеции, где принесли в жертву короля Домалди, у китайцев, во время 7-летнего голода при нашествии Tang'a, в Нижнем Бенгале в 1865—66 гг. приносили детей в жертву Шиве; то же было у древних перувианцев при наступлении неблагоприятной погоды, в Great Benin при сильном дожде, угрожавшем голодом" и т. д. [2]). То же, еще недавно было и в России. Так, в голод 1840 г. в Орловской губ., мужики, поверив, что для предотвращения голода нужна свечка из человеческого сала, убили Кожиена [3]).

Еще яснее ослабление „социальных" рефлексов в эпохи голода проявляется у детей и простых людей. Представление об этом дают следующие факты—одни из многих—из истории наших голодовок. В голод 1840 г. в деревне Орловской губ., почти все взрослые ушли побираться, оставив

---

[1]) Лешков: Ц. р., 454—55.
[2]) Westermarck: Ц. р., I, 442—444, там же др. факты.
[3]) Лесков: Юдоль. Полн. собр. соч., т. XXXIII. Изд. Маркса. 39—44.

детей, в частности двух девочек 13 лет. Им „покинули, сколько могли, корочек и охапки три хворосту, чтобы могли понемножку топить избу и оставили на волю Божию. Несчастные коротали дни одинокие в пустой и почти холодной избе“. Девочки навещали друг друга. Однажды одна привела в избу чужого барана. Девочки стали резать его. 10-летний сын владельца барана увидел это и обещал „доказать тятьке“. Девочка заманила его в избу и зарезала. Потом, в одной печке стали варить и убоину и жечь труп мальчика. Но хворосту не хватило и убийство открылось. Там же солдатка убила свою бабушку „богатею“, с целью воспользоваться ее деньгами и купить пищи. „И таких преступлений, поразительных по несложности их замыслов, по простоте и холодности их выполнения, было слышно очень много, и очень значительное число их осталось неисследованными и даже неизвестными далее своего околотка. Становые пристава за всем уследить не могли, корреспондентов тогда еще не водилось, а в губернских ведомостях все новости состояли только из распоряжений начальства. Особенно поразительна была холодность и какая-то легкомысленная жестокость в действиях, затевавшихся с голода“ [1]). При крушении „Медузы“ в 1816 г. аггрессивность у голодавших также возрасла. Они завязывали друг с другом драки. „В одной драке погибло 63 человека“ [2]).

Не обошлось без подобных фактов и при современной голодовке. Сколько их было — трудно сказать, но факты были. Благодаря любезности П. Г. Бельского, мне доставлено дело № 1143 (2104) комиссии о несовершеннолетних, обвиняемых в общеопасных действиях, от 25 июля, 1918 г. Обвиняемые Н. Г. Яковлев (11 лет) и А. Г. Яковлева (8 лет). Они убили двух братьев-близнецов в возрасте 1 г. 8 мес. Мать—судомойка лазарета. Отец—умер. В протоколе значится, что они сильно голодали. „9 июля мать, возвратясь из лазарета, ничего не принесла им. 10 июля мать ушла в лазарет, а Николай с сестрой стали сговариваться, чтобы убить братьев. Сестра стала на стороже, а Николай взял палку и сначала убил Шуру, снес в лес (в Лесном) и зарыл, а потом убил Васю, снес на то же место, руками выкопал вторую ямку и зарыл, зарыл плохо, ножки были видны, поэтому закрыл их тем черным, чем крышу закрывают“. На вопрос: почему же он убил братьев, Николай ответил: „рас-

[1]) **Лесков**: Там же, 39—52.
[2]) **Пашутин**: 562.

сердили они нас, надоели, нас из за них не кормили". Эта мысль ему отчасти была внушена со стороны. Приходивший к матери Власенков, „в беседе с Николаем часто говорил ему, что если Николаю и Анне живется плохо, если их плохо кормят, то только потому, что приходится кормить их младших братьев, если бы их не было, то Николая с сестрой кормили бы лучше". 9-го июля дальнейшее ухудшение питания, 10-го—реакция убийства. Слабые тормоза были сломлены [1]).

Это дело—одно из тысячи дел такого же рода в наши дни. И в прошлом и в настоящем, при слабости противодействующих тормазов, одна и та же причина—голод—вызывает одни и те же следствия. Довольно, однако, подобных «острых» доказательств. При желании их можно указать немало.

III. То же депрессирование выступает и выступало в сотнях других, более «мягких» фактов. Таковы факты: измены своей группе и переход из за хлеба в противоположный стан, (в наше время массовые переходы солдат и не солдат от «белых к красным» и обратно, из за булок и возможности поесть), факты шпионства из за денег и булок, факты религиозного, партийного и т. п. ренегатства из-за кормежки, факты убийств хорошо кормимыми жандармами и карательными экспедициями односельчан, факты отнимания у детей, получаемой ими пищи [2]), факты всевозможного штрейхбрехерства среди рабочих из за рубля или полуфунта хлеба, и тысячи других подобных фактов, где голод подавлял и ослаблял сознательные рефлексы группового самосохранения, где он заставлял прямо или косвенно причинять ущерб «своим» (государству, классу, семье, церкви, корпорации, партии и т. д.),—все это дальнейшее доказательство того, что в ряде случаев детерминатор голода депрессирует конфликтные с ним рефлексы групповой самозащиты. То же еще ярче в наши годы мы видим в поведении детей. В семьях и в приютах у многих из них наблюдалась патологическая жадность к еде. Они впадали в состояние аффекта гнева, злобы, раздражительности из за теплого места у печки или при раздаче порций передко отбирали пищу друг у друга, обшаривали шкапики в спальнях, производили мелкие продовольственные кражи из кладовой приюта, у персонала, ме-

[1]) Цит. по делу № 1143 (2104).
[2]) То же имело место в Индии. См. Digby: н. р., II. 159.

няли или отнимали порции у слабых, старшие лгали и обманывали» и т. д., т. е. совершали целый ряд актов нарушения рефлексов групп самозащиты [1]).

Таких и более «зверских» фактов теперь сколько угодно. То же самое проявляется не только в отношении к людям, но и к любимым животным. Прочтите, напр. путешествия Пири, Нансена, Миккельсена, Мюлиуса и др. по полярным странам. Когда приходил голод и есть было нечего, они принуждены были убивать и есть любимых собак, чего без голода не было бы.

Сказанного достаточно, чтобы признать этот тезис доказанным. Об обратных исходах этой дуэли и ее причинах—речь пойдет ниже.

§ 7. Депрессирование и ослабление голодом полового детерминатора и половых рефлексов.

Дальнейшим крупным детерминатором поведения людей является половой детерминатор, вызывающий при наличности соответственных раздражителей ряд разнообразнейших половых рефлексов и переживаний, начиная с переживаний «влюбленности» и актов искания, встреч и свиданий с объектом «любви» и кончая переживанием половой страсти (libido sexualis) и актами полового совокупления. In concreto акты, вызываемые этим детерминатором, могут быть весьма разнородны. Он «толкает» влюбленного домогаться, ухаживать за любимым человеком, совершать во славу его турниры, убивать на почве ревности, совершать преступления и подвиги; он гонит развратника в дом терпимости, несчастного влюбленного заставляет кончать самоубийством и т. д., и т. д. Словом, чистые и смешанные, простые и сложные (подобно пищетаксическим актам) половые рефлексы занимают значительную долю в общем бюджете человеческих актов. Механизм возбуждения чисто полового импульса, как субъективного переживания, и чистых половых рефлексов происходит, повидимому, благодаря раздражению «полового нервного центра», (аналогичного пищевому центру). Он возбуждается (аналогично последнему): 1) через кровь генолами или половыми гормонами, вырабатываемыми половыми железами (кровь, богатая ими, омывая систему полового нерв-

---

[1]) Аронович. О голодной детской дефективности 31.

ного центра, положительно возбуждает его), 2) рефлекторно, через периферические части полового нервного центра (безусловный рефлекс, напр., путем легкого механического раздражения половых органов) и чрез условные раздражители, воспринимаемые «органами чувств» (напр., чрез «соблазнительные» картины,—рисунки, фотографии, созерцание голого тела, предметов туалета другого пола и т. д., воспринимаемые зрением, чрез чтение «соблазнительных» романов, слушание соблазнительных речей, песен, «эмоциональной» музыки, обоняние запахов, напр., духов любимого человека и т. д., [1]).

Словом, целый ряд разнообразнейших предметов и явлений может быть безусловным и условным раздражителем безусловных и условных половых рефлексов—простых и сложных, чистых и смешанных. Взрослый организм [2]) в той или иной форме находится почти постоянно под воздействием таких возбудителей и должен был бы испытывать «перманентное» половое возбуждение, если бы не было многочисленных тормозящих раздражителей, угашающих возбуждение полового центра, а вместе с ним и половые рефлексы [3]).

Половой детерминатор и вызываемые им половые рефлексы нередко оказываются антагонистичными детерминатору и рефлексам голода. Те и другие оказываются одновременно несовместимыми. Голод толкает к одним актам, половой импульс—к противоположным. Наступает конфликт и борьба детерминаторов, в исходе которой один из них должен быть подавлен. Наблюдение и эксперименты показывают, что голод нередко выходит из этой дуэли победителем. Победа его выражается прежде всего в том, что 1) половые рефлексы не совершаются, чего не было бы, если бы не было голода, 2) ряд половых актов механически, без полового импульса, совершаются «из за хлеба насущного», т. е. превращаются в форму пищетаксического акта, чего не было бы, не будь прямого или косвенного влияния голода, 3) половой рефлекс извращается, принимает неестественную форму под прямым

---

[1]) См. Немилов. Цит. ст., 88—89, Landois-Rosemann. Цит. раб., 705—06. Сеченов. Физиология органов чувств. 1867. 5 и сл.

[2]) Теория Фрейда, усматривающего множество сексуальных рефлексов у человека чуть ли не с момента его появления на свет, уже в силу необъятного расширения понятия сексуальности (autoerotismus и нарциссизм ребенка), в котором поэтому теряется все сексуальное, едва ли может быть признана удачной.

[3]) См. общую характеристику влияния полового детерминатора на поведение людей у Сорокина. Общедост. учебн. социологии, 144—157.

или косвенным давлением голода, каковое извращение без последнего не имело бы места.

Но этими следствиями дело не ограничивается: чрез них голод влияет и на следствия полового акта: 1) на движение кривой плодовитости и рождаемости, 2) на жизнеспособность потомства, зачатого и рожденного в период голодания родителей. Таковы явления депрессирования голодом полового детерминатора.

Эти эффекты голодание вызывает двумя основными способами: 1) «лобовой аттакой», прямо подавляющей половой аппетит и половые рефлексы, 2) «тихой сапой», путем медленного истощения организма, изменения секреторной деятельности половых желез, изменения крови и постепенного ослабления полового аппетита и половых физиологических процессов.

Подтвердим выставленные положения.

А. Факт возможности конфликта пищетаксических и половых рефлексов следует прежде всего из того, что системы половых органов и органов питания резко различны и находятся между собой в конкурентном отношении. Выполнение половых рефлексов стремится превратить весь организм в половой аппарат, сосредоточить, так сказать, всю его энергию на органах и актах размножения, делая организм средством для этого. Задача утоления голода стремится преобразить весь организм—в аппарат питания, его энергию и функции приспособить исключительно для этой цели. Каждый из детерминаторов стремится превратить организм, как «чек на пред'явителя», в свой «именной чек». Как правильно замечает Л. И. Петражицкий «половое возбуждение (возбуждение полового нервного центра. П. С.) направляет запасы крови и вообще жизненную энергию в противоположную (по сравнению с голодом) сторону организма. Совсем «посторонние» в области действия голода органы здесь приобретают роль главных и специальных органов моторного возбуждения, являются местом усиленного притока крови и т. д. Напротив, слюнные железы, крайне важные органы в области питания, здесь получают характер совершенно посторонних органов и получают, так сказать, временную отставку, тем более решительную, чем сильнее порыв полового возбуждения» (отсюда, пересыхание горла, губ и т. п., хриплость голоса, вследствие ненормальной сухости голосовых связок и т. д.) [1]. Таким образом, получается кон-

[1]) **Петражицкий**: Введение. 241—42.

куренция этих претендентов на один и тот же об'ект—организм. Следствием ее служит борьба их друг с другом, в которой один из них должен быть подавлен и на время исключен. Суб'ективно эта несовместимость их проявляется в несовместимости сильных переживаний пищевого и полового аппетитов. При наличности сильного переживания голода исчезает переживание полового аппетита, и обратно. Перед нами как будто механизм с двумя клапанами: когда начинает нагнетать пищевой голод и открывается клапан пищевого аппетита-голода, клапан полового возбуждения закрывается, и обратно.

Наблюдение и самонаблюдение показывает, что голод нередко побеждает конкурента. С момента появления интенсивных переживаний голода (т. е. с возбуждением пищевого центра) раздражение полового центра тормозится. Привычные возбудители полового аппетита начинают возбуждать слабее и слабее. «Соблазнительные желания» бледнеют или исчезают, переживания сладострастия гаснут. Голод «лобовой атакой» подавляет половые переживания и рефлексы. Если же абсолютное или сильно дефицитное голодание длится дольше, его депрессирующее влияние становится еще более решительным: в этом случае половой импульс и рефлексы решительно тормозятся и исключаются. Конечно, фактически этот процесс не так прямолинеен и прост: кривая напряженности полового импульса идет более сложным путем, возможно даже, что в начале голодания она делает скачек вверх, и идет вообще зигзагами.

По крайней мере, так думать заставляют некоторые эксперименты над кроликами, по опытам Рудольского в первый период голодания не обнаруживавшими понижения полового аппетита. На этом основании Пашутин, учитывая вдобавок факт повышенного полового аппетита чахоточных, склонен допускать скорее усиление голодом половых рефлексов, по крайней мере, для самцов [1]). Однако, с таким мнением согласиться нельзя. 1) Из описания опытов же Рудольского (см. ук. стр. Пашутина) не видно усиления, а в лучшем случае—видно лишь не уменьшение половых рефлексов. 2) И то на первой стадии. С ростом голодания он нотирует полную потерю половой способности. 3) Опыты Угрюмова, приводимые Пашутиным же, говорят, что при сильном голодании «самцы были уже неспособны оплодотворять и даже иметь coitus, относясь к самкам совершенно

[1]) Пашутин: 55—6, 360, 632.

пассивно», а при потере 26% веса, самцы оказывались недействительными в роли производителей. [1])

Вывод отсюда тот, что повышение полового аппетита возможно — и то не всегда — лишь в первых легких стадиях голодания, когда — как при лабораторной обстановке — животное или человек не принужден заботиться о пище и бояться голодной смерти. При наличности же этих условий—едва ли возможно и такое повышение.

В общем же, кривая напряженности полового импульса, с усилением дефицитности и продолжительности голодания, идет к низу, стремясь к нулю. Голод здесь «тихой сапой» гасит половые рефлексы.

Доказательства: 1) Это следует из механизма возбуждения половых нервных центров. Они возбуждаются генолами или половыми гормонами, вырабатываемыми половыми железами. Материалы для этого последние получают из крови. Кровь получает его из пищи. Если последняя перестает поступать в организм, кровь меняется, прекращается доставка материала для половых желез: им не из чего становится вырабатывать генолы. С уменьшением последних—уменьшаются возбудители полового центра через кровь, а посему—слабеют и половые импульсы. Правда, половые железы, как особенно показывает пример рейнского лосося, в первое время могут заимствовать материал из тканей тела. Но этот резервуар не бесконечен, он истощается, а потому, рано или поздно, угасание половых рефлексов наступает. Для возбуждения остается путь рефлекторный. Но и он, повидимому, делается малодейственным. Голодное возбуждение пищевого центра, повидимому, тормозит рефлекторное возбуждение полового центра, химически изменившаяся кровь—плохой возбудитель. А отсюда понятна неизбежность ослабления половых рефлексов и даже рост трудности совершения coitus'а.

2) О том же говорят ряд других опытов и изследований над состоянием половых органов при голодании. Опыты Пояркова над кобелями, потерявшими при 3-х месячном голодании один 15, а другой 11 ф. веса, говорят, что количество семени, добывавшееся онанированием с 10 капель при сытости упало до 2 капель после голодания, при дальнейшем откармливании оно опять вернулось к норме. Число спермиев при голоде упало с $1^1/_2$ миллиардов до нескольких сот тысяч, при этом голодные спермии были менее

---

[1]) Ib., 1604.

жизнеспособны, часть—уродлива и недоразвита. На основании этого автор даже допускает возможность кастрирования собак путем голода [1]).

Сходные результаты получил Morgulis над Diemyctulus viridescens. У них, благодаря голоду, «яичники и яйца оказались уменьшенными в об'еме» [2]).

По опытам Stoppenbrink'а, у Planaria и Dendrocoelum при голодании «наблюдались особенно ясно процессы дегенерации половых органов, до полного регресса последних» [3]).

По Loisel'у, у собаки, после 26 дней голодания, «сперматогенез целиком прекратился в большинстве семенных канальцев» [4]). То же констатировал для голубей Grandis [5]); для тритонов Heidkamp (длина яичника упала с 21 м.м. до 16 и 10 м.м., диаметр яйцепрохода с 1 м.м. до 0,5 м.м., диаметр зрелых яиц с 1.3 м.м. до 0.25 м.м. и т. д.).

Дегенерация половых органов, сперматогенеза и т. д.— доказательство разрушающего влияния голодания на половые рефлексы. Эти экспериментальные данные мы с основанием можем перенести и на человека.

3) О том же влиянии качества и количества пищи в указанном направлении говорит и ряд данных житейского опыта. Уже давно замечено, что мясная пища сильнее возбуждает половой аппетит, чем растительная, алкоголь — общеизвестный возбудитель половых импульсов; в Италии широко практикуется блюдо из особых креветок для этой цели и т. д. Богатство пищи такими элементами, с одной стороны, и бедность ее — с другой, влекут усиление или ослабление половых рефлексов. Количественно-качественная бедность ее при голодании не может не вызывать депрессию последних.

4) То же говорят наблюдения, в частности, клинические данные, над поведением людей в голод 1918—19 г.г. «Должно отметить, говорит В. Шервинский, некоторые уклонения от нормального состояния в половой сфере, (вызванные относи-

---

[1]) Н. Поярков: L'influence du jeûne sur le travail des glandes sexuelles du chien. Compt. rend. hebd. des seances de la soc. de biolog. T. 74. 141—43. 1913.

[2]) S. Morgulis: Studies of Inan. in its bearing upon the Probl. of Growth и Studien über Inanition в Arch. f. Entwicklungsmech. d. Organismen. B. XXXII. H 2. и B. XXXVI. H. 4. 179.

[3]) Stoppenbrink: Der Einflus. Ernährung и т. д. Zeitschr. f. wiss. Zool. B. 79. S. 543.

[4]) Loisel: Influence du jeûne sur la spermatogenèse. Compt. R. et Mem. Soc. biol. T. 53. 836.

[5]) Grandis: ст. в Arch. ital. Biol. 1889. v. 12. 214—22.

тельным голоданием). У мужчин наблюдается понижение полового аппетита и иногда очень значительное; у женщин нередко наблюдается аменорея (прекращение регул) в течение двух-трех месяцев». Все это связано с изменением деятельности органов внутренней секреции, вызванным частичным голоданием. «Исчезновение регул надо свести на угнетенную деятельность яичников, а понижение libidinis— на понижение функций семенных желез» [1]).

У нас, «начиная с сентября 1917 г., число случаев аменорреи возрастает и к сентябрю 1918 г. оно достигает 2.5% (вместо 0.4% в 1915 г.), но особенно быстро оно растет с сентября 1918 г. по сентябрь 1919 г. (6%)». Основная причина их—голодание вместе с тяжелой физической работой. О том же говорят и сезонные колебания числа аменорреи [2]). С другой стороны, выше было указано, что половая зрелость (первая менструация) наступает раньше у хорошо питающихся слоев (богатых) одной и той же расы. (См. выше, стр. 79). См. также некоторые факты у Waitz'а. Ц. р. 125—126.

5) О том же свидетельствуют некоторые социальные методы борьбы с «половым соблазном», издавна практиковавшиеся и практикующиеся людьми, на житейском опыте давно уже понявшими депрессирование голодом половых импульсов и рефлексов [3]). Говоря это я разумею, прежде всего, методы борьбы с половым грехом аскетов. Основной рецепт их на этот счет гласит: «Изнуряй свою плоть постом (т. е. голоданием) и молитвами». «Воздержание от мяса и вина и от всего, что вызывает половые сношения, . . . известно было уже со времен Пифагора». «Первые христиане рекомендовали воздержание от вина и мяса, как ради по-

---

[1]) В. Щервинский: Современное питание. «Природа». 1919 г. № 4—6. 194. См. также Гудим-Левкович: Функцион. аменоррея; одной из ее причин он выставляет также недоедание. Nilsson, изучавший аменоррею в Стокгольме за время войны, указывает также, что «в период наиболее увеличившихся случаев аменорреи отмечалось изменение характера пищи».

Nilsson: Об аменоррее во время войны. Zbl. f. g. № 32. 1920. Обе статьи беру из Рефер. Мед. Журнала. № 2. 97—99.

[2]) Окинчиц: Влияние войны и революции на половую сферу женщины. Врач. газета. № 1. 1922.

[3]) Вообще нужно сказать, что на практике люди познали множество явлений (напр., гипнотизм, методы воспитания и социального влияния— Лойола и иезуиты, — ряд явлений в области питания, лечения и т. п.) гораздо раньше, чем их «открыла» и «осознала» теоретическая наука.

каяния, так в особенности ради подавления стимулов, толкающих к плотскому греху». [1])

В списке 7-ми смертных грехов Кассиана первым идет чревоугодие, вторым—плотский грех. Серапион говорит, что этот ряд образует причинную цепь, где эксцесс в чревоугодии вызывает плотский соблазн. «От избытка пищи происходит половой грех (fornification). Живот, набитый всякого рода пищей, рождает похоть,—говорит Кассиан... Пост — средство избегнуть его. Пост побеждает страсти. Пост спасает от полового греха и нечистоты». [2])

То же рекомендовалось Августином, Тертуллианом и др. отцами церкви [3]).

То же рекомендовалось у ряда древних народов и аскетов—нехристиан. «Пост практиковался по разным поводам». «Одним из них было желание предупредить половой грех и поллюцию (prevents pollution)». «Пост—начало чистоты» [4]). В этих целях применение поста мы находим у множества нехристиан—аскетов [5]). Такая практика—не случайна и не бессмысленна, она, как известно, нередко практикуется и теперь в разных случаях. В связи с сказанным—она лишнее доказательство очерчиваемой связи голода и половых желаний.

6) Ряд опросов, произведенных мной в 1919—20 г.г., с одной стороны, самонаблюдение многих лиц, с другой, говорят о том же ослаблении полового аппетита и половых рефлексов при длительном и дефицитном голодании. Опрошенные лица, достаточно сильно голодавшие, на поставленный вопрос дали утвердительное решение [6]).

---

[1]) Pareto: Trattato di sociologia generale. T. I. 696—697. 1916. См. 693—753 и 595—624.

[2]) J. O. Hannay: The spirit and origin of christian monasticism. Лонд., 1903. 136—141.

[3]) См. St. Augustine. Enarratio in psalmum. XLII. 8. Migne. Patrologiae cursus. Parisiis. 1845—49. т. XXXVI. 482. Tertullian. De jejuniis, De ressurrectione carnis. 8. Opera omnia. Migne. Patrol. cursus. 1844. II. 806. См. Manzoni, Osservazioni sulla morale cattolica. 175. 1887. Firenze.

[4]) Вестермарк. Цит. раб., II. 292—95. См. у него же главы: Restrictions in diet, Asceticism, Celibacy. См. Zockler: Askese und Moenchtum. 1897.

[5]) Kern. Histoire du Buddhisme dans l'Inde. Paris. 1901—1903. Изучатель Веды «должен воздерживаться от соли, меда, мяса, пряностей и вина. Отшельник живет в лесу, питаясь кореньями, плодами и практикуя аскетизм», т. II, 3—4, 14—16 и др. См. также Четьи-Минеи, жития Антония Великого, Пахомия и др. аскетов. См. соотв. предписания в «Законах Ману». СПБ. 1913, гл. 11. 180 стих и сл.

[6]) Такие же свидетельства мы имеем и в литературных произведениях. «Ах! в настоящее время у меня не было ни малейшей охоты, говорит герой

7) Наконец, о том же говорят и обратные свидетельства. Уже у дикарей «короборри» и свальный грех наступает после обильного ядения и пиршества. «Дикари сопровождают всякое пиршество разгулом и беспорядочным половым общением. Возбужденные плясками, они предаются свальному греху всякий раз, когда удачная охота, победа над соседним племенем и т. п. доставляют им в изобилии сытную пищу» [1]). То же в известной степени имеет место и позже. В ряде литературных памятников, напр., «в Тысяче и одной ночи», в «Илиаде» и «Одиссее», в «Магабгарате», в «мифах», «былинах» и сказках герои, прежде чем «насладиться любовью», обычно утоляют сначала голод (иногда моются) и только после этого уже идут на ложе супруга или возлюбленной. То же рисуется и в современных художественных произведениях [2]). В русских деревнях максимально напряженными моментами половой жизни являлись и являются храмовые и другие праздники, сопровождаемые особенно обильной едой и пиршеством. И пища, и алкоголь здесь действуют совместно в деле поднятия полового аппетита. В современных городских ресторанных «ужинах» мужчины и женщины, как показывает уже само слово, половому акту предшествует еда. Если бы можно было произвести статистическое обследование вопроса: когда, до или после утоления голода-аппетита чаще всего совершаются половые акты, то с большой вероятностью можно предсказать, что, ceteris paribus, цифра «после утоления голода», значительно превзошла бы цифру «до утоления голода».

Этот факт уже давно был замечен многими, в частности, физиологами. Половая страсть достигает своего максимума и толкает к половым актам во времена наиболее сытые, когда отношение между приходом и расходом энергии в организм наиболее благоприятно [3]). Отсюда некоторые лица,

---

Гамсуновского «Голода», отказываясь от приглашения уличной девушки пойти с ней; девушки стали для меня почти, как мужчины: нужда иссушила меня». Гамсун. Собр. соч., т. II, 78.

[1]) Харузин: Этнография. Семья и род. 55—56.

[2]) Напр., в «Бродяге» Мопассана герой насилует девушку после еды. Пока он был голоден, у него не возникало подобных желаний. Замечу, кстати, что прием обильной пищи после голода, повидимому, особенно сильно возбуждает половой центр. И вообще, повидимому, есть какая то более тесная связь между наполнением кишечника и возбуждением полового аппетита. Возможно, что наполнение пищей первого и переполнение его сосудов кровью ведет «симпатически» к кровенаполнению и полового аппарата.

[3]) См. напр., Wagner, Handwörterbuch der Physiologie, ст. Leuckart'a, B. IV, S. 862. Gruenhagen: Lehrbuch d. Phisiologie. 1885—87. B. III. S. 528.

как напр., Leuckart, сделали заключение, что у животных периоды течки и спаривания совпадают с моментами, наиболее благоприятными для добывания пищи (весной и летом). Хотя такое положение требует ограничений и не всегда верно, ибо, как показал Вестермарк, эти периоды у разных животных бывают в разное время; здесь имеют значение не только интересы родителей, но и интересы выживания потомства, в процессе естественного отбора локализировавшие моменты течки к таким периодам года, когда по истечении срока беременности рождающееся потомство может встретить наиболее благоприятные условия для своего выживания; тем не менее, соответственная корелляционная зависимость между периодами течки и периодами наилучшего питания в году родителей с одной стороны, и их потомства с другой, едва ли может быть оспариваема. Сам Вестермарк, оспаривающий гипотезу Leuckart'а, приводит достаточное число фактов, ее подтверждающих, раз, и собственно вводит в нее вполне резонную поправку о моменте наиболее благоприятном для выживания (а след., и питания) потомства, а не опровергает ее приведением обратных фактов, два [1]). С этой поправкой, этот факт совпадения во многих случаях периода течки с периодом наиболее лучшего питания в течение года (сезон этот разный для разных животных), служит общим доказательством правильности устанавливаемой связи. При этом характерно и то, что, с улучшением питания и с его обеспеченностью в течение всего года, лошадь, корова и др. домашние животные получают способность спариваться и обнаруживают половой аппетит весь год. «Женские особи (наших домашн. живот.), жившие в диком состоянии, приходят в состояние сильного полового возбуждения — течки — в особенности во время обильного питания, чаще весной и осенью, когда они находят много хорошего корма. При нашем, более или менее искусственном содержании домашних животных, когда они часто и избыточно питаются, эти условия уничтожаются и животные ощущают половой голод значительно чаще, почти в течение всего года; однако, наиболее сильное половое влечение—пора главной течки—бывает весной, а также осенью», (в марте—июне, и сентябре—ноябре [2]). У современного человечества нет ни самой течки, ни определенно

---

[1]) См. Westermarck. Geschichte d. menschlichen Ehe. Berlin 1902. 19—32.

[2]) Гагеман: Физиология домашних животных. СПБ. 1908. 232—33.

выраженных ее периодов. В современном обществе, освободившемся в смысле питания и условий выживания потомства от прямой зависимости природы, они, согласно этой гипотезе, и быть не могут. Люди теперь спариваются во все сезоны года, ибо физиологических препятствий для этого нет, а в общем и целом, средства пропитания себя и потомства в индустриальных, а также и в земледельческих странах, зависят не столько от времен года, сколько от множества других условий, независящих от них и не локализирующихся в определенные сезоны года. Раз у домашних животных это условие вызвало возможность спариваться в любое время года, то тем более это должно было получиться у человека. Но это явление нисколько не мешает гипотезе, допущенной и подкрепленной Вестермарком, что 1) «времена спаривания наших отдаленных человеческих и получеловеческих предков, как и у животных, были ограничены определенными временами года», (правильнее сказать: их спаривание всего интенсивнее происходило в определенные сезоны года, ибо, об «ограничении» спариваний человека сезонами едва ли может итти речь), 2) что пережитки этого явления мы должны наблюдать у дикарей, живущих на лоне природы и мало затронутых «цивилизацией», а слабые пережитки—отчасти и у современных людей [1]. И действительно, у дикарей такие периоды мы находим. «Подобно животным, дикие имеют определенные сезоны для спаривания», говорит Oldfield. Такие периоды констатированы у ватшандиев, тасманийцев, у ряда горных индейских племен, у санталов, у pundschas, котаров, готтентотов, у древних римлян, новокаледонцев [2]), австралийских негритосов и др. Исторические свидетельства [3]) о том,

---

[1]) Westermarck. Jb. 21—22.

[2]) См. Westermarck: Jb. 22 и сл., B. Spencer and Gillen: The northern tribes of central Australia. 1904. 20 и сл., гл. IV; Их же: Native Tribes of Central Australia. 1899, гл. о короборри; остальные источники см. у Вестермарка.

[3]) См. Харузин: Этнография. Семья и род, 50 и сл. Вестермарк: Jb. 23 и сл., Mannhardt: Wald. u. Feldkulte. Berl. 1875. B. 1, гл. 5. У нас, как видно еще из свидетельств XIII и XV в.в. было два периода таких празднеств: одно в июне, другое—в навечерие Рождества и Крещения. В правиле митроп. Кирилла говорится, что в Троицкую субботу, по обычаю новгородцев, «собираются вместе мужи и жены и играют бесстыдно и скверну творят». В послании Памфила (1505 г.) говорится, что в ночь под Иванов день «мало не весь град взмятется и взбесится... стучат бубны и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание,... хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прельщение и падение; но яко на женское и девическое ша-

что они имели место в древности и у современных европейских народов, точно также имеются и делают их бытие несомненным. Об этом говорят древние праздники, в роде Ярилина дня, Ивана Купалы или Коляды у нас, аналогичные же праздники и у других народов, напр., по данным Mannhardt'a, у древних немцев, англичан, эстонцев и др. европейских народов.

Если верно, что периоды течки у животных находятся в связи с периодами обеспеченности в пище, то то же должны мы найти и здесь. И действительно, в большинстве случаев, эти моменты усиленного полового спаривания у диких племен совпадают с временами расцвета природы и наибольшей обеспеченности в пище.

Кроме того, у этих дикарей перед такими празднествами делаются обильные запасы пищи. Свальный грех наступает после обильной еды, питья, плясок и религиозных церемоний—совпадение также не случайное.

«Около половины весны, когда Jamswurzel в полной силе, когда детеныши всех животных имеются в изобилии, когда яиц и др. видов пищи много, приступают ватшандии к выполнению их великого, полурелигиозного «Саа-чо» празднества, которое предшествует совершению обязанности воспроизведения потомства» [1]). В такое же время совершается праздник размножения у тасманийцев, [2]) у Hos,—инд. горного народа, такой праздник бывает в январе, «когда амбары полны зерна, и народ, по его собственному выражению «voller Teufelei» steckt [3]) У австралийских племен, исследованных В. Спенсером и Гилленом, такие сатурналии, называемые короборри, опять-таки совпадают с сезоном расцвета природы, когда растения после сезона дождей расцветают, животная пища оказывается в изобилии и т. д. [4]). Словом у целого ряда народов такие периоды усиленного спарива-

---

тание блудное им воззрение, такоже и женам мужатым беззаконное осквернение и девам растление»; в Стоглаве говорится, что в эти дни «сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание... и на богомерзкие дела и бывает отрокам осквернение и девам растление». Цит. по Харузину. 50—51.

[1]) Oldfield. The aborigines of Australia, Transactions of Ethn. Soc., New Series, т. III, с. 230.

[2]) Bonwick: Daily Life and Origin of the Tasmanians. Lond. 1870. 198.

[3]) Westermarck. Ib. 23.

[4]) См. цит. раб. Б. Спенсера и Гиллена, описание короборри, брачных обрядов. и обрядов, в роде Intichiuma ceremonies.

ния (разные, конечно, для разных широт и долгот) совпадают с периодами наиболее сытыми в году.

У современных народов такой регулярности, конечно, нет и быть не может, ибо питание их ровно в течение года и не подвергается резким колебаниям, как у дикарей, в зависимости от времени года. Но и здесь на ряде фактов и совпадений можно подметить эту зависимость полового аппетита от сытости. И здесь, ряд статистических данных говорят, что моменты усиленного питания и слабой траты энергии, повидимому, сопровождаются повышением полового аппетита, моменты «поста»,—его ослаблением. Это подтверждает прежде всего статистика брачности и рождаемости (см. ниже). Здесь ограничусь лишь отрывочными фактами.

Об этом говорит, во-первых, степень участия в половых преступлениях богатых и бедных классов. Первые—«с жиру бесятся». «Хотя к их услугам организован ряд тайных притонов даже самого грубого, противоестественного и уголовно наказуемого разврата, несмотря на это, уголовная статистика рисует грязь половой жизни состоятельного класса. В Германии половые преступления занимают в преступности чиновников и лиц либер. профессий первое место, у рабочих и поденщиков—седьмое» [1]).

То же свидетельствуется и статистикой брачных и внебрачных зачатий, вычисляемых по времени и числу рождений, То и другое, конечно, зависит от многих факторов. Но в ряду их, по словам Эттингена, «цена на с'естные продукты имеет свое значение». Эта статистика для европейских стран дает для декабря (святки, когда люди хорошо питаются) для апреля и мая,—(праздники Пасхи) неизменно повышение зачатий, для марта (время поста) — понижение зачатий. «Май и декабрь оказываются плодовитейшими месяцами зачатий», и они же в христианских странах и месяцы об'ядения. «В марте, напротив, зачатия падают до минимума, несмотря на климатически благоприятное время [2]),

7) То же мы увидим ниже при изучении движения браков и рождений в зависимости от колебания питания.

На основании всех этих данных мы можем считать тезис о депрессировании голодом половых рефлексов доказанным [3]).

---

[1]) Гернет: Преступление и борьба с ним. Изд. Мир. 392.

[2]) Oettingen: Цит. раб., 303—307. Там же см. цифры Levasseur: La population francaise. Paris. 1891. v. II. 21—22.

[3]) Некоторые факты, с первого взгляда, как будто протиревочащие этому тезису, противоречат ему только с виду. Таковыми в частности, являются:

B) Следующей категорией фактов влияния голода на половые рефлексы служит—в применении к женщинам—факт совершения половых рефлексов „механически“, без внутреннего импульса и аппетита. В этих случаях половые рефлексы превращаются в одну из форм пищетаксических актов, становятся средством добывания пищи, т. е. в иной форме под-

---

1) наблюдающийся за эти годы факт «половой разнузданности» городского, а частично и деревенского населения Р. С. Ф. С. Р., выступающий в необычайно высоком коэффициенте брачности, в ранней половой жизни юношества, в половой распущенности многих людей вообще и т. д.: 2) факт меньшего плодородия богатых классов по сравнению с бедными. О втором факте, как и коэффициенте брачности России за эти годы речь пойдет ниже. Что же касается половой распущенности, то, а) в мужской половине она проявляется главным образом в группах, сравнительно мало голодающих (богатые дельцы, спекулянты, высокооплачиваемые спецы и т. п.); остальным «не до жиру, быть бы живу»; в) в женской половине, как сейчас увидим, повышение «половой жизни» представляет в большинстве случаев не что иное, как прямое или косвенное проституирование себя «за кусок хлеба», «паек» и лакомства, (плюс,—другие блага), т. е. совершение половых рефлексов без внутреннего импульса, а механически, что возможно для женщин («содержанки наш. времени»); с) немалую роль в этом повышении сыграл и факт отпадения и ослабления других тормозов, в виде условных тормозящих рефлексов религии, права, морали, общественного мнения, семейного позора и бесчестия, угрозы наказанием и т. п. тормозов, с революцией подвергшихся переоценке и об'явленных ею «вредными и глупыми предрассудками». С их отпадением пала узда, сдерживавшая половые рефлексы. Это отпадение их во многом компенсировало то ослабление полового аппетита, которое вызвано было голодом. Что первый потерял от второго, он возместил в известной мере за счет отпадения этих тормозов. Это отпадение имело место и при других революциях 19 в. и приводило к той же распущенности. И Эттинген, и Ваппеус, и Энгель и др., констатировали резкий под'ем изнасилований, половых преступлений и внебрачной рождаемости в 1849 г. Напр., внебрачные рождения в 1849 г. в Саксонии были больше на 14—15% против 10 летней средней нормы до этого года; attentats aux moeurs во Франции со 100—200 поднялись до 500 и т. д. См. Oettingen: цит. раб.; 240. То же было и при французской революции 1789 г. «В Париже в течение 20 мес. после зак. 1792 г (сентябрьск. зак. о разводе) суды постановили 5994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. Число брошенных (внебрачных) детей не превышало в 1790 г. 23.000, в X г. было более 63.000. Число подкидышей увеличилось до крайней степени». «Не редкость видеть детей 13—14 лет, говорящих и ведущих себя так, что такое поведение было бы скандальным раньше и для 20-летнего человека». См. об этом ниже в гл. Голод и естеств. движение населения; H. Taine: Les origines de la France contemporaine, 1885. t. III. 103. То же было и у нас в годы революции 1905—6 и следующие за ними в 1907—8 г. г. Вот почему не удивительно было бы и общее повышение половой жизни, несмотря на голод. Но, повторяю, это повышение было не общим, а локализовалось главным образом—для мужчин—в среде сравнительно сытых групп, повышение этих рефлексов среди женщин, согласно сказанному, говорит именно о проституировании их из за хлеба насущного.

чиняются детерминатору голода, и своеобразно побеждаются им. Не будь его, многие из таких актов не имели бы места.

Голод толкает на их совершение, как он в смешанно-сложных пищетаксических актах заставляет писать статью, читать лекцию, рубить дрова, копать гряды, поступать в услужение, чтобы заработать хлеб насущный. „Есть то, ведь, нужно",... и за паек или фунт хлеба женщины, иногда с отвращением, отдаются покупателю, идут в „содержанки", в „дома терпимости", в „любовницы" и т. д. Такая продажа и самопродажа девушек и женщин наблюдалась чуть не при всех крупных голодовках [1]). Et ecce, говорит средневековый хроникер, quod magis est, conjuges divina ordinatione una caro existentes sibi invicem deficiunt, et inter eos victu parvi muneris thori fideli as violatur [2]).

Таких свидетельств можно привести не мало. Приведу для иллюстрации факты, описываемые Лесковым в его воспоминаниях о голоде 1840 г. в Орловской губ. Они картинно рисуют то, что повторялось и повторяется при сильных голодовках. „Кошкодралам бабы и девки тогда продавали „свою девичью красу", т. е. свои волосы и весьма часто женскую честь, цена на которую за обилием предложения пала до того, что женщины и девочки, иногда самые молоденькие, предлагали себя сами, без особой приплаты в „придачу к кошке". Если кошатник не хотел брать дрянную кошку, то продавщица стонала: „купи, дяденька, хороший мой; я к тебе в сумерки к колодцу выйду". Кошачья шкура была товар, а хозяйка—придачей. И этот взгляд на женщину уже не обижал ее: мучения голода были слишком страшны... Вообще крестьянские женщины тогда продавали свою честь за всякую предложенную цену, начиная с медной гривны, но покупатели в деревнях были редки.

Более предприимчивые и приглядные бабы уходили в города „к колодцам". И у себя в деревнях молодые бабы выходили вечерами постоять у колодцев, особенно у таких, на которые поворачивают проездом напоить коней прасолы, ямщики или кошкодралы, и тут в серой мгле повто-

---

[1]) Это доказывается прямо древними правовыми сводами, где такое проституирование из за голода упоминается и иногда признается безнаказанным. См. напр., зак. Хаммурапи, ст. 133—135. Зак. Ману, гл. 9, ст. 74.

[2]) Curschman. Op. cit. 213. Там же в летописной хронике см. другие свидетельства.

рялось то, что было в оны дни у колодца Лавана... И все это буквально за то, чтобы „не околеть с голода“... „В этом отношении в Орле прославились крытые колодцы у Михаила Архангела и Плаутин, затем женщины ютились по пустым баракам...

Срам был открытый, но его никто не вменял в преступление. Старшие семьянинки сами склоняли молодых к тому, говоря: „чего так то сидеть: надо сойти в город у колодца раздобыться“... Молодайки уходили—и бойкие из них прямо говорили: „чем голодать—лучше срам принять“. Когда они возвращались от колодцев, их не осмеивали, не укоряли, а просто рассказывали: „такая то пришла... в городу у колодца стояла... раз‘елась, стала гладкая“ [1]).

Аналогичные факты отмечались еще в голод 1906 г. Массовое проявление их мы видим и теперь на населении Петрограда, Москвы, других голодных городов и голодающих деревень. Появился целый класс содержанок, открыто живущих с „кормильцами“ в их квартирах, а сколько их имеется в качестве случайных „гастролерок“, продающих себя от времени до времени. Если бы возразили на это, что подобные факты являются вообще проявлением распутства, а не результатом голода, то в свою очередь, можно было бы спросить: „а почему женщины льнут и висят по паре с обоих сторон именно лиц, хорошо обеспеченных питанием и могущих уделять из своих пайков солидную долю на кормление?“ Это последнее обстоятельство определенно указывает на детерминирующую роль голода.

Наконец, факт роста проституции и торговли женщинами в 1921—22 г.г.—не подлежит сомнению. Напр., в Чукадытом. вол., Белеб. у., предприниматель 3 раза закупал девушек и женщин и в специальном вагоне отвозил их в Ташкент [2]). Был ряд других подобных сообщений. Менее же сенсационных фактов такого рода—множество [3]).

Наконец, о том же свидетельствует изучение причин, побудивших заниматься проституцией. Вестермарк правильно говорит, что Armut treibt viele Mädchen, die nicht viel mehr als Kinder sind, der Prostitution in die Arme [4]). Из 5183 проституток, исследованных Parent-Duchatelet 1441

[1]) Лесков: цит. раб., 52—55.
[2]) Василевский. Голодание. 1922. 17.
[3]) См. ряд картин у Пильняка: Голый год. 1922.
[4]) Westermarck: Geschichte der Menschlichen Ehe. Berlin. 1902. 65.

записалась в проститутки под влиянием нужды и бедности, 1225 сирот приняли роковое решение в состоянии полной заброшенности, 37—с целью прокормить родителей, 24—для доставления средств младшим родственникам, 23—для прокормления и воспитания своих детей, 1425—покинутые любовниками и оказавшиеся в нужде [5]). То же подтверждается и др. авторами. По данным Обозненко из за бедности стали проститутками около 58% всех проституток, по Le-Pileur'y—27,8% [6]).

Сходные причины, в сходных условиях, вызывают сходные эффекты. Если голод велик, покупатели женского тела имеются, а тормозящие факторы слабы, то и в прошлом из за куска хлеба женщины проституировали себя, проституируют в настоящем и при тех же условиях будут проституировать и в будущем.

С) Наконец, влиятельная роль голодания в области половых рефлексов иногда сказывается в косвенной форме: в форме изменения, искажения и деформирования ряда половых рефлексов, под влиянием ограниченного питания для себя и своих близких. Говоря это, я разумею такие явления, как: сознательное отстрачивание или отказ от женитьбы, брака и половых сношений, вызываемый необеспеченностью себя и своей семьи, в некоторых случаях неестественное удовлетворение полового аппетита с целью избежать потомства (пьедерастия у ряда народов, бедных и плохо обеспеченных пищей, и др. формы ненормального полового акта, являющиеся в таких случаях проявлением не столько извращенности и половой пресыщенности, сколько сознательного или бессознательного нео-мальтузианства, вызываемого необеспеченностью и недостатком пищи для лишних ртов). Но об этом подробнее будем говорить ниже при характеристике связи голодания и степени плодовитости.

Таковы три основные категории фактов, подтверждающих выставленные тезисы.

Д) На основании сказанного дедуктивно уже можно предвидеть, что абсолютное, и продолжительно-дефицитное относительное голодание, ceteris paribus, депрессирующие половые рефлексы, должны понижать и степень плодовитости голодающего населения. Раз при голодании половой аппетит падает, число совокуплений уменьшается, степень их на-

---

[1]) См. Parent-Duchatelet. De la prostitution dans la ville de Paris. 1857 г., II, 78, I, 107.

[2]) См. Елистратов: Борьба с проституцией. 1909.

пряженности ослабевает, половые клетки дегенерируют и уродуются, то это явление до известной степени может отразиться и на кривой рождаемости [1]). Но к ее падению сильное голодание ведет чаще всего иными путями: 1) путем изменения анатомо-физиологических процессов и органов зачатия и рождения, изменения ведущего прямо или косвенно к бесплодию в течение голодания, и 2) путем принятия ряда мер, направленных или на недопущение зачатия или на уничтожения плода и детей,—мер, диктуемых голодом, нежеланием производить на свет обреченное на голод потомство и нежеланием уменьшить в будущем и без того недостаточное для себя питание—что неизбежно при появлении потомства, раз нет новых источников пропитания.

Е) Наконец, дефицитное голодание родителей в период зачатия и беременности ослабляет (ceteris paribus) и жизнеспособность потомства.

На доказательстве этих двух положений я остановлюсь ниже, в главе о влиянии голодания на естественное движение населения.

§ 8. Депрессирование голодом рефлексов „свободы" поведения.

И. П. Павлов открыл существование особых „рефлексов свободы" [2]). Под этим несколько фигуральным выражением разумеются рефлексы животного, направленные на освобождение от тех препятствий, которые ограничивают естественность движений животных, „свободу" последних. Связанное животное (напр., кошка, собака и т. д.) стремится порвать свои путы. Цепной пес или коза, привязанная веревкой, пытаются делать то же. Птица, посаженная в клетку, тигр или баран, заключенные в небольшое помещение, неоднократно—особенно в первое время—пробуют разными способами вырваться из таких условий и т. п. Словом, если термин „рефлекс свободы" может показаться не очень подходящим, то существование рефлексов, обозначенных им, не подлежит сомнению. Биологический смысл их понятен:

[1]) Только «до известной» степени», ибо уменьшение половых актов даже в 5—10 раз само по себе могло бы и не отражаться на плодовитости и рождаемости: если вместо 50 раз в год будут спариваться 5 раз, этого достаточно для зарождения и появления на свет нового существа. Вот почему в этой форме влияние голода невелико: эффект его достигается иными, указанными в тексте путями.

[2]) См. его ст. «Рефлекс свободы».

в интересах сохранения жизни имеет громадное значение свобода движений животного; путы, ограничивающие ее, нередко грозят смертью и опасностью. Для отвращения последних должен был выработаться еще в филогенетическом развитии ряд рефлексов. Они и выработались действительно. Из этого же следует, что богатство и сила этих рефлексов должны быть разными у разных животных: хищники, ведущие независимую индивидуальную жизнь (тигры, львы etc), должны иметь и имеют их в изобилии, стадные и паразитические животные—в меньшей мере; дикие животные—в большей степени, домашние—в меньшей и т. д.

Нет надобности говорить, что такие рефлексы „свободы" имеются и у людей. Связанный по рукам и ногам человек энергично стремится сбросить узы, заключенный в камеру—выйти из нее, ограниченный в передвижении—освободиться от ограничения; стесняемый тем или иным способом в своих действиях, вплоть до речевых рефлексов и субвокальных („свобода слова, печати, религии, неприкосновенность личности" и т. д.)—он стремится низвергнуть эти препятствия и подчиняется им только в силу давления мощных детерминаторов и контр-давлений. Вместе с условными рефлексами и супер-рефлексами свободы, выросшими на почве безусловных, такие "реакции свободы" занимают значительное место в общей сумме рефлексов, из которых складывается поведение—жизнь человека. Эксперименты И. П. Павлова над собаками показывают, что разные собаки обладают не в одинаковой мере рефлексами свободы. Есть между ними „собаки с богатством рефлексов свободы" и собаки—холопы. То же имеет место и среди людей. Один индивид не терпит ограничений, борется с ними—каковы бы они не были, „независим и любит свободу", другой—холоп по природе, подчиняется и приспособляется к ограничениям, а не борется с ними. Он похож на сервильную собаку И. П. Павлова („Умницу") которая пред всяким виляет хвостом, ложится на спину, шевелит лапками и отдает себя на милость победителя. То же различие замечается и у целых групп. Если с одной стороны взять англосаксонцев, с их сильно выраженными рефлексами свободы [1]), с другой стороны—ряд народов Востока (калмыков, киргизов, etc) или наш русский народ, довольно легко подчиняющийся всякой, крепко бьющей палке,—то различие выступает ясно. Оно ясно

---

[1]) Об этой черте их см. мой II т. «Системы», § о семейной группировке и Иеринг: Борьба за право. Ряд переводов.

сказывается и на всей истории. Какую долю в этом надо отнести на долю безусловных и условных рефлексов—не будем решать здесь. Скажем лишь, что играют роль здесь: и наследственность, и историческая дрессировка [1]).

Эти „рефлексы свободы" нередко входят в конфликт с рефлексами голода. И весьма часто побеждаются ими. Эксперимент И. П. Павлова над одной собакой, богатой этими рефлексами, отказывавшейся есть в станке и евшей только вне станка, на свободе, показал, что после 7-ми дней, голодания рефлекс свободы все же был сломлен: проголодав 7 дней собака, наконец, стала есть и в станке [2]). То же многие, вероятно, наблюдали при приручении диких птиц и др. животных. Вначале они отказываются от еды, потом—начинают есть. То же в массовом масштабе мы наблюдаем и над людьми. Голодный за кусок хлеба или „харчи" соглашается подчиняться многому, делать одно, и не делать другое—что без этого детерминатора не имело бы место. Известна, далее, привычка многих преступников,—в большинстве лиц, обладающих сильными „рефлексами свободы,"—которые на зиму, в голодное время, сами стремятся сесть в тюрьму, жертвуют „свободой поведения" ради готовой квартиры с казенными харчами. В наши годы мы наблюдали в бесконечном изобилии подавление рефлексов свободы у массы лиц (спецов, крестьян, рабочих, интеллигенции etc), из-за пайка отказывавшихся от свойственных им форм поведения и мышления, принимавших на себя ярмо покорности многим капралам, нередко, со скрежетом зубовным терпевших многое, что без этого „пайкового давления" не имело бы места. Подобных фактов так много, что излишне приводить их. Это явление, как увидим ниже, служит почвой, на которой в эпохи голода возникает закрепощение голодных сытыми; оно служило и служит одним из источников возникновения рабства, колоната, крепостничества и др. форм принудительной зависимости человека от человека, группы от группы.

§ 9. Депрессирование и ослабление голодом ряда контрарных болевых рефлексов.

Хотя переживание голода при росте его интенсивности принимает характер страдательный, из этого не следует, что рефлексы поведения, вызываемые голодом, и все рефлексы,

[1]) Подробно обо всем этом в III т. «Системы».
[2]) Личное сообщение И. П. Павлова, за что приношу ему благодарность.

вызываемые раздражением «болевых» рецепторов (существование их, как рецепторов sui generis, признается рядом физиологов, напр., Шеррингтоном, Landois и др.) [1]) или все равно—все болевые рефлексы, как следствие чрезмерного раздражения тех или иных нервных рецепторов, всегда являются «аллиированными» рефлексами. В одних случаях голодание обостряет болевое раздражение и переживание, в других—наоборот, рефлексы голода и болевые антагонизируют друг с другом: голод толкает к актам, подавляющим реакции на болевые раздражения, которые без голода были бы совершены, и обратно, болевые рефлексы стремятся подавить рефлексы, вызываемые голодом, т. е. пищетаксические рефлексы. Суб'ективно это выражается в том, что при сильном переживании голода мы не замечаем часто многих болевых и страдательных переживаний, и обратно, острая боль или сильное страдание мешает появлению переживания голода-аппетита, или гасит уже имеющееся переживание последнего рода.

Это явление известно многим из житейской практики. Известно, что при сильном страдании или боли у нас исчезает аппетит; мы можем не есть ряд часов или даже дней; едим вяло; пищетаксические акты не энергичны и т. д. И обратно, сильный голод временами пробивается через кору боли и страданий, отодвигает их на второй план, смягчает и заставляет «забыть» на время и боль, и тоску. В тревожном набате голода в таких случаях тонут отдельные сигнальные болевые звонки, звонящие организму о той или иной порче местного нервного аппарата, или о тех или иных вредных процессах в первом. Такие случаи победы голода (впредь до его утоления) над конкуррентными болевыми рефлексами имеют место довольно часто, особенно в применении к незначительным болевым раздражениям (напр., к уколу, к порезу, к зубной боли, к небольшим ранам и т. д.).

Типичным примером подобного поведения служит поведение людей, посаженных на диэту, вследствие болей или расстройств в пищеварительной системе. Мы знаем, что часто люди такой диэты (иногда день—два абсолютного голодания, иногда относительно-качественное голодание) не выдерживают и при появлении аппетита диэту нарушают.

Другой пример дает Гамсун. По ноге голодавшего героя «Голода» проехал воз с хлебом и смял два пальца. Болевое переживание хотя и появилось, но не вызвало энергичных

[1]) См. Шеррингтон: Цит. статья. 38 и сл., Landois. 715. 789—9·

болевых рефлексов. Его раздосадовало лишь то, что «его башмак был раздавлен, подошва оторвалась от носка», несмотря на то, что «подняв ногу он увидел кровь в образовавшемся зеве» [1]).

Частичное подтверждение этого депрессирования болевых переживаний дает и Marsh. В его таблице для боли в первую вторую и третью недели голодания даются такие цифры: (чем больше цифра, тем меньше соответственная способность) 4,0, 6.0, 5.5. Острота болевых переживаний была тем меньшей, чем сильнее голодание: самой меньшей она была во вторую неделю—абсолютного голодания. Иначе кривая болевых переживаний шла у его жены [2]).

Не только боль, но нередко и довольно тяжелые страдания ослабляются и отодвигаются на задний план на время переживаний голода-аппетита. Только по его утолении они вновь овладевают человеком.

Когда именно дуэль очерчиваемых конкуррентов оканчивается победой голода, и когда его поражением, не будем здесь решать; пока достаточно признать, что этот конфликт голода и болевых детерминаторов имеет место, и что временами голод выходит из него победителем.

§ 10. Депрессирование, ослабление и «выветривание» голодом ряда условных детерминаторов поведения, данных в социальной среде человека, и вызываемых ими условных рефлексов, установленных в процессе социальной жизни индивида (религиозных, правовых, моральных, эстетических и др. актов и форм социального поведения).

В предыдущем я очертил депрессирующее влияние голода на ряд детерминаторов и соответственные комплексы рефлексов, ядро которых состоит из рефлексов безусловных, т. е. наследственно полученных, а не привитых индивиду в течение его жизни. Наследственно предопределен ряд защитных рефлексов самосохранения, ряд рефлексов группового самосохранения (напр., материнские «инстинктивные» акты, ряд рефлексов половых, напр. половое возбуждение от легкого механического раздражения половых органов, от «возбуждающего» влияния вина, отдергивание и трясение

---

[1]) Гамсун. Цит. раб., 100.
[2]) Marsh: Цит. ст. 442.

руки от укола или обжога и т. д.). Хотя это «ядро» безусловных рефлексов и обросло у человека наслоениями условного характера (напр., возбуждение половых рефлексов происходит от созерцания «безнравственных» картин, чтения соблазнительных романов, зрения голого красивого человека другого пола и т. п.), все же в основе всего комплекса этих рефлексов лежит это «ядро» рефлексов безусловных. Наслоения—обер тоны.

Рядом с такими комплексами рефлексов в поведении человека имеется множество чисто условных рефлексов, наследственно не полученных, а привитых к нему в процессе его личной жизни среди себе подобных. Еще Спенсер указал, что для сохранения жизни организма нужно сохранение известного равновесия и непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним. Появляясь в мир, каждый из нас оказывается в «поле влияния» сотен и тысяч различных раздражителей, среди которых главное место занимают сочеловеки и продукты деятельности их и предыдущих поколений (комплекс проводников или вся материальная культура: здания, дороги, предметы обихода, инструменты, орудия, книги, и т. д.) [1]). Все эти детерминаторы с первого дня рождения до дня смерти воздействуют на нас и требуют от нас соответственных «приспособительных» реакций. Форма этих ответных реакций сама по себе наследственно не предрешена. Напр., наследственно не предопределено, что при встрече с знакомым человек должен реагировать актами пожимания руки или снимания шапки, при церковном звоне—актом крестного знамения, при виде генерала (солдатами) — актами «вставания во фронт», при восприятии «чужой» вещи—актами воздержания от «завладения, пользования и распоряжения» ею и т. д. Эти формы реагирования на перечисленные раздражители привились к людям в течение их индивидуальной жизни, а не получены наследственно. В одной социальной среде они могут носить одни формы, в другой—другие. Они могут быть «привиты», могут быть и «отвиты» от человека. Они подобны социальному костюму: человека можно нарядить в такой костюм социально-условных рефлексов, можно (хотя часто не без трудностей) этот костюм и снять с него, можно заменить один костюм другим. Портным, решающим фасон такого костюма условных рефлексов для каждого из

[1]) См. об этом Сорокин. Система социологии. т. I, §§ о проводниках взаимодействия.

нас, является совокупность тех условных детерминаторов, в поле влияния которых мы оказываемся; среди них, прежде всего окружающие нас другие люди—живые, а чрез них и мертвые—и «материальная культура», созданная этими людьми: мертвыми и живыми поколениями.

Десятками различных путей и способов («обучением», «воспитанием», «сознательным внушением», «бессознательным подражанием», карательными и наградными давлениями, личным опытом, научающим нас подводить баланс удачному и неудачному реагированию на те или иные раздражения, физическим принуждением других лиц и т. д., и т. д.) у любого человека, в процессе его жизни, устанавливается известная связь между определенным условным раздражителем (напр., «отцом», «матерью», «начальником» и «подчиненным», «знакомым», «чужой вещью», определенным зданием или местом—церковью, кладбищем, определенным временем—день Пасхи, день именин, определенным явлением: церковным звоном, телефонным звонком и т. д.) или определенным комплексом их (напр., обстановка бала, церковной службы, заседания суда, военной битвы, служебного кабинета, работающего завода и т. д.) и определенными способами реагирования на эти раздражители. Эта связь состоит в том, что при действии такого-то раздражителя или такого-то комплекса их—человек реагирует так-то, ведет себя таким-то образом. Напр., при встрече с «знакомым»—снимает шапку, при виде офицера—солдат «отдает честь», при приказе отца или начальника—повинуется; «стоя в церкви—не безчинствует, стоит, делает крестное знамение, падает на колени, при телефонном звонке подходит к аппарату, снимает трубку и начинает говорить, на балу—соблюдает «правила светского поведения», пляшет и т. д., чего не делает в другой сфере других раздражителей; при наличности вещи «чужой»,—денег, книг и др. ценностей—обращается с ней совершенно иначе, чем с вещью «собственной»; в определенные моменты времени, напр., в страстную неделю, не ест скоромного, в день именин—устраивает «именины», в разных случаях говорит разные слова, т. е. совершает разные речевые рефлексы и т. д.).

Словом, в процессе жизни с первых же дней у человека начинают устанавливаться определенные шаблоны поведения применительно к той или иной обстановке,—т. е. к простому или сложному комплексу условных раздражителей его среды. Он частью сам усваивает их, частью дрессируется (путем убеждения, примера, обучения, наказания,

наград и т. п.) другими людьми (нянькой, родителями, семьей, товарищами, школой, авторами читаемых книг, профессиональной группой, религиозной, государственной, партийной, и др.), частью перенимает и устанавливает их путем личного опыта. Иными словами, у него образуется ряд «условных» рефлексов, которыми он реагирует на соответственные условные раздражители этой среды.

Здесь излишне подробно останавливаться на способах, которыми совершается эта прививка [1]), Достаточно будет сказать, что ряд условных рефлексов прививается на почве безусловных, (по терминологии А. К. Ленца, это «первичные условные рефлексы»), часть—на рефлексах условных первичных, (условные рефлексы 2-го порядка), часть на этих последних—рефлексы 3-го порядка и т. д. Градация и сложность их (а в связи с этим и прочность) могут быть разных степеней, вплоть до *n*-го порядка [2]).

Излишне доказывать, что такие условные рефлексы или шаблоны поведения имеются у каждого человека; понятно само собой, что их великое множество, сотни и тысячи у каждого из нас. Не нуждается в доказательстве и факт их различия у разных индивидов и групп (на один и тот же раздражитель, напр., на акт сморкания в пальцы, великосветская дама реагирует одним, крестьянка другим образом, верующий православный при виде церкви крестится, неверующий или неправославный не делает этого акта, условные рефлексы австралийских негритосов не похожи на шаблоны поведения европейца, то же приходится сказать о формах условно-социального поведения буржуа и рабочего, богача и бедняка и т. д.) [3]).

Суб'ективным компонентом этих об'ективных явлений служит наличность у людей определенных убеждений относительно правил надлежащего поведения (называемых «пра-

---

[1]) Подробно об этом в III т. «Системы».

[2]) См. об этом дельные ст. А. К. Ленца. Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности. Журн. «Психиатрия, неврология, I. 1922. 38—51, и Иванова Смоленского. Условные рефлексы в психиатрии. Там же. 80—89. См. вышеук. раб. об условных рефлексах школ Павлова, Бехтерева и американских «behaviorist'ов».

[3]) Основным общим условием, определяющим характер условных рефлексов индивида, будет система социальных координат, т. е. тех групп—элементарных и кумулятивных, — членом которых состоял и состоит данный человек. Из этих групп, в свою очередь, имеют значение важнейшие. См. об этом Сорокин. Система социологии, т. II. Passim и особенно, гл. «О положении личности в системе социальных координат».

вовыми», нравственными», «религиозными», «эстетическими», нормами, правилами «хорошего тона». «светского поведения», «приличия», правилами «чести» и т. д.), указывающих «надлежащее», «нравственное», «добропорядочное», «честное», «правовое», «красивое», «благородное», «джентльменское», «comme-il-faut'ное» и др. поведение в таких-то и таких-то случаях. Эти убеждения, согласно сказанному, разные у разных индивидов и групп. Но в той или иной форме они имеются у каждого. Правила: «не укради», «не прелюбы сотвори», «чти отца твоего и матерь», «не убий ближнего», «не сморкайся в занавески», «помогай ближнему», «не лги», «уступай в трамвае место даме», «убивай врага», «вноси подати», «плати долги», «повинуйся властям», «при оскорблении вызывай на дуэль», «к обеду надевай фрак», «не ешь с ножа», «будь честен», «бей буржуев», «молись Богу», «люби народ свой» и т. д., и т. д., все эти и сотни тысяч других норм представляют формулы, указывающие надлежащие комплексы рефлексов или шаблоны поведения в тех или иных случаях.

Повторяю, они различны у разных лиц и групп, но в той или иной форме они имеются у каждого человека.

Об'ективно такие убеждения и соответственные нормы поведения представляют суб'ективное отражение очерченных условных шаблонов поведения или рефлексов, привитых человеку в течение его жизни. Раз связь детерминатора *а* (напр., чужой вещи) и комплекса рефлексов *в* (актов воздержания от завладения ею) воспитана, установлена, человек при данности *а* реагирует на него актами *в*, поступает «согласно своим убеждениям».

При этом сейчас не важно: будет ли он поступать так автоматически, как при виде знакомого мы часто автоматически пожимаем руку, или сознательно, отдавая отчет в своих действиях.

Для этого, как сказано, нужно лишь, 1) чтобы связь между а и b была воспитана, 2) чтобы не было других антагонистических детерминаторов, мешающих человеку отвечать актами b на условный раздражитель а.

При наличии таких условий люди всегда поступают согласно их «убеждениям», т. е. установленным в процессе жизни условным рефлексам или шаблонам поведения. И им самим такое поведение кажется „свободным“, „совершаемым по своей воле“, не стесняемым и не насилуемым ничем, не тормозимым побочными, «чуждыми их природе силами».

Но такое счастливое положение бывает далеко не всегда. Каждый из нас в любой момент бодрствования находится в «поле сил» множества безусловных и условных детерминаторов, возбуждающих или требующих от нас множества безусловных и условных рефлексов. Если бы я верил в «предустановленную гармонию» Лейбница, то мог бы полагать, что эта тьма раздражителей всегда действует гармонично и солидарно. Но, увы! для этой веры нет почвы вообще, а в применении к взаимоотношениям детерминаторов, в частности. Как мы видели, они нередко антагонизируют друг с другом, и требуют от человека противоположных рефлексов или несовместимых реакций. Если по силе оба они равны, то или взаимно друг друга уничтожат и победу получит tertius gaudens из детерминаторов, либо в некоторых случаях сосуд-человек—лопнет, тихо или быстро погибнет.

Этим я хочу сказать, что условные детерминаторы и их рефлексы сплошь и рядом контрарны и тормозят: 1) друг друга, (напр., религиозные рефлексы многих коммунистов тормозят их антирелигиозные акты, требуемые партийными детерминаторами, и обратно). 2) тормозят и тормозятся,—антагонистичны с безусловными раздражителями и их рефлексами (примеры этого сейчас увидим). Мудрено ли поэтому, что и „убеждения“ одного и того же человека несогласованы друг с другом и противоречат одно другому; мудрено ли, что сплошь и рядом они конфликтны, что нет логичности у человека [1]); мудрено ли, что люди сплошь и рядом, под давлением тормозящих раздражителей, поступают совершенно не по «убеждению», вместо поведения ab идут по пути ac, и самими убеждениями играют с легкостью и ловкостью шулера-эквилибриста. Сейчас, под давлением одних раздражителей человек доказывает, что a есть b (напр., недопустимость убийства, войны, смертной казни, священность собственности, неот‘емлемость прав человека, свободу слова и печати, недопустимость правительственной тирании и т. д.), через t времени под давлением нового детермина-

[1]) Обычное представление о „логической природе“ человека и о гармонии его убеждений—великое недоразумение. Человек был и остается нелогичнейшим существом, но умеющим с ловкостью шулера маскировать, мотивировать свою нелогичность и непоследовательность. Большая заслуга Парето в том, что он ярче и основательнее, чем кто-либо другой, выявил эту «нелогическую природу человеческих убеждений и актов». См. Парето: Trattato di sociologia generale, 1916. т. I и II. Passim. и глава L'azione non logiche.

тора тот же человек с таким же пылом доказывает, что a есть non—b (напр., „я принципиально против убийства, войны, смертной казни“, но принимая во внимание x, y, z... считаю священным долгом вешать убийц, вести патриотическую или революционную войну до сокрушения супостата, пачками расстреливать моих врагов, во имя диктатуры короля, генерала, буржуазии или пролетариата считаю предрассудком все свободы, права“ и т. д. „О, коварный, лживый и лицемерный род человеческий!“, сказал бы древний летописец). Не думайте, что такое поведение исключение. В той или иной форме оно свойство всех почти людей, ибо все они находятся под влиянием многих и конфликтных детерминаторов [1]). У одних оно выступает четко и очевидно; у других—прикрыто сотнями сложных ходов и изгибов. Ограничимся этими штрихами и перейдем теперь к голоду.

Из сказанного само собой следует, что детерминатор голода и его рефлексы могут оказаться весьма часто в конфликте с рядом условных детерминаторов и их рефлексов. Последними будут те, которые при данных условиях так или иначе мешают удовлетворению голода.

Детерминатор голода обрушивается на них и стремится подавить эти тормозящие пружины поведения, депрессировать их рефлексы и таким путем прочистить дорогу пищетаксическим актам. Наблюдение показывает, что эта задача ему нередко удается (об обратных случаях речь пойдет ниже). Приведем факты, взятые из разных областей «условных рефлексов», и покажем, что голод разными путями часто подавляет множество рефлексов условного характера, называемых в общежитии „религиозными“, «правовыми», «нравственными», «эстетическими», «профессиональными» «честными», «добропорядочными», «приличными» и т. п. поступками, раз они мешают при данных условиях удовлетворению голода. Человек в этих случаях становится шаром, который толкаемый пищетаксисом, обрывает и разрывает сотни веревок и постромок условных рефлексов, препятствующих его стремлению к пищевым магнитам, иначе говоря, утолёнию голода [2]).

---

[1]) См. доказательства у Парето, в цит. раб.

[2]) Это имеет место и у животных. Опыты Фролова и Розенталя показали, что при голодании собак условные рефлексы образуются с громадным трудом, а бывшие—гаснут, причем ранее всего исчезают сложные искусственные усл. рефлексы, потом—натуральные услов. рефлексы, и остаются до смерти—безусловные. См. указ. ст. Фролова и Розенталя. То же

Депрессирование голодом «религиозных» рефлексов поведения.

В ряду условных рефлексов, называемых религиозными актами, имеется ряд таких, которые довольно часто антагонистичны пищетаксису. Ряд религий запрещают определенного сорта пищу вообще («тотемические» животные и растения, ряд животных и растений, поставленных под «табу», запрещение «нечистой пищи» рядом религий и т. д.) или запрещают ее в определенные периоды времени, напр., скоромное в посты, или в определенном месте, или определенному классу лиц. На этот счет имеется вообще большое разнообразие запретов. Не дозволяется различными религиями есть: рептилий, опред. виды птиц, яйца, молоко, свиней, быков, домашних и др. животных, ряд растений и т. д. [1]).

Когда есть возможность утолить ими голод, под влиянием последнего нередко эти запреты нарушаются, т. е. соответственные рефлексы воздержания от еды запрещенных об'ектов подавляются и голод «вводит в грех», подавляя «религиозный детерминатор» [2]).

Фактов такого рода более чем достаточно. В наше время (1917—21 г.г.) религиозные запреты еды скоромного в пост почти целиком нарушены. Верующие едят все и постное и скоромное, лишь бы было, что есть. Мало того: едят конину, собачину и прочую „греховную нечисть“. Это значит, что голод подавил соответственные религиозные рефлексы. То-же повторялось и раньше.

В средневековые голодовки „Das fromme Gemüt des Verfassers der Passio Karoli beleidigt es schon, das einige Leute

---

наблюдалось много раз и в жизненной лаборатории. Собаки полярных путешественников, обычно не трогавшие запакованного провианта, при голодании совершали это «преступление». «В прошлую ночь собаки напали на тюк с пеммиканом, они оторвали угол мешка. но к счастью, с'ели не очень много, пишет Нансен. До сих пор они не смели трогать провизии, оставаясь подле нее без присмотра: но теперь они уже слишком голодают, и природа оказалась сильнее дисциплины».

Нансен: Ц. р., т. II. 50. См. 56 и др. См. такие же факты в ук. раб. Пири и Миккельсена.

[1]) См. подробности у Westermack'a: The origin and development of the moral ideas, v. II. гл. XXXVIII: Restrictions in diet.

[2]) Не контрарные голоду религиозные рефлексы могут не затрагиваться или даже усиливаться им, в форме усиленных молений о «прекращении голода», молебнов о дожде, молитв в роде «хлеб наш насущный даждь нам днесь» или религ. церемоний о размножении пищи, в роде обряда Intichiuma у австралийцев и т. д.

während der Fastenzeit Fleisch assen. Das Gleiche wird auch noch sonst als ein schlimmes Zeichen erwähnt, so 1197 in Rheims“ [1]).

Не только ели и едят в голод скоромное, но едят и множество „нечистых“ запретных с религ. точки зрения животных. „Средневековые источники говорят, что люди вынуждены были есть нечистых животных. Легко понять, что чистые животные скоро с‘едались. Тогда ели собак, кошек, ослов, лошадей, временами—волков, лягушек, змей. Не пренебрегали в нужде и падалью“ [2]).

То же, как выше было приведено, было и у нас. В Пскове в великий пост ели конину, что особенно возмущало летописца [3]). Ели при голодовках кошки, собаки, мышей, крыс и всякую падаль, такую нечисть, что „и писать непристойно“, замечает летописец [4]). Мало того. Люди ели людей и их трупы. Факты были приведены выше. „Сквернейшее явление, вызванное голодом в средние века, было людоедство. В весьма значительном числе источников оно указывается. Иногда говорится, что отдельные лица пытались продавать на рынке сваренное мясо убитых людей“ [5]).

В наше время людоедство стало „бытовым явлением“. Факты людоедства, в большом или меньшом об‘еме (в зависимости от силы голодовки и силы противодействующих рефлексов) проявляющиеся при голоде, говорят о депрессировании голодом не только религиозного, но и нравственного, и правового, и эстетического, и даже группозащитного детерминаторов и их рефлексов. Они свидетельствуют о том, что голоду удалось здесь „опрокинуть“ сразу ряд этих детерминаторов и подавить их совместную силу. Они, поистине, красноречивые свидетели могущества этого „беспощадного царя“.

---

[1]) Curschmann: Ц. р., 56—57

[2]) Jbid., 57. Adeo, quod plurique pauperes (si fas est dicere) cadavera pecorum sicuti canes cruda corroderent, et gramina pratorum sicuti boves in cocte commederent; Ann. Parch., S. S. XVI. 608. 35. Curschman. 213. Pauperes quosdam ad abjecta pecorum cadavera procedere, et ibi more canum carnes crudas dentibus abstractas deglutire. Wil. Prac. Egmond. chr. Mathaei Analecta, II. 579. Curschm., 213, см. также 217 и др.

[3]) Соловьев. Ист. Рос., I. 1220. В 1213 г. летописец пишет: «бысть глад велик и мясо едяху в великое говение». Исаев: Ц. р., 6.

[4]) Цитович: Цит раб., 4-6, Романович-Славатинский. Цит. раб., 35. 55. Ермолов: Цит. раб. ч. I, 10, 17, 19, 23. То же и в Индии. См. Digby: Цит. раб. Passim. Леонтович: Ц. р., 9 и др.

[5]) Curshmann: Jb., 57-59.

Та же победа голода над контрарными религиозными правовыми и нравственными рефлексами проявляется и в том, что сами религиозные нормы и их законодатели принуждены легально снимать свои запреты на случай голода, и „добровольно" открывать ему дорогу. Пример.

„Епископ Парижа позволил во время голода есть всем мясо даже и в постные дни" [1]). В праве и древности, и в средневековом каноническом праве, и в праве нового времени, и у ряда неевропейских народов имеется институт „крайней необходимости", под которую подводился всегда и голод. Поступки, совершенные в состоянии голода, (нарушение запретов религии, морали etc), извинялись и признавались или непротивоправными или ненаказуемыми, следуя принципу канонического права: „необходимость не знает закона и сама творит себе закон" [2]). Сам факт таких легальных исключений для голода говорит снова об его силе, о том, что легально, заранее контрарные религиозные рефлексы уступают ему дорогу и „добровольно" ретируются.

Приведенные факты с одной стороны доказывают несомненность подавления голодом в ряде случаев враждебных религиозных рефлексов, с другой, показывают ясно, что под такими случаями я разумею. Можно было бы привести десятки других фактов депрессирования голодом иных религиозных рефлексов („нарушения религиозных норм"). Так, 4-я заповедь Иеговы: „Помни день субботний", не нарушаемая верующими в нормальных условиях, при голоде обычно нарушается. Религия запрещает хоронить без надлежащего обряда умершего. В голодные времена нарушение таких запретов—обычное явление. Люди валяются на улицах, сваливаются в ямы и хоронятся без обрядов [3]). В нормальных условиях такое поведение при-

---

[1]) Curschmann: 56-7.

[2]) См. Розин: О крайней необходимости. Спб. 1899. Passim., и гл. о каноническом праве. (39-47). Westermarck: The origin., I. 285-88, II. 14-15.

[3]) Примеры. Fuit etiam haec fames ac pestilentia tam aspera, quod mendicantes absque numero morerentur in campis, sylvis sine memoribus et eorum corpora sine catholicis exequiis sepulturae traderentur in locis agrestibus. Или: Pauper dum fame moritur et in plateis jacere conspicitur, non multo magis quam canis rabidus diversorum oculis reputatur". Curschmann: 215. См. у него же др. хроники.

То же было у нас. В 1127 г. в Новгороде «падшим от глада трупие по улицам по торгу и по путьм и всюду»; в 1215 г. «О, горе тогда, братие, бяше! по торгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие; не можаху пси из'едать человек» и т. д. Лешков: Цит. раб., 460. 465. См. также 466

знается недопустимым, скандальным, святотатственным. Голод и здесь ненормальность делает нормой, святотатство—терпимым и дозволенным актом. Раз это «святотатство» мешает его удовлетворению, он безжалостно снимает с человека его пышные „социальные“ одежды, ту тонкую пленку культурности, наслаивавшейся веками, и показывает нам „голого человека—животное, на голой земле“. А кому неизвестны многочисленные случаи религиозного ренегатства из-за «мамоны и голоса желудка»! Только слепые не могли видеть в наше время, как многие верующие, но голодные православные из-за пайка переходили в стан коммунистов и, под влиянием 2-фунтового пайка, постепенно забывали свою веру, ее заветы и делались бездушными ее гонителями! Какая масса верующих не могла, в силу голода и его требований, исполнять заветы религии, посещать церковные службы, говеть и нарушали религиозные нормы! Некогда! Нужно копать огород, стоять в очереди, варить кашу, ехать с товарообменом. Что все это, как не нарушение ряда рефлексов из-за голода!

Не буду приводить дальнейших фактов. После сказанного, наблюдательный читатель сам может видеть сколько угодно случаев такого подавления голодом антагонистичных ему религиозных рефлексов. Благо, наше время дает на этот счет обильнейший материал, а все общество представляет бесплатную лабораторию! Только смотри! И немного думай!

Депрессирование голодом контрарных «правовых», «нравственных», «конвенциональных» детерминаторов и их рефлексов.

Сказанное о подавлении голодом антагонистических религиозных рефлексов применимо с соответственными изменениями и к правовым рефлексам, когда они оказываются несовместимыми с пищетаксическими актами.

Типичный пример такого рода явлений дают акты нарушения права собственности под влиянием голода. Социальный рефлекс собственности состоит в актах воздержания

478 и др. То же повторялось и позже, вплоть до 1918—21 г.г. То же и в Индии. «Народ умирал от истощения на улицах Мадраса и такое событие в силу его частоты перестало трогать». Digby: Цит. раб., I. 194. См. у него же жуткое описание массы трупов, брошенных на берегу и пожираемых собаками и т. д. I. 104. 106 94 и др. То же имеет место и в наши дни.

от завладения, пользования и распоряжения «чужими» вещами.

Голод, когда нет иных путей для его удовлетворения, толкает к нарушению этих «мешающих» рефлексов. Он стремится подавить их и весьма часто достигает своей задачи.

Весьма верную картину борьбы пищетаксических рефлексов с рефлексами «собственности» в суб'ективных переживаниях дает Гамсун в «Голоде». Она типична и я приведу ее. Перед нами герой «Голода», имеющий весьма твердые и устойчивые правовые рефлексы, в частности рефлекс собственности. Мы видим, как, несмотря на голод, его правовые рефлексы выдерживают сначала атаку голода и тормозят акты «нарушения права собственности». Под влиянием голода ему приходит мысль продать одеяло, взятое им у товарища. „Я мог бы заложить его за одну крону и трижды плотно пообедать... Я уже шел к ростовщику, но остановился у под'езда, нерешительно покачал головой и... повернул обратно...“ (Правовые рефлексы еще раз победили). „По мере того, как я удалялся, мне становилось все радостнее оттого, что я преодолел это тяжелое искушение. Сознание, что я честен, бросилось мне в голову и наполняло меня горделивым чувством“. Но голод продолжается, его давление растет и в итоге тормозящие правовые рефлексы подавляются. „Я не святой, не какой-нибудь добродетельный идиот. Я был в полном разуме... И я взял одеяло под мышку и пошел“. Но ростовщик не взял его. И тогда „я очень радовался, что у меня не оказалось возможности совершить это преступление, которое осквернило бы последние часы моей жизни“. Голод продолжается — и герой присваивает 5 крон, данных по ошибке прикащиком. „Мой первый подлинно бесчестный поступок был совершен, моя первая кража, мое первое маленькое, великое падение“. Голод был утолен и, в состоянии сытости, правовой рефлекс снова оживает. „Я показался себе отвратительным чудовищем. Я мог еще смыть позор“, и он остатки денег дает бедной торговке сластями. „Какая отрада снова стать честным человеком! Слава Богу! Я возвысился в собственных глазах“. Голод продолжается и снова ряд правовых рефлексов оказываются подавленными [1]). Здесь, на языке суб'ективных переживаний отчетливо передана нам об'ективная картина

---

[1]) Гамсун. Голод. 34, 64—65, 82—83, 92—3 и др.

борьбы детерминатора голода с несовместимыми с ним правовыми рефлексами и победа первого над вторыми [1]).

Массовым подтверждением этого явления служит статистика краж и других нарушений права собственности. Ceteris paribus, число преступлений против собственности с ростом массового голодания увеличивается и иначе быть не может. Подтверждения: 1) не раз устанавливавшаяся зависимость между движением цен на хлеб и преступлениями против собственности: с повышением первых росло и число вторых [2]). 2) Сезонные колебания кривой краж и других имущественных преступлений: они ежегодно достигают максимума зимой, когда труднее добыть пищу, и минимума летом и в сентябре [3]).

Подобного рода преступления против собственности у нас за эти годы возросли до безконечности. Воруют, мошенничают, грабят чуть не все. (См. ниже). То же отмечается и среди детей, как ниже увидим. За 1918—20 г.г. детская преступность возрасла. 70% ее составляют преступления против собственности (в приютах и колониях).

Вторым массовым подтверждением той же победы голода над имущественными правовыми рефлексами служит тот общий факт, что само право принуждено легально уступать его силе: сознавая бесплодность борьбы с давлением голода оно, так сказать, и не пытается бороться с ним и само открывает ему дорогу в известных пределах. Говоря это, я разумею общий всем почти временам и народам уголовно-правовой институт крайней необходимости, с одной стороны, с другой — безнаказанность или ничтожную наказуемость краж из-за голода, краж по нужде. Такие кражи были и остаются максимально привилегированными видами краж в законодательстве множества народов: и у ряда дикарей, и в древнем Перу, и у таитян, и у китайцев, и в древне-греческом и римском праве, и в Магометанском законе [4]), и в каноническом праве, и в Каролине, и в нашем праве— Уложение Алексея Михайловича, Воинский артикул, в указах до Свода Законов, в Своде Законов, и в действующем современном праве западно-европейских народов, и даже в

[1]) См. также «Бродягу» Мопассана, «Мои скитания» Д. Лондона, «Отверженные» В. Гюго.

[2]) См. цифры у Гернета: Преступление и борьба с ним. 386—390. Там же и литература. Жижиленко. Преступность и ея факторы. 1922.

[3]) См. цифры у Гернета: Ib. 380—84. См. также Oettingen, цит. раб., Ван-Кан: Экономич. факторы преступности. М. 1915. Passim.

[4]) См. Westermarck: The origin. I. 286—88. II. 14—15.

самих соответствующих идеологиях юристов, философов, моралистов и т. д. Всюду «кража в состоянии голода», «из за нужды», или не наказывалась, или влекла смягченное наказание [1]). Тоже применимо и к другим имущественным преступлениям: к грабежу, к разбою, к вымогательству, к мошенничеству и к преступлениям против личности. Всюду и здесь совершение этих преступлений из-за «голода» или «нужды», подпадая под «крайнюю необходимость», вело к смягчению кары или к безнаказанности, или даже не признавалось деянием противоправным [2]). Что все это, как не «добровольное» отступление права перед голодом!

Этих общих фактов достаточно, чтобы признать явления многочисленного депрессирования голодом ряда правовых рефлексов имущественного характера несомненно имеющими место.

То же применимо и к другим конфликтным правовым рефлексам.

С повышением давления голода все антагонизирующие с ним правовые рефлексы постепенно ослабляются в своей детерминирующей силе и часто теряют ее целиком. В итоге, человек совершает, вопреки им, ряд актов, которых без голода он не совершил бы, или напротив, не совершает ряда поступков, которые без голода были бы выполнены.

Чтобы эти рефлексы выдержали атаку голода, нужно чтобы они обладали силой, не меньшей силы голода, или с ростом последнего, получали бы приращение, уравновешивающее приращение голода. Иначе они будут сломлены. Как и чем измерять эту силу, речь пойдет ниже. А пока ясно, что голод может служить отличнейшим реактивом для испытания прочности контрарных ему правовых и других условно-социальных рефлексов людей. Ceteris paribus «не выдерживающие» его атаку дают свидетельство слабости своих подавляемых рефлексов, «выдерживающие» — силы последних.

---

[1]) См. Розин: О крайней необходимости, 61—64 и passim, F. Oetker: Notwehr und Notstand. Vergl. Darstellung. Allg. teil., II. 328—395. Белогриц.-Котляревский: О воровстве — краже по русскому праву. Фойницкий: Учебник уголовного права. Особенная часть, главным образом, об имущественных преступлениях. Об'яснительная записка к проэкту русского уголовного уложения, т. 7. гл. 30: воровство, разбой, вымогательство. Harburger: Diebstahl und Unterschlagung. в Vergleichende Darstellung. Besond. Teil., t. VI.

[2]) См. кроме указанных работ A. Hold v. Ferneck: Die Rechtswidrigkeit. B. II. 1905.

Если утолению голода мешают правовые рефлексы, тормозящие акты грабежа и разбоя, голод обрушивается на них и... увы! часто побеждает их. Не грабители, и не разбойники становятся нередко и грабителями, и разбойниками из-за голода.

В сытом состоянии большинство людей не убивают других людей. Убийство недопустимо — таково их убеждение. В голодном состоянии этот правовой рефлекс часто «отвинчивается» и делается бессильным удерживать голодного от убийства ради насыщения голода. Факты такого рода мы видели выше (в § о депрессировании рефлекса групповой самозащиты).

Крупные голодовки древности и средневековья, 16, 17, 18 веков и позже отмечены такими фактами. Пачками росли банды разбойников, грабивших и убивавших людей. Грабили и убивали не только чужих, но и своих, родителей и детей, братьев и сестер. В наше время по Руси рыщут сотни банд и шаек, останавливают поезда, грабят встречного и поперечного, села и деревни, города и местечки. Причина их появления не только политика—какое дело рядовому парню и мужичку до политики, — а больше всего и прежде всего голод и возможность кормежки при таком образе жизни (См. подробнее ниже).

Такое поведение говорит о том, что голод у массы людей подавил ряд морально — правовых рефлексов и сделал их в этом отношении правовыми и нравственными „нигилистами“.

Явление того же рода представляет поведение людей, из-за „пайков“ в голодное время делающихся профессионалами-убийцами, готовыми пристрелить, убить и ограбить всех, кого укажут „кормильцы“. Не легко и не сразу дается такая профессия. Но „голод не тетка“. Подталкиваемые голодом, грозящим и испытываемым в случае отказа от „богатого“ места, с одной стороны, с другой — гипнотизируемые магнитом „богатого“ пайка, они, не без боли, мучений, колебаний, угрызений, принимаются за свою профессию „наемных“ убийц. А потом, если причина голода не отпадает (почему? увидим ниже), осваиваются с ней и даже могут найти ее весьма нравственной.

В наши дни мы видим, как легко голод подавляет ряд, казалось бы, максимально устойчивых, нравственно - правовых рефлексов. И как мала сила и вес последних, часто не больше $1^1/_2$—2 фунтов хлеба. Бедное право! и бедная нрав-

ственность! Как же дешево вы стоите при известных условиях!!

Все эти акты — а они перед нашими глазами проходят тысячами, и история голодовок дает в свою очередь богатую их коллекцию—говорят, увы! неопровержимо о весьма частых депрессированиях голодом самых основных и устойчивых морально-правовых рефлексов.

Нужно ли говорить, что тем легче и чаще голод торжествует над менее устойчивыми морально-правовыми рефлексами. Приведу несколько примеров; по ним читатель сам подберет и может наблюдать сотни и тысячи подобных.

Многие люди в сытом состоянии не мошенничают, не спекулируют, не делают подлоги. И ряд лиц из них же в голодном состоянии впадает в эти грехи. Соответственные правовые рефлексы, удерживавшие их от таких „преступлений“, оказываются подавленными. Тьма спекулянтов нашего времени, тьма „комбинаторов“, жуликов, законных воров и „честных“ мошенников—подтверждение сказанного.

Многие женщины, честные в сытом состоянии, под давлением голода делались проститутками, содержанками, любовницами. Помимо полового, ряд моральных рефлексов у них оказывается таким образом подавленным пищетаксисом.

Перейдем к другим морально-правовым рефлексам. В сытом состоянии родители не продают своих детей в рабство. Такие акты тормозятся и рефлексом самозащиты и рефлексами нравственно-правовыми. При сильном голоде эти „тормоза“ обессиливаются и, мы видели выше, родители продают и отдают детей в рабство, и „на вывоз“.

У человека имеется ряд сложных рефлексов, относящихся к нему самому, и называемых „правом собственного достоинства“, „первородства“, „правом чести и совести“, „гордостью“, „самолюбием“.

Этими терминами обозначается ряд определенных переживаний и особые формы поведения. Многие люди в сытом состоянии „горды“, „ведут себя с достоинством“, „берегут свою честь“, „не пожертвуют своими правами чести и совести“, и т. д. Голод депрессирует часто и эти рефлексы. Под его влиянием улетучиваются нередко: и „честь“, и „совесть“, и „достоинство“, т. е. акты поведения, соответствующие этим терминам, перестают совершаться и заменяются часто противоположными. Символом такого поведения служит Исав, под влиянием голода, за чечевичную похлебку продавший хитрому спекулянту-брату Иакову „право сво-

его первородства“, т. е. отказавшийся от определенных „первородных“ форм поведения и заменивший их другими. Исав—прообраз сотен тысяч людей, продававших и продающих постоянно буквально „за чечевичную похлебку“, $1/4$ фунта хлеба или $1/2$ ф. сахара, права своего первородства и многие другие. Сколько людей, под давлением голода, теряли свое достоинство и шли „бить челом“, к тем, кого сытыми презирали, поступали на службу, от которой „тошнило“, делали то, что сами считали мерзостью, ползали пред теми, кого называли „хамами“. Поведение тьмы „спецов“ нашего времени, интеллигенции, рабочих, десятки раз, после очередной выдачи, продававших свои „неот‘емлемые“ права, что все это, как не те же Исавы, продававшие и продающие право своего первородства. (Пусть не примут эти слова за порицание! Я никого не хвалю, и не порицаю. Я только исследую причинную связь явлений).

Такое поведение говорит, что десятки морально-правовых рефлексов разного рода у этих лиц не выдержали „испытания“ голода и сломались [1]).

О тех же явлениях свидетельствуют в древних голодовках и многочисленные самопродажи голодных в рабство. Такое поведение—свидетель подавления ряда нравственно-правовых рефлексов и рефлексов „свободы“. „В средние века голод часто вынуждал бедных добровольно поступать в рабство“ [2]).

In der älteren Zeit werden die Menschen in der äussersten Not sogar zum selbstverkaüfe getrieben [3]). То же было и у нас, напр., в голод 1128, 1446 гг. и др. [4]) „Во время путешествия Moorcroft'a по Гималаю в 1812 г. к нему просился в рабы на всю жизнь один простолюдин, с тем, чтобы получать за то пищу“ [5]). Многим ли эти „эффекты“ голода отличаются от современных массовых „самопродаж“ в рабство за паек! Бедные человеческия „честь, совесть, гордость“ и „достоинства“! Думали ли вы, что ваш вес меньше $1\frac{1}{2}$ фунтов плохого суррогатного хлеба!

---

[1]) Конкретную иллюстрацию дает поведение героя „Голода“, человека гордого. Но его гордость не помешала ему опуститься до нищенства, выносить ряд оскорблений из-за бутерброда („долой неуместную гордость“!) и т. д.

[2]) Рошер: Ц. р. 60.

[3]) Curschmann: 55.

[4]) Ермолов: Ц. р., I. 9. 415 и др.

[5]) Рошер: Ib., 60. См. ниже гл. о голоде и закрепощении.

Приведу еще несколько примеров депрессирования ряда социальных рефлексов, называемых в общежитии „поведением, требуемым „приличием“, „этикетом“, „хорошим тоном“, и т. д.

Давно ли еще многие из наших сограждан считали невозможным и „постыдным“ итти на рынок, выносить и продавать там всякую рухлядь. „Умерли бы от стыда“. Пришел голод, и что же мы видим? Видим почтенных дам, нежных барышень и солидных джентльменов, рядами стоящих на Сенном или Андреевском рынках и торгующих: старой юбкой и брюками, кофейником и лампой, бубликами и т. п.

Соответственные рефлексы „этикета“ и „приличия“ исчезли.

Давно ли большинство богачей и интеллигентов считало „неприличным“ таскать мешки на себе. Был целый ряд рефлексов, тормозивших такие акты. Теперь эти рефлексы отпали и ходят они с мешками, было бы только, что таскать в них.

Сытый человек „стыдится“ протягивать руку за милостыней. „Лучше умру, а не буду попрошайничать“, говорит он. Приходит голод и... рука говорящих протягивается, сначала, быть может, с трудом, потом—весьма легко. Это относится и к интеллигентам и к неинтеллигентам. „Mendicab nt etiam infiniti artifices et divers rum artium operarii, ex qu bus nonnuli habuere de facultatibus rerum suarum ad valorem centum marcarum argenti“; аналогичные описания пестрят в средневековых хрониках [1]).

Голод депрессирует и эти рефлексы, если они ему мешают.

Давно ли мы стыдились есть на улице или на заседании. Стыдились и обычно не делали этого. Теперь... едим и на заседании, и на улице и где угодно. „Было бы что уплетать“. Соответственные рефлексы подавлены голодом.

Я полагаю пора остановиться. Сказанного более, чем достаточно, для подтверждения выставленного положения.

---

[1]) Curschmann: Ц. р.. 55—56. „С Богородичного Рождества, рассказывает Лесков, некоторые (из голодавшей в 1840 г. деревни) несмело стали отлучаться. Спросите — куда? Сначала был стыд в этом сознаваться— отлучки эти скрывались: люди уходили из села и возвращались в потемочках, „чтобы сумы не было видно“, но голод и нужда возрастали и к Покрову все друг о друге знали, что всем есть нечего, и что „всем надо итти побираться“. Лесков: Цит. раб., 18. То же повторялось в неурожайных губерниях в 1920—22 г.г. и в наши дни.

Депрессирование голодом т. н. «эстетических» рефлексов.

В сытом состоянии люди в той или иной мере „эстеты“. Некоторые же—„эстеты“ до кончика их ногтей. Они „безумно“ любят красоту, искусство, комфорт. Чуть не вся их жизнь уходит на разговоры о красоте, на посещение выставок, театра, концертов, на приобретение шедевров, ваз, картин, утвари; на устройство „комфортабельной“ обстановки, на „красивую“ жизнь, на маникюрство, на косметику. Люди тратят деньги на духи, пудру, часами занимаются прической, и т. п. (Целый ряд условных рефлексов). Приходит голод. Ряд таких рефлексов оказываются несовместимыми с пищетаксическими актами, наступает конфликт их и „эстетические“ рефлексы весьма часто пассуют. „Страстный театрал“ перестает бывать в театре (днем служба, потом очередь, потом варка на буржуйке; „некогда“, „до театра ли“), редкая, комфортабельнейшая обстановка оптом или в розницу идет за ряд фунтов муки и картошки, „чудное платье“—за *n* фунтов масла, редкий „unicum“ идет к маклаку, пианино—в деревню; туда же идут и другие шедевры (картины, альбомы, вазы, утварь, и т. д.). О „косметике“ и „маникюрстве“, „красивой прическе и костюме, духах и пудре“ дамы забывают и думать. Кто из нас не знаком с такими людьми! И много ли найдется людей в Питере и Москве, действительно попавших в голодное положение, которые не спустили все, что можно было спустить, чтобы получить „хлеб насущный“. То же повторялось и раньше при голодовках. Беру для примера одно из многих летописных хроник средневековья. Истратив все, даже богатые жители Праги начали распродажу вещей. Et hiis omnibus alii exspoliati, aliqui in familia sua consumptis vendebant de uxoribus suis armillas, inaures, monalia et omnem ornatum, qui cultui femineo competebat in vestitu, cupientes salutem vitae depulsa esurie conservare [1]). Картина знакомая! Этих фактов достаточно, чтобы признать несомненность депрессирования голодом в ряде случаев и т. п. „эстетических рефлексов“...

Изменение голодом мимических рефлексов.

Нет надобности подробно настаивать на том, что под влиянием голода меняется „выражение“ лица и его мимические—и безусловные и особенно условные—рефлексы. Кто

---

[1]) Curschmann: Ib. 56.

не знает, что выражение лица одного и того же человека в сытом и голодном состоянии совершенно разное. И кто не замечал, что в голодном состоянии одни мимические рефлексы, которыми в сытом состоянии человек реагирует на определенный раздражитель, напр., рефлексы улыбки при восприятии „смешного" явления, перестают совершаться; и обратно, совершаются многие мимические рефлексы, которые в сытом состоянии не совершались, которыми в этом состоянии человек не реагировал на определенный раздражитель. Напр., в сытом состоянии взгляд людей не приковывается к аппетитным пищевым об'ектам, в голодном—вы видите, что он приковывается к ним; он то и дело обращается в сторону их, сосредоточивается на них и гипнотизирует их. Вместе с этим меняется и все „выражение" лица. Кинематографируя мимику людей в этих условиях можно подметить и вытягивание губ, говорящее о желании схватить „магнит"; а в случаях, когда люди нарочито не желают показать своего исключительного интереса к пищевым об'ектам (напр., в научном заседании), вы замечаете попытки придать лицу преувеличенно-серьезное (иногда до смешного) и „глубокомысленное" выражение, стремящееся показать, что герой не обращает никакого внимания на дразнящий предмет. Однако, если искушение длится довольно долго, обычно герой, незаметно для него самого, не выдерживает до конца роли. Нет-нет, да „искусственно серьезная гримаса" сдувается дразнящим об'ектом и из-под нее нет-нет да и выглянет подлинная, естественная мимика голодного человека. Я не раз (в научных заседаниях, в собрании литераторов, интеллигентов) за эти годы делал такие наблюдения. Если бы был кинематограф в моем распоряжении— я мог демонстрировать воочию такие результаты. Но полагаю, и без него они замечались многими и не подлежат сомнению.

Депрессирование голодом остальных контрарных условных рефлексов.

Наконец, голод депрессирует и деформирует все вообще мешающие ему акты поведения людей. Под его влиянием меняется все поведение человека, это значит — перестает совершаться множество актов, которые без него совершались бы, и наоборот, индивид начинает делать то, что без него он не делал бы. Ученый, поэт, художник и др. перестают заниматься своим делом, если оно не дает хлеба, и

начинают делать то, что без голода и не подумали бы делать; ряд часов тратят: на варку пищи, на стояние в очередях за фунтом хлеба, на поиски дров для варки, на беганье по рынку, по спекулянтам, на искание и добывание „пайков“. Любимое дело забрасывается и вместо него люди поступают на „пайковые“ места и тратят время на неинтересное и постылое занятие в качестве к. н. „спеца“. Сотни ученых и художников, поэтов и писателей и др. в наши годы шли и идут, в качестве „спецов“, в В. С. Н. Х., в военный комиссариат, в администрацию, в канцелярию, делаются „пайковыми“ лекторами и артистами, кинематографическими чтецами, рисовальщиками пайковых плакатов, и часто с зубовным скрежетом профанируют и науку, и литературу, и искусство, или меняют любимое свое занятие на более хлебное, но чужое и нелюбимое. То же приходится сказать и о других людях. Если бы все они вели подробный бюджет времени в сытое и голодное время и сравнили бы первый со вторым, они увидели бы громадную разницу: как будто подменили человека; один уклад жизни и одно поведение оказывается совершенно несхожим с другим. В голодное время пищетаксические акты—чистые и смешанные—занимают чуть не весь бюджет времени и актов. Голод деформирует все поведение „по своему образу и подобию“.

Изменение речевых рефлексов человека под влиянием голода.

Раз голод подавляет одни акты и „прививает“ другие, т. е. радикально изменяет наши рефлексы, естественно, этой участи не избегают и наши „речевые рефлексы“ (speech-reflexes), т. е. акты словесного реагирования на те или иные явления. Слова, произносимые нами, или наша речь,—особая форма рефлексов, которыми мы реагируем на влияющие на нас раздражения. И здесь легко констатировать деформирующую роль голода. Один и тот же раздражитель в виде того или иного явления, предмета, события, часто вызывает от нас совершенно разные „речевые рефлексы“ в сытом и голодном состоянии. Факты. Большинство из нас еще недавно, при виде суррогатного хлеба, говорило: „Не хочу! как можно есть такой хлеб! гадость, а не хлеб“, теперь: „Хочу! ничего себе, есть можно“! „Не беда, коли в хлебе лебеда, а вот беды, коль ни хлеба, ни лебеды“! При виде конины: „Фу, какая гадость! я не могу есть, меня тошнит“! „Это грех“! Теперь такие слова мы редко произносим и

редко слышим, а слышим другие, в роде: „конина! отличное блюдо; я с удовольствием ем ее в тушоном виде“! Пищевой режим, в сытое время называвшийся „полуголодным, нищенским“, теперь зовется „отличным“. („О, он отлично питается: получает 40 фунтов хлеба, 5 фунтов мяса, 2 фунта масла, 1½ фун. сахару и 10 фунтов крупы в месяц“)! Пища, в сытом виде называемая нами „невкусной“, в голодном состоянии называется „вкусной“, „аппетитной“. „Гм... превкусно“, такими словами реагировали Миккельсен и его спутник при еде ядовитой собачьей печенки [1]). В сытом состоянии речевая реакция была бы, конечно, иной.

Такие факты деформации речевых рефлексов известны каждому. Но ими далеко дело не исчерпывается. Изменение гораздо шире и глубже, и распространяется на все явления, прямо или косвенно имеющие отношение к питанию. Примеры.

Из выше приведенных фактов видно, что в сытом состоянии человек говорит: «есть в пост скоромное грешно», в голодном: «есть в пост при голоде не грешно», в сытом: «нужно уважать чужую собственность», в голодном: «убирайся к чорту! не издыхать же мне из-за твоей собственности с голоду», «собственность-кража»; в сытом состоянии: «Иван Иванович—мерзавец и хам», в голодном: «Ив. Иванович оказался чудеснейшим человеком: вопреки ожиданию, он устроил мне отличный паек». В сытом: «кража недопустима», в голодном: «кража извинительна»; в сытом: «Ах, какая чудесная картина!» в голодном: «мне не до картин»; в сытом: «нельзя продавать и профанировать науку и искусство из за мамоны, ибо «не о хлебе едином жив человек», в голодном: «живу недурно, читаю лекции, пишу плакаты, и получаю пять очень хороших пайков», в голодном состоянии, (пока не устроился): «советская власть невыносима и гибельна; так жить нельзя», в сытом (после получения хорошего пайка): «не правда ли, налаживается хозяйство и порядок; да эксперимент тяжелый, но здоровый и неизбежный! Это—великая творческая эпоха! Создается новое, невиданное в истории общество!» Бесполезно приводить дальнейшее факты [2]). Полагаю, что каждый внимательный наблюдатель констатировал тысячи подобных фактов и в своем, и в чужом поведе-

---

[1]) **Миккельсен**: Ц. р. 285.

[2]) Приведенные примеры—не выдумка, а подлинные факты, записанные почти с стенографической точностью и произнесенные устно (а иногда и печатно) одними и теми же суб'ектами в голодном и сытом состоянии, до пайка, и после «пайкового прозрения».

нии за эти годы. Они могут быть доказаны и экспериментально, напр., путем точной записи «речевых рефлексов», оценки одного и того же блюда в голодном и сытом состоянии (конечно, без осведомления экспериментируемого с целями эксперимента). Разновидностью этого изменения речевых рефлексов голодом служат и факты молчания, вместо говорения, и наоборот, говорения вместо молчания,—при изменении сытого состояния на голодное; и обратно. Неисчислимо количество тех людей, которые часто «держали язык за зубами», чтобы не лишиться места (сиречь не попасть в об'ятия голода) при виде возмутительнейших актов, совершаемых их патронами, «хозяевами», начальством, «благодетелями», «кормильцами и поильцами». «Есть-то, ведь, надо! Помилуйте, у меня, жена и дети! Приходится молчать!» И обратно. В силу той же причины сотни тысяч людей—тьмы льстецов, приживалок, паразитов от Адама до наших дней—пели и поют дифирамбы, лгут, восхищаются, хвалят в глаза своих поильцев и кормильцев, чтобы не лишиться места, «пайка», «кормежки», чтобы получить «подножный корм», или заменить его лучшим. Без этой причины они молчали бы, не стали бы лгать, или разразились бы бранью, насмешками, презрительными и оскорбительными словами. Голод или угроза голодом перевертывает все шиворот на выворот: накладывает печать молчания там, где без него люди говорили бы, вкладывает слова там, где было бы молчание, заменяет одни слова—противоположными. Так называемая «ложь»—ничто иное, как изменение речевых рефлексов человека, вызываемое многими причинами, в ряду которых стоит весьма часто голод [1]). Такие факты неисчислимы в истории людей. Они неисчислимы и сейчас. Приглядитесь к поведению 99 «спецов» нашего времени из 100, и вы найдете подтверждений сколько угодно, в виде «фигуры ли умолчания», или в виде captatio b nevol ntiae, или в «форме «чудовищной лжи», над которой в иной среде потом они же сами смеются. Если в прошлом или сейчас вы видите, что N.N. начинает писать и говорить об одних и тех же явлениях, напр., о советском строе большевиках, интернационале и т. д., совсем по новому, называть «белым» то, что раньше называл «черным» или наоборот, поищите прежде всего, как дело обстояло и обстоит с его «пайком»,

[1]) См. иллюстрации сказанного в «Моих скитаниях» Д. Лондона, рассказывающего, как он из-за куска хлеба и пищи лгал всевозможные небылицы хозяйкам и хозяевам, или в «Голоде» Гамсуна, где герой «лгал за семерых» из-за хлеба, молча сносил оскорбления из за бутерброда и т. д.

не изменилось ли оно круто к лучшему или к худшему, и в ряде случаев вы убедитесь, что искомая причина лежит в этой независимой переменной. Прикрытая грудами слов и побочных обстоятельств она часто не видима с первого взгляда. Но покопайте поглубже, и в ряде случаев, особенно теперь, вы ее найдете. Многие случаи обращения Савлов в Павлы и наоборот—простая функция перемены пайка «кладу зубы на полку» на паек «спеца», «академический» «ответственный», или обратно [1]).

Не представляют отсюда исключений и «искренние» обращения. «Искренность—самая дешевая вещь в мире. Человек суб'ективно может думать, что он «искренно» трансформируется. Об'ективно эта искренность—вуаль, скрывающая суть дела и существующая для самообмана. Это можно сказать наверняка почти о всех «прозрениях», где «прозрение» вело и ведет от голода к сытости, от худшего пайка к лучшему. Подлинными исключениями (в отношении голода), [2]) будут только те «искренние» перевоплощения, где они ведут от сытости к голоду, от лучшего пайка к худшему. Их, увы! не так много, они насчитываются единицами. Остальные случаи «искренности» изменения речевых рефлексов в наше время стоят весьма часто не больше 2 фунтов хлеба в день, и нескольких фунтов мяса, крупы, масла и сахару. Они могут стоить и выше в более богатое время, но от этого суть дела не меняется и моя теорема не опровергается. При нашей бедности теперь самые резкие изменения речевых рефлексов у большинства граждан Р.С.Ф.С.Р. можно вызвать весьма маленьким пайком: «академического» пайка за глаза достаточно, чтобы заменить речевой рефлекс: «будьте вы прокляты!» рефлексом: «Осанна!»—такова цена «высоких слов» на житейском базаре! [3]).

---

[1]) Я бы мог привести три крупных случая таких перевоплощений и «прозрений». Весь процесс перехода происходил на моих глазах, и причиной его был пайковый вопрос. И обратно, множество лиц, отрицательно относится к революции потому, что она разорила их и заставила голодать.

[2]) Но не в отношении других детерминаторов. «Искреннее перевоплощение» может быть вызвано самосохранением индивидуальным и групповым, половым и рядом социальных детерминаторов поведения.

[3]) Частную иллюстрацию сказанному дают «спецы слова»: газетчики, публицисты и журналисты. «Продажность» их и газет вообще давно известна и для большинства этих «спецов» давно уже установлена такса, определяющая цену их речевых—печатных—рефлексов. Для одних она была половина копейки за строчку, для других—рубль. За ту же цену можно и «купить их», т. е. изменить их речевые рефлексы в какую угодно сторону. Исключения—единицы, да и то может быть потому, что их «неподкупность» или хорошо

Изменение субвокальных рефлексов („убеждений и„ идеологии" человека) под влиянием голода.

До сих пор я рисовал изменение внешних актов человека, вызываемое голодом. Я имел дело с об'ективными, несомненными явлениями, локализованными в координатах времени и пространства, доступными наблюдению. Не представляют исключения отсюда и „речевые" рефлексы человека. Они, как символические комплексы звуков, также имеют физическое бытие. Перенесемся теперь в „душу" людей. Попробуем заглянуть туда и посмотреть, какие пертурбации голодание вызывает здесь, в мире душевных переживаний.

Из второй главы мы уже видели ряд деформаций в этой области, вызываемых голодом. Но там я очертил изменения, так сказать, со стороны формы, а не содержания душевных переживаний (изменение ощущений, восприятий, мира и течения представлений и идей, памяти и внимания, чувств и эмоций, воли и жизневосприятия).

Теперь направим свет нашего фонаря на само содержание представлений и идей, убеждений и верований, эстетических и моральных оценок и волений, (субвокальных и заторможенных рефлексов), на то, что зовется „мировоззрением", „идеологией" человека и спросим себя: в какой мере эти невещественные явления зависят от вещественного фунта хлеба или отбивной котлеты?

Из всего предыдущего, в особенности же из параграфа о деформации „речевых рефлексов", следует, увы! что они зависят, и весьма значительно. Больше того, значительная часть „идеологии" прямо или косвенно относящаяся к питанию, часто похожа на вуаль, колеблемую ветром голода и скрывающую этот ветер. Эта зависимость строго говоря, такова, что ceteris paribus голод стремится ослабить, вытравить и уничтожить—прямо или косвенно, с изворотами и дипломатией или без них—все убеждения и верования, вкусы и долженствования, которые мешают его удовлетворению, и обратно, усилить, укрепить или создать те, которые при данных условиях помогают насыщению. Иными словами, он стремится переделать наше мировоззрение и идеологию по своему образу и подобию, удаляет, обрезает, глушит, вы-

---

оплачивается и приносит дивиденд больший, чем «продажность», или потому, что, как «невинность» урода, она никому не нужна и потому никем не соблазняется.

ветривает все ему конфликтное и „протежирует“ все ему благоприятное.

„Темна и сложна душа человека, таинственны ее капризные извивы и аккорды“, так часто говорят нам и говорят правду, но не полную. Полная правда гласит: если это и так, то не всегда и не везде. Временами, в определенных областях, душа проста, как геометрическая фигура, ее процессы ясны и понятны, как движение простой машины. Фунтом больше—один аккорд, фунтом меньше—другой аккорд. Симфония так проста и так часто повторялась со времени Адама, что стала „монотонной“, набившей оскомину, стереотипно-пошлой, как примитивная частушка.

Начнем с „убеждений“, „моральных оценок“ и „верований“, как суб'ективных переживаний человека, и нарисуем грубовато миллионы раз идущую на сцене жизни трагикомедию „жизни человека“. Действие первое. Перед нами сытый человек. Он убежден, что „есть скоромное в пост—грех“. Он может об этом говорить, может и не говорить. Действие второе. В течение 36 часов в организм человека не поступило ни одной калории. Перед ним хорошо приготовленный бифштекс. На арене „души“ начинает развертываться интересная картина. Есть хочется. Но „грешно“: „совесть не дозволяет“. Незаметно для нас самих, однако, откуда-то появляется „чорт“ и начинает нашептывать: „да, полно, грешно-ли“, „запрет, ведь, относится к сытым, а не к голодным“, „ведь, не может же быть, чтобы Бог хотел смерти“, „да и святые отцы допускали исключения“, а „разве Христос не ел в субботу колосья“, „разве с точки зрения здравого разсудка это не абсурдно“, и т. д. и т. д.

Из логовища сознания и интеллекта вылетают сотни дьяволов и начинают вести подкоп под мешающее убеждение, подтачивать его так и эдак, чем далее, тем подкоп ведется смелее, аргументы против убеждения растут пачками, и в итоге—„монолитный утес убеждения“ рушится. „Оправдание“ его нарушения и вытеснения готово. „Мотивировка“ создана. Мешающая норма отправлена во временную или вечную ссылку, выключена из сознания и заменена обратной: „есть в пост скоромное можно. Это следует из таких-то и таких-то оснований“. Все обстоит благополучно: голод насыщен и нарушение нормы замазано и оправдано. Насытится человек—и впредь до нового голода „вытесненное“ убеждение может возвратиться и сесть на свое место.

Пример. К характерным чертам детей нашего времени относится „моральная неустойчивость детей, как напр., мел-

кое воровство съестного, мена или отбирание порций у слабых, ложь и обманы старших. Они высказывают словесную мораль, проявляют чувство раскаяния и сожаления, сознавая неправильность своих поступков, но, при слабости психических задержек, не могут противостоять своим низшим стремлениям» [1]). Такова первая стадия. С дальнейшим повторением подобных актов убеждения будут слабеть и в итоге погаснут, нередко заменяясь даже противоположными.

Приведенная картина, конечно, может иметь другие конкретные формы (в зависимости от человека), но суть ее одна и та же: такую трагикомедию, вызываемую голодом и целым рядом других детерминаторов, мы разыгрываем чуть ли ежедневно [2]). Всюду здесь «сознание», «разум» играют роль лакеев или проституток [3]), находящихся «на содержании» у голода (и др. основных детерминаторов), работающих по их заказу и требованию и, подобно продажному журналисту, готовых «доказывать», «оправдывать», «мотивировать» все, что угодно, сейчас одно, через час—другое.

Набросанный процесс у нерефлектирующего сознания совершается еще проще. Тут сознание редко даже улавливает противоречие. Сытый он верит в греховность еды скоромного в пост. Голодный—он есть скоромное и верит, что это не грешно и... только. «Убеждения» здесь без всяких фокусов и мотивировок меняются, вынимаются и вкладываются без всяких «оправданий», «антимоний» и «мотивировок».

И в том, и в другом случае возможны разные вариации. В одних случаях голод бессилен сразу вытравить несовместимое убеждение. Человек нарушает его, совершает недозволенный рефлекс, но сознает, что «поступил нехорошо, против убеждения». Однако, чем чаще происходит такое нарушение, тем больше и больше ослабляется убеждение, оно начинает чаще и чаще «выключаться» из поля сознания и

---

[1]) **Аронович**. Ц. р., 31.

[2]) Типичный пример дает поведение людей, напр., при посадке в трамвай или в вагон. Пока он не занял место, человек доказывает: «Подвиньтесь! Можно потесниться! Дьяволы, только о себе и думают! Возьмутительная некультурность!» и т. д. Действие 2-ое: человек попал в трамвай. Лезут другие. Убеждение попавшего делает оборот на 180°, и он с тем же жаром начинает доказывать: «нельзя! некуда! набиты, как селедки! не на головы же лезть», и в вагоне, вдобавок, норовит занять для себя два—три места.

Бедные человеческие убеждения!

[3]) Не даром я на лекциях определяю человека, как «животное, отличающееся от других животных тем, что оно мотивирует хорошими убеждениями и высокими словами всякую мерзость!»

в конце концов угасает и заменяется противоположным. Угасает хотя бы уж потому, что «вера без дел мертва есть», что любой акт рикошетом влияет на прочность убеждения, что чем чаще совершаются такие акты «против убеждений», тем безжизненнее становятся последние, тем скорее и легче они исчезают. Трудно украсть, убить человека в первый и второй раз, но если мы крали и убивали десятки раз, то от убеждений «не укради» и «не убий» остаются только «рожки, да ножки». Они нередко заменяются противоположными: «собственность—кража» и «убийство—хорошее дело». Таким путем голод исподволь подрывает мешающие ему верования и убеждения и достигает своей цели [1]). Для неприхотливого ума не нужно сложных «мотивировок», а изворотливый ум, в конце концов, найдет «оправдания» и «нужные мотивировки».

Таковы три типичных пути: 1) путь изворотливых дипломатических вывертов и мотивировок разума, 2) путь нерефлектирующего совмещения противоречий и 3) путь ослабления убеждения чрез рикошетное влияние противоречащих ему актов, которыми голод достигает ослабления и уничтожения враждебных ему убеждений, порождения благоприятных и укрепления нужных.

Этими тремя путями он весьма часто меняет «содержание нашего сознания», наши убеждения и верования, моральные оценки и эстетические вкусы, наши симпатии и антипатии, наше мировоззрение и идеологию.

Не думайте, что дело здесь ограничивается такими мелочами, как норма: «есть скоромное в пост грешно». Увы! Для голода нет святынь. Он слеп и с одинаковой силой обрушивается на все—на большие и малые убеждения и нормы, раз они ему противоречат. Сытые мы исповедуем «священность собственности», голодные—можем пойти красть, без малейшего угрызения совести; сытые мы убеждены в недопустимости убийства, грабежа, насилия, обмана, мошенничества, проституции и т. д. Голодные,—не заверяйте, читатель,—можем пойти на эти акты, можем даже думать, что

---

[1]) См. подробнее о рикошетном влиянии акта на психические переживания и убеждения Сорокин: Система социологии. т. I. 176—193. Сорокин: Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. № 3. Джемс: Психология, 1916. гл. XXIV. Его же статья в Mind, 1884 г. Ланге: Душевные движения. 1896 г. P. Levis: L'education de la volonte. Payot: L'education de la volonté. 1907. Weiss: Relation between functional and behavior psychology. The Psych. Review. 1917. № 5.

«убить толстосума-кровопийцу», «ограбить его» — вполне дозволенное дело. По крайней мере, это мы видим на поведении многих людей, начинавших с таких убеждений, нарушавших их под влиянием голода и нужды, и кончавших диаметрально-противоположными убеждениями, гордившихся залихватскими грабежами и убийствами, артистическим мошенничеством и обманом, насилием и проституированием.

К чему много фактов и скрупулезных доказательств! Оглянитесь вокруг себя, приглядитесь к вашим знакомым— и вы увидите это явление. Массовым примером может служить т. н. «интеллигенция». В начале октябрьской революции она считала «позором» итти на службу к власти и получать из «кровавых рук» «подачки». Пришел голод. И что же мы видим. Толкаемые голодом, с одной стороны, гипнотизируемые и манимые волшебным блеском пайков, с другой (плюс—другие детерминаторы) один за другим «пошли в Каноссу» интеллигенты—профессора, журналисты, врачи, писатели и поэты, адвокаты и инженеры и т. д.,—сначала тайком, бочком, украдкой, с заднего хода, «чтобы другие не узнали». «Пайкотропизм» сначала тормозился рядом рефлексов и вызывал укоры попранных убеждений. Было стыдно, неловко, мучила совесть. Голод не ослабевал, а рос. Без пайков и службы грозила голодная смерть. Давление этого волшебника росло. Тяга в Каноссу усилилась. Итог: начали с убеждений, что быть вообще на службе у коммунистов недопустимо, кончили тем, что стали добиваться высоких мест, назначение на них стали считать «честью», гордиться им, на занятие правительственных мест: спеца, эксперта, консультанта и властью облеченного управителя— стали смотреть, как на вполне честное и святое дело. Словом, начали с «проклятия», кончили «осанной». Это ли не блестящий пример деформации убеждений и морально-правовых взглядов под давлением ряда факторов и особенно голода!

На поведении и убеждениях отдельных лиц это явление выявилось еще резче. Сравните их убеждения с источником их кормления и вы увидите полное совпадение: когда кормление шло от монархизма или национализма и «Единой России», они были убежденными монархистами и националистами, били челом Колчаку, Деникину, Царю, целовали ручки княгинь и графинь, руководили соответственной газетой; когда кормление стало итти только от интернационала и коммунизма—они стали убежденными интернационалистами или «национал-интернационалистами». Если корм-

ление пойдет от римского папы—они будут убежденными папистами. И всегда «искренними», всегда руководящимися «высокими мотивами».

У других эти процессы проходят не так ярко, но суть одинакова. Есть, конечно, и такие, которые умирают от голода, но не продаются за хлеб кому бы то ни было. Есть и такие единицы—но их единицы. «Испытания голодом» не выдерживало в средневековых тюрьмах большинство людей; не выдерживают его и убеждения большинства испытуемых им. Они так или иначе «сдают». Голод лепит их души по своему образу и подобию. Многие из них говорят искренно высокие слова, «мотивируя и оправдывая». Когда слышите их, поищите, временами, читатель, поглубже. Под ними вы нередко найдете «бога живота» в буквальном смысле этого слова.

Ниже, при изучении влияния голода на социальную идеологию, я более подробно рассмотрю этот вопрос. Судьбы одного из мировоззрений достаточно убедительно подтвердят нашу теорему.

Заключение и резюмэ.

Из всего сказанного выше следует, что: 1) колебание кривой количества и качества пищи, в частности голодание, резчайшим образом деформирует все поведение человека.

2) Основной чертой этой деформации служит явление пищетаксиса и приращение в нашем бюджете актов пищетаксических с одной стороны, с другой—превращение всего нашего организма в аппарат, предназначенный для питания.

3) Сообразно с этим голод стремится депрессировать и ослабить все безусловные и условные рефлексы, мешающие и несовместимые с пищетаксисом, видоизменить «речевые рефлексы», «идеологию» и душевные переживания людей, удалить из них мешающие ему, породить и укрепить благоприятствующие.

4) Поведение массы людей показывает, что такая задача голодом весьма часто достигается.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основные социальные эффекты массового голодания.

§ 1. Главные формы социальных эффектов детерминатора питания.

Раз колебание количества и качества пищи изменяет поведение людей, то оно не может не отражаться и на процессах общественной жизни: массовое изменение поведения людей под влиянием этого колебания вызовет и изменение социальных процессов в пределах голодающего общества. Общественные эффекты детерминатора питания чрезвычайно разнообразны и многочисленны.

Прежде всего, они могут быть разделены на: 1) постоянные, вызванные нормальным обменом веществ любого аггрегата, 2) на спорадические, наступающие при исключительно-резком колебании количества и качества пищи, поступающей в организм аггрегата. Далее, те и другие эффекты распадаются на: непосредственные,—первичные функции детерминатора питания, являющиеся прямым его результатом, и на функции посредственные, вторичные, третичные и т. д., представляющие следствия первичных функций.

В задачу данной работы не входит подробное исследование всех этих форм. Ее темой является исследование лишь спорадических социальных функций первичного порядка, вызванных резким ростом дефицитного или сравнительного массового голодания.

Что касается постоянных функций детерминатора питания—то на этот счет я ограничусь самым кратким очерком их. Функции второго, третьего и т. д. порядка я лишь упомяну после исследования спорадических первичных эффектов.

Постоянные вторичные функции детерминатора питания.

В любом обществе, как и в организме, происходит обмен веществ; оно представляет сложный аппарат, воспринимающий пищевую энергию извне и расходующий ее в своей жизнедеятельности. Оно живет, работает и творит за счет этой энергии. Так как расходование энергии обществом в «творческих» или «нетворческих» формах совершается постоянно, то и приток пищевой энергии в него так же должен быть постоянным.

Отсюда следует, что в любом аггрегате, раз он живет и пока он живет, неизбежно должна быть постоянно функционирующая «система питания» общества и органы последней. Существование этой системы и ее органов—постоянная функция детерминатора питания. Первая вызвана к жизни последней. Не будь ее—не было бы и первой. И действительно, в любом живущем аггрегате мы находим такую систему органов питания, занимающую одно из самых главных мест в общей структуре общества. Эта система состоит из: 1) органов (учреждений, институтов) добывания—производства и обработки—пищевых благ, 2) органов обмена и распределения последних в пределах аггрегата, между его членами, 3) органов потребления этих благ.

Примерами органов добывания и производства питательных благ являются: институты охоты, рыболовства, скотоводства, земледелия, промышленности, занятой добычей и переработкой продовольствия и т. д. Каждый из этих институтов, представляя группу людей, выполняющих определенные функции и акты посредством простых или сложных средств и орудий производства продовольствия (мотыки, палки, бороны, сохи, плуга, сетей, лодок, машин, фабрик, заводов, плюс—полей, садов, скота и т. д.), является в своей целокупности тем насосом, которым общество вкачивает в себя извне, из космоса, нужную ему пищевую энергию. Все они, вместе взятые, и образуют систему общественных органов добывания продовольствия, как постоянную социальную функцию фактора питания. Правда, ряд аггрегатов могут ее не иметь в прямом виде. Но это значит, что они имеют ее в модифицированной форме, что они извлекают энергию чрез посредство других аггрегатов (напр., индустриальные аггрегаты чрез посредство земледельческих, военно-паразитические чрез посредство эксплоатируемых и т. д.), для чего должны иметь аппарат такого извлечения в форме ли военного аппарата, на-

[illegible]нием снимающего продовольствие, или индустриального аппарата, вырабатывающего эквиваленты, обмениваемые на продукты питания.

Рядом с системой производства питательных благ в любом обществе дана и система органов распределения их между членами общества. Таковы: рынки, ярмарки, магазины, лавки, базары и весь торговый аппарат, выполняющие функции распределения питательной энергии между членами общества, с множеством форм разнообразной деятельности и с бесконечным многообразием материальных средств, употребляемых при этом (перевозочных средств, путей сообщения, мест и зданий рынков, магазинов, бирж, контор, денег, ордеров, карточек, [illegible] и др. книг и т. д.). Все это, вместе взятое, образует распределительную систему агрегата, составляющую его органы распределения питания.

Наконец, в любом обществе дана и система органов потребления питания, состоящая опять-таки из группы более [illegible] определенных актов и материальных орудий, обслуживающих эту функцию: костер, очаг, кухня, трактир, столовая, кафе, ресторан и т. д.; вертел, тыквенный или глиняный горшок, кастрюля, печь, плита, ножи, вилки, самовары, чайники, ложки, тарелки, чашки, салфетки, бутылки и т. д. и т. д.

В той или иной форме все эти органы, в совокупности образующие систему органов питания общества, даны постоянно в любом агрегате и составляют одну из главных систем общественного организма. Она — постоянная функция фактора питания.

Постоянным эффектом последнего служат и многочисленные процессы добывания, распределения и потребления питательных благ, непрерывно совершающиеся в любом обществе и составляющие одну из основных форм его жизнедеятельности (акты охоты, ловли рыбы, скотоводства, обработки земли, садов, виноградников, плантаций, акты работы на пищевых фабриках и заводах, в пекарнях и лабораториях, в столовых и трактирах, акты приготовления орудий и средств производства питательных благ и т. д.). Общество постоянно тратит энергию, а потому постоянно принуждено добывать пропитание, распределять и потреблять его. Совокупность таких форм деятельности и образует процесс питания общества, беспрестанно протекающий в нем.

Из этой характеристики видно, что явления, изучаемые политической экономией, в огромной своей части представляют постоянную функцию фактора питания.

На ряду с этими постоянными социальными функциями фактора питания, носящими вещественно-материальный характер, есть, конечно, целый ряд других постоянных функций, проявляющихся во всех сферах общественной жизни, неразрывных с первыми.

Если взять весь умственный багаж общества, комплекс знаний, которыми оно располагает, то значительную часть его составляют знания, прямо или косвенно относящиеся к явлениям питания и вызванные к жизни последним. Таковы будут все знания, указывающие в какой бы то ни было форме, способы его добывания, приготовления соответственных орудий, способы обработки, приготовления, распределения и потребления. В примитивных общестах они передаются путем традиции. подражания, обучения и т. д. из поколения в поколение, от человека к человеку. В более развитых обществах они вырастают в целую систему теоретических и прикладных дисциплин, вроде десятка агрономических наук, в роде сотен отраслей прикладной науки, трактующей эти явления. преподаваемых в школах, разрабатываемых в ученых институтах и лабораториях, распространяемых путем книг, брошюр, газет. журналов и т. п. В любом обществе воспитание. обучение и жизненная экипировка молодых поколений состоит прежде всего в вооружении их знаниями и приемами для добывания пропитания и для уменья быть сытым. То же относится и к религиозной жизни общества. Здесь ряд обрядов, молитв, служб, заповедей и предписаний, начиная с рел. обрядов «умножения продовольствия» у диких и с «хлеб наш насущный даждь нам днесь» любой религии и кончая обрядом «причащения» (ядения) и предписаниями, определяющими, что, когда и как дозволено есть и что не дозволено и т. д., все это вызвано к жизни фактором питания, существует в области религии благодаря ему и занимает в ней весьма обширное место. Все подобные явления «выдавлены» на поверхность религиозного моря детерминатором питания. Они— усложненная, опосредствованная и своеобразно преломленная функция последнего. Как в области знаний, так и в области верований любого общества «пищевые явления и темы» занимали и занимают постоянно весьма обширное место.

То же относится к области морали и права любого общества. Возьмите совокупность моральных и правовых норм, предписаний и заповедей любого аггрегата, и в каждой из них вы найдете огромное количество правил, посвященных регулировке отношений, возникающих на почве питания и связан-

ных с ним, иначе говоря, определяющих поведение членов общества в области добывания, обмена, распределения и потребления питательных благ. «Политика» любого общества в огромной своей части была, есть и будет прежде всего хлебной политикой, т. е. системой мер, вызванных детерминатором питания и направленных на разрешение «вопроса ножа и вилки». То же относится и к управлению и властвованию. То же приходится сказать и о социальной борьбе. Она была и есть прежде всего борьба за долю пищевых благ между членами и слоями общества. Не иначе обстоит дело и с искусством. «Пищевые» темы, образы, эпитеты, сравнения, метафоры и т. д. были, есть и будут одной из популярнейших и постоянно разрабатываемых тем и литературы, и живописи, и скульптуры, и архитектуры и сценического искусства, и определенных видов пения и музыки. Прямо и косвенно этим темам посвящены сотни и тысячи произведений искусства: повестей и романов (в роде «Голода» Гамсуна, «Отверженных» Гюго, «Бродяги» Мопассана, «Голого года» Пильняка и т. д.), драм, трагедий и комедий (в роде ряда пьес Аристофана, Ткачей—Гауптмана), поэм, сказок, стихов, романсов, картин, изваяний, барельефов и т. д.

О житейской этике, правилах приличия и т. п. («не ешь с ножа», «к обеду надевай фрак», «держи так-то себя за столом» и т. д.) и говорить нечего. Словом, какую бы область общественной жизни, в частности и духовной жизни общества, мы ни взяли, в каждой из них, у каждого аггрегата, в любой момент его жизни мы найдем целый ряд проявлений детерминатора питания, вызванных к жизни им, «выдавленных» в этой области им, и обязанных своим бытием ему. Не будь этого детерминатора—не было бы и этих постоянных социальных функций последнего. Ограничиваюсь здесь этими штрихами [1], и перехожу к рассмотрению спорадических социальных функций голодания. Нижеследующий порядок рассмотрения их диктуется и существом дела, и целым рядом соображений ясности, удобства и целесообразности.

§ 2. Постановка вопроса и суммарный перечень основных первичных функций массового голодания.

Допустим, что в данном аггрегате количество и качество пищи, поступающей в организм большинства его членов, стало из недефицитного дефицитным (т. е. наступило дефи-

[1]) Подробная трактовка этих вопросов предполагается мною в одном из томов «Соц. Механики».

цитное голодание их), или резко упало или возрос разрыв между диэтой высших слоев и низших (т. е. усилилось сравнительное голодание).

Каковы будут социальные эффекты такого роста дефицитного и сравнительного голодания?

Сейчас для меня безразлично, какими причинами вызван сам факт этого роста голодания в обоих формах. Я беру его, как данность, как «независимую переменную», мне важно лишь его присутствие или отсутствие. А чем вызвано оно, неурожаем ли или войной, экономическим кризисом или революцией, ростом населения или наводнением и т. п.,—сейчас для меня безразлично. Моя цель — отыскание социальных функций массового голодания, и для меня даже выгоднее, когда оно вызвано разными явлениями и происходит при разных условиях: такие обстоятельства облегчают выделение специфических функций массового голодания, позволяя отделять то общее, что дано при всех голодовках, из того пестрого комплекса сопутствующих явлений, которые являются «побочными» голоду факторами.

Такова основная задача и постановка вопроса.

Не скрою, что исчерпывающе решить ее я не берусь. Трудно учесть все те бесчисленные эффекты, которые вызывает массовое голодание. Достаточно, если удастся очертить некоторые из важнейших социальных функций этой «независимой переменой». Остальное—с течением времени «само приложится». Не скрою и того, что в этой области исследователь особенно легко может впасть в ошибки: явления, подлежащие его анализу, безконечно сложны, нужного материала часто нет или мало, вместо точного цифрового определения размеров питания того или иного населения в ту или иную эпоху часто приходится довольствоваться более общими, иногда неопределенными свидетельствами историков об его ухудшении или улучшении, сообразно с этим весьма рискованными становятся и выводы, делаемые из таких посылок. Но... проблема столь важна—и теоретически, и практически,—что обходить ее не приходится. От ошибок никто не гарантирован и сами они у одного помогут другим избежать их.

Результатом дефицитного голодания (и сравнительного) в поведении индивида служит «тяготение», «стремление» к пище или к ее эквивалентам (деньгам, напр.), дающим возможность получить питание. Что верно относительно индивида, то верно (ceteris paribus) и относительно *n* индивидов. Ре-

зультатом наступившего дефицитного или сравнительного голодания большинства членов данного аггрегата будет появление и повышение дефицитного или сравнительного пищетаксиса в поведении этой массы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, очерченными в предыдущей главе (тенденция ослабления и подавления всех контрарных удовлетворению голода рефлексов, появление, усиление и укрепление рефлексов благоприятных добыче пропитания и так далее). Дефицитно или сравнительно голодающая часть общества будет стремиться утолить свой голод и возвратиться на прежнюю или, в худшем случае, на недефицитно-голодную норму. Как это возможно? Шестью основными путями, распадающимися в свою очередь на ряд форм: 1) или путем изобретения новых и улучшения старых источников пропитания; 2) или путем доставления (мирным способом) недостаточного продовольствия из пределов других групп; 3) или путем отлива—эмиграции мирной и военной—избыточного населения из голодной области в сытые: 4) или путем войны и насильственного захвата продовольствия сытых групп голодным обществом: 5) или путем перераспределения продовольствия и богатств, имеющихся внутри группы, в форме: a) несистематических захватов голодными у сытых (путь «преступлений»), b) массового и в известной мере организованного нападения голодных на сытых, как держателей «пищевых скопов» и их эквивалентов (путь бунтов, волнений, революций), c) в форме вмешательства властей данной группы, производящих перераспределение сверху и в связи с этим изменяющих экономико-продовольственную организацию общества, d) добровольной уступки сытыми в пользу голодных части питательных благ даром или за соответственные услуги (путь общественной благотворительности, частного соглашения сытых и голодных на тех или иных условиях, часто ведущих к закрепощению последних); 6) если, наконец, эти пути не приводят почему либо к цели,—остается еще старый и «надежный» путь утоления голода — путь смерти и изменения «естественного движения населения», путь всегда «доступный» и неизменно верный.

Других путей нет.

Если верно, что результатом массового голодания является массовый пищетаксис, если верно, что он может быть утолен одним из этих путей и что иных дорог нет, то отсюда следует, что при данности массового голодания в социальном аггрегате (в населении деревни, города, области, государства, целого материка) мы неизбежно должны встретиться в нем с

одними, несколькими, или всеми указанными процессами утоления голода [1]).

Это дедуктивно следует из всего вышесказанного. Это, как увидим, подтверждается и индуктивно.

Связь между ними и голодом не всегда ясна с первого взгляда. Она в социальной жизни обычно маскируется и вуалируется тысячами «одежд»: пышными и высокими «речевыми рефлексами», заглушающими «урчание брюха», десятками рафинированных идеологий и прекрасных идеалов, в гарнире которых пред'являются обычно не очень эстетично и идеально выглядывающие требования желудка, сотнями комических и трагических сцен истории, с первого взгляда не имеющих никакого отношения к голоду. Но при более внимательном всматривании в кинематографическое полотно истории, мы видим, что монтером, выставляющим на историческую сцену указанные «картины социальной драмы» людей, является очень часто голод. Остальное в таких случаях только «медь звенящая и кимвал бряцающий», только одежда, скрывающая подлинное тело, только нарост или усложненная функция калорийности. «Человек волнуется, а голод руководит им», можно повторить изречение Боссюэта в подобных обстоятельствах. Как сказано только что, голодание массы населения в данном социальном аггрегате непременно должно вызывать одно, несколько или все из этих явлений.

В конкретной действительности дефицитное (а отчасти и сравнительное) массовое голодание чаще всего сопровождается несколькими из них. Но в одном обществе при голодании более резко выступают одни из них, напр., эмиграция или усиленный ввоз питательных продуктов, другие же следствия даны в ничтожном масштабе и остаются на заднем плане. В другом голодающем обществе на первый план выступают другие из указанных социальных следствий голодания, напр., рост преступлений, или волнений, в третьем—третьи и т. д.

Какое именно явление из перечисленных общественных эффектов голода и в какой комбинации будет иметь место в каждом данном случае массового голодания—это опять-таки не случайность, а факт, определяемый с одной стороны, це-

[1]) Этим я не говорю, что все случаи подобных явлений вызваны только голодом, и что другие причины их вызвать не могут, а говорю, что раз дан голод, то даны и эти явления в той или иной комбинации. Случаи же, когда они являются следствиями иных причин, сейчас меня не интересуют.

лым рядом обстоятельств, среди которых живет данный аггрегат, с другой—обусловливаемый и взаимными влияниями самих эффектов голода друг на друга.

Поясню мою мысль. Предположим, что голодающий аггрегат богат и может ввезти количество продовольствия, вполне достаточное для покрытия дефицитного числа калорий (= *n*) (из уезда, губернии, других губерний, других государств и т. д.). Если такой ввоз совершается и утоляет голод, пищетаксис исчезает, следовательно отпадают и его остальные эффекты, т. е. они не будут иметь места. Но если ввоз питательных продуктов невозможен или недостаточен (напр., не на что их купить, в силу блокады или др. причин ввезти нельзя) и не покрывает *n*-ого числа дефицитных калорий, тогда с уверенностью можно ждать других функций массового голода: напр., массовой эмиграции («если пищевая гора не идет к Магомету, то в силу пищетаксиса сам Магомет пойдет к пищевой горе»), если она возможна (есть пути сообщения, свобода выхода и входа, наличность работы в сытой области и т. д.) или всевозможных «изобретений», начиная с открытия пищевых суррогатов и кончая интенсификацией производства средств питания и т. д.

Опять-таки, если этими путями будет покрыт дефицитный голод—остальные его следствия не будут иметь места. Но допустим, что ими дефицит не покрывается (напр. потому, что ни ввоз, ни эмиграция невозможны, а изобретения—недостаточны); тогда с большой вероятностью можно предсказывать наступление других эффектов голода, напр., вооруженных нападений со стороны голодающих на сытые области или же целого ряда пертурбаций внутри голодающего аггрегата. Которые из них будут иметь место, опять-таки не случайность. Если, напр., внутри голодного общества нет резкой имущественной дифференциации, делить нечего, грабить некого или богачи прекрасно организованы и в состоянии оказать отпор нападающим, с одной стороны, с другой—если соседние аггрегаты богаты, их вооруженная сила незначительна, а военная сила голодного аггрегата огромна—с большим вероятием можно ждать вооруженного нападения голодного общества на сытое, попыток завоевания первым последнего, грабежа и эксплоатации. Если, наоборот, сытые общества вооружены до зубов и завоевание их безнадежно, а в самом голодающем аггрегате имущественная дифференциация огромна,—наряду с голодными имеются об'едающиеся, но плохо вооруженные и организованные богачи, так что, есть что делить, есть кого пограбить, есть чем напитаться,—в таких случаях

можно ждать: и роста преступлений, и роста волнений, вплоть до революции, и всевозможных реформ питательной структуры общества сверху или снизу.

В этом случае голодающий социальный аггрегат похож на организм с большими жировыми запасами. Когда доступ пищи извне в него прекращается, голодающий организм начинает жить за счет своих жиров и тканей. Когда все пути доставки продовольствия извне в голодное общество закрыты и заказаны, а в нем есть запасы пищи и богатств, сосредоточенных в руках «жировых клеток» общества, то «голодные» клетки последнего естественно начинают тяготеть к этим пищевым скопам с целью их овладения. В этом случае в силовом поле общества, изолированного от других, пищетаксическое притяжение начинает исходить только от внутренних аггрегатных скопов пищи и ее эквивалентов. Когда свет дня исчез и во тьме горит только свет лампы—бабочки, в силу фототаксиса, тянутся к этому свету. Так же в этих условиях притягиваются к скопам пищи внутри аггрегата и только к ним и его голодные клетки. В итоге наступают мирные или кровавые явления перераспределения пищевых средств и их эквивалентов внутри общества («коммендации», волнения, революции, преступления, добровольная отдача своих излишков богатыми, реформы сверху и т. д.

Наконец, может быть и так, что всеми этими мерами количество дефицитных калорий не будет покрыто: целый ряд непреодолимых «тормозов» препятствует наполнению «общественного желудка». Тогда приходит ultima ratio истории—верный хирург всех запутанных социальных опухолей—смерть—и с точностью бухгалтера подводит баланс успешности всех этих мер и уменью общества добыть себе пропитание. Тогда наступает конечная функция голода: вымирание голодающих с его спутниками: болезнями, эпидемиями и т. д., и с целым рядом других явлений из области «естественного движения населения». Сказанное поясняет, почему в каждом данном случае социального голодания выступают на первый план такие-то, а не иные из перечисленных социальных функций голода... Оно показывает, что порядок наступления и распространения их зависит от многих обстоятельств, среди которых живет данный аггрегат. В одних случаях дело может итти в том порядке, в каком я его описал, в других—наоборот: напр., в виду недоступности иных путей утоления голода последний вызовет только повышение смертности: его следствия начнутся ею и кончатся ею без других социальных функций. И для понимания того, почему в таком-то

случае голодовки наступил такой, а не иной эффект из перечисленных, и для прогноза: какой из этих эффектов будет иметь место при голодании такого-то аггрегата, важно знать условия, среди которых живет данное общество; ознакомление с ними покажет, какие пути покрытия голода были или будут для него доступны и возможны. А знание этих обстоятельств объяснит или даст базу для прогноза: почему и какие именно эффекты из перечисленных наступили или наступят.

Но варьируя в порядке своего наступления и в своих комбинациях, все перечисленные функции вместе с тем являются следствиями массового голодания—единой причины А, ибо во всех их есть один и тот же элемент «В», тяготение или стремление к пище, вызванное голодом, но одетое в разные одежды.

Когда А выступает в соединении с дополнительными условиями a и b ($A + a + b$) и его следствие В проявляется с дополнительными функциями a' и b', принимает вид ($B + a' + b'$); когда дана комбинация $A + c + d$,—наступает следствие $B + c' + d'$, когда А связано с e и f ($A + e + f$) и следствие его принимает форму $B + e' + f'$ и т. д. Словом, конкретное различие функций одной и той же причины—голода, не только не нарушает принцип единства причины и следствия, но является его прямым применением и подтверждением.

Таковы вкратце первичные и основные социальные функции массового голодания и пищетаксиса. Я пока их сухо и весьма кратко перечислил. Ниже мы увидим, что под каждой из этих функций кроется более богатое содержание и большинство из них распадается на целый ряд крупнейших социальных явлений.

Но и в этом развернутом виде они, конечно, не исчерпывают всех социальных функций голода. Каждая из них, являясь первичной функцией голода, в свою очередь, вызывает целый ряд дальнейших социальных функций второго, третьего и дальнейших порядков, ибо «каждый поступок, каждое слово брошенное в этот вечно-живущий и вечно творящий мир, это—семя, которое не может умереть» [1]). Голод вызывает эмиграцию; но сама эмиграция, став фактов, «брошенная в вечно живущий мир», порождает уже сама целый комплекс социальных явлений, эти последние—новый, и так без конца плетется сложная трагикомедия человеческой истории, где одно колесо явлений, вращаемое определенной силой,

---

[1]) **Карлейль.** Sartor Resartus. M. 1902. 41.

приводит в движение новое, это последнее—еще новое и т. д., пока движение, порожденное первым, пройдя ряд этапов, не расплывется на тысячи течений, смешанных с потоками, идущими из других «источников сил», где уже трудно различить, что идет от первого источника, и что из других.

Я очерчу лишь первичные социальные функции голода. Функций второго и дальнейших рядов я касаться почти не буду. Изучение их дело специальной монографии. Упомянул же о них лишь потому, чтобы напомнить читателю, что функциями первого ряда влияние голода не исчерпывается, что оно глубже, больше, значительнее, что оно продолжает существовать и тогда, когда сам голод, быть может, уже исчез, и в таких областях, которые порой очень далеки от места самого социального голодания.

Пока что, этих общих замечаний достаточно, чтобы можно было без ущерба перейти к подтверждению тезисов об указанных первичных социальных функциях голода. Необходимые уточнения и более определенные теоремы я буду давать в процессе исследования функций, а краткое резюме—в конце этой части.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Голод, изобретение новых и улучшение старых способов и источников пропитания.

Когда в социальном аггрегате наступает массовый голод, когда другие возможности его покрытия недостаточны или недоступны, пищетаксис заставляет голодающих «шевелить мозгами», чтобы так или иначе «добыть пропитание». Голод здесь служит кнутом, неутомимо подстегивающим ленивый человеческий мозг к работе в определенном направлении. В таких условиях голод ставит ультиматум голодающей группе, язык которого понятен и мудрецу, и глупцу: «или найди, открой, усовершенствуй производство средств пропитания, или умри».

Ультиматум этот ставился на протяжении всей истории человечества. Он ставится и поныне. Голодающие группы в одних случаях его принимали и кое что делали, в других— едва ли не в более частых случая — вымирали, не потому, чтобы им очень уж нравился этот исход, а потому, что «изобретения», да еще столь важные, не всегда можно делать по заказу или «по щучьему велению и моему прошению».

Попробуем более точно определить роль голода в указанном направлении, с одной стороны, с другой, насколько удавалось, при наступлении массового голодания, прекращать его путем изобретений новых источников пропитания.

Что касается последнего вопроса, то в большинстве случаев приходится отвечать на него отрицательно: мне лично не известен почти ни один случай массового голодания, который был бы покрыт тогда же путем открытий и изобретений неведомых доселе средств пропитания. Изобретения, подталкиваемые разразившимся голодом, никогда почти не были «сильно-действующим лекарством», тут же быстро излечивающим эту болезнь человечества. И понятно почему: изобре-

тение—вещь весьма капризная; не только в прошлом, но и теперь, когда наука стоит высоко. Из огромных авансов, щедро отпускаемых изобретателям новых источников пищи, родятся только разве старые продукты на их столе, да открытия ... исландского мха, возведенные в ранг великих изобретений, хотя такие открытия были известны чуть не со времен Адама. Помимо капризности, есть и другие причины, об'ясняющие, почему изобретения не были таким лекарством. Сильный голод ослабляет умственную энергию мозга. А след., уменьшает шансы на удачное разрешение проблемы изобретений — проблемы реальной, а не метафизической, где своеобразные пароксизмы голодного мозга, дающие иногда интересные религиозно-философские и эстетические продукты, не пригодны и дела не решают.

Поэтому, не приходится удивляться тому, что большинство изобретений в периоды непосредственного голодания сводилось к открытию пищевой пригодности некоторых суррогатов и к подобным паллиативам, дававшим кое-что, но не способным наполнить голодный желудок группы.

Представление о них дает простой перечень тех «суррогатов», которые «открывались» и поедались при голоде. Последний «научал» людей есть: собак, кошек, ослов, конину, волков, лягушек, змей, всякую падаль, особый Haferbrot, различные корни, траву и сено, кору, землю с ничтожной примесью муки, просто землю (глину), плюс — человеческое мясо [1]). Далее здесь мы находим: «хлеб из каштанов, рубленую солому, щепки» [2]). Так было в Западной Европе, в средние века, в 15—18 в.в., то же мы видим и у нас; ели «кору березовую, мох, сосновую кору, липовый лист, сено, солому, мышей и прочую нечисть». В 1734—35 г.г. в Нижегородской губ., питались гнилой дубовой колодой, дубовыми желудями, лебедой, «олиянным колокольцем», мякиной, избоиной, «дурандой» и прочим былием травным»; в 1822 г. ели хлеб с глиной, барду из картофеля, камыш, лебеду [3]); то же при голодовках мы находим у эскимосов, самоедов и др. народов, начинающих поедать «неядомое».

Этот список только варьирует, но он мало меняется в Европе. Почти все перечисленное поедалось и в наши годы, начиная с «дуранды» и кончая всяким «былием травным», глиной, исландским мхом и человеческим мясом. В этом же

---

[1]) Curschmann: Ib. 57—59.
[2]) Цитович Ц. р., 4—6.
[3]) Роман.—Славатинский. Ц. р., 35, 55. Исаев Ц. р., 15. Ермолов Ц. р., 7, 10, 17—23.

стиле были «изобретения» и в Германии за годы войны, повысившей голодание немцев. И здесь настоящих изобретений новых источников пищи не было. Дело ограничилось фабрикацией суррогатов, утилизацией крови убиваемых животных в хлебе, использованием т. н. «минеральных дрожжей» для замены белков, смеси растительного альбумина и жиров вместо яиц, культивированием масличных растений для получения жиров, использованием для той же цели рыбных отбросов, костей, падали, фекальных масс, получением растительного масла из фруктов и это почти все [1]).

Паллиативы состояли, собственно, в простом пропагандировании и популяризировании применения подобных суррогатов правительством, обществом и частными лицами. Образцом их может служить пропаганда нашими газетами исландского мха и других суррогатов. Подобно этому «в 1833 г. правительство учило, как делать хлеб из винной барды и из картофеля», в 1840 г. преподавало способы приготовления муки с примесью свекловицы» [2]) и т. д. Подобные «изобретения» довольно однообразны и нет надобности подробно приводить их.

Вывод, который мы получаем, гласит, что в периоды самого голода изобретение и открытие новых средств питания ничтожно. Этим путем дефицитные калории едва ли когда доставлялись группе. Голод тут похож на бестолкового рабочего, с одной стороны понукащего кнутом лошадь к движению (человека—к изобретениям), с другой—обессиливающего ее кровопусканиями (человеческий мозг — ослаблением умственной энергии). Лошадь редко при таком понукании стащит тяжелый воз, человек редко при голодании откроет новые источники питания.

Но значит ли это, что роль голода, стимулирующая изобретение новых источников существования, ничтожна и исчерпывается подобными «псевдо-изобретениями»? Нет.

Роль эта весьма значительна, но проявляется она не столько в моменты самого голодания, сколько—по его окончании, и состоит она не столько в открытии быстро-действующих лекарств, немедленно утоляющих голод, сколько в открытии и осуществлении мер, предупреждающих наступление голода, уменьшающих шансы последнего, исподволь интенсифи-

---

[1]) G. Nicolai. Die Biologie des Krieges. Zürich. 1919. 206—207. Н. Ф. Успехи химии в деле облегчения голода в Германии. Врач. Дело. 1 ф. 1921 г., 629—632.

[2]) Роман. Славатинский. Там же, 35—36. См. аналогич. статьи и работы о суррогатах Словцова, Дубянской, Сулима-Самойло и др. в «Известиях Комис. Здравоохран. Петр. Комм. 1919 г., № 5—6 и др.

цирующих производство питательных благ или улучшающих снабжение и обеспечение ими группы.

Раз или много раз испытанная голодовка повелительно заставляла раскидывать мозгами для избежания ее в будущем, наталкивала внимание и останавливала его на таких явлениях, на которых оно без голода не остановилось бы, словом, обогащала человеческий опыт в этом отношении и вела прямо или косвенно, «случайно» или «преднамеренно», к тысячам изобретений и улучшений способов добывания питания. В этом смысле голод поистине был великим, хотя и жестоким, учителем человечества. При всей бестолковости ученика в руках этого учителя он не мог не научиться многому —благо времени обучения было достаточно; оно тянулось тысячелетиями; и в повторениях урока для малопонятливых учеников этот учитель не стеснялся.

Мне даже трудно представить иную, более действенную силу, которая смогла бы столь властно заставить лентяя работать, тупицу—шевелить мозгами, все человечество—напрягать свои усилия в области усовершенствования материальной, а в связи с ней—и духовной культуры. Без этого учителя человечество едва ли смогло бы обнаружить столь напряженную энергию в деле «завоевания мира», и так далеко уйти по пути «прогресса». Боюсь, что без него не было бы у нас ни скотоводства, ни земледелия, ни огромных отраслей «пищевой» промышленности, ни столь блестящего развития наук и искусств.

Это имеет особенно важное значение для первых эпох существования людей. Что могло побуждать к труду и работе первобытного лентяя — дикаря? Что могло заставить его рыскать по лесам, часами ловить рыбу, выполнять монотонную работу собирания плодов и диких семян, дни и ночи копаться в земле, вырывать пни, мотыгой разрыхлять землю и так далее? «Потребность развития» (по терминологии П. Л. Лаврова)? Но ее еще не было. Охотничий инстинкт и рыболовная страсть? Но вне голода едва ли на это он стал бы тратить чуть не всю энергию и время, переносить тяжелые лишения и испытания, холод и палящий зной, усталость и бессонницу. Без голода первобытный дикарь обленился-бы, «заплыл бы жиром», не развил бы ни мускулатуры своего тела, ни силы своего мозга.

«С какой стати дикарю напрягаться, когда он не чувствует более голода» [1]). «Люди (первобытные) ленивы или

[1]) Бюхер. Цит. раб. I. 19. См. 11—12, 16, 18, 27, 40 и др.

трудолюбивы в зависимости от того, легко или с трудом они добывают средства жизни и они предпочитают лентяйничать (если нет необходимости), или если могут они заставить других людей работать на себя, как рабов или слуг» [1]), так резюмирует Вестермарк итоги своих исследований над стимуляторами труда дикарей. Многочисленные факты, приводимые им, как и рядом других исследователей, подтверждают это положение. Дикари, живущие в плодородной среде, не требующей работы,—ленивы и малоразвиты. Дикари, живущие в среде, требующей постоянного труда, энергичны и инициативны. Одни и те же группы (полинезийцы, самоанцы, кукахиванцы, таитяне, туземцы Сандвичевых островов, Новой Зеландии и т. д.) усердно работают, когда природа им неблагоприятствует, и лентяйничают при благоприятных условиях [2]).

То же мы частично видим и теперь, на части представителей «праздного класса», для которых всегда «готов и стол, и дом». Не ведут ли многие из них и теперь чисто праздную и паразитарную жизнь? Не заплывают ли жиром? Не деградируют ли и физически и духовно [3])? Я смотрю на поведение окружающих меня людей. Что заставляет их вставать в 8 часов и итти на скучную и тяжелую работу? Что заставляет многих профессионалов умственного труда «ворочать мозгами»? Голод прежде всего. Значительная часть моих сообщественников перестала бы работать и физически и умственно без этого кнута. Социальная борьба за власть, за привилегии, за сокращение рабочего дня есть в значительной мере борьба за право бездельничанья, за возможность «dolce farniente», хотя бы за счет своего ближнего. Это право отстаивают привилегированные, борясь с сокращением рабочего дня, его же добивается и часть рабочих, добиваясь сокращения последнего. Если так дело обстоит сейчас, то тем более так оно обстояло в прошлом. И с этой точки зрения «радетель» человеческого прогресса может с полным основанием петь акафист великому учителю человеческого рода—голоду...

Непрерывно подталкиваемый им дикарь работал, невольно делал открытия, они росли, копились, передавались из поколения в поколение, из группы в группу и дали в итоге величайшие открытия древности, положившие начало и скотоводству, и земледелию, и самой промышленности.

И в дальнейшем все крупные шаги в их усовершенство-

---

[1]) **Вестермарк.** The Origin. II, 268—69.

[2]) См. факты и литературу, оправдывающую эту индукцию у **Wester-marck**, Ib., 269 и сл. и всю гл. Industry.

[3]) См. об этом **Veblen**: The Theoris of leisure Class. 1899. [illegible].

вании были в значительной мере функцией голода. Он не переставал ставить свои ультиматумы и... волей-неволей заставлял быть изобретательным. «Голод и забота о пище вызвали многочисленные изобретения, приучили людей к земледелию, к приручению животных, изобрели плуг и др. земледельческие машины, научили охоте и рыболовству, развили технику орудий», правильно говорит Nicolai [1]).

Правда, для об'яснения этого прогресса выдвигаются другие гипотезы. Одна из них гласит: «Смену форм хозяйства обусловливает большая или меньшая густота населения. Еще Либихом высчитано, какое пространство земли необходимо для удовлетворения потребностей охотничьей семьи. При возрастающей густоте населения... нет возможности обойтись без перехода к более интенсивным формам хозяйства» (земледелие, виноделие, садоводство, скотоводство и так далее [2]).

Положение верное, но... рост населения может играть такую роль только потому, что население это должно питаться, т. е. сам этот рост его, при неизменном количестве добываемой пищи, означает рост голода, а след., рост его подгоняющей роли. При отсутствии голода и заботы о пище, население могло расти сколько угодно, не вызывая ни земледелия, ни садоводства, ни их развития. Мало того. Сам рост его возможен только при наличии средств пропитания. Всякий раз, как рост населения достигает максимума, голод ставит ультиматум: или изобретай или умри. Часть групп умирала, часть—изобретала... Эта сказка про белого бычка повторялась без конца в истории, продолжается и по сей день.

С этой точки зрения тезис М. М. Ковалевского—иная редакция моего тезиса. И история развития хозяйства, в частности земледелия, отлично его подтверждает. Не только сама техника обработки земли, но и смена самих форм землепользования стоит в связи с ростом густоты населения, а след., и с ростом давления голода. Исследования Ковалевского, Кочаровского, Кауфмана, Огановского и др., по истории русской общины эту связь весьма рельефно выявили. То же может быть сказано и о любой промышленности. Страны не земледельческие, чтобы иметь пищу, должны иметь эквивалент для «товарообмена». Значит, само развитие их промышленности обусловлено голодом. Эту мысль прекрасно иллюстрирует Плутарх, говоря об Афинах. «Замечая, что население города

---

[1]) **Nicolai**. Цит. раб., 197.
[2]) **Ковалевский**: Экономич. рост Европы, т. I., 1898, VIII—IX.

увеличивается и видя, что область эта никогда не даст урожая и отличается бедностью почвы, между тем, как моряки считают правилом не привозить ничего туда, где ничего не получают в обмен, Солон заставил своих сограждан заниматься ремеслом, издав закон, по которому сын мог отказать отцу в пропитании, если отец не выучил его какому-нибудь ремеслу» [1]). Эта детерминированность развития промышленности голодом или его угрозой была до Солона, во время Солона и после Солона. Мудрено ли поэтому, что именно после голодов малопонятливые группы делают судорожные попытки сделать шаг вперед в этом направлении.

Приведу несколько примеров из истории России. Новые культуры пшеницы, пшена и некоторых овощей у нас введены были после голодовок XI в. «Доказательство тому очевидное встречаем мы в первых годах следующего столетия, когда вместе с рожью, до сих пор исключительно упоминаемою в летописях, мы найдем и пшеницу, и пшено, и разные овощи» [2]). Рядом с этим, «увеличиваясь в числе, для предупреждения голода, народ все более и более завоевывал земли у болот и лесов, и обращал ее в луга, пашни и огороды» [3]).

И позже, именно после голодовок делаются судорожные усилия, направленные на увеличение посева, интенсификации обработки земли, разведения всяких промыслов и т. д., «имевших целью содействовать развитию хлебопашества, устроению звериных и рыбных промыслов [4]).

[1]) Plut., Solon, 24. То же мы видим воочию и сейчас. На моих глазах организуется ряд лабораторий и мастерских (химических, выработки зажигалок, сельско-хоз. орудий и т. п.) целым рядом кооперативов, с целью вырабатывать эквиваленты для товарообмена с деревней. Не та ли же причина заставляет рабочих теперь работать сверхурочно, чтобы получить долю продуктов промышленности для товарообмена. Не об этом ли вот уже третий год твердят декреты и попытки „налаживания" промышленности властью? Дайте хлеб рабочим, говорит она крестьянству, и получите гвозди, плуги и т. п.; работайте, говорит, она рабочим, и получите хлеб, установится правильный товарообмен. Для стран индустриальных, напр., Англии, было замечено уже давно, что „в эпохи процветания, когда прибыль высока и сбыт товаров идет легко, предприниматели мало заботятся об усовершенствовании своего дела, не думают об улучшениях. Когда же цена падает и приходится вести дело в убыток, тогда начинают применять на практике все те изобретения и открытия, которые до того времени лежали многие годы под спудом и не обращали на себя ничьего внимания". Что это, как не проявление, хотя и косвенное, той же подстегивающей роли угрозы голода!

См. Туган-Барановский: Промышл. кризисы в соврем. Англии. СПБ., 1894. 182—3.

[2]) Лешков. Цит. раб., 489.

[3]) Ib., 486.

[4]) Лешков. Ib. 489.

При Алексее Михайловиче, в актах того времени то и дело мы встречаем приказы подчиненным властям, гласящие: «ты бы велел указные их земли пахать и хлеб сеять. А которые люди учнут ослушаться... ты бы тем велел пашни пахать и сеять в неволю и с наказанием», указывающие—как пахать и обрабатывать пашню и т д.[1]).

При Петре и голодовках его времени мы видим усиленные стремления «земледелие приумножать и к приращению приводить», указом 1723 г. приказывается накрепко смотреть за крестьянами, «дабы они под хлебный сев землю хорошенько снабдевали и более хлебного всякого севу умножали»[2]), после неурожаев, при Екатерине II, «начались заботы о введении в России культуры картофеля», в указе 1765 г. говорилось: «к разведению этого плода приложить всемерное старание, особливо для того, что он в недостатке и дороговизне прочего хлеба великую замену делать может», рекомендуется лилия (Lilium martagon tenuifolium), разведение пчел, шелковицы, маслобоен, мельниц и т. д.; то же после голодовок 1833, 1840—41 г.г.[3]).

Такие же усиленные меры принимаются и позже. После голодовок, при Павле «повелено было учредить для удельных крестьян школу земледелия; для введения же в употребление в удельных деревнях завести небольшие запашки с пятипольной системой»[4]). После голода 1833 г. в 1834 г. основывается первая земледельческая газета, поощряются ученые изыскания, не говоря уже о многочисленнейших реформах улучшить продовольствие населения разными путями, следовавших после крупных голодовок. Целый ряд мер самого разнородного сорта предпринимался и после последующих голодовок (особенно 1891—92 г.г.), то же мы видим и в наши годы, когда бездна всяких проектов, начиная с посевной кампании и кончая «пищевыми институтами», мер, изысканий посыпалась, как из рога изобилия. Ученые изыскания, рост с.-хоз. образования, учреждение всевозможных агрономических школ и институтов, селекционных и др. станций, опытных полей, «пищевых институтов», курсов огородничества, введение новых культур, расширение деятельности органов земледелия и так далее—все это стоит в связи с угрозой голода, предста-

---

1) Новомбергский: Очерки внутреннего управления в Моск. Руси XVII столетия. Продов. строение. Материалы. т. I. Томск. 1914. № 5. См. №№ 7, 208, 215, 216, 575 и др.

2) Ермолов. I. 16. См. др. данные у Леонтовича: Ц. ст., 36 и сл.

3) Ib. 29.

4) Ром. Слав., Ц. р. 57. Ермолов: I. 34. passim.

вляет результат желания предупредить его или ослабить его тяжелые результаты.

В странах, усвоивших хорошо «уроки голода», подобные меры рационализации и улучшения способов обеспечения продовольствием ведутся непрерывно. В странах отсталых— их кривая (напр., в России и́ в Индии), делает под'емы после голодовок, замедляя повышение в периоды длительного благоденствия.

Такая подгоняющая роль голода может быть констатирована не только в применении к институтам производства питательных благ и источников продовольствия, но и в применении к институтам обмена, распределения и потребления их. И своим бытием, и улучшением они обязаны великому учителю—голоду.

Такова в основных чертах связь голода и улучшений организации продовольствия группы.

На все это можно возразить: если голод играл такую роль, то страны, максимально голодавшие, должны были, казалось, быть и максимально передовыми в этом направлении, и обратно. Между тем, мы видим, скорее обратное. Поэтому, не вернее ли противоположное заключение? Отвечаю. 1) Если бы рост изобретений и улучшений был только функцией голода— то это возражение имело бы полную силу. Но я ничуть не думаю, что дело обстоит так. Способность изобретений зависит от слишком многих факторов — прежде всего от расовых свойств населения и целого ряда социальных условий. Голодающий готтентот и голодающий англо-саксонец 10-12 веков обладали этой способностью не в одинаковой мере. Поэтому, коэффициент изобретательности их при равенстве голодания был, есть и будет не один и тот же. Но зато, если бы голодовок не было и в Англии, в др. европ. странах, или в Японии (а с 11 века по вычислениям Walford'а было 57 крупных голодовок в Англии, а по Зап. Европе не менее 160) [1], а равно—не было бы вечной угрозы голода, то конечно, нам не пришлось бы ждать и иметь интенсивной работы в области улучшения мер обеспечения населения продовольствием.

2) Я не утверждаю, что само голодное состояние повышает «изобретательную способность». Напротив, как указано выше, в моменты самого голодания, особенно—очень сильного, голод, стимулируя изобретательность, в то же время ослабляет чрез ослабление умственной работы ее возможность.

[1]) Mulhall: The dictionary of statistics. 256.

Вот почему, если голода слишком часты—то население чаще всего гибнет, а не изобретает.

3) Далее, как указано выше, изобретение и улучшение—только один из путей утоления социального голода. Путь прочный и надежный, но не быстро действующий и не уничтожающий уже наступившего голода. На ряду с ним есть более доступные и простые пути, более выгодные с точки зрения утоления уже данного голода. И люди чаще всего предпочитали брать готовое путем хитрости, насилия или честной продажи, предпочитали уходить в сытые места, чем трудиться над изобретениями—работой трудной и редко приносящей плоды изобретателю. Вот почему, страны, часто голодающие, могут не быть передовыми в деле изобретений, но зато весьма часто они передовые в деле военном, в деле грабежа, в деле эмиграции. Наличие таких «отдушин» дает возможность не изобретать, несмотря на голодовки, и не вымирать целиком. Прибавьте к этому и ряд других условий. Напр., ряд народов, плотность населения коих, при данных способах хозяйства, достигла максимума, должны поневоле быть изобретательными, если нет других «отдушин», иначе—смерть. Другие народы, напр., Индия и Россия, располагая огромным заселенным пространством, могли находить выход не столько в интенсификации производства питательных благ, сколько в простом расселении или в расширении площади обрабатываемой земли. При тех же «прадедовских» системах земледелия такие группы могли гораздо легче и успешнее избегать голода таким доступным путем, чем изобретениями, не всегда возможными. «Над ними не каплет», простору—сколько угодно, знай «работай, да не трусь». Изобретения здесь вовсе не необходимы.

У народов же сжатых, уплотнившихся до предела, этой отдушины нет. Для них изобретения были необходимостью. При плотности населения на квадратную милю в 341,6 в Англии (в 1901 г.), в 290,4—в Германии (1905 г.), в 406,4, 588,7, 189,6, в 316,9 9 в Голландии, Бельгии, Франции и Японии—с одной стороны, и 1,2 в России, 32—в Турции, и 92 в Native States—Индии [1]), очевидно, необходимость интенсификации производстра питательных благ и средств существования—далеко не одинакова. Одни народы могут позволить себе роскошь жить адамовскими приемами, другие—нет. Подобные обстоятельства об'ясняют, почему указанное возражение не только не противоречит моему положению, но скорее подтверждает его.

---

[1]) См. Webb: Ц. р., 467—68, 487.

Вторичные функции. Изобретение, став фактом, само далее вызывает ряд громаднейших следствий в общественной жизни, нередко перевертывающих последнюю. Всякий серьезный изобретатель был и остается величайшим, подлинным и положительным освободителем человечества (в отличие от «освободителей», занимающихся операциями по методу «Тришкина кафтана». Либих и Пастер в земледелии, ряд других изобретателей в других областях производства (Уатт, Аркрайт, Фарадей и др.) — своими изобретениями дали человечеству гораздо больше, чем все «освободители» последнего рода. Они изменили жизнь гораздо радикальнее, чем последние. Настоящая история освободительного процесса человечества—это история изобретений и изобретателей, завоевывавших силы природы. Все остальное—история псевдо-освобождения и мнимых освободителей. Первая история еще не написана, вторая—очень популярна, но от этого она не становится истинной.

Вывод из всего сказанного гласит: 1) изобретение новых и улучшение способов добычи и снабжения продовольствием населения были и остаются функцией, одной из независимых переменных которой был испытанный и испытываемый голод или его угроза, побуждавшие и побуждающие быть «трудолюбивым и изобретательным».

2) Все общественные институты: производства—прямого или косвенного (эквивалентов для обмена на пищу)—питательных благ, аппарат их распределения, обмена и потребления появились и совершенствовались под давлением голода или его угрозы.

3) Эта роль голода обнаруживалась и обнаруживается не столько в периоды самого голодания, сколько по окончании его. В периоды же голоданий, особенно сильных, роль их была скорее отрицательной, чем положительной.

4) Новые изобретения и улучшения, как средство борьбы с уже разразившимся голодом, редко могут покрыть недостающее число дефицитных калорий. В этом отношении их роль была незначительной. потому же само голодающее население в момент голодовок редко пыталось найти спасение в этом пути и искало его в иных средствах и методах.

5) Изобретения, став фактом, сами кардинально меняют всю общественную жизнь и поведение людей, и тем сильнее, чем само изобретение значительнеее. Они были и остаются главными и, пожалуй, единственными орудиями освобождения человечества и улучшения его жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Голод, ввоз и вывоз питательных продуктов.

Самым простым и чаще всего доступным путем покрытия недостающих данному населению калорий служит путь ввоза их в (и прекращение вывоза) в данный аггрегат. Здесь массовый пищетаксис проявляется в частной форме: в виде сложного комплекса поведения, имеющего своей задачей доставку «пищевой горы» голодающему Магомету, все равно: мирным или военным путем. Если нет тормазов (а они очень часто имеются, в виде отсутствия денег, эквивалентов, дорог, блокады и т. д.), то это явление имеет место всегда, когда дан аггрегат, не достаточно обеспеченный пищей, производимой в нем самом, все равно, будет ли им население деревни, города, губернии, области, государства или целого материка.

Отсюда—выводы: ceteris paribus, при отсутствии препятствий, 1) группы «потребляющие» должны быть неизбежно и ввозящими путем ли мирной торговли или военного грабежа—все равно.

2) При повышении числа недостаточных калорий (в силу неурожая etc.) должен соответственно повышаться и ввоз в такие страны (и обратно: уменьшаться вывоз групп «производящих»). 3) Количество ввозимых питательных материалов будет тем больше, чем меньше (в пределах минимально-нужного количества продуктов) группа производит. В подлинной действительности не всегда бывает так. В силу целого ряда причин: отсутствия платежеспособности, эквивалентов, удобных путей сообщения, войны, блокады, неравномерного распределения etc. часто ввоз невозможен или недостаточен, при росте недоедания он нередко не только не повышается, но падает. Такие факты, однако, говорят не о неверности этих теорем, а о врывании побочных детерминаторов, ослабляющих

или аннулирующих эти эффекты массового пищетаксиса. Потому то и подчеркивается мной условие: ceteris paribus и отсутствия препятствий. Для общества, удовлетворительно сводящего свой пищевой баланс, при равенстве прочих условий, эти положения правильны. Там же, где пищевой баланс не сводится, дефицит не покрывается, там неизбежными будут: или иные социальные эффекты массового пищетаксиса (эмиграция, etc.) или повышение кривой смертности со всеми ее спутниками. Если это отсутствие пищевого равновесия общества будет хроническим, хроническими будут и эти «детища» социального голодания.

Подтвердим сказанное рядом фактов.

Всем известно, что группы, не производящие сами достаточного числа калорий, но сводящие пищевой баланс более или менее удовлетворительно, являются странами ввоза питательных благ. Таковы: города, целые области и целые государства Циркуляция питательных масс направляется к ним, а не от них. Если они и занимаются функциями посредников, то, в конечном счете, их пищевой импорт превышает экспорт.

Представляя собой большие скопления населения, большие города древности (Вавилон, Мемфис, Фивы, Афины, Рим и так далее), средних веков и нового времени — были и остаются центрами, не производившими и не производящими сами достаточного количества пищевых продуктов. Отсюда—необходимость постоянного ввоза в них средств пропитания из страны, ввоза, действительно имевшего и имеющего место, частью мирным, торговым путем, частью путем военным: грабежа населения, сбора дани и привоза «жатвы» в город [1]). Если таким путем пищевой дефицит покрыт—может не быть других эффектов голода. Если он не покрывается, как иногда бывает, мы неизбежно имеем другие функции голодания (повышение смертности, бегство населения из голодных городов, волнения, революции, etc.).

Вторую серию фактов дают целые страны и области «потребляющие». Их импорт с'естных продуктов всегда превышает экспорт, если пищевой баланс сводится благополучно. И превышает тем сильнее, чем больше число дефицитных калорий, не производимых самой страной. Типом такой страны, сравнительно благополучно сводившей за последние десяти

---

[1]) См. Бюхер: Развитие нар. хозяйства. СПБ. 1907. II. Очерки: X, XI, XII. Aug. Böckh: Die Staatshaushaltung der Athener. Berl 1851. т. I. 115, 55, 47. См. ниже.

летия пищевой баланс, может служить Англия. Изучая ее потребление, производство и ввоз с'естных припасов, мы видим, как ввоз растет с ростом населения [1]) и падением собственного производства пищевых веществ. Приведу некоторые цифры.

Годы.	Ежегодн. число квартеров зерна, собранных в Англии и Уэльсе.	Ввезено пшеницы (квартеров).
1839—40	4.022.000	1.762.482
40—41	3.870.648	1.925.241
42—42	3.626.173	2.985 422
42—43	5.078.989	2.405.217
43—44	5.213.454	1.606.912
44—45	6.664.368	476.190
45—46	5.699.969	2.732.134
46—47	5.363.196	2.458.000 [2]).

Мы видим обратную пропорциональность величины импорта с количеством зерна, производимого самой Англией: с ростом недостаточности последнего растет первое. Еще резче это колебание величины импорта с'естных припасов видно из следующих данных. Чем лучше урожай в стране—тем меньше ввозится в нее пищевых продуктов, чем хуже, т. е. чем больше дефицит калорий, тем больше ввоз.

«Четырехлетие 1833—36 г. замечательно в истории английского хозяйства по необыкновенно хорошим урожаям». «Урожаи эти были так обильны, что в течение нескольких лет Англия почти совсем не нуждалась в привозном хлебе». Ввоз его поэтому резко пал. Это видно из следующих цифр. По сравнению с средним ежегодным количеством пшеницы, ввозимым за предыдущие 4 года, ввоз пшеницы в эти урожайные годы составлял:

в 1833	только	7%	среднего ежегодного ввоза пшеницы за предшествующие неурожайные годы [3]).
34		5%	
35		2%	
36		2%	

1837—8 г. г. «были очень неблагоприятны для английского земледелия. Под влиянием двух сильных неурожаев... цен-

[1]) А оно с 1841 г. к 1911 г. возросло в Англии и Уэльсе с 15. 914.000 до 36.070.000. Webb: Ц. р., 477. Editor: War and Population. The Eginb. Review. 1920. Июль. 199.

[2]) Th. Tooke und W. Newmarch: Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858. т. I. 805.

[3]) Туг.-Барановский: Промышленные кризисы. СПБ. 1894. 100.

ность всего хлеба, ввезенного в Соед. Королевство для внутреннего потребления (резко повысилась) и достигла небывалой цифры 10½ мил ф. ст. В 1836 г. ценность ввозимого хлеба составляла около 0,1% ценности всего вывоза произведений Соед. Королевства, а в 1839 г. она достигла 20%» [1]).

Такое же резкое повышение ввоза мы находили и в неурожайные 1846—7 г.г. «За весь 1847 г. было ввезено в Соед. Королевство всякого рода хлебов для внутреннего потребления на 29 мил. ф. ст. — ввоз совершенно беспримерный в предшествовавшей истории Англии. Ввоз хлеба в 1847 г. равнялся по своей ценности 50% ценности всего вывоза произведений Соед. Королевства, между тем, как в 1845 г. он составлял только 3% [2]).

О том же говорит и рост—абсолютный и относительный—импорта пищевых продуктов с ходом времени, вызываемый ростом населения, индустриализацией, сокращением площади под земледелие и т. д., делающих продовольствие, изготовляемое в самой Англии, все более и более недостаточным и увеличение ввоза все более и более необходимым [3]).

Это видно хотя бы из следующей таблицы, указывающей количество ввезенных в Соед. Королевство пищевых продуктов, падающих на голову населения.

Пищевые продукты.	Количество ввезенного в Соед. Королевство на голову населения. Средняя за год.				
	1866—75	1876—85	1886—95	1896—1905	1906—1907	
Зерно и мука (пшен., овсян., маисовой и др.) фунтов . .	295	424	462	526	504	505
Рис	18	22	17	18	22	21
Картофель	10	19	8	17	10	21
Мяса	7.6	19.1	26.8	44	47.3	47.6
Масла, маргарину и сыру	8.7	12.4	15.7	19.2	20.7	18.9
Яиц (штук)	17	24	34	49	52	51 [4]).

[1]) Т. Бар., Ib. 118.

[2]) Ib. 132.

[3]) См. об этом данные в ст. Vigor'a: The Increased Yield per Acre of Wheat in England considered in Relation to Reduction of the Area. Journ. R. Stat. Soc., 1910. 398—399.

[4]) Great Britain: Agricurtural Statistics. 1907. Part III. Lond. 1908 Webb. Ц. раб., 281. См. др. данные: в ук. раб. Mulhall'a: 7, 135, 287. 715, 718 и др., Webb'a. 247 и сл., Crawford: Notes on the Food Syppley of the Unit. Kingdom etc., Journ stat. soc., 1899. 598 и Passim. F. Rutter: Cereal Production of Europe Bull. No. 68 of the U. S. Depart. of Agricult., Washington, 1908 и др., там же см. данные экспорта и импорта с'естных продуктов других стран.

Мы видим здесь, как рост населения, увеличившегося с 28.927,000 в 1861 г. до 41.459,000 в 1901 г., ведущий к росту дефицитных калорий, не покрываемых собственным производством пищевых благ, ведет неизбежно и к повышению ввоза. Благодаря ему, пищевой дефицит покрывается, пищетаксис удовлетворяется и делает излишними все другие свои эффекты. Так же бы обстояло дело и всегда, когда не было бы препятствий. Если, скажем, группа вместо 5 миллиардов калорий, нужных ей в течение года и производившихся ею самой, вдруг (скажем, в силу грандиозного неурожая) оказалась бы имеющей только ½ миллиарда, ее импорт с'естных продуктов должен был бы от нуля подняться до 4½ миллиардов калорий. И он действительно был бы близок к этой величине, если бы не было тормазов. Но, имеясь почти всегда на-лицо, весьма часто они оказываются непреодолимыми или сильными. Посему и величина ввоза отходит от этой «идеальной» нормы, и в таком случае место ввоза занимают другие эффекты массового пищетаксиса. Но в той или иной мере ввоз почти всегда дан, как последствие массового голода данной группы. Он, варьируя в своей величине, представлял и представляет наиболее доступный путь для покрытия пищевого дефицита группы, в случаях сильных голодовок.

Факты. В голод 1024 г. суздальцы спустились по Волге и «привезоша хлеба из болгар».

В голод 1230—31 г.г., в Новгороде спасение от голода оказалось в том, что «прибегоша немцы из за моря с житом и с мукою и сотвориша много добра, а уже бяше при конце город сей». То же в голод 1279 г. (ввоз хлеба в Русь из ятвягов). В голод 1422 г.—стечение и вывоз хлеба из Пскова, где «тогда бяше старых лет клети всякого изобилия изнасыпаны на кролму. И поидоша ко Пскову, Новгородци, Корела, Чудь, Вожаны, и Тверici и Москвичи со всей русской земли, и бысть во Пскове много множество. И начаша купящее рожь, возити за рубеж» [1]. То же и при всех почти крупных голодовках. Напр., при Борисе Годунове «наиболее важной мерой оказался подвоз хлебных запасов, сохранившихся в некоторых областях в изобилии от прежних лет» [2]). Не говоря уже о таких ввозах натурой, о том же говорят хотя бы суммы, ассигнованные властью или обществом для оказания помощи голодному населению: их назначением было приобретение и ввоз продовольствия в голодные области. Раньше Петра, при нем и после него, мы по-

[1]) Лешков: Ц. р., 478, 487.
[2]) Ермолов: Ц. р., I. 20 и сл.

стоянно встречаемся с этими «продовольственными ссудами от казны». Напр., в 1812 г. для голодной Москов. губ. было отпущено 2½ мил. руб. «для закупки и раздачи хлеба». В 1813 г. для Калужской и Смоленской губ., — 6 мил. руб., в 1833 г.—29.768,212 р., в 1839—40 г.г.—25.414,185 р., в 1844—46 г.г.—11.000,000, в 1880—81 г.г.—11.518,170 р., в 1890—91—174.992,802 р., в 1905—6 г.г.—77.570,398 и т. д. [1]).

То же мы встречаем при голодовках и в других странах.

В средневековые голодовки еще при Карле Великом «его первой заботой в эпохи голода были: сохранение и ввоз продовольствия в страну» [2]). То же и позже. В средневековых итальянских республиках XI и последующих веков «в случае неурожаев, а последние были не редки, officiales bladi или—abudantiae («магистраты изобилия, в роде властей компрода или петрокоммуны) входили в сношения с городами и выхлопатывали у них разрешение вывозить хлеб из их пределов» [3]).

Исследователь хлебной торговли во Франции в 18 в. показывает, что каждый неурожай здесь, на ряду с запретом вывоза, вызывал повышение ввоза хлеба из за границы и приток его в голодающие области. Напр., голодовка 1768 г. «вызвала потребность в иностранном хлебе, ввоз которого был значителен». То же имело место в 1740 г.; в 1750 г. ввезено было до 200,000 кенталей из за границы, то же в 1775 и позже [4]).

Обращаемся к Индии. И там мы видим, особенно в последние десятилетия, то же усиленный ввоз в годы голодовок. Это видно хотя бы по одним правительственным ассигновкам на помощь голодным, исчисляемым десятками миллионов [5]).

Словом, при отсутствии тормозов, ввоз питательных продуктов в голодающую страну должен повышаться пропорционально росту голода. Для надземного наблюдателя в такие моменты эти области давали бы картину усиленного движения пищевых масс в такие области. Земной наблюдатель в

---

[1]) Ibid., 36, 45, 55-6, 89, 104, 285 и др.

[2]) Curschmann: Ц. р., 74—75.

[3]) Ковалевский: Какими мерами итальян. республики боролись с голодом, в сб. „Помощь голодающим". М. 1892. 352—370.

[4]) Афанасьев: Истор. и экон. статьи. т. I. 1909. 379—83, 409 и сл. Его же: Условия хлебной торговли во Франции в 18 в. Одесса. 1892. Passim. 167—8 и др.

[5]) См. цифры у Digby, Ц. р., т. I и II, в частности Appendix H., т. II. 490—491; подробности см. в Reports of the Indian Famine Comission. Lond., 1880—85 г., ч. I, далее за 1898, 1901 г., Statistical Atlas of India. 1895 г. В прошлом „правительство запрещало вывоз зерна, старалось его ввезти и фиксировало цены". The Imper. Gazetter of India. 1907. v. III. 484.

таких случаях пишет: «По дороге... мы то и дело обгоняли обозы. Впереди, назади, почти без перерыва тянутся они темными лентами, теряясь в мгле» [1]). Или «впереди шло много длинных поездов, нагруженных зерном, пишет Киплинг, описывая голод в Индии. Они ждали на импровизированных запасных путях и затем прицеплялись к поездам», тянулись «повозки, нагруженные пшеницей, ячменем и маисом» и так далее [2]).

Удается ли или не удается голодающей группе повысить фактически до нужной нормы ввоз продовольствия, но несомненно одно, что вся ее деятельность и строй в силу пищетаксиса перестраивается таким образом, чтобы этот ввоз сделать возможным. Сообразно с этим, обычно: снимаются пошлины на иностранный хлеб, если они были, даются премии и всяческие поощрения за ввоз продуктов [3]), принимается целый ряд мер, направленных на то, чтобы уменьшить ввоз других продуктов и усилить ввоз продовольствия [4]), всевозможными мерами уменьшается и тормозится вывоз продовольствия из голодной группы, всячески стараются ввезенное продовольствие удержать и не выпустить [5]).

Все эти и ряд других явлений представляют проявление указанной трансформации структуры и социальной жизни

---

[1]) Короленко: „В голод. год". Собр. соч., изд. Маркса. т. V. 17.

[2]) Киплинг: На голоде. Изд. Сойкина. 93.

[3]) Это видим и в средние века и в новое время. Напр., в Англии в 1795 г. установлена была премия от 16 до 20 милл. за квартер пшеницы, привезенной в количестве 400—500,000 квартеров. То же в иной форме в 1800 г. То же в ср. века. То же во Франции при голодовках 16, 17 и 18 в.в. В Германии в 1846—48 г.г. и раньше было обычным уничтожение ввозных пошлин на хлеб и т. д. См. Рошер. Ц. р. 95—97. Афанасьев. Условия хлеб. торговли. Passim. Curschmann. 71—75.

[4]) Пример. Карл Фландрский искусственно понизил цены на ввозимое иностранное вино, чтобы заставить ввозить хлеб и т. д. Curschmann: 75.

[5]) Примеры. В Афинах, где по вычислению Böckh'а всегда не хватало около 1.000.000 медимнов, а при плохом урожае должно было ввозиться не менее половины всего хлеба, «вывоз был безусловно воспрещен», а ввоз всячески поощрялся: а) всякий корабль, прибывающий в Афины, должен быть $^2/_3$ продуктов отдавать городу и только $^1/_3$ он мог вывезти обратно, в) все жители Аттики под страхом смертный казни, должны были везти на продажу хлеб только в Афинский емпориум, с) запрещалось давать для перевозки суда, которые обратно не возвращаются в Афины и т. д. См. Böckh: Цит. раб., т. I, 116—120, 123 и др.

Подобное видим и в Риме, то же не «самодостаточном» в смысле продовольствия. См. об этом у Hirshfeld'a: Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten, bis auf Dioclitiant, 1905, 116 и сл. См. ниже указ. работы Ростовцева, Waltzing'а и др. То же было в средние века напр., в голод 805—806 г. приказ Карла, запрещавший вывоз всех съестных припасов: ne foris imperium nostrum vendatur aliquid alimoniae», то же в 1269, 1272 и в др. голодовки. Curschmann: 71, 74—5.

группы, вызванной и вызываемой повышением массового пищетаксиса.

Такова связь между массовым голодом и кривой ввоза и вывоза продовольствия. Как видно отсюда, связь эта прямая. При отсутствии препятствий рост продовольственного дефицита вызывает рост ввоза и уменьшение вывоза продовольствия из голодающей группы.

Но этой «функцией первого порядка» от голода суть дела, конечно, не исчерпывается. В результате ее наступает целый ряд других явлений, представляющих «функции второго порядка» от голода.

Напр., чтобы ввоз вообще, а тем более его повышение, были возможны, группа должна иметь: или эквиваленты для товарообмена, или войско для отбирания, продовольствия у других групп. Стало быть, пищетаксис в первом случае подстегивает к развитию промышленности и др. форм деятельности, дающих продукты, годные для обмена и торговли с хлебопроизводителями, во втором, — к созда-

---

То же в итальянских средневековных республиках. См. указ. статью Ковалевского. См Рошер: Ц. р., 98—99.

То же позже, в Англии, во Франции и в Индии (до последних лет). См. ук. раб. Афанасьева. De la Mare. Traité do la police, гл. о продовольствии, т. II и III. То же в 19 в., напр.., в ряде германских государств в 1846—48 г.г., в 1804 — в курфоршерстве Саксонском и т. д. Рошер: 98—100 и др. То же в Индии. The imperial Gazetter of India, Oxford, 1907. T. III, 483—502.

То же было и у нас, напр., в голод 1422 г. «псковитяне заповедаша не продавать за рубеж рожь и никакого обилия». Ермолов: Ук. р., I. 8. То же в голод 1650 г. в Пскове. См. Курц: Состояние России в 1650—55 гг. М. 1915. 22—23.

То же при Петре и его преемниках в годы крупных неурожаев и голодовок; напр., при Екатерине II при неурожае «вывоз хлеба из всех или некоторых портов либо совершенно воспрещался, либо ограничивался», так было и позже: в 1798—1802, 1803—1805, 1806—1812 и позже. См. Ермолов. 27 и др. Ром.-Славатинский: Ук. раб., 47—48 и др.

При чем сплошь и рядом при голоде в той или иной губернии запрещался и в прошлом и недавно вывоз в др. губернии. Еще в 1891 г. «в некоторых губерниях местной администрацией было самовольно установлено запрещение вывоза хлеба в другие губернии». Ермолов. 27.

Все эти черты мы видим и теперь, с 1914 г., как в России, так и в Германии, Англии и др. странах, в связи с войной, подпавших под угрозу голода. Мы видим: и запреты вывоза за границу (Германия и Англия), и запреты вывоза из губернии в губернию у нас, и сотни поощрительных мер к ввозу в Англии, Германии и др. странах, регулирование рынка хлебов и снабжения ими армии и населения в 1914—1921 г. Passim. Для Англии H. S. Early. Phases of food control., Bland: Population and food Syppley в Edinb. Review. 1918, январь, 108—130, апрель. 232—252. Clynes: Food control in war and peace. в The Econ. jurnal, 1920. Июнь, 147—155. См. ниже, гл. о голоде и принудит. этатизме.

нию и усилению аппарата, способного выкачивать продовольствие из других групп. Но если появился институт промышленности или военный, сам факт их создания, в свою очередь, вызывает целый ряд дальнейших следствий.

То же применимо и к другим функциям «второго порядка». Напр., в виду ограниченности средств даже у богатой группы, повышение ввоза с'естных продуктов неизбежно уменьшает ввоз других, не продовольственных материалов, отлив золота за границу и т. д.; это ограничение и отлив необходимо отражаются на целом ряде процессов в жизни группы, изменение каждого из которых, в свою очередь, будет сказываться в ряде дальнейших явлений, связанных с ним [1]).

Резюме. 1) При быстром и резком понижении или угрозе понижения необходимого группе продовольствия, наступивший или грозящий наступлением продовольственный дефицит толкает группу к покрытию его повышением ввоза (и понижением вывоза) продовольствия.

2) Сообразно с этим, группы «потребляющие», при отсутствии препятствий должны быть группами постоянно ввозящими.

3) Если нет препятствий, то ceteris paribus этот ввоз повышается тем больше (а вывоз сокращается тем сильнее), чем больше продовольственный дефицит.

4) Таким путем продовольственный дефицит, действительно, часто покрывается, но нередки случаи и такие, где покрыть дефицит путем ввоза не удается.

5) Благополучное сведение продовольственного баланса в первых группах устраняет другие эффекты массового голода; во вторых,—делает их неизбежными и заставляет искать новых путей к покрытию дефицита.

6) Из этих первичных функций развивается множество функций второго и дальнейших порядков, в создании которых голод является одной из независимых переменных.

---

[1]) См. напр. те социальные, финансовые и индустриальные эффекты, которые вызваны были неурожаями в 1846—47 и 1834—38 г.г. в Англии, потребовавшими усиление в нее ввоза хлеба, рост ценности его с 3% до 50% в 1846—47 гг., с 0,1% до 20% в 1837—38 гг. всего вывоза из Англии, отлив золота за границу, падение ввоза других продуктов, в итоге содействовавших возникновению и усилению кризисов 1836, 1847 г.г. и т. д. См. Туган-Барановский. Пром. кризисы. 137—140, 118—122 и др.
Учтите далее, хотя бы ряд следствий отлива нашего золота за рубеж в эти годы для закупки пропитания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Голод и эмиграция (мирная).

«Если пищевая гора не идет к Магомету, то голодный Магомет, в силу пищетаксиса, сам притягивается к пищевой горе». Недостаток калорий в данной группе и присутствие запасов в другой снимает и срывает людей с насиженных мест, притягивает и бросает их в области, где они имеют больше шансов получить пищу. Отсюда — явления миграции, как функция голодания и пищетаксиса. Как железные опилки тянутся к магниту, как мухи и тараканы эмигрируют и скопляются около центров «хемотаксиса», хотя бы пищевого, так и люди, при голодании, притягиваются из мест более голодных в места более сытые, богатые «пищевым магнитом», оседают или «поляризуются» здесь.

Это явление миграции собственно мало чем отличается от ежедневно повторяющихся миграций к местам питания (столовой, ресторану, трактиру, кухне, гастрономическому магазину и т. д.). Не пробегаем ли мы ежедневно 2—3 раза в день от других мест к подобным местам (для завтрака, обеда, ужина)? Разница между такими ежедневными миграциями и миграциями в узком смысле лишь в длине пути, который должны пробегать люди. Когда пища находится в столовой, то путь будет очень короток. Когда же пищи нет не только в доме, но и в других домах данного места, когда получить ее нельзя в целом городе, то пищетаксис заставляет индивида «пробегать» в поисках пищи десятки, сотни и тысячи верст.

И здесь, при отсутствии препятствий и равенстве прочих условий: 1) количество эмигрирующих из голодной страны будет пропорционально числу голодающих индивидов при одной степени их голодания; 2) при одном числе

голодающих—интенсивности их голодания. Таковы прежде всего условия, влияющие на интенсивность эмиграции. Но ими дело конечно не исчерпывается. Большую роль здесь играет ряд других условий, изменяющих в конкретной действительности идеальный коэффициент интенсивности голодной эмиграции. Таковы: физическая возможность самой эмиграции, нередко отсутствующая; наличие или отсутствие «сытой» страны, куда можно было бы эмигрировать, расстояние ее от страны голодной, удобство путей сообщения, возможность «устроиться» в новой стране, наличие или отсутствие в своей стране запасов у богатых групп и т. д. Все эти условия влияют на интенсивность голодной эмиграции и отклоняют ее коэффициент от коэффициента, определяемого количеством голодающих и степенью их голодания.

На ряду с ними интенсивность пищетаксической эмиграции зависит и от того, насколько голод может быть удовлетворен и удовлетворяется другими путями. Если этими путями покрывается продовольственный дефицит — эмиграции может не быть. Вообще говоря: 3) при равенстве прочих условий в одном и том же угрожаемом голодом и голодающем аггрегате величина пищетаксической эмиграции будет тем большей, чем меньше дают ввоз, изобретения и др. пути покрытия продовольственного дефицита группы, и обратно. Если он весь покрывается этими путями, то пищетаксическая эмиграция будет равной нулю. Отношение каждого из этих методов покрытия голода в смысле его распространенности и величины обратно пропорциональное друг другу. Чем больше для покрытия их дает один из путей, тем менее нужными и необходимыми делаются остальные, тем, следовательно, меньшие размеры они принимают.

Такова вкратце прямая связь между дефицитным и отчасти сравнительным понижением кривой питания группы, и движением кривой пищетаксической эмиграции [1]).

Подтвердим указанную связь.

1) Первую категорию нужных фактов дают кочующие «дикари». Известно, что они остаются на определенном месте до тех пор, пока место даст им средства пропитания.

---

[1]) Этим я не хочу сказать, что всякая эмиграция есть функция голода. Может быть ряд форм эмиграции не пищетаксической, вызванной не голоданием, а другими детерминаторами. Но эти формы эмиграции меня сейчас не интересуют.

Когда же они исчерпаны, напр., животные перебиты или переселились, семена и плоды с‘едены, рыба перестала ловиться, у скотоводов подножный корм с‘еден, словом—когда место перестает доставлять минимум средств пропитания, группа снимается с места и переходит на новое, более богатое продовольствием; если и оно не оправдывает ожиданий—группа двигается снова, часто распадаясь на подгруппы, чтобы легче прокормиться.

2) В связи с этим частично об‘ясняется, а частично служит подтверждением той же связи, история заселения людьми земного шара и плотности населения разных мест последняго. Известно, что наиболее рано заселенными местами были те, которые помимо других «удобств» давали возможность быть сытым при данном уровне состояния „производительных сил» группы. Места «голодные», бедные с‘едобными животными, рыбой, растениями и плодами, а позже—места с бесплодной и неплодородной почвой, заселялись позднее, да и теперь частично остаются мало—или незаселенными (пустыни: Сахара, Гоби и др., полярные страны)[1]. «Влияние естественного фактора большего плодородия почвы вообще обнаруживается в более сильной степени плотного населения и наоборот. Такая пропорциональность между густотой населения, и качеством почвы в бассейнах отдельных рек выступает с тем большей ясностью, чем менее сильны влияния промышленного развития, нарушающие эту закономерность», говорит Майр, указывая на частный случай тяготения людей к местам плодородным [2]). «Население естественно стремится в долины, т. к. они отличаются плодородием», говорит Майо-Смит [3]). Сравнивая плотность населения разных мест земного шара и теперь еще,

---

[1]) Смотри об этом Майр: Статистика и обществоведение, СПБ. 1901. II. 71 и др.

Майо-Смит: Статистика и социология. 1900, 366—367. Levasseur: La répartition de la race humaine. Bull. de l'Inst. int. de Stat., XVIII, II. 48—63. Levasseur et Bodio: Statistique de la superficie et de la population des contrèes de la Terre, Bul. Inst. stat., XII. 1—110. Сорокин: Система социологии. т. I. 254 и сл., Л. Мечников: Цивилизация и великие историч. реки. 1899, Passim. 74—76. Brunhes. La géografie humaine, 1912. Vallaux: Géografie social. 1911. Ратцель Антропогеография. Semple. Influences ot Geogr. Environment. New York. 1911 и особенно E. Hungtington: Civilisation and Climate, 1916. Yale Univers. Press.

[2]) Майр: ук. раб., II. 71.

[3]) Майо-Смит: ук. раб. 366—67.

См. цифры в указ. раб. Левассера и Бодио, а об‘яснения—в работах социальных географов.

несмотря на множество «пертурбационных» влияний, не трудно вскрыть корелляционную связь плотности населения с обеспеченностью продовольствием, легкостью и возможностью его добычи.

Такое оседание в местах богатых пищей говорит о том же пищетаксическом тяготении.

3) Третьим разрядом фактов, прямо говорящих об эмиграции, как функции голодания, служит почти вся человеческая история, начиная с исторических—великих и малых—«переселений народов» и кончая современной эмиграцией. Приведу ряд фактов такого рода, отсылая за подробностями к указываемым работам.

Разделение первобытных групп и эмиграция их частей часто была следствием голода. «По мере размножения орды голод заставлял ее делиться на части, расходившиеся в разные стороны в поисках пищи». Это явление имело и имеет место у фиджийцев, андамантцев, бушменов и т. д. [1]). О том же говорит и библейское сказание о разделении групп Авраама и Лота.

Что было основной причиной эмиграции эллинов из насиженных мест, их расселения и колонизационной деятельности?—Пищетаксис. Растущее население не могло прокормиться на небольшом пространстве Аттики при производственной технике того времени. В силу этого возрастала опасность «перенаселения», т. е. голода. Выход был в эмиграции, в захвате и колонизации новых мест. «Избыток постоянно растущего населения необходимо было наделять новыми участками земли, которые можно было найти только за пределами страны» («Я иду на неразделенную часть земли, говорит царь Полидор»). Отсюда—мирная и военная колонизационная деятельность греков,—«могучее стремление эллинов за пределы родины, ставшей для них слишком тесной» [2]). Не та ли же причина была в основе распространения и военной колонизации Рима [3]). Не то ли же относительное перенаселение, (а стало быть и рост трудности

---

[1]) E. A. Ross. The Principles of Sociology. 1920. 86 и сл.

[2]) Пельман: Очерк греческой истории и источниковедения. СПБ. 1908. 44, 33—4, 183. См. подробнее о причинах эмиграции и колонизац. деятельности греков у Meyer'a: Geschichte des Alterthums. 1893., II т. § 138.

[3]) Рошер правильно указывает в качестве одной из основных причин колонизации перенаселение, т. е. недостаток средств пропитания прежде всего. См. W. Roscher и Iannasch: Kolonieen, Kolonialpolitik und Auswanderung. 3-е изд. 1885 г.

продовольствования) лежит в основе ряда колонизаций позднейших времен, вплоть до наших [1]).

Но оставим эти общие факты, где рост массового пищетаксиса дает себя знать медленно, постепенно и потому безэффектно, с первого взгляда. Перейдем к более тесным взаимоколебаниям кривой питания и кривой эмиграции. Возьмем разные времена, разные народы и страны. Так как «одна и та же причина вызывает одни и те же следствия», то они и здесь должны быть сходными, если нет сильных «пертурбационных» обстоятельств.

Факты.

В Риме «массовое изгнание иностранцев во время вздорожания было излюбленным средством для облегчения задачи прокормления» [2]).

В средние века «весьма важное следствие всякой голодовки было то, что она заставляла людей покидать родину... Когда в голодный год небольшие запасы с'едались, ничего другого не оставалось для крестьян — раз они не хотели умереть с голоду,—как, бросив дом и двор, попытаться найти спасение и помощь где-нибудь, в другом месте... К типической и постоянно повторяющейся черте картины голода принадлежит явление безчисленных толп бедняков, которые скитаются по стране, часто без смысла и цели, и живут только милостыней. Уже Карл Великий в одном из своих капитуляриев упоминает это явление. Passio Karoli картинно рассказывает, как бедняки туда и сюда скитаются между «бургами» и городами, «и часто умирают от голода». Описания, в роде следующих: multi propriis derelictis alienas terras expetant;.. ut multi patriam deserere et ad alias terras cogerentur demigrare;.. nonnulli propter famis intemperiem compulsi sunt de terra sua et cogatione egredi;.. Nec tantummodo pauperes et mediocres, sed et eorum multi, qui putabantur sibi sufficientes esse, duro famis gladio perurgente coacti sunt alias emigrare, ut malum inopiae si non ex tuto evitare, salutem possent alleviare и т. п.—обычные в хрониках того времени [3]).

Гонимые голодом массы людей нередко проходили гро-

---

[1]) См. Ernst Hasse: Kolonieen. und Kolonialpolitik в Handwerterbuch d. Staatswis., Conrad'a, 2-е изд., т. 5. 135—247 и Philippowich: Auswanderung. Там же. 3-е изд., т. II. 260—261, 273—274.

[2]) Фридлендер: Картины из бытовой истории Рима. СПБ. 1914. 27, 28. Waltzing: Etude historique sur le corporations professionnelles chez les romains. т. II. 1896. 102.

[3]) Curschmann: Ук. раб.; 62—68.

мадные по тому времени пространства, напр., из Франции до Люттиха, из Богемии до Тюрингена, Мессена и др. частей Германии, из Кракова—в Россию и Венгрию, из Венгрии до Дона и т. п., «Потеря людей (из голод. мест) была весьма значительной. Некоторый масштаб этого опустения дает Cont. Aquicinctina, описывающая, что в 1196 г. такая масса людей покинула страну, что оставшиеся бедняки могли довольно хорошо просуществовать. «Пустели целые деревни и города; иногда целые монастыри и др. организованные группы покидали сразу свои насиженные места.

В связи с голодом стоит и колонизационное движение на Восток в средние века. Голодное население Нидерландов колонизовало Голштинию, население с Запада отливало на Восток. В связи с голодовками XI в., а в течение его было не менее 11-ти крупных голодовок в одной Франции,—стоят и такие миграции населения, как крестовые походы. В 1095 г. в Бельгии был тяжелый голод, в следующем году отсюда отправилось особенно много крестоносцев. Точно так же перед вторым крестовым походом была сильнейшая голодовка 1145—1147 г.г. В такие годы призыв итти на завоевание святой земли и обещание прощения грехов (Busspredikt) падали на особенно благоприятную почву. Современники не раз подчеркивают эту связь крестоносного движения и голодовок. Так Ekkehard говорит: Francigenis occidentalibus facile persuaderi poterat sua rura relinquere; nam Gallias per annos aliquot nunc seditio civilis, nunc fames nunc mortalitas nimis affixerat [1]).

Нарисованная картина говорит, что средневековые голодовки действительно вызывали: 1) эмиграцию из голодных областей и оседание в местах более сытых, 2) этот путь передвижения иногда был весьма значительным, 3) результатом этого было: опустение населения голодных областей и скопление его в местах сытых, 4) целый ряд крупнейших исторических событий (колонизация Востока, крестовые походы и т. п., в рождении коих играли одну из важных ролей—на ряду с другими причинами—голодовки). То же явление мы видим и при голодовках в Византии. Здесь жители также бежали из голодных фем и областей [1]).

Ту же картину мы видим и позже. Напр., в 1570 г. из за голода в Германии «множество крестьян оставили свои

---

[1]) Curschmann: Ук. раб., 51—55. См. у него же подробности и летописную хронику.

[1]) См. Скабаланович: Визант. государство и церковь. 1884. 250—51.

дворы и ушли в чужие края искать заработков». То же повторялось в 1634, 1649, в 1719 и 1736 г.г. [1]).

В 18 в. во Франции в годы голодовок «в каждой провинции толпы в пять, десять, двадцать тысяч человек бродили по большим дорогам. В 1777 г. оффициально была установлена цифра в 1.000.000 нищих. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни, в надежде найти где-нибудь лучшие условия» [2]).

То же явление имело место у нас и в Индии во время голодовок.

В 1127—8 голодный год в Новгороде «ови изьмроша, а друзии разидошася по чюжим землям». В 1214—15 г. «останк (невымершие) разыдеся, и тако... разыдеся власть наша и град наш». В 1228 г. «разыдеся град наш и волость наша» [3]) В 1419 и 1421 г.г. население уходило от голода в Литву. В 1436 г. обитатели Новгородских областей «изыдоша в немци». В 1446 г. «многие разошлись в Литву, к немцам, басурманам и жидам». «Целые области пустели, за выходом населения из их пределов». В 1601 г. «царская милостыня привлекла в Москву громадную массу народа» [4]).

«Пустели дворы, уменьшалось население и от неурожаев, которые случались довольно часто». Они вместе с пожарами, «вынуждали население бросать свои насиженные гнезда и брести туда, где можно было бы найти приют и пропитание». То же при Петре. Челобитные, в роде следующих, рисуют определенную картину: «С прошлого 1711 г. по нынешний 1716 г. иных волостей (Балах. у.) многие крестьяне от скудости своей, которая приключилась от хлебных недородов и от скотского падежа, покиня свои тяглые жеребьи, врознь разбрелись». В Велик. Луках «от хлебного недорода крестьяне пришли в великое оскудение и многие от скудости разбрелись врознь» [5]). В 1725 г. Ягу-

---

[1]) Цитович: Ук. раб., 4. Hazzi: Betrachtungen über Theuerung und Noth der Gegenwart und Vergangenheit. 1818. 11—21.

[2]) Кропоткин: Великая франц. революция. М. 1919. 16. См. H. Taine: Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime. Т. II. 206 и сл. Paris. 1899.

[3]) Лешков: Ук. раб., 460—466. Леонтович: У. р., 10—11.

[4]) Ермолов: Ук. раб., 7—10. Соловьев: Ист. России. 3 изд., II. 741—742.

[5]) Клочков: Население России при Петре В. 1911. 218—219. Там же см. подробности. По данным П. Н. Милюкова в ряду причин убыли населения при Петре «на долю побегов», «нищенствования и разбойничанья» приходится 38. 1% всех убылых дворов (7.389 дворов из изученных 19.376 убылых дворов). См. П. Милюков. Госуд. Хозяйство России в 1 четв. XVIII ст. СПБ. 1905. 204—205.

жинский писал: «множество бегут за рубеж польский, в одном Вологю полку... убыло 13.000 слишком душ». То же в 1735 г. [1]). В голод 1733 г. «жители из пострадавших местностей во множестве устремились на Яик, подобно тому, как и в наши дни десятки тысяч голодных крестьян уходили туда же и еще далее в Сибирь» [2]). В 1732—36 г.г. «из вотчины кн. Черкасского, Нижегор. у., (где особенно силен был голод), из 3.024 душ бежало 1.008 душ от скудости и хлебного недорода, а сверх де оных беглых, многие, оставя домы свои, с женами и детьми для прокормления бродят по миру». «Из Панинской волости, в которой числилось 3.927 душ, бежало 1.016 человек». В 1749 г. неурожай в Белгородской губ. повлек громадное стечение народа в Белгород, где давали кормежку; пришлось за городом разбить лагерь и палатки. В неурожай 1833 г. «тысячи крестьян (не менее 38.000), вытиснутые голодовками из родных губерний, переселились на Кавказ, но там они встретили страшный неурожай 1833 г., двинувший их обратно» [3]).

То же и позже. В голод 1891—92 г.г. «вследствие безхлебицы, из пострадавших губерний и областей хлынула в Сибирь широкая волна переселенцев» [4]). Изучение самой статистики переселения в Сибирь красноречиво говорит о том, что массы переселенцев давали и дают именно губернии, постигнутые неурожаем и голодом.

Обращаемся к Индии. В голод 1807 г. «сельское население массами устремилось в города, в надежде найти там помощь». То же повторилось в 1833 и 1837 г.г. В 1860 г. голод «заставил до полумиллиона человек выселиться из пострадавшего округа». В 1867—68 г.г. «значительная часть поселян вынуждена была бежать со своим скотом из мест постоянной оседлости, частью на юг, частью на север. Перекочевало до миллиона людей» [5]). «Население эмигрировало в колоссальном числе, с пожитками и стадами. Из 1.500.000 жителей провинции Marwar около 1.000.000 эмигрировало» [6]).

Вот, более детальная картина. В страшный голод 1876—

См. также Св. Словцов. Историч. и стат. обозрение неурожаев в России. Сб. стат. сведений о России, изд. стат. отд. Рус. Геог. Об-ва, 1858, кн. III, 465—502.

[1]) Соловьев: Ист. России. II. 876—877. 1435.

[2]) Ермолов: Ук. р., 8, 17.

[3]) Роман Слав.; Ук. раб. 42, 52—53.

[4]) Ермолов: Ib., I. 103.

[5]) Ермолов; Ук. раб., II. 97—100.

[6]) The Imp. Gaz. of India. v. III. 487.

78 г.г., в Indapure из 67.000 населения и 44.200 голов скота «эмигрировало en masse 57.500 человек и 33.000 голов скота». «В Acola из 815 жит. и 780 голов скота осталось только 76 чел. и 20 голов, в Pimple из 228 ч. и 153 г. осталось 9 ч. и 3 скотины, в Bhatalwad из 346 ж. и 340 г.—77 и 22, в Lakdi из 637 чел. и 435 г.—16 ч. и 4 скотины». В других местах «более 50% населения покинуло свои жилища». В течение 3 мес. 1877 г. из провинции Мадраса эмигрировало 207.763 чел. и т. д. [1]). Те же картины повторялись и при более поздних голодовках в Индии [2]).

Наконец, о том же, до известной степени, говорят и цифры заокеанской и внутри-европейской эмиграции. Не раз было замечено, что число эмигрантов из данной страны повышается в годы неурожаев и следующие за ним годы для стран земледельческих, в годы сильных промышленных кризисов для стран индустриальных, вообще в годы экономического расстройства, ведущего к росту дефицитного или сравнительного голодания значительной части населения. Эта связь более четко проявлялась при сильных голодовках, при сильных кризисах особенно в прошлом, когда мировое хозяйство не было еще столь развито, когда изоляция стран была большей и когда сами промышленные кризисы носили более резкий характер, чем депрессии последнего времени. Та же связь была констатирована и на странах иммиграции: число иммигрантов в них повышается в годы экономического расцвета, и падает в годы экономической депрессии.

«Причиной эмиграции, наиболее часто упоминаемой в отчетах синдиков и префектов, является бедность», говорит Бодио [3]). In den meisten Fällen werden hierbei allerdings die wirtschaftlichen Verhältnisse die treibende Ursache (Auswanderung) bilden“, говорит Филиппович [4]).

Из многочисленных данных, подтверждающих это положение, ограничусь приведением немногих, отсылая читателя к указанным работам.

---

[1]) Digby: Ук. р., I, 288—93, 10, 13, 247. 265—66, 271, т. II. 349, 333—350, 385—394 и др.

[2]) См. указ. оффициальные Reports комиссии Индии по борьбе с голодом. См. также The Imperial Gazetter of India, Oxford. 1907, т. I. 467—471, т. III. 484 и сл.

[3]) Бодио: Эмиграция из Италии, в сб. «Народонаселение». М. 1897. 307.

[4]) Philippovich: Auswanderung, в Handwôrt. d. Staatswis. Conrad'a, 3 изд., т. II. 273—74. Майо-Смит: Статистика и социология. М. 1901. 342.

Согласно теореме о связи голода с эмиграцией мы ceteris paribus, для стран земледельческих должны ждать повышения эмиграции в годы сильных неурожаев, для стран промышленных—в годы сильных кризисов, для стран аграрно-промышленных—при совпадении обоих условий (при несовпадении минусы одного явления могут быть покрыты и скрадены плюсами другого), плюс для всех стран в годы тяжелых войн, ухудшающих экономическое положение народа. Такая связь на ряде годов была констатирована Майром для Баварии—страны резко аграрной в прошлом [1]). Беру Ирландию. Страна аграрная. За 40-е годы число эмигрантов (за океан) из Ирландии таково:

1845 г.	686
1846 »	109.624
1847 »	217.512
1848 »	187.803 [2]).

Отмеченное резкое повышение числа эмигрантов в 1846—7 г.г. совпадает с сильнейшем неурожаем и голодовкой 1846—7 г.г. [3]). К этому числу эмигрантов из Ирландии за эти годы следует прибавить еще 500.000 (по другим данным 314.000), эмигрировавших отсюда в Англю и Шотландию[4]).

Беру земледельческую страну—Россию. Число иммигрантов в С. А. С. Штаты из России было

в 1890—35.598		1898— 20.828	Сильн. неур. 1898 г.
» 1891—47.426	Голод	1899— 60.982	
» 1892—81.511	1891—2 г.	1900— 90.787	Сильн. неур. 1901. Промыш. кризис, начав. в 1900 г.
» 1893—42.310		1901— 85.257	
» 1894—39.278		1902—107.347	Неурож. восточ. и юго-вост. губ. 1902.
» 1895—35.907		1903—136.093	
» 1896—51.445		1904—145.141	Неур. 1903.
» 1897—25.816		1905—184.897	Сильн. неур. 1905 г.+война [5]).

Рассматривая эти цифры и ряд факторов, ухудшавших материальное положение масс, прежде всего неурожаи, за-

[1]) См. цифры и диаграммы в его: «Закономерность общественной жизни».

[2]) Филиппович: Эмиграция из отдельных государств Европы, в сб. „Народонаселение". 284. Его-же. Auswanderung в Handw. Conrad'а. 3 изд., т. II. 291.

[3]) См. Conrad: Agrarkrisis в Handw. d. Staatsw., 3 изд., т. II, 210.

[4]) Mulhall: Ук. р., 257. Он, как и Commissioners report дает цифру эмигрировавших ирландцев за эти годы еще большую, в 1.079.000. Ib. 257.

[5]) Цифры иммигрантов беру из цит. ст. Philippovich'а. 266, данные неурож. из Ермолова: Ук. р., 102 и сл., 153 и сл., 232 и сл., 261—263. О кризисе 1900 и сл. год. см. Туг.-Барановский: Период. промышл. кризисы. Спб. 1914. 165.

тем промышл. кризис 1900—02 г.г. затем войну 1904—5 гг. мы видим и здесь известную связь между числом лиц, иммигровавших в Америку из России, и ростом дефицитного или сравнительного голодания масс.

Несмотря на то, что эмиграция, как указано выше, следствие многих причин, эту связь между ростом дефицитного или сравнительного голодания, указываемым состоянием урожаев, промышленности и безработицы, можно подметить и на движении кривой эмиграции других стран.

Беру для примера движение эмиграции из Бельгии— страны смешанного характера. Рассматривая ее кривую и соответственные цифры мы видим, что кривая числа эмигрантов делает резкие повышения в годы: 1844—47, 1854—56, 1863—66, 1878—81, 1885—89. Эти же годы являются либо годами сильнейшего неурожая, либо промышленного кризиса, либо того и другого [1]).

Сходное можно отметить и на ряде годов немецкой эмиграции в Соедин. Штаты Америки.

Кривая числа немецких эмигрантов в С. А. С. Штаты делает скачки в годы:

в 1825—6 г. (кризис 1825 г.).

в 1845—54 г. (Годы сильнейших неурожаев второй половины 40-х и нач. 50-х г.г. и аграр. кризиса. Индустриальный кризис в связи с промышленным переворотом второй половины 40-х годов. Революция).

(С другой стороны—открытие золотых россыпей в Калифорнии, привлекших массу эмигрантов сюда со всех частей света, в том числе и немцев).

В 1866—69 г. (кредитный аграрный кризис. Войны 1864 и 1866 г.г.).

Далее, за годы 1874 по 1879 цифры эмигрантов не превышают 47.671. Этот же период является периодом процветания Германии.

Снова повышение видим в 1880—85 г. (Аграрный кризис Индустр. депрессия).

В 1891—92 г.г. (Кризис 1890—91 г.).

Далее до 1906 г. цифры эмиграции очень низки, колеблясь между 20—30 тыс., частично повышаясь в 1902—3 г. с 22 тысяч в 1900—01 г. до 32 и 36 тыс. в 1902—03 (кризис

---

[1]) См. диаграмму, цифры и характеристику годов у H. Denis: Le mouvement de la population et ses conditions économique в Memoires couronnés Бельг. Корол. Академии, t. LIX, 1900, 1—16.

1901—02 г.). Это—годы блестящего экономич. развития Германии [1]).

То же явление можно подметить до 80-х годов 19 в. и на эмиграции из Соединенного Королевства (хотя здесь до 1853 не велась отдельная регистрация английских подданных, а регистрировались вообще все отбывающие из портов Великобритании).

И здесь мы замечаем повышения кривой эмиграции в годы экономического разстройства (раньше неурожаев, позже в годы промышл. кризисов, депрессий и безработицы).

Такие повышения волн эмиграции здесь мы замечаем в

1816—19 г. (годы кризиса 1815—16 г.)

1825—26 г. (кризис 1825 г.)

1836—37 г. (кризис 1836—7 г. Неурожай 1837 г.).

1840—42 г. (депрессия)

1846—54 г. (Голод 1846—7 г., кризис 1847 г. и застой последующих лет. Открытие золота в Австралии и Калифорнии).

1862—66 г. (кризис 1862—66 г.г.: хлопковый голод. См. об эмиграционном движении рабочих Англии в эти годы у Туг.-Барановского. Ц. р., изд. 1914 г., 423 и сл.).

1873 г. (кризис 1873 г.).

Далее с смягчением кризисов и с переходом их в более мягкие и продолжительные периоды прилива и депрессии, сопровождаемом отсутствием резкого и даже заметного ухудшения положения рабочих. (См. об этом у Туг.-Барановского, Ц. р. гл. VII, VIII, ч. II, и гл. IV и V, ч. III) указанная связь перестает быть заметной [2]).

То же проявляется и на статистике иммиграции, напр., в С. А. С. Штаты. Это видно хотя бы из следующей таблицы числа иммигрантов в годы под'ема и депрессии промышленности Заантлатической республики.

---

[1]) Цифры эмигрантов беру из указ. статей Филипповича. Данные о кризисах из ст. Herkner'a: Krisen в Handw. d. Staatsw. 2 изд., т. V 427—33, и Conrad'a: Agrarkrisis. 206—221.

[2]) См. цифры эмиграции в ц. ст. Филипповича в „Народонаселении", 282—283, в Handwort. d. Staats. 266, и в Copy of statist. tables relating to emigration and Imigration from and into the Unit. Kingdom от 8 апр. 1897. Стр. 28 и сл. Данные о кризисах, неурожаях и депрессиях беру из ук. ст. Herkner'a, книги Туг.-Барановского, ст. Welby: The progress of the Unit. Kingdom from the War of French Revolution to 1913. Journ. of R. Statist. Soc., 1915 г. и Schou: The Statistics of the World's foreign Commerce. Jour. Stat. Soc. 1900, 329—30.

Годы оканчивающиеся к 1 июня.	Число иммигрантов.	Ввоз в милл. фунт.	Эконом. положение.
1873	459.803	642	под'ем
1879 (1878)	177.826	437	депрессия
1882	788.992	725	под'ем
1886 (1885)	334.203	578	депрессия
1893	439.370	866	под'ем
1897 (1898)	230.832	616	депрессия
1906	1.100.735	1226	под'ем [1])

«С 40-х годов число иммигрантов в С. А. С. Штаты становится громадным, вызванное ирландским голодом и социально-политическими отношениями континента Европы. Во время войны за освобождение негров оно падает, но снова быстро поднимается с промышленным под'емом до кризиса 1843 г. Под влиянием промышленной депрессии с этого времени оно сильно падает и только в 1880 г. падение преодолевается. В 1882 г. иммиграция достигает небывалой величины, но депрессия 1885—86 г. понижает число иммигрантов на половину. Затем идет новый под'ем до грандиозного кризиса 1893 г., который при благоприятном положении в Европе, понижает сильно число иммигрантов, доходяще в 1898 г. только до 229.229 лиц. В 20 в. идет новый под'ем и в 1907 г. достигает наивысшей цифры в 1.285.349. После осенняго кризиса 1907 г. идет снова резкое уменьшение [2]).

Эти цифры ясно говорят о том, что в годы депрессии стремление людей в страны иммиграции падает, в годы под'ема, стало быть и больших шансов на лучшее питание, растет, т. е. опять-таки прямым образом подтверждает теорему о прямой связи голода и пищетаксической тяге из голодных мест в сытые.

Можно было бы привести не мало других цифр и сопоставлений, подтверждающих указанную теорему, но я ограничиваюсь сказанным, отсылая читателя за подробностями к нижеуказанным работам [3]).

Наконец, все эти положения прекрасно подтверждаются внутренними иммиграциями населения России за 1917—22

---

[1]) Philippovich: Auswanderung. 244.

[2]) Sartorius v. Waltershausen: Einwanderung, в Handw. d. Staatsw., 3 изд. т. 3, 769—70.

[3]) См., помимо упомянутых работ: Майо-Смит: Ук. раб. 342. Майр, Статистика и обществоведение. т. II. гл. об переселениях, Fr. Coletti, Dell'emigratione italiana. Milano. 1912. Гл. о причинах эмиграции. Ряд статей и цифр об эмиграции в Bullet. de l'Inst. intern. de Stat., т. VII, 167—68 и др., т. XVIII, II. Сводки данных в статист. словарях Webb'a и Mulhall'a.

голодные годы. Здесь все мы наблюдали и наблюдаем в 1917—18—19 г. г. массовые переселения из голодных городов в деревни, из менее сытых мест в более сытые.

В 1920 г. и в 1921—22 г. г. из неурожайных губерний, в частности, приволжских, крестьяне целыми деревнями, как и в средние века, снимались с своих мест и шли из голодной области в места более сытые, или шли просто «куда глаза глядят». Повторялись воочию картины средневековья. Голод выгонял из насиженных гнезд, создавая толпы бродячей Руси, гнал их с места на место, и старых, и малых, в поисках пищи. Рядом с этим то же явление выступало и в более общей форме отлива населения из «голодных» областей, в области более сытые, напр., в 1918—19 г. г.—на Украину, на Дон, на Кубань. Этот отлив совершался в разных формах: в форме добровольных стихийных переселений, с разрешения властей, в форме беженства за рубеж Р.С.Ф.С.Р. или отдельных областей, вопреки запрету, в форме переселений рабочих по прямому почину власти на Дон и в другие «контр-революционные» хлебные места с целью насаждения там красного населения, в форме, наконец, движения служащих, спецов, сестер милосердия и красной армии, солдаты которые шли охотно из голодных северных мест в южные и юго-восточные губернии, богатые хлебом, салом и всякой «добычей». Наконец, о том же говорят и факты бегства населения из голодных городских центров в 1916—21 г. г. Беру для примера население Москвы и Петрограда.

С 1917 по 1920 г. г. оно чрезвычайно уменьшилось.

Годы.	Население Москвы.	Население Петрограда.
1915	1.617.700	2.314.500
—16	—	2.415.700
—17 (февраль)	2.017.173	2.420.000
—17 (17 сент.)	1.854.426	
—18 (21 апр.)	1.716.022	1.469.000
—19	—	900.000
—20 (3 авг.)	1.023.000[1])	740.000[2])

Из этих цифр мы видим колоссальное сокращение населения наших столиц за эти годы. Даже с 1918 г. оно сократилось в Москве (несмотря на переезд туда власти) на 40, в Петрограде—на 50%. Это сокращение вызвано не только

[1]) Красная Москва 1917—20 г. г. Изд. Моск. Сов. Р. К. и Кр. Деп., 54.

[2]) Материалы по статистике Петрограда, 1920 и 1921 г. г., вып. I, 10, вып. III, 3—4, 23, вып. V, ст. С. А. Новосельского.

колоссальным ростом смертности (с 1917 до 1 июля 1920 г. напр., в Петрограде умерло всего 226.417 человек, а население убыло на 1.670.000 тысяч, [1]) но главным образом эмиграцией населения из этих городов, вызываемого пищетаксисом в первую очередь. В голод 1921 г. это переселение из голодных мест приняло грандиозные размеры. «Поволжье бежит. Поток людей исчисляется в 100 тысяч человек», читаем мы еще в начале неурожая [2]).

«Происходит стихийное движение голодающих масс. С мест снимаются целыми деревнями и селами» [3]).

«Переселение развивается. Продают за бесценок все имущество и направляются в Сибирь и на Украину. Многие поселения совсем опустели» [4]) такими сообщениями полны газеты.

Нужно ли иное более четкое доказательство пищетаксиса! На концентрацию животных в к. н. месте (помимо других факторов) «влияет и локализация пищи. Если пища определенного вида животных распределена на небольшом пространстве, члены вида будут тяготеть к нему, встречаться и концентрироваться здесь в силу потребности в пище» [5]). Не в столь простой форме по внешности, но по существу то же мы видим и у человека. Под пестрыми одеждами массовых миграций, прикрытых обычно тысячами «высоких и низких» речевых рефлексов, извилинами и кривулями пространственных путей, всяких драматических и комических сцен, мы находим, что в ряде случаев этот человеческий ледоход вызван разливом голода или пищетаксисом. Все остальные в таких случаях только «одежды».

Сам по себе этот факт эмиграции и иммиграции имеет громадное социальное значение как для течения обществ, процессов в пределах голодающей группы, так и вне ее. Эмиграция населения, вызванная голодом, далее сама порождает целый ряд «вторичных функций», меняющих ход общественной жизни, структуру группы и состав ее населения.

---

[1]) Материалы по стат. Петр., вып. I, 10, III 26.

[2]) Маховик, 7 июля 1921 г.

[3]) Красн. газета, 7 июля 1921 г.

[4]) Маховик, 27 июля 1921 г.

См. «Помощь». № 1, Корр. из голод. губ. Херсон 24 м. «Из 100 тыс. населения осталось не более 60 тыс. Бегут все». Самара 20 м. «Усиливается стихийное бегство», П. Пр., 26 м. 1922. «Из Бузулукского у. более 40 тыс. выселилось» и т. д.

[5]) Parmelee: The science of human behavior, New—York, 1913, 330, 391—95.

Таким «вторичными социальными функциями голода», вызываемыми через эмиграцию служат:

1) Изменения в составе населения группы: ее численность сокращается и тем сильнее, чем интенсивнее эмиграция. В связи с этим ослабляется или приостанавлпвается рост числа членов группы [1]).

2) Изменяется возрастной, половой, профессиональный, имущественный и т. д. состав населения и изменяется чаще всего к невыгоде группы: эмигрируют чаще мужчины, чем женщины, возрастные слои работоспособные, чем неработоспособные (до 15 л. свыше 60 лет), энергичные и иницпативные, чем неинициативные и неэнергичные.

3) Все это сказывается: и на военной мощи группы, и ее производительной энергии в области экономики, и на ее интеллектуально-моральной жизни и т. д.

4) Это сказывается тем сильнее, что при эмиграции навсегда производителями потомства в группе делаются оставшиеся, а не ушедшие; посему, в случаях ухода лучшей части, будет плодиться «второсортное» потомство, а не «первосортное».

5) Деформируется от этого и «богатство» страны. В случаях, когда эмигранты уносят с собой свои сбережения, не присылают свои заработки на родину и не возвращаются— страна беднеет. Обратное происходит тогда, когда эти сбережения все с лихвой возвращаются в страну.

6) Если эмигранты, побывав в чужих краях, возвращаются, то вместе с собой они приносят новые навыки, новые воззрения, обычаи и новую психику. В группу т. о. инфильтрируют чужеродные элементы культуры и обществ. жизни, которые могут быть и положительными и отрицательными, смотря «по школе жизни», чрез которую прошли эмигранты. Происходит т. о. «смешение народов, лиц, племен, наречий, состояний», словом, разных культур и укладов жизни.

Не говоря о других «вторичных» функциях пищетаксической эмиграции, из сказанного легко понять те громадные изменения, которые вызываются всем этим в жизни группы. Они деформируют: и военную мощь группы (при убыли от эмиграции и уменьшении роста населения), и эко-

---

[1]) См. подробнее об этом: E. C. Hayes: Introduction tò the study of sociology, 1921. 267 и сл. E. Ross: The Principles, 10 и сл. Fairchild, Immigration. Philippovich: Цит. ст., 275—278. Colletti Dell'emigrazia italiana. Milano, 1912. Passim и гл. о влиянии эмиграции на соц. жизнь. Fed. Chessa. Le fenomeno dell'emigrazione in Italia. Rivista ital. di sociologia, 1913, 61—71. Там же цифры, иллюстрирующие эти положения.

номическое ее положение, и политическую организацию, и религиозно-правовую, интеллектуальную и моральную физиономию группы, в ее настоящем, и в ее будущем. Часто эти эффекты не заметны с первого взгляда, но при сильной и частой пищетаксической эмиграции они значительно меняют всю историю группы и делают ее иной по сравнению с той, какой она была бы без этого условия и его эффектов.

7) Рядом с этим эмиграция вызывает целый ряд изменений и в тех группах, куда иммигрируют. Она изменяет: и состав населения—возрастной, половой, профессиональный последних, и экономические отношения (увеличение рабочих рук, рост производства, усиление конкурренции, ввоз богатств и их вывоз), влечет «смешение» нравов, обычаев, воззрений, крови, и т. д., изменение потомства страны в силу появления иммигрантов-производителей, изменение военной мощи, заселение новых мест, образование островков и колоний иммигрантов в стране иммиграции, в роде piccola Italia, немецкой Америки и т. д., При иммиграции голодных, в частности, последние нередко являются носителями болезней и эпидемий. В силу этого они могут повлиять на движение смертности стран иммиграции, а чрез это и на целый ряд других явлений в ней.

Каждая из этих «вторичных функций» голода вызывает новые.

Резюме. 1) При росте голодания и невозможности покрытия его иными путями, обычной функцией массового голодания служит пищетаксическая эмиграция из голодных областей в более сытые.

2) Она, ceteris paribus, тем больше, чем а) больше количество голодающих, b) степень их голодания, с) чем богаче сытые области и чем легче в них добыть питание, d) чем они ближе, е) чем меньше доступны иные пути покрытия продов. дефицита.

3) Чрез явление эмиграции голод вызывает ряд других социальных функций второго порядка: в составе населения, в его свойствах и в естественном движении, в организации общества, в его анатомии и «физиологии».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Голод и война

(Насильственная эмиграция, иммиграция изахват достояния других групп).

Если мирная эмиграция почему либо невозможна и встречает сопротивление со стороны населения стран иммиграции (как, напр., сейчас для жителей России), если голод другими путями не покрывается, место мирной эмиграции может занять эми—иммиграция насильственная, функцией массового голода становится война. Голодные массы, притягиваемые пищевыми скопами и богатствами других групп, будут пытаться насильственно снимать препятствия, врываться, грабить, воевать.

Ceteris paribus, этот натиск будет тем сильнее, чем: 1) голод больше количественно, чем он качественно ближе к точке максимума кривой интенсивности пищетаксиса, 2) чем богаче население стран иммиграции, 3) чем последние ближе, 4) чем сильнее голодные и слабее богатые группы в военном отношении.

Следствием такой военной иммиграции или ее угрозы могут быть: 1) Превентивное нападение сытой страны на голодную для предотвращения опасности вторжения голодных; 2) отбитие сытыми волны и натиска последних, что ведет за собой или кровавые социальные бури в стране голодных, или «тихое вымирание» их; 3) Победоносное преодоление сопротивления сытых стран голодными. В этом случае могут наступить разные исходы: а) сытые, спасаясь от голодных, могут отступать, давить на соседние группы, те на следующие и в итоге мы получаем «массовые переселения народов» (имевшие не раз место в историп Европы, Азии и Африки; в) сытые, стиснутые с обоих сторон, могут быть уничтожены; с) наконец, они могут быть покорены голодными.

В этом случае они становятся эксплуатируемыми, вторые—экспулататорами (победители римляне и побежденные ими народы, Афины—и их жертвы, Ислам—и его побежденные и т. д.),—все равно в форме ли слоя завоевателей—аристократов, оседающих в покоренной стране и делающихся ее повелителями (военные колонии Рима, Греции, Арийцы в Индии, и т. д.), или в форме группы, живущей территориально вне пределов группы побежденной, но собирающей с последней дань и заставляющей доставлять себе корм (явление, многократно встречающееся в истории войн и побед Персии, Китая, Ислама, Индии, Рима, Греков, Византии, Турков, Монголов и европейских народов), или, наконец, в форме периодических налетов и грабежа достояния сытых стран.

Таковы наиболее типичные исходы насильственной пищетаксической эмиграции. Это, конечно, схематизированные исходы, но все онибывали и продолжают повторяться в истории.

Мы видим, какие величайшие социальные катастрофы может вызывать простое явление... «недостатка калорий», «дефицитного пищевого обмена веществ»! Незримый режиссер-голод ставит на сцене истории величайшие исторические трагедии, вызывает к жизни потоки крови, приводит в действие танки и пушки, бумеранги, дубины и создает победителей и побежденных, эксплуатируемых и эксплуататоров, рабов и господ!

Голод или его угроза, при невозможности иного утоления, родит войну, а война—родит голод. Эти два близнеца всегда почти неразлучны и вместе гуляют по миру.

Подтвердим указанную функциональную связь их.

Общим доказательством этой связи служат прежде всего многочисленные войны «от Адама до наших дней», которые были вызваны на почве уже наступившего голода, или его непосредственной угрозы и «благоразумной» предусмотрительности, стремившейся обеспечить в будущем продовольствование группы.

В ряду безконечного количества мелких и крупных войн, которые велись в истории, мне трудно найти войны, которые прямо или косвенно не имели бы в качестве своих причин указанные «моторы». Правда, в ряду этих причин были и другие посторонние голоду, но этим не исключается последний, не отрицается и его важная роль. Больше того, почти во всех войнах, в особенности же в войнах древности, голод, его угроза, обеспечение себя продовольствием в будущем играли и играют основную роль.

Это следует из того, что во всех войнах мы видим с одной стороны стремление захватить достояние, имущество, землю, скот, богатства, предприятия и др. добычу у врага, с другой, защитить свое достояние от нападавших. Война неотделима от аннексий, контрибуций и грабежей всякого рода и ими почти всегда кончалась и кончается. «Надо помнить, правильно говорит М. И. Ростовцев, что война в особенности война завоевательная, в древности более, чем теперь, была не только (я бы сказал: не столько, П. С.) политическим, но и коммерческим предприятием, обогащавшим всех участников. Добыча (или защита своего достояния П. С.) была одним из главных стимулов войны, а грабеж—военных действий» [1]). Так было в прошлом, так обстоит и теперь. Вся разница в том, что теперь этот стимул сильнее окутан массой «высоких речевых рефлексов» (о праве, защите культуры, торжестве справедливости, свободе и т. д.), выступает не в столь голом виде и завуалирован сотнями «прекрасных» вуалей и социальных одежд.

И теперь на словах «освободительная война», на деле—Версальский договор и грабеж побежденного врага (и даже побежденного союзника—России).

Это бесспорно. Правда, мне могут сказать, что добыча и достояние не исчерпываются одними пищевыми богатствами, стало быть война может быть и не из за одних пищевых продуктов и их эквивалентов. Конечно, не отрицаю этого. Но с другой стороны напоминаю данные бюджета доходов и расходов. И теперь еще бюджет доходов масс тратится от 50 до 80% на пищу и продовольствие. Стало быть, всякая добыча войны или защита своего достояния в размере 50—80% есть добыча для пропитания, есть защита «права быть сытым». Тем большее значение имеет это для голодных времен—и теперь, и особенно в прошлом. Тогда продовольствие в виде скота, пищевых запасов, эксплуатируемой и питающей земли, полей, лесов, рек, угодий и т. д. было основным и чуть ли не единственным видом «богатства". Да и остальные его формы были прежде всего средством „хорошо попить и сладко поесть».

Вот почему тезис, доказывающий «коммерческий» характер всякой войны, вместе с тем доказывает и тезис: война чаще всего есть прямая или косвенная функция пищетаксиса.

---

[1]) М. Ростовцев: Рождение Римской империи П. 1918. 11. См. Nicolai: Die Biologie des Krieges. 1919. 34—35.

И действительно, войны т. н. «первобытных народов» прямо или косвенно возникают чаще всего на пищетаксической почве, хотя и здесь суб'ективная идеология часто затемняет подлинную суть дела. Таковы столкновения охотничьих групп из за нарушения границ своего кочевья, вызываемые тем, что свое место пребывания перестало доставлять достаточно продовольствия и требуется новое, уже захваченное другими; таковы войны, вызванные стремлением захвата достояния соседей вплоть до желания полакомиться мясом самих побежденных, войны, вызванные желанием наказать чародеев-врагов, наговорами вызвавших голод у группы (суб'ективное искажение об'ективной роли голода), войны, вызванные размножением группы, ведущим к недостатку средств пропитания, а тем самым к необходимости увеличить их путем захвата территории и достояния других групп, наконец, войны, вызванные желанием иметь «данников» и «побежденных», обязанных кормить победителя и т. д. У примитивных народов мы находим, говорит М. М. Ковалевский, «факт защиты их районов от всякого вторжения извне». А они были не редки. «Стоило этим вторжениям принять формы насильственной апроприации этого района соседним племенем—и противодействие принимало формы открытой войны» [1]). «Постоянные войны, характеризующие охотничьи племена, вызваны были первоначально увеличением их численности и следующим затем недостатком пищи», а «по древним обычаям войны победитель получает право на всю собственность врагов, какова бы она ни была и где бы она ни находилась» [2]). (Римское положение: Omnia in victoria lege belli licuerunt было, да остается и теперь общим правилом).

То же и у пастушеских народов. Здесь недостаток средств пропитания вел «к необходимости найти новые пастбища для умножившегося скота. Эти пастбища могли быть приобретены силою, путем войны и порабощения соседних племен» [3]). «Между людьми, обратившимися к пастушескому образу жизни, угон скота был часто повторявшимся явлением... Поводом к враждебным столкновениям должны были служить не только споры из за пастбищ, но и кражи скота, как это мы видим теперь среди южно-американских племен или как то было несколько поколений назад на шотландской границе. Мы узнаем из

[1]) Ковалевский: Социология, т. II, 138—39.
[2]) Спенсер: Основания социологии, 1898. Спб. 561.
[3]) Westermarck: The Origine, II, 26.

древних книг Востока, что таковы именно были причины постоянных войн» [1]). Так было у древних германцев, в Перу, Инков и т. д.; почти везде эта трагедия с известными вариациями имела место и продолжается до сих пор. То же приходится сказать и о войнах белых колонизаторов с дикарями, у которых они отнимали землю, скот и другие источники пропитания [2]).

Рядом с войнами за пропитание вообще здесь имели место и войны за отдельные пищевые вещества. Тацит разсказывает, напр., о жестоких войнах германцев из за соли.

Перейдем от охотников и скотоводов к т. н. «историческим народам». Здесь развертываются перед нами картины бесчисленных войн, шедших от времен Адама до наших дней, бесконечного числа насильственных миграций, вторжений и столкновений. Кто их режиссер? В чем их причины?—Прежде всего в «дефицитном и сравнительном голоде этих групп».

Вот перед нами Египет. В пьессе «История Египта» мы видим постоянные нападения бедуинов, живших в неплодородных местах, при Семерхете, Усефае, Пиопи I и др., видим бесконечные войны с нубийцами, с маджай, с ливийцами; видим ураганное вторжение гиксосов, громадные насильственные переселения вавилоно-ассирийцев за 4.000 лет до Р. Х., хананео-аморейцев, арамео-халдейцев и арабов и т. д. Чем все это было вызвано? Прямо или косвенно пищетаксисом. Об этом говорят прежде всего сами памятники. «Они приходят, говорят памятники о нападающих ливийцах, в страну Египетскую ради потребности своих ртов. Они проводят время идя по стране и сражаясь, дабы наполнять ежедневно свои утробы» [3]). Эти изречения могут служить эпиграфом ко всем египетским войнам. О том же говорит и военная добыча победителей. Снофру похваляется, что из Нубии он вернулся с 7.000 пленных и 200.000 голов скота, Нар-Мер,—с 142.000 мелкого 400.000 быков и т. д. [4]), Рядом с этим Лягаши заставили

---

[1]) Ковалевский: Эконом. рост Европы, т. I. IX.

[2]) Спенсер: Осн. соц., II, 557. См. подробнее у Штейнмеца: Философия войны. Спб. 1915. Изд. Образования. Passim. См. факты у Waitz: Ц. р.. 166 и сл.

[3]) Брэстед: II. 149.

[4]) См. Брэстед: История Египта. М. 1915, т. I, 50-51 141, 117. 120, 49, 143-4, и др. Тураев: История древнего Востока, СПБ. 1913, т. I, 66, 81, 86. 172-73, и др., «Каждый солдат похищал тесто для хлеба и сандалии у путника, хлеб из деревни и козу у всех людей» (противников), читаем мы в надгроб. надписи Уэни о его походе. Древний мир в памятниках. М. 1915. 13. См. там же: 18, 87-8 и др.

Эннагали «платить дань хлебом», и вообще «продуктами земледелия, особенно зерновым хлебом взималась подать с побежденных соседей». Эти факты красноречиво говорят о подлинной пружине войн. О том же косвенно говорят и многочисленные войны из за «цветущих долин, нужных Египту» (напр., в феод. эпоху), из за охранения и защиты ирригационной системы, из за рудников, дававших эквивалент для приобретения прежде всего продовольствия и т. д. А в чем причины громадных миграций? «Накоплявшееся (в Аравии) население всегда искало выхода и распространения в областях, более способных его прокормить, и по временам изливалось в больших движениях, сообщивших семитическое население соседним странам к северу и западу» [1]). Что делают гиксосы, покорив страну? Берут население в ежевые рукавицы и заставляют его кормить себя. Чем кончаются войны обычно?—Данью, захватом достояния побежденных и принуждением их доставлять победителю «корм» или его эквивалент. Такие же картины, с тем же режиссером, мы видим в истории Ассиро-Вавилонии и Персии. То же мы находим в истории Рима и Греции. Уже «Илиада» и «Одиссея» говорят нам, что обычной целью набегов и битв был скот. [2]). Фукидид рассказывает, что как только греки научились мореплаванию, они занялись морским разбойничеством с целью приобретения богатств и добычи, т. е. прямо или косвенно средств пропитания. Сама колонизация греками Малой Азии и др. территорий, ведшая к войнам и обычно сопровождавшаяся ими, была функцией «относительного перенаселения», стало быть недостатка в пище. «Если стремление (Спарты к расширению ее территории и могущества) прежде всего направило ее на путь завоеваний, то это произошло в силу экономических причин. Экономическим базисом господствовавшего военного класса была исключительно земельная собственность; поэтому избыток постоянно растущего населения необходимо было наделять новыми участками земли (иначе голод, П. С.), которые можно было найти только за пределами страны»... Отсюда «могучее стремление эллинов за пределы родины, ставшей для них слишком тесной». Отсюда—столкновения и войны, напр., покорение плодородной Мессении Спартой и т. п., отсюда—военное «разселение, шедшее рука об руку с разделом территории»

---

[1]) Тураев: Ib., 66.

[2]) См. «Илиада» (пер. Гнедича) XI. 670-86, XVIII, 525 и сл., «Одиссея». (п. Жуковского) XI, 288-91, 400-402, XXII, 7-10, XXIV, 110-112 и др.

и т. д. [1]) «На Липаре вся хозяйственная деятельность почти половины населения заключалась только в выходе на добычу и в военном захвате». [2]) То же и в Афинах.

Здесь уже довольно рано обнаружилась перенаселенность. По вычислению Белоха, во времена Перикла здесь приходилось около 89 жит. на кв. килом., т. е. плотность населения, превосходящая плотность соврем. Франции (73) и ряда др. современных стран Европы. При тогдашнем состоянии производительных сил, очевидно, оно прокормиться не могло (По вычислению Левассера для народов земледельческих, но не индустриальных, плотность колеблется около 10-40 чел. на кв. км. Излишек должен умирать, или отливать или завоевывать). В Аттике таким образом 49 чел. на километр были лишними. Отсюда—необходимость мирной или военной эмиграции, захватов и войн. «Страна могла прокормить лишь ограниченное число жителей, история ее состояла в том что излишние элементы постоянно отливали» (пока мирная колонизация не прекратилась). Мало того. В дальнейшем мы на истории Афин видим, как с ростом населения и ослаблением мирной эмиграции, а стало быть и с ростом продовольственного дефицита, ростет и число войн, как далее с падением первых—ослабляются и войны. Очень высока—максимальна—была плотность населения Аттики в V и IV в. в. до Р. Х. Эти жевека наполнены в истории Афин непрерывными войнами. Убыль, произведенная ими, пополнялась «быстрым ростом числа рабов, ограничившим средства существования для свободного населения». Эффект: «тем сильнее хлынули затем, начиная со времени Александра, потоки греческой эмиграции в Азию», Сами завоевания его—функция недостатка продовольствия. В III—II веке плотность населения падает. «Во времена Полибия наблюдаются явления бездетности и обезлюдения, вследствие чего пустели города». «Римское владычество, начавшееся в 197 г., приносит с собой мир и материальное обеспечение». И что же?—Войн нет, по крайней мере сколько-нибудь значительных и продолжительных. Пало давление пищетаксиса, пала и кривая войн [3]). Иногда эта связь вы-

---

[1]) Пельман: Очерк греч. истории и источниковедения. СПБ. 1908. 44, 33-4. 183. Его-же: История античного коммунизма и социализма. СПБ. 1910; 24-26, 41, 590 и др. См. подробнее Meyer: Geschichte d. Alterthums. 1893, II т., § 138 и др.

[2]) Пельман: Ист. ант. ком-ма. 41.

[3]) Э. Мейер: Народонаселение в древности в сб. «Народонаселение». М. 1897. 50-53. См. также B. Niese. Geschichte d. Griech, и Makedon.

ступает еще рельефнее. Что основание колоний афинянами—функция голода или недостатка пищи, об этом прямо говорит сохранившаяся надпись об основании одной из колоний на берегу Адриатич. моря в 325/4 г. до Р. Х. «В надписи, содержащей акт об ее основании говорится, что афиняне желают иметь собственное Адриатич. море и места, откуда они могли бы получать свой хлеб». [1]). Забота о продовольствии здесь была наиважнейшей: укреплена была гавань, чтобы обезпечить вход хлебного флота, вооруженные корабли сопровождали его; когда шесть военных кораблей Спарты стояли при Кеос, Егине и Андросе, Chabrias дал им битву, чтобы продовольствие могло быть доставлено в Пирей». [2])

А безчисленные войны с варварами, с Персами, борьба Спарты и Афин из за гегемонии—разве все это не было в значительной мере борьбой за добычу и корм, за «право» забирать чужое, подчинять население и заставить его кормить себя, как это делали 20.000 афинских граждан, эксплоатируя множество групп и народов и превратив государство в простую акционерную компанию? Одни из этих войн были вызвано прямо продовольственным вопросом, другие—частично и косвенно, но едва ли среди них была хоть одна, где эта «независимая переменная» не принимала бы участия [3]).

Так же приблизительно обстоит дело и с римской колонизацией и с большинством внешних и гражданских войн Рима. Невозможность пропитания заставляла население «вечного города» эмигрировать, колонизировать и захватывать все новые и новые области; она требовала завоевания Сицилии, Египта и пр. житниц Рима, этот путь вел его к конфликтам с своими противниками, будет ли им Карфаген или Митридат Понтийский. Римская армия—это грабительские, реквизиционные отряды; римские полководцы—это кондотьеры. Приманка для армии—добыча в виде завоеванного достояния противника, в виде обезпеченного пайка от государства, в виде участков земли, раздаваемых солдатам и гражданам. Приемы вербовки, употреб-

---

Staaten. Gotha. 1903. 3 teil. 9-11. Levasseur: La répartition de la race humaine. Bull. Inst. intern. stat., v. XVIII, liv. II. 61-63.

[1]) Новосадский: Борьба с повышением цен в древней Греции. Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, февраль. ст. 86.

[2]) A. Böckh: Цит. раб., 115-116, т. I.

[3]) См. об этом W. Drumann: Die Arbeiter nnd Communisten in Grsiechenland und Rom. Königsberg. 1860, 50-53.

лявшиеся, напр., Марием, Суллой, Антонием, Цезарем, Помпеем, Октавианом и др., красноречивы и типичны. При наборе «были даны самые определенные обещания относительно добычи, наград и повышенного жалованья (emerita stipendia). Эти обещания обеспечили неожиданный успех вербовки. Солдаты и легионы переходили к тому, кто больше давал». [1]) Метод старый и практикующийся до наших дней, вплоть до взятия Воронежа и Ростова, Крыма и Кронштадта, отдававшихся на поток и разграбление. Лозунг: panem et circenses господствовал не только во внутренних отношениях, но и во внешних войнах Рима. Стечение народа в город вело к недостатку продовольствия, а этот последний требовал утоления. Путь для него—колонизация и захват. Причина дана, а в способах облечь ее в «высокие слова и лозунги» у человека недостатка не было. Раз нужно воевать—благородные предлоги найдутся. Иначе—грозит голодная смерть.

Простое вычисление населения Италии и Рима, с одной стороны, площади, занимаемой им, с другой, показывает, что голод здесь резко и определенно весьма рано поставил свой ультиматум: или умирай или завоевывай и колонизируй. Уже по цензу Сервия Туллия в Италии было около 80.000 граждан. По цензу 225 г. до Р. Х. свободное население Рима насчитывало около 900.000 чел., Италии—около 2.700.000, (без рабов и несвободных). Площадь Рима занимала тогда ок. 22.700 кв. килом., площадь всей Италии ок. 128.700 кв. кил. Стало быть в Риме на каждого свободного приходилось около 0.025 кил., в Италии около 0,07 кв. км [2]). По вычислениям Левассера в земледельческую эпоху максимальная плотность населения, как сейчас в России, колеблется от 0.1 до 0.025 кв. км. на человека. При низком состоянии производственных сил и техники того времени Рим и Италия и тогда уже были перенаселены. Прибавьте сюда $1^1/_2$ мил. рабов—и перенаселенность станет бесспорной. Отсюда понятны и рост недостатка в продовольствии, и необходимость колонизаций, войн и захватов. В дальнейшем эта необходимость росла и стала еще сильней. Таков основной ключ к пониманию военного роста Римского государства.

---

[1]) Виппер: Очерки истории Римской Империи. М. 1908, 10-18, 20, 36-7, 78. Ферреро: Величие и падение Рима. М. 1916, т. III, 137, 115-16, 130, 141-43, 155, 179 и др.

[2]) См. Э. Мейер: Народонаселение в древности в сб. Народонаселение, 53-64.

Пельман: Die Ueberbevölkerung d. antiken Grosstädte. 1884. Passim.

На заре средних веков мы встречаемся с «великим переселением народов». Откуда оно явилось? «Причина его— высыхание, продолжающееся и поныне, (ведшее за собой голод, а стало быть и необходимость переселения, П. С.). Когда обитатели Сев. Зап. Монголии и Восточного Туркестана увидели, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься к низменностям и теснить на запад обитателей этих низменностей». [1]) Не обошлось и здесь без пищетаксиса. Передвинувшиеся народы привели в движение других, те следующих, и так разыгралась «историческая кадриль», вызвавшая довольно серьезную сумятицу в истории Европы и заполнившая собой два-три вековых акта в длинной драме истории, сценой для которой служит поверхность земного шара.

И в дальнейшем трудно найти крупную войну, где не играли бы роль вопросы boire et mangér. Будут ли ими нашествия норманнов, или завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем (стимулы первых были чисто грабительские, второго—тоже, что следует из немедленного по завоевании захвата и раздела земли победителями), или крестовые походы, (о которых было уже указано, что они совпадают с небывалыми голодовками в XI в. и армия крестоносцев вербовалась главным образом из населения стран, постигнутых последними, и занималась грабежом, вроде разгрома Константинополя [2]) возьмем ли мы движение ислама [3]) или даже религиозные войны, совершавшиеся по речевым ре-

---

Levasseur: La répartition de la race humaine, 61-62.

E. Meyer: Die Bevölkeruug des Altertums. Handw. d. Staats w. 3 изд. т. 2. 905-909.

[1]) Кропоткин: Взаимная помощь, как фактор эволюции. 1918. 94.

[2]) В средние века «война была доходным занятием». В Св. Землю „являлись рыцари, стремившиеся приобрести деньги, и купцы, искавшие наживы. Им крестовые походы обязаны своим успехом". Лависс и Рамбо. Эпоха крестовых походов. М. 1914. ч. I. 53. 324.

[3]) Мюллер правильно отмечает. что бурные завоевания Ислама стоят в связи с избытком населения аравийского плоскогорья во времена Магомета и после него. Далее, в Медине «между приверженцами Магомета нужда все росла: предстояли большие затруднения по прокормлению «людей веранды». В подобных обстоятельствах араб привык таскать у соседа то, что ему не хватало». Отсюда—первые грабежи Магометом караванов, затем нападения и войны. «Богатая добыча (которая обычно делилась завоевателями) действовала как неотразимая приманка». В этом была одна из причин появления и успеха войн Ислама. «Община Магомета быстро примирилась с учением о войне, доставлявшей ей богатую добычу».

А. Мюллер: История Ислама, Спб. 1895. т. I. 8, 19, 119, 121, 138, 162, 310 и др. Бартольд: Ислам 1918. 30. v. Hammer: Uber die Landerverwaltung unter d. Chalifate. 1835. 96 и сл.

флексам ad majorem gloriam Dei, что не мешало забирать в первую очередь достояние и богатство противников, обратимся ли мы к военной колонизации стран на восток от Эльбы немцами [1]), вглядимся ли пристально в войны конквистадоров и в любую из последующих бесчисленных войн—везде можно увидеть присутствие нашего незримого дирижера,—колебание и понижение кривой питания масс, вытекающий отсюда пищетаксис и его следствия, в виде насильственной эмиграции и захватных войн [2]).

Обратитесь к нашей истории. Набеги одних областей на другие. Для чего?—для грабежа и получения дани. Варяги врываются и грабят славян, один удел—другой, норвежцы—биармийцев, новгородцы—северян, налеты половцев и печенегов на нас, наши налеты на них, натиск татар и наложение на славян дани и т. д. и т. д.,—все эти войны чуть не в голом виде рисуют нам роль голода или его угрозы. Какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны, будут ли ими стремление к морю, «религиозные причины», «борьба за свободу», «за равноправие национальностей», «за попранные права», «во имя справедливой обороны и самосохранения», «во имя социализма и коммунизма, «из-за вопросов династических», «во имя права занимать место под солнцем», и т. д., почти во всех этих войнах играет роль одного из стимулов—нарушение пищевого обмена какого-либо общества, вызывающего или принимающего участие в «благородном» военном деле. Иногда этот детерминатор главный, иногда он—один из многих. Но в том или ином виде он почти всегда присутствует, и без его участия дело редко обходится [3]). Если бы велся точный учет калорий, потребляемых всеми обществами обычно, и если бы констатировано было, что в такие-то моменты в значительных аггрегатах кривая питания резко понизилась, можно

---

[1]) См. об этом Curschmann: Ц. р., 62—68. 51—55. Колонизировались они главным образом выходцами из голодных областей Германии.

[2]) При чем старый метод стимулирования солдат наделами земли остается и позже (напр., колонизационные наделы Фридриха II и т. д.) вплоть до фон-дер-Гольца, манившего солдат железного корпуса наделами земли в Латвии, или германского правительства, сулившего то же за счет земель побежденных.

[3]) Societé de la Paix Massachusetts из 286 главных войн со времени Константина 124 считает вызванными экономическими причинами (борьбой за территорию, за дань, за сферы влияния, за торговые интересы). Подсчет этот очень проблематичен и спорен. Но и он показывает % войн, прямо или косвенно вызванных фактором питания.

См. P. Otlet: Les problèmes internat. et la guerre. Genéve-Paris. 1916. 31-2.